АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА в XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

inslav

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

в эпоху перехода от феодализма к капитализму

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Редакционный совет серии:

Д. Ф. МАРКОВ (председатель),
В. Н. ВИНОГРАДОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. С. МЫЛЬНИКОВ (заместитель председателя),
Л. А. ОБУШЕНКОВА (ответственный секретарь),
Г. Л. АРШ, В. А. ДЬЯКОВ, В. И. ЗЛЫДНЕВ,
Т. М. ИСЛАМОВ, Б. Н. ПУТИЛОВ, Л. Н. СМИРНОВ,
Б. Ф. СТАХЕЕВ, В. И. ФРЕЙДЗОН

inslav

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА в XIX в.

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1982

inslav

В книге впервые в советской и зарубежной историографии в сравнительно-историческом плане анализируется развитие социальных структур стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму, охватывающий конец XVIII — XIX в. Первый раздел посвящен методологии и методике исследовательской работы. Второй и третий разделы дают картину изменений социальной структуры по отдельным странам и народам. Четвертый содержит рассмотрение соответствующего круга вопросов по сословиям и классам.

Редакционная коллегия:

В. А. Дьяков (ответственный редактор),
И. С. Достян, В. М. Зайцев, Т. М. Исламов,
О. П. Морозова, В. И. Фрейдзон

С $\frac{0504030000-233}{042(02)-82}$ 112—82

© Издательство «Наука», 1982 г

inslav

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Исходный материал для настоящей книги дала состоявшаяся в конце 1977 г. международная научная конференция, организованная Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР в рамках разработки комплексной проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму» [1]. Конференция готовилась по заранее согласованному плану, охватывающему все аспекты намеченной темы и всю территорию рассматриваемого региона. Впоследствии была проведена большая работа по максимально возможному заполнению обнаруженных пробелов, по обеспечению внутренней цельности и обобщающего характера разделов, написанных высококвалифицированными специалистами из разных стран на основе собственных исследований и тщательного учета всей имеющейся литературы. Все это позволяет думать, что книга по своим основным параметрам приближается к уровню коллективного обобщающего труда, подводящего итоги изучения поставленной темы.

Социальные структуры переходного периода исследуются в книге в рамках задач и приемов исторической науки. Разумеется, в необходимых случаях авторы пользуются результатами, достигнутыми марксистской социологией, политэкономией и другими обществоведческими дисциплинами. Но проводимый анализ основывается прежде всего на фактах гражданской истории, а исследовательские усилия направлены главным образом на выявление специфики исторических, а не социологических закономерностей. Необходимо особо подчеркнуть и то, что социальные структуры исследуются нами не сами по себе, но в рамках названной выше комплексной проблемы, т. е. в тесных взаимосвязях с общественно-

---

[1] О программе конференции и итогах разработки проблемы на существующем этапе см.: *Митина Н. П.* О социальной структуре общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму.— Нов. и новейш. ист., 1978, № 3, с. 211—212; *Миллер И. С.* Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения.— Сов. славяновед., 1972, № 4, с. 31—41; *Мыльников А. С.* Комплексное изучение проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму».— В кн.: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы (итоги и перспективы исследования). М., 1979, с. 57—68.

inslav

политическими и национально-освободительными движениями, со становлением и развитием национальной государственности и национальной культуры.

Книга состоит из четырех разделов. В первом освещаются основные теоретико-методологические и некоторые историографические вопросы темы, а также опыт конкретного изучения социальных структур. Во втором и третьем разделах соответствующий круг вопросов рассматривается на этнонациональном уровне путем исследования социальной структуры каждой страны, каждого народа в отдельности. В четвертом разделе исследуются основные сословия и классы переходного периода, причем в каждом случае исследование ведется сравнительно-исторически на материале всего региона. Сочетание страноведческого и сословно-классового аспектов в рассмотрении поставленных проблем позволили сделать ряд важных обобщений, изложенных в заключительной части книги.

Редколлегия благодарит всех участников предварительного обсуждения книги и специалистов, рецензировавших рукопись, за ценные замечания и пожелания, которые были учтены нами при доработке. Мы благодарим также Н. Е. Костыгову и Г. Ю. Харциеву, которые участвовали в научно-организационной и редакционно-технической работе при подготовке книги.

inslav

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ИСТОРИОГРАФИЯ

О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ КЛАССОВО-АНТАГОНИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ И ПЕРЕХОДНЫХ ПЕРИОДОВ МЕЖДУ НИМИ

В. А. Дьяков (СССР)

Материалистическое понимание истории, впервые сформулированное К. Марксом в 40-х годах XIX в., а затем развивавшееся им при активном участии Ф. Энгельса, было одним из величайших открытий в общественных науках. Отмечая огромное значение этого открытия, В. И. Ленин в работе «Три источника и три составных части марксизма» писал: «Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,— из крепостничества, например, вырастает капитализм» [1].

Одну из наиболее важных составных частей марксистской методологии истории составляет понятие общественно-экономической (социально-экономической) формации, рассматривающее общественные явления во всей их совокупности и многообразии. Это понятие обозначает очередную ступень прогрессивного развития человечества и определяет тип общественного организма в неразрывном единстве данного социально-экономического строя (т. е. способа производства и производственных отношений) с возвышающейся над ним надстройкой политического, идейного и иного характера [2]. Содержание термина «формация» прошло у основоположников марксизма длительное и сложное развитие, завершившееся в трудах В. И. Ленина, который в лекции «О государстве» (1919 г.) назвал пять общественно-экономических формаций. В двух случаях — первобытное общество и коммунизм — речь шла о социальной организации без классового деления; три формации — рабовладельческая, феодальная, капиталистическая — были определены как классово антагонистические [3].

inslav

С точки зрения марксизма основное содержание исторического процесса, когда речь идет об антагонистических формациях, составляют изменения в социальной структуре общества и классовая борьба. Наличие сословно-классовой градации в обществе отмечалось давно. Но до конца этот вопрос был выяснен лишь в работах К. Маркса. В 1885 г. Ф. Энгельс писал: «Именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена» [4].

«Классами,— по известному определению В. И. Ленина,— называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [5]. Если при капитализме классовое деление общества непосредственно отражает его экономическую структуру, то в докапиталистических общественно-экономических формациях это деление «затемнено» наличием сословий — особых социально-правовых групп, каждая из которых отличалась своим юридическим положением, определенными правами и обязанностями. Как известно, наиболее четкую и законченную форму сословная градация получила во Франции, где перед революцией 1789 г. существовало оформленное еще в XIII в. деление на три сословия, из которых два — духовенство и дворянство — имели значительные привилегии, а третье, будучи непривилегированным, облагалось различного рода налогами и повинностями. При том же примерно классовом содержании общее число сословий в различных странах варьировалось, существенные отличия были в их имущественном и правовом положении. В Швеции, например, существовало, наряду с тремя сословиями, аналогичными французским, еще четвертое сословие — свободное крестьянство. В некоторых странах Востока чем-то похожим на сословные рамки выделялись «люди меча» (военные), «люди пера» (чиновники), «улемы» (духовенство), «райяты» (зависимые крестьяне) и др.

Первостепенное научное и идеологическое значение теории общественно-экономических формаций косвенно подтверждается постоянными атаками на нее со стороны идейных противников марксизма. Буржуазные историки и социологи, тщетно пытаясь подорвать доверие к объективной обоснованности и методологической плодотворности понятия «формация», едва ли не чаще всего обращаются к межформационным переходным периодам. При этом

inslav

в теоретической сфере, как и в других случаях, они зачастую критикуют не подлинный марксизм, а сконструированные ими самими ложные представления об историческом материализме. Совершенно прав Е. М. Жуков, когда заявляет: «Значительная часть наших идейных противников — если не большинство — предпочитают выступать с открытым забралом против сфальсифицированного ими самими, «окарикатуренного» марксизма. Это, конечно, весьма облегчает «критикам» их задачу, но обязывает ученых обоснованно противопоставлять антимарксистским измышлениям подлинную, несфальсифицированную марксистско-ленинскую теорию исторического процесса» [6].

Одна из наиболее распространенных фикций, с которыми сражаются идейные враги исторического материализма, сводится к утверждению будто понятие общественно-экономическая формация имеет чисто экономическое содержание и совершенно не учитывает воздействия на исторический процесс политических факторов, идеологии, культуры и вообще всех надстроечных явлений. Основоположники марксизма не раз опровергали это совершенно необоснованное утверждение своими теоретическими работами и конкретно-историческими исследованиями. В третьем томе «Капитала» К. Маркс, например, писал: «Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [7].

Первое время своей главной задачей К. Маркс и Ф. Энгельс считали критику идеалистических концепций исторического процесса, выявление решающего воздействия на него материальных факторов. При этом в отдельных случаях не обошлось без определенной односторонности, что Ф. Энгельс подтвердил в известном письме Й. Блоху от 21 (22) сентября 1890 г.: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки» [8].

Излагая в том же письме суть материалистического понимания истории, Ф. Энгельс подчеркнул, что они с К. Марксом говорили об определяющем воздействии производства и воспроизводства жизни на исторический процесс, имея в виду лишь конечный результат, а не каждое отдельное событие. «Если же,— заявлял он,— кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он

inslav

превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей...» [9].

Необоснованно приписывается историческому материализму и отрицание роли личности в истории. Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса содержат сколько угодно опровержений такому утверждению. В том же письме Ф. Энгельса к Й. Блоху говорится следующее: «Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические и т. п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую [...] Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие [...] Но [...] из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее» [10].

При всем том Ф. Энгельс не упускал случая, чтобы предостеречь от противоположной крайности, превращающей развитие человечества либо в хаос случайностей, либо в результат деятельности «великих людей». В известной работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» он, например, писал: «...В истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничего не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. Но как ни важно это [...] для исторического исследования,— особенно отдельных эпох и событий,— оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам [...] Когда [...] речь заходит об исследовании движущих сил, стоящих за побуждениями исторических деятелей [...] и образующих в конечном счете подлинные движущие силы истории, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей,

inslav

целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы [...] Все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову; но какой вид принимает оно в этой голове, в очень большой мере зависит от обстоятельств» [11].

Отводя экономическим факторам решающую роль в общественном развитии, исторический материализм ни в коей мере не отрицает существенного значения государственно-правового и политического устройства общества, идеологии и культуры, национального самосознания и социальной психологии. Вся эта «надстройка» обусловлена уровнем развития производительных сил общества, но сложившись и образовав единое целое с существующей системой производственных отношений, она начинает оказывать обратное, иногда довольно сильное, воздействие на материальный базис. Таким образом возникает нечто вроде инерционного механизма, который сначала содействует окончательной победе новой формации, ускоряя тем самым общественный прогресс, а затем содействует сохранению сложившегося строя, т. е. в определенной мере тормозит историческое развитие.

Для глубокого понимания и правильного использования понятия общественно-экономическая формация необходимо четко отделять один от другого различные его уровни. При теоретическом ее рассмотрении формация является абстрактной конструкцией, моделью, которая выражает сущность соответствующего этапа прогрессивного развития человечества в общей форме, но не может и не должна полностью совпадать с зафиксированными в источниках конкретными чертами тех или иных реально существующих стран и народов. Детально анализируя социально-экономические пружины, управляющие становлением и развитием капиталистической формации, К. Маркс изучил массу конкретных фактов. Но затем конкретное им сознательно отбрасывалось: «Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» [12].

Диалектическое единство конкретного с абстрактным весьма плодотворно для процесса познания и вовсе не означает такого ухода в абстракцию, который характерен, например, для гегелевского идеализма. В письме к К. Шмидту от 1 ноября 1891 г. Ф. Энгельс, указав на то, что «диалектика в нашей голове — это только отражение действительного развития», привел в подтверждение этой мысли пример, который раскрывает суть познавательных приемов, применявшихся в «Капитале». «Сравните,— говорится в письме,— хотя бы у Маркса развитие от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к сущности, и у Вас будет прекрасная параллель: с одной стороны, конкретное развитие, как оно происходит в действительности, и, с другой стороны, абстрактная конструкция [...] кажущееся саморазвитие одного понятия из другого» [13].

inslav

Высокая степень диалектической абстракции естественна и понятна в таких общественных науках, как философия, социология, политэкономия. Может быть, не в такой мере, но абстракция необходима и исторической науке, призванной заниматься реальными событиями и конкретными ситуациями, но не с целью их простого описания, а для выявления существенных закономерностей исторического процесса «История,— совершенно обоснованно пишут М. А. Барг и Е. Б. Черняк,— как и всякая другая наука, нуждается в арсенале научных абстракций, прежде всего в фундаментальнейшей среди них — теории общественной формации. Именно она позволяет ученому не затеряться в груде фактов, сохранить общую перспективу, связать воедино все развитие» [14].

Действительный исторический процесс во всей своей многообразной реальности осуществляется не в сознании исследователя, не в сфере абстракции, а в конкретных странах, у конкретных народов, условия развития которых в каждом случае отражают существенные особенности места и времени. «Человеческое общество,— справедливо отмечает Ю. И. Семенов,— всегда представляло собой совокупность большого числа отдельных, конкретных обществ, каждое из которых является особым социальным организмом, развивающимся более или менее самостоятельно, т. е. имеющим свою собственную историю» [15]. Хотя при изучении формаций на этом уровне гораздо больший удельный вес приобретает историческая наука, здесь также необходимы, во-первых, те общие выводы, которые могут быть сделаны только в масштабе всемирной истории, во-вторых, некоторая степень абстракции, ибо и на этом уровне наши представления о формации отразят не внешний облик явлений, а их скрытую сущность. Характеризуя данный уровень познания, М. А. Барг и Е. Б. Черняк отмечают: «Исторический аспект категории «формация» — сама действительность, обобщенная в теории формации, подлинный исторический процесс, только высвеченный изнутри абстракциями, содержащимися в теории» [16].

В. И. Ленин в работе «Крах II Интернационала» (1915 г.) писал: «Чистых» явлений ни в природе, ни в обществе *нет* и быть не может — об этом учит [...] диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть *примеси* то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь» [17]. Данное положение В. И. Ленина применимо и к рассматриваемому нами кругу вопросов. «Чистых» социально-экономических формаций,— справедливо отмечает Е. М. Жуков,— история, безусловно, не знает. Существенными чертами всемирно-исторического процесса является неравномерность и асинхронность общего поступательного движения. Это связано с многими обстоятельствами как объективного, так и субъективного порядка» [18].

Немало сложного встречает историк при изучении функционирования формаций на этапе их полной зрелости, но особенно сложны периоды перехода одной формации в другую. Вот что говорится

inslav

об этом в работе М. А. Барга и Е. Б. Черняка: «Исторический анализ переходных [...] эпох представляет исключительно трудную теоретико-познавательную задачу. В такие эпохи структура общества намного усложняется — на первый план выступают многоукладность, сочетания элементов формации, изжившей себя, и формации новой, идущей ей на смену. Эмпирические черты тех и других, исторические «маски», в которых они предстают перед исследователем, могут быть раскрыты в их действительном значении только при условии применения аналитических методов, основанных на различении общественных структур по степени проявления в них сущности и стадии конкретно-исторического процесса» [19].

На протяжении господства одной общественно-экономической формации социальный организм развивается, причем для темпов развития производительных сил и производственных отношений характерна асинхронность. Внутри формации в связи с этим могут быть выделены три этапа. На первом из них идет борьба за развитие зародившихся в предшествующий период элементов формации и закрепление их окончательной победы государственно-правовым оформлением новых производственных отношений. Второй этап — это время нормального функционирования зрелой формационной структуры, третий — период ее загнивания и зарождения в недрах отживающей формации элементов той, которая придет ей на смену.

С тремя названными этапами в значительной мере связано широко применяемое советскими исследователями понятие «историческая эпоха». Оно опирается на ленинские высказывания, в частности, на статью «Под чужим флагом» (1915 г.), где были выделены три исторические эпохи, охватывающие капиталистическую формацию. «Бесспорно,— писал В. И. Ленин,— мы живем на рубеже двух эпох, и происходящие перед нами величайшей важности исторические события могут быть поняты лишь при анализе, в первую голову, объективных условий перехода от одной эпохи к другой. Речь идет о больших исторических эпохах; в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные уклонения от среднего типа и от среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.» [20].

Рассмотрев весь период функционирования капиталистической формации и учтя конкретные события, явившиеся крупными вехами на пути ее развития, В. И. Ленин выделил три исторические эпохи, причем две первые были определены точно — 1789—1871 гг., 1871—1914 гг., а для третьей была названа только начальная дата — 1914 г. «Первая эпоха,— писал он,— с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии,

inslav

эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений. Вторая эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу. Это — эпоха подготовки и медленного собирания сил новым классом, современной демократией. Третья эпоха, только начинающаяся, ставит буржуазию в такое «положение», в каком были феодалы в течение первой эпохи. Это — эпоха империализма и империалистических, а также вытекающих из империализма, потрясений». Характерно, что, давая указанные выше хронологические грани, В. И. Ленин счел необходимым сделать следующую важную оговорку: «Разумеется, грани здесь, как и все вообще грани в природе и обществе, условны и подвижны, относительны, а не абсолютны. И мы лишь примерно берем особенно выдающиеся и бросающиеся в глаза исторические события, как вехи больших исторических движений» [21].

Ленинская статья «Под чужим флагом» имела определенную политическую задачу — она была направлена против К. Каутского и А. Потресова, которые с начала первой мировой войны перешли на национально-либеральные позиции и старались как-то оправдать это теоретически. Путая три называвшиеся исторические эпохи, они приписывали третьему — империалистическому этапу не свойственные ему прогрессивно-буржуазные тенденции, характерные для первого этапа капиталистической формации. В связи с этим В. И. Ленин дал сравнительно подробную характеристику исторической эпохе 1789—1871 гг., т. е. рассматриваемому в настоящей книге периоду. Он писал: «Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—1897 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества [...] Главным классом, который тогда, во время этих войн и участвуя в этих войнах, шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия. В разных странах, представляемая различными слоями *имущих* товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда (например, часть итальянской в 1859 году) даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, *то есть* нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом [...] Народное движение в главных, затрагиваемых войной, странах было тогда общедемократическим, т. е. буржуазно-демократическим по своему экономическому и классовому содержанию» [22].

Ленинская характеристика исторической эпохи поднимающегося капитализма чрезвычайно важна как своим конкретным содержанием, так и с точки зрения методологической, ибо является

inslav

прекрасным примером единого восприятия социально-экономических, идейно-политических и культурно-психологических сторон формации. С предельной четкостью подчеркивая определяющее в конечном счете значение экономических факторов, В. И. Ленин выявляет и значительное воздействие на общественный прогресс факторов «надстроечного» характера. Весьма показательна в этом смысле ленинская формулировка, связывающая воедино социальные и национальные аспекты общественных движений: «Буржуазно-национальные рамки государств, бывшие в первую эпоху опорой *развитию* производительных сил человечества, освобождающегося от феодализма, стали теперь, в третью эпоху, *помехой* дальнейшему развитию производительных сил» [23].

Ряд сложных и важных методологических вопросов возникает в связи с тем, что смена общественно-экономических формаций в различных странах и у различных народов происходит в разное время, причем разрыв во времени и в уровне общественного развития бывает весьма значительным. Во всемирно-историческом масштабе начальный рубеж формации определяется по времени установления новых производственных отношений в ряде стран, имеющих в мировом балансе сил удельный вес, обеспечивающий необратимость происходящих формационных сдвигов. После этого переход к новой формации отставших в своем развитии стран существенно облегчается, но одновременно существенно увеличиваются шансы на то, что переход этот будет неполным, уродливым, сохраняющим нелегко искореняемые остатки прежнего общественного устройства.

Для классово антагонистических формаций наиболее распространенной и нормальной формой перехода от одной формации к другой являются революции. Их воздействие на всемирно-исторический процесс зависит как от абсолютной величины данного социального организма, так и от своевременности, силы, глубины осуществленных общественных преобразований. Исходя из этих признаков, К. Маркс выделял, например, буржуазные революции в Англии и во Франции, назвав их революциями общеевропейского масштаба и противопоставив им «провинциальные революции» вроде той, которая произошла в Пруссии в 1848 г. Он писал: «Революции 1648 и 1789 годов не были *английской* и *французской* революциями; это были революции *европейского* масштаба. Они представляли не победу *определенного* класса общества над *старым политическим строем*; они *провозглашали политический строй нового европейского общества* [...] Эти революции выражали в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции [...] Прусская мартовская революция не была даже *национальной*, *германской*, она с самого начала была *провинциально-прусской*» [24].

Указанное различие определялось совокупностью исторических условий, аккумулируемых в активности ведущей социальной силы данной формации — класса буржуазии. Говоря об английской и

inslav

французской революциях, К. Маркс отметил: «В 1648 году буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, против феодального дворянства и против господствующей церкви. В 1789 году буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви». Совершенно иное положение сложилось, по его словам, в Пруссии в 1848 г.: «В отличие от французской буржуазии 1789 года прусская буржуазия не была тем классом, который выступает от имени *всего* современного общества против представителей старого общества, монархии и дворянства» [25].

«Провинциальными» революциями в подавляющем большинстве случаев оказывались межформационные переходы, совершившиеся в условиях более или менее замедленного развития. В этих условиях также значительно возрастает вероятность иного — мирного — способа смены отжившей формации новыми общественными порядками. В работе М. А. Барга и Е. Б. Черняка об этом сказано так: «Конкретно-историческая необходимость революции всегда является формой проявления социологической необходимости. В революциях, происходящих на хронологически более поздних этапах межформационного диапазона, их конкретно-историческая специфика становится менее адекватной *формой* выражения социологической необходимости» [26].

Понятие общественно-экономической формации дает исследователю объективный и потому единственно научный критерий для оценки исторических явлений, событий, деятелей. Позитивно марксисты оценивают все то, что содействует общественному прогрессу, развивает формационную структуру и двигает ее вперед. Именно из этого исходили основоположники марксизма в своих оценках общественно-политических и национальных движений XIX в. Отмечая указанное обстоятельство, В. И. Ленин в уже цитировавшейся статье «Под чужим флагом» писал: «Маркс [...] руководился, при «расценке» международных конфликтов на почве буржуазных национальных и освободительных движений, соображениями о том, успех какой стороны больше способен помочь «развитию» национальных и вообще народных общедемократических движений. Это значит, что при военных конфликтах на почве подъема буржуазии к власти в отдельных национальностях Маркс заботился больше всего, как и в 1848 году, о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путем участия более широких и более «плебейских» масс, мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, наконец, неимущих классов. Именно это соображение Маркса о расширении социальной базы движения, о развитии его и отличало коренным образом последовательно-демократическую тактику Маркса от непоследовательной, склоняющейся к союзу с национал-либералами, тактики Лассаля» [27].

Исторические этапы на стыках формаций представляют особый интерес для всех общественных наук, ибо именно с ними связаны трудноуловимые, но чрезвычайно важные процессы перехода одного типа общественного устройства в другой, стоящий на более

inslav

высоком уровне развития. Для изучения внутриформационных сдвигов классово антагонистических формаций сделано довольно много, хотя и здесь имеется еще немало вопросов спорных или исследованных недостаточно. Что же касается межформационных переходов, в частности перехода от феодализма к капитализму, то их изучение еще только начинает развертываться, встречая при этом немало трудностей как конкретно-исторического, так и методологического порядка.

Нелегким методологическим вопросом является, в частности, определение рамок и существа переходного периода. В работе М. А. Барга и Е. Б. Черняка по этому поводу высказываются следующие соображения: «Особенность переходных эпох заключается в том, что они не лежат между формациями, а захватывают, с одной стороны, заключительную стадию старой формации, и с другой,— раннюю фазу следующей за ней формации. Вычленение переходной эпохи носит условный характер»[28]. Соображения эти совершенно справедливы; думается, однако, что при всей условности выделения переходных периодов, каждый из них все-таки имеет и свою собственную внутреннюю цельность, которая определяется, в частности, тем, что в переходные периоды на протяжении длительного времени одновременно функционируют составные части двух формационных систем, причем речь идет не о параллельном существовании, но об активном взаимодействии друг с другом. Представляется, что с этой точки зрения переходный период может рассматриваться как своеобразная двуединая историческая эпоха, которая требует особого научного подхода, ибо имеет наряду с общесоциологическими и внутриформационными законами свои собственные специфические закономерности.

На протяжении переходного периода существуют вместе и, так сказать, переплавляются в общем котле социальные структуры двух формаций. В течение столетия, рассматриваемого в настоящей книге, сословная система феодального общества взаимодействовала с приходящими ей на смену классами буржуазного общества. При этом сословия распадались или трансформировались, обломки старой социальной структуры превращались в нечто вроде строительного материала для социальной структуры новой формации. Старое отчасти исчезало совсем, отчасти весьма значительно преобразовывалось, а отчасти включалось в новую структуру во внешне не изменившемся виде, но получив качественно иные общественные функции.

Изучение переходных периодов весьма важно как с научной, так и с общественно-политической точки зрения. М. А. Барг и Е. Б. Черняк обоснованно пишут: «Особенно острый характер идеологическая борьба приобретает при исследовании переходных эпох. В этих ситуациях социологические и исторические закономерности оказываются наиболее скрытыми за пестротой явлений, сочетаний разнотипных отношений. Тогда под новой формой утаивается старая сущность или, наоборот, новая сущность маскируется традиционной формой, а познание закономерного процесса

inslav

развития затрудняется наличием „альтернативных путей“ развития»[29].

Идеологические противники марксизма очень часто обвиняют последователей исторического материализма в том, что они якобы отрицают любые варианты альтернативности исторического процесса. Обвинение это либо скрывает за собой преднамеренное искажение действительного положения вещей, либо основывается на недоразумении. Связывая прогресс человеческого общества прежде всего с материальными факторами и выделяя общественно-экономические формации в качестве основных ступеней его поступательного движения, марксисты вовсе не отрицают альтернативных путей развития и учитывают значение случайностей на конкретно-историческом уровне. В подтверждение приведем один пример, прямо относящийся к рассматриваемому кругу вопросов. В наброске ответа на письмо В. И. Засулич К. Маркс в 1881 г. рассмотрел возможные альтернативы развития крестьянской общины, сохранившейся лишь в России и некоторых славянских странах. В Западной Европе, писал он, история ее связывается с «переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной. Но значит ли это, что при всех обстоятельствах развитие «земледельческой общины» должно следовать этим путем? Отнюдь нет. Ее конститутивная форма допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится... *a priori* возможен и тот, и другой исход, но для каждого из них, очевидно, необходима совершенно различная историческая среда»[30].

Для наук обществоведческого цикла, как и для наук о природе, конечная цель заключается в установлении закономерностей соответствующих объективных процессов. Историческая наука не может быть и не является исключением — она также ищет и находит закономерности развития человеческого общества в более или менее отдаленном прошлом для того, чтобы можно было лучше понять настоящее и вероятнее предвидеть будущее. Историк в соответствии со спецификой своей научной дисциплины и стоящими перед ней задачами сталкивается с законами и закономерностями различного характера и масштаба.

Соотношение между общесоциологическими и историческими закономерностями в основе своей может быть объяснено по аналогии с диалектически взаимосвязанными категориями общего, особенного и единичного. Буржуазные ученые — противники детерминизма в исторической науке чаще всего ссылаются на то, что ученый-историк занимается главным образом частными событиями сугубо индивидуального порядка и потому, в отличие от представителей других дисциплин, он не вправе формулировать каких-либо универсальных законов. Однако неповторимость и индивидуальность явлений вовсе не является исключительной спецификой истории. В геологии и в биологических науках, в астрономии и в

inslav

ядерной физике, в электротехнике, кристаллографии и других отраслях естествознания исследователь сталкивается с таким же разнообразием и неповторимостью отдельных явлений. Но в отдельном, как в том, так и в другом случае, всегда могут быть обнаружены черты общего, если на пути исследования не встанут серьезные технические трудности или методологические предубеждения. «...Отдельное,— по словам В. И. Ленина,— не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.» [31]

Следовательно, нельзя отвергать в принципе возможность исторических закономерностей, утверждая, будто история имеет дело только с единичными явлениями. Что касается реальной возможности свести разнонаправленные действия множества людей к определенным закономерностям, то ими вооружает исследователя исторический материализм. «Теория [...] классовой борьбы,— писал В. И. Ленин в известной работе «Экономическое содержание народничества и его критика в книге г. Струве»,— потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что установляет приемы [...] сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Во-первых, эта теория выработала понятие *общественно-экономической формации* [...] Во-вторых, действия «живых личностей» в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям [...] *классов*, борьба которых определяла развитие общества. Этим был опровергнут [...] взгляд на историю субъективистов, удовлетворявшихся ничего не говорящим положением, что историю делают живые личности, и не хотевших разобрать, какой социальной обстановкой и как именно обусловливаются их действия. На место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс, воззрение, без которого, конечно, и не могло бы быть общественной науки» [32].

В советской печати некоторыми учеными высказывались сомнения в том, что среди различных закономерностей общественного развития существуют и такие, которые можно назвать историческими [33]. Знакомство с аргументацией этих ученых показывает, что спор идет собственно не о существовании определенной категории закономерностей (их наличие признается), а о том, должна ли заниматься ими историческая наука, а не какая-либо иная научная дисциплина например, «историческая социология» или «социология истории» [34]. Сторонникам такой точки зрения не мешало бы вспомнить, что в трудах основоположников марксизма-ленинизма мы не найдем ни малейших следов «социологии истории», хотя они оставили ряд конкретных работ, в которых открыли

inslav

немало весьма важных и именно исторических закономерностей (например, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса, «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса или «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина).

Признание того, что исторические закономерности существуют, не снимает трудного и еще не до конца изученного вопроса о том, как они разграничиваются с другими законами общественного развития. За последнее время появилось несколько специальных работ на эту тему. В статье М. А. Барга, посвященной роли исторических закономерностей в исторической науке, об их соотношении с социологическими законами говорится: «Социологические законы отражают функционирование формации главным образом на стадии ее зрелости, стадии же генезиса и разложения формации отражены нередко лишь косвенно. Собственно исторические законы в своей значительной части отражают именно специфику последних». Дав такое определение, автор счел необходимым сделать следующее дополнение: «В отличие от социологии историческая наука не может „выпрямить" действительный процесс истории. Она должна прорываться к доступному ей субстрату закономерного, следуя за всеми извивами исторических реалий» [35].

Неоднократно цитировавшееся теоретическое исследование М. А. Барга и Е. Б. Черняка озаглавлено «Исторические структуры и исторические законы». В ней сделана попытка классифицировать те закономерности, с которыми приходится иметь дело историку. В статье различаются три структуры и соответственно три группы законов и закономерностей общественного развития: общественно необходимые, или социологические (структура А), историко-социологические (структура Б) и исторические (структура В). Социологические законы «подразделяются на две основные категории: внутриструктурные социологические, регулирующие общественно необходимые отношения, и межструктурные социологические законы, регулирующие отношения между общественно необходимой и другими структурами» [36]. Историко-социологические закономерности действуют в структуре Б, которая играет «связующую роль между социологической (общественно необходимой) и исторической структурами» [37]. Общее представление о том, как М. А. Барг и Е. Б. Черняк определяют зону действия исторических закономерностей, можно установить по следующему месту их работы: «Социологу при построении теоретической модели формации необходимо абстрагироваться от несистемных элементов. Задача историка по существу обратная. Опираясь на социологическую модель, он должен исследовать функционирование господствующего способа производства в различных средах» [38].

Даются в работе и более развернутые определения: «В нашем исследовании понятие „исторический закон" употребляется только в смысле закона исторической структуры (и будет называться также исторической закономерностью) [...] Историческую закономерность можно определить как действительность социологического закона, форму его проявления [...] Историческая закономер-

inslav

ность несводима к социологическому закону, хотя и базируется на нем. Первая богаче, многообразнее, конкретнее второго»[39]. «Законы структуры А („чистой" формации) не знают исключения. Законы структуры Б только допускают исключение, тогда как законы структуры В прямо предполагают наличие исключений»[40]. Наконец, дается довольно подробная классификация типов и подтипов исторических закономерностей, причем названы: суммарная, развернутая, полная развернутая, суммарная развернутая, всеобщая[41].

Е. М. Жуков, не раз затрагивавший соответствующий круг вопросов в своих исследованиях, не прибегает к такой степени детализации. Сделанные им общие выводы, сформулированные гораздо более лаконично, касаются, в частности, соотношения между социологическими и историческими закономерностями. «Изучая развитие общества,— пишет Е. М. Жуков,— ученый имеет дело с двумя видами объективных закономерностей: во-первых, с открытыми марксизмом общесоциологическими законами, носящими первичный характер, и, во-вторых, с историческими закономерностями, которые, как правило, выявляются в процессе самого исследования. Хотя изучение общесоциологических законов не является задачей исторической науки, она, разумеется, призвана выявлять, как действуют эти законы в ходе исторического процесса в конкретных условиях места и времени. Но главная ее задача состоит в том, чтобы, учитывая воздействие общесоциологических закономерностей на многообразие социального движения, установить их взаимосвязь с более частными историческими закономерностями. Общесоциологические и исторические закономерности находятся в теснейшей взаимной зависимости, постоянно переплетаются»[42].

При выяснении характера исторических закономерностей необходимо учитывать критерии, относящиеся к сфере гносеологии, однако гипертрофирование при этом специфики исторического познания едва ли уместно. «Соотношение общесоциологических и исторических законов,— обоснованно замечает Е. М. Жуков,— иногда сопоставляется с категориями логического и эмпирического. При этом общесоциологические законы рассматриваются как логическое, а обобщение на эмпирическом уровне — как историческое. Нам представляется несколько упрощенным подобное сопоставление. Любые законы общественного развития — как более общие, так и более частные — являют собой единство логического и исторического потому, что и в историческом законе как главенствующей тенденции движения конкретного общества обязательно присутствует логический стержень»[43].

Думается, что для правильного решения вопроса нужно теснее связывать характер закономерностей не только с процессом познания, но и с познаваемым объектом. История изучает прежде всего закономерности генезиса, развития и упадка общественно-экономических формаций в отдельных странах и у отдельных народов. В меньшей мере, но занимается история и закономерностя-

inslav

ми функционирования региональных общностей из разного рода социальных организмов, и законами развития всего человеческого общества. При этом она обращает главное внимание на конкретную обусловленность и альтернативность происходящих процессов, тогда как социология имеет в виду главным образом или исключительно общие черты, рассматриваемые абстрактно. Историческая наука сочетает конкретное восприятие явлений общественного процесса с их абстрактно-логическим анализом. «Неравномерность и многовариантность исторического развития,— отмечает Е. М. Жуков,— обнаруживается по мере удаления от формационного уровня и приближения к локальной истории». Но в то же время он подчеркивает, что нельзя все дело сводить в первом случае к логическому, а во втором — к эмпирическому и заявляет: «Трудно согласиться [...] с той точкой зрения, будто логическое в историческом процессе строго соответствует формационному или межформационному диапазону, а историческое — внутриформационному» [44].

Говоря об общественно-экономической формации, чрезвычайно важно постоянно иметь в виду, что это понятие нельзя механически переносить из социологии в историю и наоборот. Как уже отмечалось, формация в первом случае является абстрагированным выражением содержания общественного процесса, которое точно и глубоко воспроизводит его суть, но тем не менее остается в сфере логической абстракции. «Теоретический аспект категории „формация",— пишут М. А. Барг и Е. Б. Черняк,— отражает историческую действительность не той или иной отдельно взятой страны или группы стран, а скрытый принцип движения целой всемирно-исторической эпохи. Иначе говоря, в нем охвачено нечто среднее всех противоречивых тенденций в конкретно-историческом развертывании каждой из таких эпох. При таком видении исторический процесс представляется логически выпрямленным, очищенным от всех поворотов и зигзагов, от всего затемняющего и деформирующего его течение» [45]. Марксистское обществоведение весьма успешно применяет выработанные им общие представления о формациях как эталон, но пользуясь им при изучении отдельного социального организма, мы в конкретно-исторических исследованиях ни в коей мере не должны «подправлять» реальную жизнь, а в теоретических трудах обязаны неустанно совершенствовать качество эталона, уточняя его параметры за счет анализа вновь выявленных отступлений.

«Во всех случаях,— пишет Е. М. Жуков,— необходимо учитывать, что каждая социально-экономическая формация — живой развивающийся организм, переживающий естественные стадии возникновения, роста, достижения зрелости, а затем упадка. Поскольку всемирно-исторический процесс развивается неравномерно, преимущественно асинхронно, вполне возможно и естественно несовпадение (не только во времени, но и в пространстве) конкретных форм формационного воплощения» [46]. Формация действительно находится в процессе непрерывного изменения и развития, но

inslav

не следует забывать о разнице между данной конкретной формацией, которая функционирует в данном реальном обществе, и формацией в масштабе всемирно-историческом, которая объективно отражает исторический процесс, но реально существует лишь в сфере познания, ибо является абстракцией. К ней тоже применимо определение «живой развивающийся организм», однако здесь необходимы существенные оговорки, поскольку формация в социологическом смысле живет и развивается несколько иначе, чем формация в смысле историческом.

Марксистско-ленинская социология имеет дело с конструкцией, отвлеченно выражающей сущность данной формации, в исторических же исследованиях эта конструкция каждый раз предстает перед нами в иной конкретной форме. «Различие этих форм,— читаем у Е. М. Жукова,— может зависеть от стадий становления и развития одной и той же формации, может выражать переходное состояние общества, которому нередко сопутствует такое явление, как многоукладность» [47]. Недавно вышедшая монография А. И. Левковского о социальных структурах развивающихся стран на современном этапе показывает, что многоукладность является их характерной чертой и содержит многочисленные примеры сложного переплетения отчетливых признаков различных формаций в экономике, общественной жизни и культуре [48]. Отмечая «относительную автономность» исторической структуры в сравнении с социологической, М. А. Барг и Е. Б. Черняк пишут о типичности для первой из них «пережиточных элементов» и заявляют: «Типичным примером таких исторических элементов [...] являются несистемные элементы в данной исторической общности, унаследованные от предшествовавшей формации или ранней стадии уже существующей. Некоторые из этих элементов, трансформируясь в системные, приобретают новый социологический прообраз. Возможен и случай прямого перехода системных элементов старой формации в системные элементы новой [...] Так обстоит дело, например, с „новым дворянством“ в Англии XVII в.» [49]

«Структура» и «система» являются, несомненно, наиболее модными терминами в современной буржуазной социологии. С их помощью она пытается выйти из методологического кризиса и отдает дань успехам марксистско-ленинской научной методологии, зачастую не столько по существу, сколько в словесном оформлении своих выводов с помощью одних и тех же или сходных терминов. Системный и структурный подходы издавна составляют органическую часть диалектического и исторического материализма. Использование его терминологии в буржуазной науке вовсе не говорит об одинаковом понимании сути дела. «Марксистская трактовка понятий „система“ и „структура“,— обоснованно подчеркивают М. А. Барг и Е. Б. Черняк,— в корне противоположна аналогично звучащим понятиям, которыми оперирует современное буржуазное обществознание. Суть содержания марксистских категорий „система“ и „структура“ составляет их самодвижение и развитие в ходе разрешения внутренних противоречий» [50].

inslav

Пользуясь понятием «структура», марксисты подразумевают совокупность общественных отношений, которые на каждом данном этапе развития общества определяют его качественную определенность. Поскольку общественно-экономическая формация предстает перед исследователем в двух ипостасях — абстрактной и конкретной, социологической и исторической, постольку и представление о ее структуре неизбежно раздваивается. Формационная структура феодального или капиталистического общества вообще — это нечто типологически среднее, в принципе характерное для каждого общественного организма, но фактически совпадающее с ним лишь в основных чертах и тенденциях. Напротив, феодальная или буржуазная структуры общества в данной стране, данного народа вещь сугубо конкретная; они состоят из совершенно определенных сословий, классов, других социальных групп со всеми специфическими особенностями, присущими только рассматриваемому социальному организму. Амплитуда различий может быть весьма значительной. «Закономерности наиболее отчетливо и выпукло проявляются именно в „чистых" формах общественного развития. Там же, где эти формы носят „стертый" характер, будучи осложнены разного рода „примесями" и побочными обстоятельствами, объективная закономерность выступает не столь четко. Но она обязательно присутствует, проявляясь прежде всего как ведущая тенденция, причем не в „арифметическом", а в социологическом смысле»[51]. Две указанные линии (абстрактная и конкретная) в смысле процесса и результатов исследования взаимно пересекаются, уточняют и дополняют друг друга. Но существуют эти структуры в различных сферах и отождествлять их нельзя ни в методологическом, ни в конкретно-историческом плане.

Для конкретного анализа функционирования общественно-экономических формаций в отдельных странах и у отдельных народов чрезвычайно плодотворным наряду с рассмотрением внутренне однородных и синхронно развивающихся регионов является сопоставление асинхронных процессов в странах, которые находятся примерно на одинаковой стадии развития одной и той же формации. Такие сопоставления открывают широкие возможности типологизации явлений, на первый взгляд весьма далеких друг от друга, что позволяет, с одной стороны, правильнее оценивать конкретную социальную структуру, а с другой — усовершенствовать столь необходимые для науки абстрактно-логические формационные «эталоны». В том, что связано с переходным периодом от феодализма к капитализму, внимание исследователей не раз привлекал, в частности, вопрос о том, насколько правомерно искать в других регионах аналогии с такими характерными и важными явлениями западноевропейской истории, как Возрождение, Реформация и Просвещение.

В ведущейся уже давно и пока не закончившейся дискуссии вопрос естественным образом распадается на две части. Первая из них носит сугубо конкретный характер и сводится к поискам, исследованию, датировке соответствующих явлений в социально-

inslav

экономической, политической и культурной истории других регионов. Вторая часть вопроса касается способов сопоставления, круга сопоставляемых явлений, правомерности и обоснованности делаемых при этом выводов. Практически отвергается сама возможность такого рода сопоставлений, причем наибольшей остроты споры достигают тогда, когда дело доходит до такого традиционно стоящего особняком региона, как страны Востока. Одна сторона в этом споре (в частности, Н. И. Конрад и И. С. Брагинский) считает сопоставления возможными и правомерными. Другие (например, Т. П. Григорьева, В. И. Павлов) склоняются к тому, что в данной области сопоставления не дают основания говорить о типологических схождениях Запада и Востока, ибо различия между ними слишком значительны [52]. Убедительного фактического материала еще недостаточно, но думается, что в методологическом смысле первая из указанных позиций более обоснована [53].

Марксистское учение о социально-экономических формациях и приводившиеся выше высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина являются методологической основой для исследования переходных периодов между классово антагонистическими формациями, в том числе между феодализмом и капитализмом. Развертывая изучение данной проблематики, советские ученые уделяют в последнее время значительное внимание теоретическим вопросам. Достигнутые при этом успехи оказывают положительное воздействие на сбор и систематизацию конкретного материала, а главное, позволяют значительно углубить научный анализ накопленных фактов.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 44.
[2] Подробнее см.: Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975; *Багатурия Г. А.* Первое великое открытие Маркса: Формирование и развитие материалистического понимания истории.— В кн.: Маркс — историк, 1818—1968: к 150-летию со дня рождения Карла Маркса. М., 1968, с. 107—173.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 64—84.
[4] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 259.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.
[6] *Жуков Е. М.* Социологические и исторические законы.— В кн.: *Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 6.
[7] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 354.
[8] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 396.
[9] Там же, с. 394—395.
[10] Там же, с. 395—396. В. И. Ленин в 1895 г. в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» высказывал ту же мысль другими словами: «Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 424).
[11] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 306—308.
[12] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 594.
[13] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 38, с. 177.
[14] *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Исторические структуры и исторические законы.— В кн.: *Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса, с. 56.

inslav

[15] *Семенов Ю. И.* Марксистско-ленинская теория общественно-экономической формации и исторический процесс.— Философские науки, 1973, № 5, с. 3. См. также другую статью этого автора: Категория „социальный организм" и ее значение для исторической науки.— Вопросы истории, 1966, № 8.
[16] *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Указ. соч., с. 57.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 241—242.
[18] *Жуков Е. М.* Указ. соч., с. 34.
[19] *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Указ. соч., с. 61—62.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 141—142.
[21] Там же, с. 143.
[22] Там же, с. 144.
[23] Там же, с. 145.
[24] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 115.
[25] Там же, с. 114, 116.
[26] *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Указ. соч., с. 110.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 145.
[28] *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Указ. соч., с. 106.
[29] Там же, с. 44.
[30] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 404—405.
[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.
[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 429—430.
[33] *Попов Ст.* Существуют ли «специфические исторические законы» — Философские науки, 1971, № 6, с. 150—151.
[34] *Ирибаджаков Н.* Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972, с. 199—208.
[35] *Барг М. А.* Исторические закономерности как познавательная цель исторической науки.— История СССР, 1979, № 1, с. 114.
[36] *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Указ. соч., с. 73.
[37] Там же, с. 75.
[38] Там же, с. 116.
[39] Там же, с. 145.
[40] Там же, с. 149.
[41] Там же, с. 163—168.
[42] *Жуков Е. М.* Указ. соч., с. 15.
[43] Там же, с. 17.
[44] Там же, с. 20, 17.
[45] *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Указ. соч., с. 55.
[46] *Жуков Е. М.* Указ. соч., с. 32.
[47] Там же.
[48] *Левковский А. И.* Социальная структура развивающихся стран (Проблемы многоукладного переходного общества). М., 1978.
[49] *Барг М. А., Черняк Е. Б.* Указ. соч., с. 103.
[50] Там же, с. 46—47.
[51] *Жуков Е. М.* Указ. соч., с. 36. Ценный и интересный материал по данному вопросу содержится в вышедшей посмертно книге того же автора: *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1980, с. 63—120.
[52] *Павлов В. И.* К стадиально-формационной характеристике восточных обществ в новое время.— В кн.: *Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса, с. 292 и др.
[53] Подробнее точку зрения автора этих строк см.: *Дьяков В. А.* Эпоха «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе (социальное содержание, периодизация, пути исследования).— В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 19—37.

inslav

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX В.

С. Калябиньский (ПНР)

Социальная история, предметом которой является деятельность народных масс, возникновение и развитие классов и общественных групп, а также отношения между ними, имеет в Польше многолетнюю традицию. Можно упомянуть хотя бы: написанные до первой мировой войны исследования Ф. Буяка и Я. Рутковского; относящиеся к последним десятилетиям исследовательские инициативы В. Кули и возглавлявшегося им коллектива; работы, проводимые под руководством Я. Лескевичовой; социологические модели, предложенные Е. Топольским.

Широкое развитие исторической науки в народной Польше характеризуется преобладанием двух основных направлений: экономической истории и истории политической. Анализ достигнутых результатов показывает, что у нас еще нет достаточно глубоких знаний ни о социальных последствиях экономических процессов и преобразований, ни о социальной обусловленности сдвигов в общественно-правовом строе общества, в его идейном, политическом и культурном развитии. Этим объясняется растущее внимание польских ученых к изучению анатомии общества в XIX и XX в., к исследованию роли социальных факторов в польском историческом процессе, их воздействия на социальный облик массовых движений в новой и новейшей истории польского народа.

В рамках широко понимаемой социальной истории особое значение имеет изучение социальной структуры общества, т. е. его естественным образом выделенных составных элементов, отдельных классов, групп и слоев, а также совокупности взаимоотношений между ними в границах определенной общественной формации, но с полным учетом реальной динамики, которая определяла конкретное содержание процесса исторического развития. Решающая роль отводится при этом изучению классового деления данного общества, а также непосредственно связанных с ним конфликтов и антагонистических противоречий между основными классами. Такой подход коренным образом противоположен абсолютизированию проблемы структуры и подмене ею изучения меняющейся исторической действительности.

Однако за делением на классы неизбежно следует деление на внутриклассовые социальные группы по размерам дохода, способу его получения и связанным с жизненным уровнем образом жизни, образованием, культурным уровнем и т. д. К этим градациям часто добавляются еще национальные, религиозные. Существуют также проблемы деления определенных групп в зависимости от жизненной позиции, общественных устремлений и политической активности, в зависимости от профессии, места жительства, пола, возраста и других демографических признаков [1].

inslav

Недопустимо, однако, сводить социальную историю и ее составную часть — проблематику социальных структур к вопросу принадлежности к тому или иному слою, социальной мобильности, количественным изменениям. Нельзя упускать из виду таких важных аспектов проблемы, как место и роль общественного, политического и национального самосознания, характер и значение культуры в широком смысле и т. п. Задача состоит в том, чтобы воссоздать обобщенную и цельную картину общества, находящегося в движении, в состоянии непрерывных изменений.

В плане изучения общественных отношений очень важно определение соответствующих данной исторической эпохе критериев принадлежности к той или иной общественной группе. Это дело совсем не простое, ибо понятия «класс», «слой» — категории исторические, подверженные эволюции в ходе развития экономической и классовой структуры общества, внутреннего развития самих этих классов и слоев, роста или падения их роли и общественного значения. Разумеется, в социальных исследованиях сумма отдельных социальных слоев или групп будет больше, чем сумма классов. Классы или слои «заходят» друг на друга. Существуют определенные прослойки, принадлежащие к двум группам или слоям, как например, землевладельцы и буржуазия, интеллигенция и землевладельцы, мелкое дворянство и низшие слои землевладельцев. В конкретных случаях мы разделяем эти «заходящие» друг на друга слои — арбитрально, в зависимости от цели исследования. Классовая структура, рассматриваемая конкретно-исторически, не всегда выступает в чистом виде, не всегда имеет четкие очертания. Поэтому уловить изменения в составе и структуре групп, составляющих данный класс или слой, является для исследователя особенно важной и в то же время сложной задачей. Несомненно, путем изучения классовых функций пограничных социальных групп можно подойти к определению исторической, а следовательно непостоянной границы данного класса. При этом следует руководствоваться существом методологических установок марксистской теории, а не выведенной из них схемой, выдвигая на первый план не столько классификацию, сколько выявление фактических центров притяжения.

Объективные показатели принадлежности к тому или иному классу или социальному слою могут охватывать, кроме основных экономических критериев, также критерии социальные, такие, как характерный образ жизни, чувство принадлежности к данному классу, наличие общности или контрастов в общественной ориентации, культурный уровень и т. п.[2] Следующим шагом будет выявление внутренней структуры каждого класса или общественной группы, причем критерии могут быть здесь весьма различными. Деление на классы и социальные слои, будучи основным и определяющим, обусловливает все дополнительные деления при сборе данных, как например, градации по размерам дохода и способу его получения, по жизненному уровню, образованию, жилищным условиям и т. п., хотя подчас принципы классификации

inslav

приобретают кажущуюся самостоятельность, особенно, когда к ним добавляются другие существенные принципы деления из богатого арсенала общественных различий.

Весьма сложен для изучения период перехода от феодализма к капитализму, когда еще жива сословная система, на которую накладывается сложная система правовых понятий, связанных с возникновением общественных групп, типичных уже для развивающегося капитализма. Критерии принадлежности к отдельным общественным группам, а также критерии их внутренней дифференциации в значительной мере зависят от специфики социально-экономического развития данной страны, от того, как далеко зашли в ней капиталистические преобразования и т. п. Чтобы перейти от общих положений к практической деятельности исследователя, остановимся несколько подробнее на некоторых слоях польского общества в переходный период.

Начнем с общественной группы, игравшей тогда ведущую роль в классовом укладе,— с помещиков. В Польше, как и в других восточноевропейских странах, граница между дворянами-землевладельцами и мелким наследственным дворянством, обозначившаяся еще в XVIII в., оказалась очень прочной. И это еще один показатель деления привилегированного сословия этой эпохи. С определенного момента помещики сочетали в себе функции двух классов: землевладельцев, так как жили за счет земельной ренты, и капиталистов, так как сами занимались и руководили имением, т. е. сами управляли процессом производства и жили за счет прибыли. Поэтому в соответствии с социально-экономическими реалиями эпохи мы предлагаем причислять к помещикам владельцев имений с учетом определенных социальных и политических привилегий, закрепленных в системе налогообложения, что облегчает статистическую характеристику группы, а также изучение как ее экономического и социального расслоения, так и общественного сознания, культуры, материальной и духовной жизни [3]. С этой точки зрения к помещикам следует отнести: крупных землевладельцев, которые сами не занимались имением, а всю землю сдавали в аренду, т. е. жили за счет земельной ренты; помещиков, лично занимавшихся и руководивших имением; тех, которые управляли имениями через наемных лиц; наконец, владельцев поместий, полученных на правах ординации и так называемых дотариусов, т. е. землевладельцев, не имевших полной свободы распоряжаться землей.

Приняв вышеупомянутые показатели отношения к собственности в качестве основного критерия, мы должны исключить из рассматриваемой группы, т. е. из помещиков, администраторов имений. При феодальной структуре, несмотря на различное отношение к собственности, арендаторы, которые брали поместья в вечное пользование, и полновластные владельцы поместий, несомненно принадлежали к одному и тому же классу. Однако с точки зрения этого основного показателя отдельную группу составляли временные арендаторы поместий, состав и общественное

inslav

положение которых было иным. Между тем в капиталистическую эпоху в структурах, определяемых собственностью и профессией, мы можем отнести к одной группе как владельцев имений, так и арендаторов, тем более, что мерой внутренней дифференциации помещиков будет прежде всего доход и налог, затем размеры обрабатываемой земли, денежная стоимость поместья и т. п. Разумеется, это не снимает различий, определяемых культурным уровнем, чувством общественного престижа и т. д. Границы понятия «помещик» изменялись по мере того, как складывался новый тип помещика в условиях, когда дворянский титул переставал быть условием владения земельным поместьем.

Наиболее спорной является нижняя граница класса помещиков, особенно когда речь идет о мелком дворянстве, владеющем землей по праву наследства. В связи с определением этой группы возникает вопрос: не следует ли при изучении социально-экономической структуры класса помещиков также и в эпоху перехода к капитализму отказаться от таких показателей, как владелец «деревни» или «части деревни», так как это деление затемняет картину фактической дифференциации и не имеет ни исторического обоснования, ни подтверждения в источниках. Впрочем, проблема априорно принятых критериев экономической дифференциации менее существенна, если в исследованиях мы опираемся на массовый цифровой материал, который поддается различной группировке и систематизации. Эмпирической основой такого анализа могут быть как раз именные налоговые акты землевладельцев в нескольких временных разрезах.

Другая социальная группа — интеллигенция, заслуживающая особого внимания ввиду специфики ее положения в обществе и в связи с тем, что она формируется именно в эпоху перехода от феодализма к капитализму, наконец, из-за существенных отличий в определении критериев принадлежности к этой группе.

В исследованиях польских ученых последних лет об интеллигенции XIX в. к ней преимущественно относятся те, кто добывал средства существования умственным трудом, требовавшим по меньшей мере среднего образования[4]. Этот критерий совмещает в себе три условия. Первое из них связано с выделением профессий соответствующего характера. Второе условие определяет образовательный ценз. Третье условие имеет классово-экономический характер: требуется, чтобы работа была главным, если не единственным, источником средств существования. Каждое из этих условий вызывает некоторые сомнения, особенно при рассмотрении сложных пограничных случаев.

Не следует обольщаться, что условие профессии, связанной с «умственным трудом», в совокупности с условием «среднего образования» могут применяться педантично и позволят установить бесспорные границы «интеллигенции». Возьмем например так называемые «артистические» профессии, у представителей которых (художники, музыканты, актеры, архитекторы) недостатки образования могут компенсироваться талантом или знаниями, приоб-

inslav

ретенными путем самообразования. Во всяком случае, чтобы не разбивать отчетливо сформированных профессиональных групп, мы применяем показатели принадлежности к интеллигенции скорее в целом, чем индивидуально. При этом мы пользуемся обычно еще одним вспомогательным критерием, хотя он совершенно не поддается формализации, а именно: нашими сведениями о мнении современников. В конце концов, историк социальных структур восточноевропейской страны выделяет интеллигенцию из классового уклада потому, в частности, что она сама себя выделяла, потому что выделяли ее представители других социальных слоев, общественное мнение вообще. Контур создаваемой нами аналитической категории не должен чрезмерно отходить от исторического контура групп, сложившегося в общественном сознании. Стремясь к такому соответствию, следует принимать во внимание общественный престиж разных профессий. В целом к интеллигенции мы причисляем всех тех, кто не эпизодически выполняет работу по профессии, признаваемой в данную эпоху «умственной», и получает за это вознаграждение. На основании этого определения уровень приобретенного образования будет чертой учитываемой, но не показателем принадлежности, так же как и наличие или отсутствие состояния и иных источников дохода. При этом очевидно, что в таком понимании принадлежность к интеллигенции иногда не исключает одновременной принадлежности того или иного лица к какому-либо классу существующего общества.

Такой подход не устраняет всех трудностей классификации, но нам кажется, что при изучении социальных структур категорическое требование однозначных определений ошибочно. Надо стараться уловить существенные, конститутивные черты того или иного социального слоя, а каждый разрез, основанный на каких бы то ни было критериях, выделяет лишь типичные ситуации, оставляя неучтенными переходные состояния, подчинение которых тому или иному типу должно зависеть от интуитивных и в силу необходимости арбитральных решений исследователя. Интеллигенция для рассматриваемого периода — это просто конгломерат профессиональных групп, которые связывает друг с другом расплывчатое чувство общности, а также обособленности от всех общественных классов.

В условиях польских земель периода разделов основой внутренней классификации интеллигенции представляется правильным сделать ее деление на «самоучек» и «дипломированных» специалистов. Поскольку на протяжении значительной части этого периода не существовало развитого профессионального обучения на среднем уровне, «дипломированным» специалистом можно было стать в принципе лишь получив высшее образование. Таким образом, наличие или отсутствие диплома высшего учебного заведения разграничивает, и притом довольно четко, интеллигенцию на две группы: с одной стороны, мы видим «людей на все руки», умеющих свободно читать и писать на одном или нескольких

inslav

языках, имеющих светскую воспитанность и немного общих знаний в разных областях, но не имеющих никаких определенных профессиональных квалификаций. Огромное большинство этих людей пополняло кадры чиновничьего персонала на государственной или частной службе, а также такие профессии, в которых как раз не требовалось особых специальных познаний (например, учителя начальных школ) или нужны были навыки, которые сравнительно легко можно освоить. С другой стороны, мы видим интеллигенцию с дипломами, т. е. собственно профессиональную интеллигенцию, если только выполняемая работа соответствовала приобретенной профессии. Как известно, трудности с заработком в некоторых профессиях вели к тому, что часть квалифицированной интеллигенции бралась за другие занятия и должности, переходя тем самым в ряды неквалифицированной интеллигенции или принадлежа одновременно к обеим группам (если полученная профессия не была полностью заброшена). Основные профессиональные группы, на которые можно подразделять квалифицированную интеллигенцию по сфере занятий, это медицина, право, наука и просвещение, техника, агрономическая наука, банковское дело; в принципе также — журналистика, литература и искусство, но здесь формальные, подтвержденные дипломом квалификации не были необходимы.

Предметом многократных обсуждений являлась проблема соотношения между интеллигентской «элитой» и интеллигентской «массой» в польских условиях. Первая группа, которую по многим важным причинам нам приходится выделять в наших исследованиях, совершенно не равнозначна с суммой профессиональных элит. Мало того, вообще нет причин считать ее какой бы то ни было элитой. Правда, к данной группе относится много виднейших умов и талантов эпохи, но речь идет не о тех, кто проявлял себя лишь в узкопрофессиональной области. Вместе с тем в ней находятся умы совсем не выдающиеся и фигуры в общем-то посредственные, хотя нередко они приобретали влияние на общественное мнение. Решающей является здесь их функция, заключавшаяся в создании или пропаганде определенных идей. В стране, лишенной собственных национальных учреждений, это было задачей особого значения. Данную группу, происходящую в основном (но не исключительно) из среды интеллигенции с высшим образованием, мы будем называть — за неимением лучшего термина — группой «идеологов». К ней мы относим всех тех писателей, ученых, артистов, воспитателей, создателей и руководителей легальных и подпольных партий, общественных деятелей внутри страны и в эмиграции, которые считали своим главным призванием, независимо от приобретенной профессии, воздействовать словом и делом на формирование мнений, позиций и поведения всего народа или его отдельных классов, в том числе и интеллигенции.

Принципом деления, который позволяет уловить не только многие черты самой интеллигенции, но и некоторые особенности эко-

inslav

номической структуры страны и уровень ее культурного развития, является дифференциация интеллигенции по источникам заработков. По этому принципу мы можем разделить интеллигенцию на: 1) живущую за счет работы в государственных и общественных учреждениях; 2) живущую за счет службы у частных лиц; 3) имеющих самостоятельное положение, т. е. живущих за счет клиентов, иначе — за счет «розничной» продажи своих услуг (свободно практикующие врачи, адвокаты, архитекторы и т. п.) или продуктов своего труда (литературные произведения, картины и т. п.). Эти водоразделы часто рассекали профессиональные группы, хотя и не давали полного разграничения, ибо, например, врач или архитектор мог жить одновременно как за счет должности, так и за счет свободной практики. Деление интеллигенции на три названные группы не связано с размером получаемых доходов. Тем не менее изменения в численности и соотношении этих групп, сопоставленные со статистикой профессий, в польских условиях весьма важны для оценки степени зависимости интеллигенции от владевших польскими землями государств, с одной стороны, от частного капитала,— с другой, от уровня жизни и потребностей населения,— с третьей. Сравнение этих соотношений в различных территориальных и временных разрезах позволяет уловить направления изменений и различия основ существования данного социального слоя.

Широко разрабатываются проблемы, связанные с рабочим классом, и результаты уже опубликованы в ряде работ монографического и обобщающего характера [5]. Что касается программы проводимых исследований, то она была изложена и на страницах специальных советских изданий [6].

Наши исследования по социальной истории рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, помещиков, буржуазии и мелкой буржуазии, как основных групп польского общества XIX и XX вв.. сосредоточены вокруг пяти основных проблем, которые в самой общей форме можно сформулировать так:

1. Совокупность факторов, составляющих предпосылки, которые определяют происхождение и развитие отдельных социальных групп, повышают динамизм общественных преобразований.

2. Генезис, источники формирования социальных групп, мобильность, состав, количественные изменения и их динамика, территориальное размещение, внутренняя структура.

3. Политическое, правовое и материальное положение. Образование.

4. Культура материальной и духовной жизни данного класса, слоя, общественной группы и всего общества. В том числе проявление как элементов внутренней интеграции отдельных общественных групп, так и дифференциация позиций, а также мнения, стремления, критерии оценок, жизненные цели и идеалы, мораль и этика среды, т. е. комплекс элементов, составляющих общественное, национальное и политическое самосознание и обусловливающие человеческие стремления во всех этих областях.

inslav

5. Позиции и всяческие проявления активности в области общественной, политической и национально-освободительной, массовые движения, деятельность политических организаций в определенных общественных группах, границы, формы и методы этой деятельности; границы воздействия отдельных идейно-программных концепций; пути привлечения членов в отдельные организации, мотивы их вступления в организации; анализ социального состава отдельных организаций, партий и политических группировок; механизмы нарастания и хода крупных общественных и политических кризисов, возникновения и распространения массовых движений и т. д.

В таком понимании концепция изучения общества, которую мы могли здесь лишь кратко набросать, оставляя в стороне межклассовые и межсословные аспекты, непосредственно влияет на принципы сбора данных и их анализа, стимулирует серьезное расширение круга источников, находившихся до сих пор в поле зрения исследователя. Обращение к материалам массовых источников является условием разработки новых исследовательских проблем, ибо только они дают шансы получить более объективную картину соответствующих общественных явлений. Поставленные требования невозможно осуществить без использования новых элементов в работе историка, без квантитативных исследований, которые ведут к обогащению и повышают реальность обобщенных оценок, дают более объективный и более близкий к действительности взгляд на интересующие нас проблемы. Это задача трудоемкая, но историческая литература, опирающаяся в значительной степени на интуитивные, как равно и иные «традиционные» методы, в наше время уже недостаточны для изучения общественных явлений.

Затрагивая в ходе нашей работы вопросы методики исследования, мы отдаем себе отчет в том, что применение и точность статистических подсчетов в исторических работах важно не само по себе, а лишь постольку, поскольку эти подсчеты двигают исследование вперед, позволяют ставить новые вопросы, расширять круг источников и приемов исследовательской работы, а в результате помогают сделать новые выводы и обобщения.

Усовершенствование исследовательских методов исторической науки в связи с постоянным расширением ее задач и новыми техническими возможностями является предметом многих работ, но соответствующие вопросы рассматриваются, как правило, теоретически, а выводы излагаются в форме абстрактных моделей и самых общих рекомендаций. Нас же интересует в данном случае практическое применение всего этого к тем типам источников, которыми мы можем располагать, повышение исследовательского мастерства путем освоения конкретного опыта конкретных исследований, решение вопроса о том, каким способом можно полнее всего использовать имеющиеся источники для достижения максимального результата в решении поставленной исследовательской задачи. Полученные результаты либо подтвердят, либо опровергнут целесообразность примененной к данному массиву источников

inslav

техники исследования, позволят увидеть соответствие или несоответствие техники с поставленными в ходе работы исследовательскими вопросами.

В польской и зарубежной специальной литературе предложено немало методических подходов, некоторые из них широко аргументированы и проверены на материале конкретных источников. Соблазн велик, но оказывается, что далеко не все эти подходы применимы для наших специальных исследований, для той документации, которой мы располагаем. Хотя проблема источников и обработки содержащихся в них сведений в теоретическом смысле может показаться не самой важной, обойти эту проблему мы не можем, если стремимся совершенствовать свое мастерство в непосредственной практике исследования.

Исследователь, занимающийся социальной проблематикой, имеет перед собой огромные и до сих пор почти не тронутые массивы архивных материалов, объем которых можем исчислять миллионами документов. Достаточно напомнить, например, нотариальные, ипотечные, налоговые, судебные дела, акты гражданского состояния и т. п. Перед нами стоит задача разработки методики наиболее полного использования обширных материалов прессы, прокламационной и вообще нелегальной литературы, а также мемуаристики и материалов биографического характера. Особый вопрос — использование все расширяющегося круга источников, относящихся к культуре самых широких кругов общества. В то же время возникают трудности и от недостатка источников по социальной истории.

Различия государственного устройства и администрации, характерные для польских земель в условиях их раздела между тремя державами, лишают нас возможности собрать сопоставимые в масштабе всей страны материалы, которые могли бы служить источником по целому ряду кардинальных вопросов социальной истории. В трех частях разделенной Польши различны были принципы классификации лиц по общественным и профессиональным группам, отличались методы объединения тех же самых социальных явлений в статистические классы и ряды. Принципиальные трудности при сравнении или вообще несравнимость материала вытекает также из существенных различий темпа и характера развития отдельных польских земель как в частях страны, подвластных разным державам, так и внутри каждой из этих частей. Именно эти различия подчас исключают возможность получения однородных данных для данного исторического периода и статистически сравнимой информации, а в других случаях заставляют прибегать к сложным модификациям имеющихся данных. Кроме того, в ряде случаев слабость и низкий уровень статистических служб государств, владевших польскими землями, или применение ими таких методов, которые искажали фактическое положение вещей, не охватывали явления в целом, делают имеющийся материал либо малопригодным, либо непригодным вообще. Нельзя также забывать, что многие существенные явления польской об-

inslav

щественной жизни развивались в условиях нелегальности, преследований, что не способствовало сохранению документации и источников. Большие трудности при сборе основных источников связаны с военными катаклизмами и особенно с последней войной, с жестокой политикой геноцида со стороны гитлеровских оккупантов по отношению не только к нашему народу, но и к нашим национальным ценностям.

Но мы не считаем трудности непреодолимыми. Тот факт, что для изучения многих узловых проблем нет источников, по которым можно бы было строить серийные статистические ряды, заставляет нас создавать новые принципы сбора и обработки данных. При этом мы применяем следующие четыре критерия:

1. Прежде всего мы думаем над тем, как найти источники, пригодные для их обработки квантитативными методами.

2. Мы ищем такие периоды и разрезы, которые симптоматичны для общественной истории, для всех классов и слоев польского общества. Сравнивая их, мы получаем динамику общественных преобразований в изучаемом аспекте. Разумеется, иногда сам источник оказывает здесь существенное влияние, например, дата переписи населения, дата выборов, но это не освобождает нас от стремления делать разрезы хронологически и исторически обоснованные, соответствующие историческим этапам развития общества.

3. Принимая во внимание судьбу Польши в XIX в., частые изменения границ и административного деления, а также неоднородность этого деления в одно и то же время, стремясь при этом к сравнимости данных по определенной проблеме исследований, данных, касающихся всех польских земель или значительных областей в длительной хронологической последовательности, мы считаем, что при сборе данных и их классификации в региональном аспекте целесообразно постепенно отходить от изменчивых и преходящих официальных административных делений. На их место мы все шире вводим понятие округов, исторически сформировавшихся районов, отличающихся постоянным нарастанием типичных для каждого из них черт. Так, например, для истории как рабочего класса, так и буржуазии с начала XIX в. мы принимаем за основную территориальную единицу промышленный округ, что позволяет проследить происходившие в нем изменения, независимо от изменений и делений, которым он подвергался. Мы не забываем при этом об изучении отдельных городов, как типичных, так и специфических, для знакомства с историей отдельных классов и слоев.

4. В связи со сложностью использования имеющихся источников для квантитативных исследований или их отсутствием при сборе данных перед нами встает особо серьезная задача — создавать новые версии статистических источников. Мы все шире применяем такие методы, которые позволяли бы получить однородные данные из разного типа источников, как например, описаний, дневников, писем, каждый из которых содержит только частичную информацию. Мы обрабатываем под этим углом зрения различные

inslav

перечни, списки, которые составлялись совсем не для статистических или близких к ним нужд.

Разумеется, создание новых версий данных для квантитативной обработки, не говоря уж об исключительной трудоемкости, связано также с бо́льшим или меньшим риском. Мы отдаем себе в этом отчет. Совершенствование методов сбора данных будет постоянно уменьшать этот риск. Однако важнейшим делом является максимальное стремление к получению результатов, без которых нельзя составить точное представление о польском обществе в прошлом. И именно это ставит перед исследователем важную задачу — собрать соответствующие исследовательским задачам и правильные данные, систематизировать их и довести до сравнимости, чтобы полностью использовать методы квантитативных исследований для углубленной исторической интерпретации[7].

Проблемам модернизации методологии и исследовательских приемов работы историка была посвящена международная научная конференция, организованная в 1973 г. Институтом истории ПАН. Ее результаты были опубликованы в специальной книге «История и современность», изданной под редакцией Я. Лескевичовой и С. Ковальской-Гликман в 1974 г.[8] На основе названной и других работ последнего времени мы хотим представить здесь в самой сжатой форме методы анализа данных, примененные некоторыми исследователями из отдела истории польского общества XIX в. Института истории ПАН. Все эти работы основывались на массовых источниках, которые мы должны были довести до состояния сравнимости, чтобы применить квантитативные методы.

Работа С. Ковальской-Гликман о социальной и профессиональной мобильности населения Варшавы в первой половине XIX в.[9] основывалась на актах гражданского состояния. Особая трудоемкость этой работы обусловливалась как большим объемом просмотренного материала (10 тысяч актов бракосочетаний, зарегистрированных в варшавских приходских костелах), так и необходимостью дополнять выписки из актов, так как не все акты имели одинаковую информационную насыщенность. Исходным пунктом для разработки иерархической схемы классификации полученных данных были, с одной стороны, профессия, а с другой — принадлежность к социально-профессиональному слою. При сочетании этих двух факторов оказалось возможным определить примерную схему социально-профессиональной структуры населения Варшавы. Было рассмотрено влияние территориальных перемещений молодоженов на изменения, происходившие в социально-профессиональной структуре Варшавы, а также шансы занять в ней место для людей, прибывавших из деревни и небольших городов. Была поставлена задача определения пределов мобильности в различных поколениях и социально-профессиональных группах (в зависимости от их социального происхождения и сословной принадлежности). Затем были рассмотрены вопросы относительно круга дружеских и профессиональных контактов, их характера и значения. Последняя проблема, условно названная «выбором брач-

inslav

ного партнера», касается процессов мобильности, рассматриваемых с точки зрения прочности или эластичности социальных барьеров и разграничений.

Предметом работы И. Рыхликовой является социально-экономическая дифференциация помещиков, начиная с падения Речи Посполитой вплоть до отмены крепостного права в первой половине шестидесятых годов XIX в.[10] Цель работы — установить в нескольких временных разрезах численность дворянства — уже не сословия, а нового класса, его демографическую, национальную и социально-имущественную структуру. Это статистическое исследование, задача которого — показать в цифрах основы экономического функционирования класса землевладельцев, а также его внутреннюю стратификацию на заключительной фазе феодализма. Поэтому вместо того, чтобы пользоваться разнообразным материалом, который разносторонне раскрывает историю класса, но носит фрагментарный характер, касается разных лет и территорий, имеет неоднородное содержание, И. Рыхликова обратилась к однородным источникам массовой регистрации, т. е. к материалам переписей населения, к именным спискам налогоплательщиков, составленным по уездам.

При изучении принадлежности к имущественным слоям И. Рыхликова приняла за основу десятичную систему и кривую Лоренца. Благодаря показателю концентрации, основанному на нескольких критериях (земля, доход, налоги, численность населения в поместье и т. д.), удалось сравнить степень расслоения класса в разных экономических районах и в разных хронологических разрезах. Надо было также придать этим предварительным результатам сравнимый характер, что при выбранном территориальном и хронологическом объеме исследований является вопросом принципиальным. В работе предпринята также попытка соотнести имущественную структуру с социальной стратификацией, но только по отношению к выделенной элите помещиков. Изучались корреляционные связи (при помощи коэффициентов корреляции и ассоциации) между имущественным состоянием и обладанием определенными должностями, титулами, чинами, принадлежностью к дворянскому сословию, семейными связями и другими показателями социальной иерархии.

Эффективность количественных методов применительно к исследованиям истории основных классов и социальных слоев Королевства Польского ограничена не столько выбором определенной техники вычислений, сколько отсутствием источников, которые были бы относительно полными и однородными, а тем самым — сравнимыми на протяжении длительных хронологических периодов. Официальная русская статистика, как местная, так и центральная, не отвечает этим требованиям, т. к. несмотря на видимость систематичности и точности, она лишена единых принципов сбора, проверки и обработки поступавшей информации, а кроме того, ее данные — как правило суммарные — не поддаются никакой проверке и группировке.

inslav

В этой ситуации для подробного определения численности, динамики и других черт изучаемой им социальной группы промышленных рабочих З. Пустула обратился в своей работе [11] к массовым единичным источникам, которые содержатся в справочниках и списках предприятий, публиковавшихся хозяйственными ведомствами и объединениями промышленников. Однако абсолютно необходимым условием обработки этих единичных материалов количественными методами была их предварительная селекция и проверка, сводящаяся к следующему: принимались во внимание только действующие в данный год предприятия; исключались довольно многочисленные случаи, когда одно предприятие учитывалось дважды или неправильно причислялось к той или иной сфере производства; применялась единая для всех хронологических разрезов отраслевая система, включавшая 13 отраслей промышленности; в качестве критерия отнесения предприятий к промышленной категории принимался факт работы на данном предприятии по меньшей мере пяти рабочих.

Проверенные таким образом единичные данные только на следующем этапе работы подвергались различной статистической группировке и обработке количественными методами с целью выяснения следующего перечня исследовательских вопросов: масштаб численности промышленных рабочих, его общая тенденция и динамика в отдельные подпериоды; отраслевой состав этой социальной группы; эволюция состава промышленных рабочих по степени концентрации труда; эволюция состава промышленных рабочих с точки зрения организационно-правовой формы предприятий и территориальное размещение рабочего класса. Мы отказались при анализе результатов от традиционного часто менявшегося административного деления на губернии, для того, чтобы иметь возможность получения сопоставимых данных за длительные промежутки времени. Исходя из существа дела, было признано более обоснованным деление на промышленные округа в соответствии с теми границами, которые очерчивались естественным ходом развития. Так, в Королевстве Польском были выделены округа: Варшавский, Лодзиньский, Ченстоховский, Радомско-Келецкий и т. д.

Исследования З. Пустулы показали, что в свете проделанных количественных исследований вырисовываются более четко численность промышленного пролетариата, динамичность его развития, ведущее место и роль в профессионально-социальном составе всего рабочего класса, а также некоторые современные черты структуры этой группы рабочих, проявляющиеся прежде всего в процессе ее концентрации в больших промышленных центрах и на наиболее крупных предприятиях, которые по своему масштабу часто не уступали аналогичным предприятиям Западной Европы. Эта крупнокапиталистическая эволюция происходила в условиях сохранявшей остатки феодализма национальной структуры и общей экономической отсталости страны, что придавало данной

inslav

прослойке черты неполной сформированности, указывало на ее «островной» характер.

Историю варшавской буржуазии XIX в. исследовала И. Хенсель на материале нотариальных актов.[12] Она выбрала период с момента сформирования новой общественной группы в 40-х годах до вполне уже сложившегося класса в конце столетия. Это первый столь широкий опыт использования огромного богатства нотариальных актов. В сумме было исследовано 3879 нотариальных документов, касающихся 2600 лиц изучаемого класса. Исследования между 1845-м и 1890-м годами проведены в четырех разрезах, которые соответствовали этапам хозяйственного развития Варшавы. Следует подчеркнуть, что первая часть работы И. Хенсель подробно излагает методику работы с нотариальными актами, в соответствии с которой все элементы обработки источника и выбора образцов были подчинены одной цели — создать поддающуюся суммированию базу однородной информации, необходимую для исследовательских выводов. На этой основе автор характеризует изучаемый класс с точки зрения численности источников пополнения, направлений движения капиталов, национальной и профессиональной структуры, деления по характеру и величине состояния. Первый ряд таблиц касается формальных вопросов — численности групп, количества документов, размеров постоянной клиентуры нотариальной конторы, распределения разного рода актов. Следующая группа таблиц дает ответ на вопрос, какая часть дел у каждого нотариуса оформлялась буржуа, а какая представителями прочих социальных слоев, каково содержание информации в разного рода документах. Последний тип таблиц — это структурные сопоставления. Важнейшими здесь являются: структуры внутри профессий, структуры собственности, сравнение профессии и собственности, профессии и звучания фамилии, профессии, собственности и стоимости оформляемых сделок, отраслевого деления, заинтересованности в составлении разного рода актов, профессиональная активность в сопоставлении с национальностью. Составлены кроме того указатели: алфавитный, географического распределения сторон по месту жительства, родства сторон, частотности фамилий, а благодаря электронной машине возникли вспомогательные таблицы для графиков и карт. И. Хенсель сознательно ограничилась вопросами, которые определяли специфику изучаемого класса и выделяли его на фоне варшавского общества XIX в. Исследование охватывало как крупную буржуазию, финансистов, так и буржуазию среднюю и мелкую, т. е. весь класс.

И, наконец, о квантитативном исследовании, предпринятом автором настоящей статьи совместно с профессором Ф. Тыхом.[13] Тема работы — состав и социальная структура участников польского рабочего движения в 1878—1945 гг.

Предпринятые нами исследования направлены на познание социальной анатомии, состава и структуры польского рабочего движения, организаций и партий рабочего класса. Это попытка выяснения генеалогии и индивидуальных особенностей групп, которые

inslav

сыграли наибольшую роль в становлении и развитии социального, национального и политического сознания рабочего класса, а также в создании и деятельности его политических организаций. Мы предприняли эти исследования в убеждении, что статистический анализ, опирающийся на результаты обширного и трудоемкого выявления источников, может стать базой для многих существенных выводов, обогащающих наши воззрения как на историю рабочего класса, так и на процесс развития рабочего движения. Эти выводы могут пригодиться для познания путей внесения элементов социалистического сознания в рабочий класс, связей между инициаторами и организациями движения и рабочими массами, для понимания истоков и путей рекрутации членов политических организаций, для лучшего осознания социальной базы политического движения рабочего класса.

Какие исследовательские цели мы ставили при выполнении нашего широкого замысла? В самом общем виде эти цели сводились к ответу на вопрос: кем были участники рабочего движения в Польше на различных этапах его развития, из каких слоев происходили, где формировались, в каком возрасте вступали в движение, какое имели образование, чем занимались, как и когда (в какой момент своей жизни и в какой исторической обстановке) присоединялись к движению, менялась ли и как именно их принадлежность к организации, в какой степени модифицировали их позиции перенесенные репрессии, какими были их прежние и последующие политические судьбы?

Исследователь рабочего движения по существу не располагает каким-либо собранием источников, где бы документировался социальный состав участников рабочего движения в Польше перед 1944—1945 гг., нет даже достоверной информации об их общей численности. Предпринимавшиеся до сих пор попытки делать выводы, опираясь на какой-либо один относительно узкий тип источника, следует признать малопредставительными. Такая источниковая ситуация была обусловлена в основном тремя факторами: 1) нелегальностью рабочего движения на значительных территориальных и хронологических отрезках его истории, что затрудняло или делало невозможным ведение соответствующей документации; 2) неполной сохранностью архивов польских партий и организаций за период до 1945 г.; 3) отсутствием статистических подсчетов даже в тех случаях, когда архивы рабочих партий и организаций сохранились. В такой ситуации единственная возможность выяснения состава и структуры участников рабочего движения, которая существовала до этого у историка, заключалась в суммировании, сравнении и анализе частной информации либо об отдельных участниках движения, либо о небольших группах (например, по сведениям о групповых арестах, приговорах и т. п.).

Однако решить перечисленные выше задачи на такой источниковой базе при таком способе их обработки одиночными и случайными усилиями просто невозможно. Эти задачи могут быть решены только сопоставлением и анализом сведений, почерпнутых из де-

inslav

сятков отдельных источников, таких, как полицейские, судебные и следственные материалы, документации рабочих партий, разного типа анкет, заполнявшихся участниками рабочего движения либо для различных текущих потребностей (анкеты участников съездов, представляемых к награждению или для назначения пенсии), либо для научно-исторических целей, наконец, рабочая печать, дневники и воспоминания. В целом наш исследовательский замысел можно охарактеризовать как попытку создания задним числом не существовавшей в свое время статистики с предварительным созданием для этой цели массовой суммарной информации, опирающейся на всю сохранившуюся единичную историческую информацию.

Что составляет специфику этого замысла? Представляется, что она определяется двумя элементами: 1) Широким размахом выявления источников, который дал документацию на 28 тыс. установленных участников польского рабочего движения самого различного уровня — от рядовых до руководителей и самых разных территорий — от главных центров до периферии; 2) широкими хронологическими рамками анкеты, охватывающей период от зарождения польского рабочего движения в 70-х годах XIX в. до первых шагов народной Польши. Такие хронологические рамки были сознательно приняты для того, чтобы ответить на целый комплекс вопросов, связанных с кадровой преемственностью в движении, организационным вызреванием его участников, путями их политической эволюции. Иными словами, все это делало возможным составить представление о составе участников рабочего движения не в статике или способом отдельных зондажей, а в непрерывной динамике на протяжении 70—80 лет.

Источники, на которые мы опирались, дают больше всего сведений об участниках движения, которые поднимались выше среднего уровня своей среды, ибо именно они выходили за пределы анонимности. Поэтому мы склонны осторожно называть собранные данные касающимися авангарда рабочего движения. По существу, однако, это все же более широкие данные, ибо на раннем и вообще на нелегальных этапах развития движения репрессивный аппарат интересовался всеми его участниками, независимо от степени их активности. Различными путями — иногда в результате деятельности провокатора, иногда из-за недостаточной выдержки некоторых арестованных на следствии или в связи с иными причинами, репрессивным властям удавалось «ликвидировать» либо целые местные организации, либо — на ранних стадиях движения, когда рабочие партии и организации были еще малочисленными — «брали» почти целые организации (так было, например, с первым «Пролетариатом»). Это приводило к возникновению источников, в которых содержится информация не только об авангарде движения, его наиболее активных деятелях. Они дают разрез всей или почти всей организации.

Так возникла анкета, содержащая 60 основных вопросов с 360-ю вариантами ответов и предназначенная для дальнейшей обработки

inslav

с помощью электронно-вычислительной машины. Объем основных вопросов включал такие данные, как год рождения, территориальное и социальное происхождение, образование, общественное и профессиональное положение, в том числе квалификация, район деятельности, возраст в момент начала участия в движении и партийная принадлежность, степень участия в движении, важное для польской специфики пребывание за границей и участие там в рабочем движении, участие в знаменательных исторических событиях, в вооруженной борьбе, наконец типичные по отношению к этому движению репрессии, казненные, убитые и умершие в тюрьмах, а также погибшие в борьбе, в войнах и революциях, участие членов семьи. Это только исходные вопросы, которые дают основу для двоичных, троичных и четверичных корреляций. Чтобы упорядочить огромный исходный материал, мы создали дополнительные хронологические деления: пятилетние для года рождения и в принципе также пятилетние для времени участия в движении. Чтобы очертить границы партийной принадлежности на протяжении такого большого периода и в столь сложной истории нашего народа, нам пришлось выделить 60 различных вариантов принадлежности к организациям.

* * *

Таковы некоторые исследовательские инициативы, осуществляемые отделом истории польского общества XIX и XX вв. Института истории ПАН своими силами или в сотрудничестве с другими учеными. Тематически эти исследования касаются преимущественно общественных отношений между разными классами и слоями общества. Новые методы сбора данных и их анализа требуют совершенствования всей исследовательской методики. Попытку оценить уже накопленный опыт мы сделали в работе, которая сдана в печать[14]. Совершенствование методики необходимо для выполнения нашей задачи — самого широкого изучения социальной истории двух последних столетий, как можно более полного ответа на постоянно растущий круг вопросов. И с этой точки зрения следует высоко оценить значение встреч специалистов разных стран, имеющих разный опыт, но занимающихся той же проблематикой.

[1] *Żarnowski Janusz.* Program badań historycznych nad strukturą społeczeństwa Polski międzywojennej.— Dzieje Najnowsze, 1969, N 1, s. 116; *Jedlicki Jerzy.* Historia struktur społecznych, obrona i krytyka.— Dzieje Najnowsze, 1976, N 1, s. 17—19.

[2] *Jędruszczak Hanna.* O historię społeczeństwa polskiego XX w.— Kwartalnik Historyczny, 1973, N 2.

[3] *Rychlikowa Irena.* Dzieje ziemiaństwa w latach 1795—1945: Zarys problematyki badawczej.— Dzieje Najnowsze, 1976, N 1; *Rychlikowa Irena.* Ziemiaństwo — uwarstwienie społeczno-gospodarcze w epoce przemian społeczeństwa stanowego w klasowe (w druku).

[4] *Czepulis-Rastenis Ryszarda.* Z problematyki badawczej inteligencji XIX wieku.— Historyka, 1977, v. VII; *Czepulis Ryszarda.* «Klasa umysłowa»: Inteligencja Królestwa Polskiego 1832—1862. Warszawa, 1973, s. 6—27; *Hass Ludwik.* Pokolenia inteligencji Królestwa Polskiego.— Przegląd Historyczny,

inslav

1974, z. 2, s. 287—295; *Jedlicki Jerzy*. Inteligencja polska wobec kapitalizmu (w druku).

[5] Polska Klasa Robotnicza: Studia historyczne pod redakcja Stanislawa Kalabińskiego. T. I—VIII. Warszawa, 1970—1978; Polska Klasa Robotnicza: Zarys dziejów pod redakcją Stanisława Kalabińskiego. T. I, cz. 1, 2, 3. Warszawa, 1974, 1978.

[6] *Калябинский С.* Историческая роль польского рабочего класса и программа исследований по истории.— Вопросы истории, 1977, № 12, с. 54—75.

[7] См. например: Polska Klasa Robotnicza: Zarys dziejów pod redakcją Stanisława Kalabińskiego. T. I, cz. 2. Warszawa, 1978.

[8] Historia i nowoczesność: Problemy unowocześnienia metodologii i warsztatu historyka / Pod redakcją Janiny Leskiewiczowej i Stefanii Kowalskiej-Glikman. Warszawa, 1974.

[9] *Kowalska-Glikman Stefania.* Ruchliwość społeczna i zawodowa mieszkańców Warszawy w latach 1845—1861. Warszawa, 1971.

[10] *Rychlikowa Irena.* Ziemiaństwo — uwarstwienie społeczno-gospodarcze.

[11] *Pustuła Zbigniew.* Dynamika liczebności proletariatu przemysłowego: Robotnicy pozostałych działów zawodowych. Rozmieszczenie terytorialne robotników przemysłowych. Struktura branżowa proletariatu przemysłowego. Skład robotników według wielkości zakładów.— In: Polska Klasa Robotnicza: Zarys dziejów. Warszawa, 1978. T. I, cz. 2, s. 106—183.

[12] *Hensel Jonana.* Burżuazja warszawska drugiej połowy XIX w. w. świetle akt notarialnych (w druku).

[13] *Kalabiński Stanisław.* Członkowie kółek socjalistycznych, Gmin i Socjalno-Rewolucyjnej Partii «Proletariat» w świetle badań ankietowych.— In: Polska Klasa Robotnicza.— Studia Historyczne, t. VI, s. 7—62; *Tych Feliks.* Związek Robotników Polskich 1889—1892: Anatomia wczesnej organizacji robotniczej. Warszawa, 1974, s. 308—322.

[14] Metody i wyniki: Z warsztatu historyka dziejów społeczństwa pod redakcją Stanisława Kalabińskiego przy współudziale Joanny Hensel i Ireny Rychlikowej (w druku).

ФОРМИРОВАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

(Историографический обзор)

В. Р. Лейкина-Свирская (СССР)

Начальные шаги развития общественно-философской мысли, науки, техники, искусства восходят к древнейшим достижениям человечества. Но та социальная категория, которая именуется интеллигенцией, т. е. более или менее широкий слой общества, состоящий из различных профессиональных групп, специализированных в областях материальной и духовной культуры,— появилась сравнительно недавно, вместе с развитием капиталистической общественной формации.

Изменения значения слова «интеллигенция» подробно исследованы немецким филологом О. В. Миллером [1]. Он проследил эволюцию его семантики в разные исторические периоды и в разных языках, уделив особое внимание русскому языку. Богословско-космогоническое значение этого слова в средневековой латыни

inslav

(«небесные интеллигенции», управляющие ходом светил) постепенно переосмыслялось и оно стало употребляться как синоним высоких умственных качеств, якобы свойственных королям, князьям церкви и феодальной элите. С течением времени оно постепенно теряло свое чисто эмоционально-психологическое значение и в XIX в. все шире стало применяться для обозначения новой, рожденной капитализмом социальной категории. Миллер объяснял эту последнюю модификацию понятия «интеллигенция» политическими событиями 30—40-х годов XIX в. в Европе и конституционными теориями, выдвигавшими образовательный ценз как необходимый элемент избирательного права. Поскольку образование было привилегией только имущих слоев общества, образовательный ценз сливался с имущественным цензом, а понятие «интеллигенция» приобретало значение социальной привилегии, дающей право занимать высокие государственные должности. Одновременно это понятие получило и другой, демократический смысл,— для обозначения поборников культуры, носителей просвещения и прогрессивных идей.

В России слово «интеллигенция» в значении социальной категории вошло в употребление в 60-х годах XIX в., а в психологическом (разум, интеллект) было известно и раньше. Польские ученые считают, что оно могло перейти в русский язык из польского [2]. Но не исключено и одновременное заимствование его из французского языка. Весьма долго существовало мнение будто слово «интеллигенция» в русский язык введено писателем П. Д. Боборыкиным. В научной литературе от него уже давно отказались [3], и, думается, вполне обоснованно.

В русском языке слово «интеллигенция» стало полисемантичным. Кроме образованности, оно вплоть до начала XX в. означало также привилегированность и власть. В 60-х годах XIX в. это слово обычно применялось к образованному чиновничеству. В 80-х годах представитель либерального народничества И. И. Каблиц (Юзов) утверждал, «вполне согласно и с обыденным взглядом», что в интеллигенцию имеют право быть зачисленными «все умственные работники, руководители народа», не только литераторы и ученые, но и проповедники всякого рода идей, учителя, лица духовного звания, военные, промышленники, сельские хозяева, торговцы, наконец чиновники и администраторы» [4]. В начале XX в. к составу «местной интеллигенции» еще причислялись: земский начальник, исправник, становой, окрестные помещики, купцы, священник, волостной писарь, учитель и т. д., вплоть до урядника и волостного старшины [5]. В таком смешении всех элементов не было и проблеска представления о специфике профессиональных и общественных функций интеллигенции.

Рядом постепенно сложилось новое значение этого слова, символизировавшее лучшие передовые демократические элементы общества. Оба значения сосуществовали в русском языке параллельно. Как модификация психологического значения, появились слова: «интеллигент», «интеллигентность» и другие, которые мог-

inslav

ли прилагаться к людям, вовсе не принадлежавшим к профессиональным группам интеллигенции,— к крестьянам, к рабочим и т. п. Совмещение социологического и психологического значений в одном термине развилось в России и вошло в общественное сознание на вполне реальной исторической основе. Оно было связано с выступлениями революционных демократов в защиту крестьянства и всех трудящихся, с существованием армии разночинцев, активно участвовавших в общественной жизни, постоянно выступавших с прогрессивных позиций. Уже в 60-х годах XIX в. Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, П. Н. Ткачев и другие отмечали появление «не барской» интеллигенции, людей «личного труда», тружеников, которых еще не называли тогда интеллигенцией, а «новыми людьми», «молодым поколением», «мыслящим пролетариатом».

Демократическое происхождение новой интеллигенции объясняло и возвышало подлинность и ценность революционно-демократической идеологии. Примечательно в этом смысле суждение историка А. П. Щапова, который писал: «В дворянском сословии, хотя бы то и в людях с высшим университетским образованием, далеко не горяча так симпатия к простому, рабочему народу, далеко не сродно так чутье и понимание интересов и потребностей рабочего народа,— как все это присуще, кровно и сродно сердцу Ломоносовых и вообще научно-рабочих выходцев из простого народа» [6].

Другими путями шло формирование профессий интеллектуального труда в странах Западной Европы, где не было такого, как в России, исторически сложившегося дополнительного психологического смысла в социальном понятии «интеллигенция». Там, по словам О. В. Миллера, самый термин не удержался в языке и исчез где-то к концу XIX в. В странах, где ранние буржуазные революции уничтожили сословные привилегии, процветающая буржуазия, и крупная, и мелкая, стала более или менее образованным классом. Выходившие из ее среды профессионалы умственного труда оставались в своем же «среднем классе», не выделяясь в особый социальный слой. В Англии, например, не было понятия «интеллигенция», и ее представители назывались *professionals*. Образованная элита складывалась преимущественно в области науки, философии, литературы. Позже она получила название интеллектуалов, распространившееся в XX в. Но это слово все же сохраняло элитарный смысл и далеко не соответствовало тем профессиям, связанным с умственным трудом, которые назывались интеллигенцией в России.

Поэтому зарубежные исследователи до сих пор подходят к русской интеллигенции как к феномену, требующему особых объяснений. Для множества выдвинутых ими теорий характерно нежелание признать социально-экономическую обусловленность и закономерность ни происхождения, ни революционно-демократических устремлений интеллигенции XIX в. Эта закономерность обходится всеми способами. Прежде всего умаляется значение демократических элементов, пришедших в ряды интеллигенции из

inslav

недворянских слоев. Ведущая общественная роль, не только в XVIII, но и в XIX в., приписывается исключительно образованному дворянству. Вопрос о корнях революционности русской интеллигенции переносится в область психологии, что дает простор для всяких концепций о «предрасположениях» этой интеллигенции к «борьбе за свободу личности», «к социальной критике», к революционному фанатизму, к особому развитию гуманных чувств и т. д. Когда же дело касается общественно-политических условий, порождавших протест интеллигенции, то основным стимулом ее поведения выдвигается «отчуждение» (*alienation*), т. е. самоизоляция от государства и окружающей среды, или «крах» (*frustration*) оптимистических надежд на изменение социальных условий. В результате русскому интеллигенту, всячески стремившемуся к участию в общественной борьбе, приписывается поведение «аутсайдера», избегавшего всяких общественных импульсов [7].

Стереотипная схема, объясняющая революционность русской интеллигенции, так сказать изнутри, применяется и к современным студенческим волнениям и «левому движению» в капиталистическом мире. Социально-экономический анализ этих общественных выступлений признается недостаточным, и на сцену являются те же «внутренние свойства» интеллектуала: чувство отчуждения, нонконформизм и революционность [8].

Как совместить подобные концепции с фактом существования в капиталистической России влиятельной марксистской интеллигенции, руководствовавшейся теорией научного социализма, опиравшейся в основном на рабочие массы и подготовившей свержение царизма, а затем и создание социалистического государства? Огромное значение этого нового этапа социальной истории интеллигенции в буржуазной литературе игнорируется или сводится к описанию чисто внешней стороны рассматриваемых явлений.

В литературе об интеллигенции накопилось множество попыток дать ей общее определение. Польский социолог Ян Щепаньский в 1966 г. насчитал свыше 60 таких дефиниций, в основном построенных на психологических критериях [9]. Определения, касающиеся русской интеллигенции, сводятся к основным группам, отражающим отношение к ней различных общественно-политических лагерей.

Реакционные круги царской России — двор, правительство, правая печать, православная церковь — единодушно открещивались от интеллигенции, не только от демократической, но и от либеральной. Министр внутренних дел В. К. Плеве был твердо убежден, что интеллигенцию не интересуют никакие вопросы в жизни страны, кроме «дискредитирования государственной, а также духовно-православной власти» [10]. Ненависть к интеллигенции отражала страх перед просвещением народа и перед грядущей революцией. Съезд объединенного дворянства в 1911 г. требовал ликвидации народного образования, от низшего до высшего, истребления «вредной литературы» для народа, издаваемой

inslav

к пятидесятилетию крестьянской реформы, и т. д. Лидер правых думцев В. М. Пуришкевич утверждал, что «всякое создание нового университета является шагом, приближающим страну к революции»[11]. Николаю II было «противно» самое слово интеллигенция[12]. При всей утробной злости реакционному лагерю нехватало философской аргументации против интеллигенции. Чего стоило, например, предание анафеме всех интеллигентов с церковного амвона в Ярославле в 1906 г.[13].

Арсеналом идей, направленных против демократической интеллигенции, обогатил реакцию сборник «Вехи» (1909 г.). Пафос «веховства» состоял в открытом переходе части оппозиционной либеральной интеллигенции на платформу прочного сотрудничества с третьеиюньским режимом самодержавия. «Вехи» призывали интеллигенцию к духовному самосовершенствованию личности, к жизни «для себя», к отказу от гнета общественного долга, т. е. от служения народу. Нельзя сказать, чтобы авторы «Вех» были оригинальны — у них были свои предшественники в публицистике XIX в. Но в «Вехах» был собран букет обвинений на все вкусы. Демократическая интеллигенция обвинялась в противогосударственном отщепенстве, «казачестве». Революция 1905 г. объявлялась делом ее рук. Обывательски опошлялся революционный героизм интеллигенции как позерство, самообожание, фанатизм, «глухой к голосу жизни». Интеллигенции приписывался «нигилистический морализм», враждебный культуре, отрицающий «абсолютные ценности» ради удовлетворения нужд большинства, и т. д.

Богатый набор ругательств по отношению к демократической интеллигенции, фигурировавший в белоэмигрантской публицистике, стал неисчерпаемым источником для некоторых зарубежных псевдоученых, таких, например, как С. Томпкинс, Р. Пайпс, Л. Хеймсон, Л. Шапиро и др.[14]. Кстати сказать, теория, проповедуемая советологами, о том, что русской интеллигенции свойственно извечное расхождение с существующим общественным порядком (*dissent*), имеет прямые корни в «веховских» идеях. Только она применяется с обратным знаком, поскольку эта теория применяется к советской интеллигенции: «настоящей» интеллигенцией в глазах советологов признаются только критики, недовольные «советской системой». От русского контрреволюционного либерализма советологи восприняли также уверенность в том, что если бы русская интеллигенция получила в свое время возможность мирно и прочно уживаться с царизмом, то вся ее революционность сошла бы на нет и она стала бы обычным «средним классом» буржуазного общества[15].

Перейдем к определениям интеллигенции, исходившим из буржуазно-демократического лагеря, от либеральных и народнических публицистов XIX — начала XX в. Этим определениям была присуща идеализация интеллигенции, представление о ее внеклассовой или надклассовой позиции в обществе. Либералы подчеркивали элитарную роль интеллигенции в мире «духовных ценностей». Народники подчеркивали демократизм интеллигенции и

inslav

ее преданность интересам народных масс. Хотя действительность пореформенной России неопровержимо доказывала быстрое нарождение именно буржуазной интеллигенции, усердно и с выгодой для себя служившей интересам капиталистов, народники отгораживались от этого противоречия. Они верили в общественную силу «настоящей интеллигенции», способной якобы отказаться служить буржуазному обществу и посвятить свою жизнь народу. В таких взглядах В. И. Ленин видел непонимание народниками классового характера интеллигенции и государства. Типично в этом смысле высказывание либерального народника С. Я. Елпатьевского. Он определял русскую интеллигенцию как «интеллигенцию страны», т. е. общественно думающую и общественно чувствующую часть общества. Он отказывался считать интеллигенцией тех врачей, которые относятся к своему делу как ремесленники, или тех государственных деятелей, которые руководятся интересами своей личности, группы и даже своего класса [16].

Идеалистические представления об интеллигенции в России были развиты в начале XX в. в книгах Р. В. Иванова-Разумника и Д. Н. Овсянико-Куликовского [17]. Интеллигенция изображалась в них как верхушка мыслящего общества, созидающая и распространяющая общечеловеческие духовные ценности. В числе критериев принадлежности к интеллигенции Иванов-Разумник выдвигал такой расплывчатый признак, как участие в общественной жизни. Взгляды этих авторов использовались в позднейших зарубежных, особенно американских, работах о русской интеллигенции [18].

Появление «элитарных» концепций интеллигенции в русской литературе начала XX в. в известной мере совпало с апологетическими теориями зарубежной социологии, представлявшими структуру общества в виде системы различных элит. Эти теории получили значительное развитие. В структуре элит, отражавших высшие группы капиталистического мира, мира буржуазного богатства, находилось место и для интеллектуалов, конечно, крайне идеализированных.

Так, у Жюльена Бендá фигурировали «вечные интеллектуалы» — люди не от мира сего, чуждые политическим страстям, погруженные в интеллектуальные занятия без всякой практической или материальной цели и преданные принципам человечности и справедливости. У Карла Маннгейма интеллигентной элите отводилось место в ряду других элит, в том числе артистической и моральной. Ее делом было проповедовать, учить и объяснять обществу (т. е. оправдывать) его историческую действительность. Теодор Гейгер выделял в высшую группу интеллигенции творцов культурных благ и признавал ее основным делом критику культуры и социальных и этических основ своего общества и т. д. [19].

Современные гарвардские социологи С. М. Липсет и Р. Б. Добсон, как и многие другие авторы, стремятся обосновать градацию интеллектуалов. Они делят эту категорию на высшую группу — людей «творческих» способностей, имеющих дело с передовой

inslav

культурой, наукой, искусством, «символическими формулами» и т. д., и на группы, стоящие ниже — людей, распространяющих культуру (учителя, церковники, журналисты, исполнители в области искусства) и применяющих науку в процессе своей работы (врачи, юристы, инженеры) [20]. Неустойчивость и произвольность подобных градаций не требует особых доказательств.

Уже в 60-х годах XIX в. появились элементы материалистического понимания классового характера русской интеллигенции (у М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. З. Елисеева и других). Г. В. Плеханов и В. И. Ленин в борьбе с народничеством неоднократно подчеркивали общий буржуазный характер русской интеллигенции и в то же время ее социальную неоднородность.

К 1903 г. относится исключительно важное и емкое определение Ленина: «...Интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе» [21]. Эта характеристика опирается не на психологические, а на социальные критерии. Идеологическая функция интеллигенции не может не быть связанной с классовыми интересами в антагонистическом обществе. Самая идея о ее «внеклассовости» не только иллюзорна, но и служит определенным классовым целям. Но идеологическая функция не обусловлена механической связью с той или иной средой, профессией. Она понимается как производное от всей совокупности практических жизненных условий интеллигенции, в том числе и от уровня ее образованности и от общественного опыта ее профессиональной деятельности. Ленинское определение способно охватить огромный диапазон социальных и идеологических признаков.

Статья В. И. Ленина «Задачи революционной молодежи», в которой появилось это определение, имеет подзаголовок «Социал-демократия и интеллигенция». Потребность в марксистском определении сущности интеллигенции обострилась на рубеже XIX—XX вв., когда приобретала огромное значение проблема участия интеллигенции в революционой борьбе рабочего класса за социализм. Эта проблема обсуждалась в работах Поля Лафарга, Карла Каутского, Августа Бебеля, Макса Адлера и многих других деятелей западноевропейских социал-демократических партий.

В России начало XX в. было периодом большого подъема рабочего движения и складывания пролетарской партии нового типа. Она еще состояла в большинстве из интеллигентов-марксистов, но ставила себе великую практическую задачу: воспитать и вырастить авангард рабочего класса, рабочую интеллигенцию, без которой было неосуществимо создание самостоятельной политической партии пролетариата и руководство его массовой борьбой за победу над самодержавием, а в перспективе — за социалистическую революцию. Спор по вопросу, что такое интеллигенция как социальная категория, представляет ли она особый общественный класс, широко захватил русскую публицистику того времени.

inslav

На крайней позиции стояла группа махаевцев, утверждавших, что интеллигенция является эксплуататорским классом, живущим за счет рабочего класса, использующим в качестве капитала свои профессиональные знания и стремящимся к дальнейшему господству над работниками физического труда в будущем социалистическом обществе[22]. Меньшевик В. Горев, не признавая интеллигенцию особым общественным классом, видел разнородность ее экономических интересов, а демократизм некоторой части интеллигенции объяснял тем, что обслуживавшие мелкую буржуазию и пролетариат работники умственного труда были заинтересованы в повышении образовательного и материального уровня своих потребителей. Махист В. Шулятиков подчеркивал «организаторские функции» интеллигенции, считая, что в общем интеллектуальные производители принадлежат к буржуазии[23]. Легальный марксист, экономист М. И. Туган-Барановский не признавал работников умственного труда особым классом, так как им не противостоит антагонистический класс и деятельность интеллигенции стоит вне экономического процесса присвоения прибавочного труда.

Поскольку общественная группа интеллигенции не имеет определенного классового характера, часть ее может бескорыстно служить народу, другая часть может идти с эксплуататорами[24].

Развивая мысли В. И. Ленина, большевик В. В. Воровский показал, что распространенное представление о русской интеллигенции как об едином передовом классе, сложившееся в период общей энергичной борьбы против крепостничества, является иллюзорным и что внутри интеллигенции ведется самая отчаянная классовая борьба, отражающая борьбу антагонистических классов в обществе[25]. В этих горячих дискуссиях вырабатывались марксистские определения интеллигенции как социально неоднородного слоя, выполняющего общественно необходимые профессиональные функции в разных областях интеллектуального труда, а в идеологическом отношении способного не только проникаться интересами различных, в том числе господствующих, общественных групп и классов и выражать их интересы, но и самоотверженно служить задачам революционной борьбы пролетариата.

Рожденная социалистической революцией в России Советская власть вместе с огромными и неотложными политическими, экономическими и военными задачами поставила и задачу восстановления профессиональных функций интеллигенции на новой базе социалистических общественных отношений: функций образования, новой организации медицинского обслуживания, умножения и укрепления научных центров, сохранения кадров технических специалистов и даже организации подготовки новых кадров работников искусств. О значении интеллигенции в социалистическом обществе В. И. Ленин писал, что она останется особым социальным слоем «впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества...»[26]. Общеизвестно, что усилиями Советского государства и Коммунистической партии Советского

inslav

Союза была поставлена и решена задача подготовки новых кадров интеллигенции из рабочих и крестьян. Дореволюционная интеллигенция также добросовестно вложила свой труд в осуществление этой задачи. За 60 лет выросла советская интеллигенция, далеко превышающая прежнюю интеллигенцию России не только по численности, но и по разветвленной профессиональной специализации [27].

«...Закономерным продолжением политической революции в нашей стране стала революция культурная,— говорил Л. И. Брежнев в докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества».— ...Из глубин народа вышла новая, социалистическая интеллигенция, которая прославила Родину выдающимися достижениями науки и техники, литературы и искусства. Встреча, о которой мечтали лучшие умы человечества, историческая встреча труда и культуры,— состоялась. В истории нашей страны, в истории всей мировой культуры это был поворот огромного значения» [28].

Быстрое накопление массовых кадров народной интеллигенции в СССР и в других социалистических странах вновь поставило задачу определения социальных критериев этой интеллигенции и уяснения ее структуры. Над этим вопросом много работали польские социологи во главе с Яном Щепаньским, а также советские ученые М. Н. Руткевич, С. Д. Сенявский и другие. Принципиальной установкой в этих исследованиях можно считать повышение требований к профессиональной квалификации интеллектуального труда. При социализме оценка интеллектуального труда освобождается от элитарного возвеличения его над всякими другими видами человеческого труда. В этом сказалось изменение социальных условий в новом социалистическом обществе: обязательность и общедоступность образования уничтожили прежние связанные с ним привилегии.

Приведу итоговое обобщение, предложенное М. Н. Руткевичем: Интеллигенцией в прямом и узком смысле по характеру своего умственного труда называются лица, профессионально занимающиеся сложным умственным трудом весьма высокой квалификации, требующим для своего выполнения, как правило, высшего или среднего специального образования. Работников менее сложного, более стереотипного умственного труда, не требующего специального образования, Руткевич не включает в состав интеллигенции, давая им название «служащих-неспециалистов». Профессиональные группы интеллигенции М. К. Руткевич делит на 8 отрядов по их функциям: 1) производственная интеллигенция, 2) медицинская, 3) педагогическая, 4) культурно-просветительная, 5) художественная, 6) административная, 7) научная, 8) военная [29].

Сравнение с дореволюционными функциями русской интеллигенции показывает, что в социалистическом обществе область этих функций расширилась. В определении М. Н. Руткевича выделены новые профессиональные отряды — административная (аппарат управления, юридические органы, банко-финансовая систе-

inslav

ма) и военная интеллигенция. В социалистическом государстве, принципиально отличающемся по своим целям и задачам от государств капиталистического мира, произошла интеллектуализация важнейших государственных функций — организации гражданского правового порядка и организации обороны страны.

Представляется методологически правильным, что определение социалистической интеллигенции построено вне нормативных морально-психологических критериев и лишено элитарных акцентов. Социологическое определение этим не обедняется и не противопоставляется понятию интеллигентности. Представляется, что интеллигентность — это производное от уровня умственной, нравственной и эстетической культуры людей, которое не может быть абстрагировано как общее качество профессиональной интеллигенции.

[1] *Müller Otto Wilhelm.* Intelligencya: Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt, 1971.

[2] *Szczepański Jan.* Struktura inteligencji w Polsce.— Kultura i Społeczeństwo, 1960, t. VI, N 1—2; *Wójcik Zdzisław.* Rozwój pojęcia inteligencji. Wroc'aw, 1962.

[3] *Pollard Allan P.* The Russian Intelligentsia: The Mind of Russia.— California Slavic Studies, 1964, v. III.

[4] *Каблиц И. И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886, с. 74.

[5] *Изгоев А. С.* Интеллигенция как социальная группа.— Образование, 1904, № 1, с. 75.

[6] *Щапов А. П.* Сочинения. Т. 2. СПб., 1906, с. 557—558.

[7] Такие взгляды на русскую дореволюционную интеллигенцию проводятся в работах американских историков М. Мэлиа, Р. Пайпса, Л. Шапиро, Х. Ситон-Уотсона, М. Раефа и многих других. См.: The Russian Intelligentsia. New York, 1961.

[8] *Gella Aleksander.* An Introduction to the Sociology of the Intelligentsia.— The Intelligentsia and the Intellectuals, p. 21, 24. Об этой книге см.: *Филиппов Ф. Р.* Антисоветизм под вывеской «социология интеллигенции».— Социологические исследования. М., 1977, № 4, с. 156—162.

[9] *Szczepański Jan.* Funkcje inteligencji we współczesnych społeczeństwach.— Kultura i Spo'eczeństwo, 1966, N 3, s. 17.

[10] *Любимов Лев.* На чужбине. Ташкент, 1965, с. 44.

[11] Звезда, 1911, № 9.

[12] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. II. М., 1960, с. 323.

[13] *Шахнович М.* Русская церковь в борьбе с наукой. Л., 1939, с. 124—125.

[14] *Tompkins S. R.* Vekhi and the Russian Intelligentsia.— Canadian Slavonic Papers. II, 1957; *Schapiro L.* The Vekhi Group and the Mystique of Revolution.— The Slavonic and East European Review, 1955, N 34, и др.

[15] *Fischer George.* Russian Liberalism: From Gentry to Intelligenstia. Cambridge; Massachussets, 1958, и др.

[16] *Елпатьевский С. Я.* По поводу разговоров о русской интеллигенции.— Русское богатство, 1905, № 3, с. 60.

[17] *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли (выходила частями с 1907 г.); *Он же.* Об интеллигенции. СПб., 1910; *Овсянико-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции. СПб., 1909—1911.

[18] *Nahirny Vladimir.* The Russian Intelligentsia: From Men of Ideas to Men of Convictions.— Comparative Studies Society and History, 1962, v. IV; *Confino Michael.* On Intellectual Tradition in Eighteenth and Nineteenth-century Russia.— Daedalus, Spring, 1972, и др.

[19] The Intelligentsia and the Intellectuals, p. 10, 38—39, 81.

inslav

[20] *Lipset Seymour Martin* and *Dobson Richard B.* The Intellectual as Critic and Rebel: with special Reference to the United States and the Soviet Union.— Daedalus, summer, 1972.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

[22] *Лозинский Евгений.* Что же такое, наконец, интеллигенция. СПб., 1907.

[23] *Горев Б.* На идеологическом фронте. М.; П., 1923, с. 35—36; *Шулятиков В.* Из теории и практики классовой борьбы. М., 1907, с. 62—80.

[24] *Туган-Барановский М. И.* Представляет ли интеллигенция общественный класс? — Мир божий, 1904, № 1.

[25] *Воровский В. В.* Русская интеллигенция и русская литература. Харьков, 1923, с. 149—164.

[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 351.

[27] Подробные данные об интеллигенции в СССР см.: *Сенявский С. Л.* Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970. М., 1973.

[28] *Брежнев Л. И.* Великий Октябрь и прогресс человечества.— В кн.: *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М., 1978, с. 580.

[29] Различные аспекты этой проблемы отражены в работах: *Кон И.* Размышления об американской интеллигенции.— Новый мир, 1968, № 1; *Паньков В.* Интеллигенция как межгрупповой слой.— Социологические исследования. Новосибирск, 1968, вып. 8; *Амелин П. П.* Интеллигенция и социализм. Л., 1970; и др.

inslav

II. СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ (1815—1864)

Я. Лескевичова (ПНР)

Бурная история падения Речи Посполитой и наполеоновского периода определили специфический характер населения образованного в 1815 г. Королевства Польского. Это не было сплошное коренное население, многие поколения которого издавна проживали бы в своих деревнях и малых поселениях; обезлюдевшие вследствие военных разрушений, оно быстро впитывало пришлый элемент: солдат наполеоновской армии, эмигрантов, переселенцев разных профессий. Высшие ступени центральной администрации, подобно тому, как в годы Варшавского герцогства, занимали люди, стекавшиеся с разных сторон в Варшаву. Аристократия и богатые помещики тянулись туда, чтобы обеспечить себе видные государственные должности, молодежь из всех районов прежней Речи Посполитой стремилась в армию [1].

Эта мобильность имела определенный смысл. В Королевстве Польском было сосредоточено не только большинство польского населения, но в 1815—1830 гг. оно пользовалось и наибольшей политической свободой. Сложились условия, которые, казалось бы, способствовали фактическому, а не только правовому сглаживанию общественных барьеров, прежних делений, являвшихся результатом наследования сословной принадлежности.

Стимулировало ли эти изменения и в какой степени экономическое развитие страны? Ответить на этот вопрос мы можем лишь на основе расширенного анализа экономики. В этой области уже много сделано. В имеющихся работах прослежено развитие промышленных поселений в Королевстве Польском, формирование специализированных районов горной, металлургической и текстильной промышленности, введение паровых машин и усовершенствование орудий труда в сельском хозяйстве и промышленности. Дано много интересных оценок рентабельности организуемых предприятий, проанализированы источники банковского и промышленного капитала. Эти ценные исследования дали возможность приступить в широком масштабе к работам по изучению источников рекрутирования, численности и структуры рабочего класса [2], а также истории варшавской буржуазии, оценить ее

inslav

приблизительную численность, рамки и результаты хозяйственной деятельности, прокладывавшей путь к расширению капиталистического производства[3]. Однако если мы захотим выяснить генезис развития капиталистического общества не только как сумму процессов развития отдельных классов, но как перемещение людей, групп и слоев, в результате которого разрушаются прежние, санкционированные законом сословные барьеры и решающую роль начинают играть критерии социальной принадлежности, то тогда много еще вопросов из истории Королевства Польского останется без ответа[4]. Следует, впрочем, подчеркнуть, что состояние источников, которыми мы располагаем, таково, что получить такие ответы чрезвычайно трудно, а иногда даже невозможно.

В стране, в которой около 80% населения проживало в деревне, сельское хозяйство было главным источником капитала. Однако интересным представляется, как проходило его перемещение из сельского в зарождавшееся капиталистическое хозяйство. Наиболее прямой путь — это основание помещиками разного рода предприятий: сахарной промышленности (например, сахарные заводы), средств сообщения (пароходство на Висле, участие в строительстве железных дорог), горной промышленности (добыча природных богатств в собственных поместьях).

Косвенный путь — приток налоговых поступлений из деревни в государственную казну, откуда капиталы шли на содержание многочисленного государственного аппарата и армии, частично же поддерживали хозяйственное предпринимательство, служили расширению ростовщичества, торговым операциям и промышленному производству. Однако часть капиталов возвращалась снова в деревню как плата за купленные помещичьи поместья, как займы для погрязших в долгах собственников, как разного типа хозяйственные капиталовложения. Эти вопросы находятся в поле нашего зрения, однако зондажные исследования еще не завершены. Социальные аспекты накопления капитала, характер и объем капиталовложений в деньгах, натуре, рабочей силе (значительная часть которой все еще носила крепостной характер) и их окончательные результаты в виде изменений в распределении национального дохода — это главные для нас проблемы, требующие экономической интерпретации. С этим тесно связаны вопросы движения цен (ведь падение ценности денег так же старо, как сами деньги) и заработной платы, возможностей социального продвижения благодаря наличию собственности (высокий ранг которой в общественной жизни упрочил Гражданский кодекс Наполеона) и продажи вольнонаемной рабочей силы.

Окончательного выяснения этих вопросов нам придется еще подождать, однако уже сейчас можно сформулировать рабочую гипотезу, касающуюся причин, которые стимулировали общественные преобразования в Королевстве Польском — гипотезу, которую надо будет проверять в ходе дальнейших исследований. Ее исходным элементом является тот факт, что с интересующей нас точки зрения XIX в. можно разделить на два отдельных периода.

inslav

Границей между первой и второй половинами столетия служат 1850—1864 гг. В это время в сельском хозяйстве наступил быстрый рост обложения оброком и раскрепощения крестьян, возросла цена зерновых, а тем самым и рентабельность фольварочного хозяйства, а для промышленных изделий открылся восточный рынок в результате отмены таможенной границы между Россией и Королевством Польским. В предшествующий период, начавшийся образованием Варшавского герцогства, продолжением которого было в определенном смысле Королевство Польское, экономические предпосылки развития капитализма еще слабо воздействовали на экономику страны в целом, а если в какой-то степени и воздействовали, то это происходило при посредстве государства.

Большая роль государства в развитии капитализма в отсталых странах широко известна, однако на польских землях она имела свой специфический аспект. Тогдашняя система государственной власти и администрации возникла здесь не путем эволюции сословной Речи Посполитой, а в результате введения извне нового правового статуса и новой структуры администрации. Обе прогрессивные для того времени конституции от 1807 и 1815 гг. вводили экономические критерии участия во власти (критерий собственности, а не дохода или имущества), создавали новую бюрократическую систему и армию. Лишь организация системы школьного образования была прямым продолжением работы эдукационной комиссии времен Станислава Августа. Деятельность государства, охватывавшая все новые области общественной жизни, в большой степени способствовала значительному увеличению численности квалифицированных работников. Государство непосредственно вторгалось и в область экономики. На основе нового гражданского законодательства оно стояло на страже буржуазной собственности, создавало учреждения, облегчавшие оборот капитала: Польский банк, Кредитное земское общество, ипотеку. Потребности армии расширяли рынок сбыта изделий военной и текстильной промышленности; фортификационные и дорожные работы, а также строительство способствовали распространению наемного труда, давали дополнительный заработок крестьянам. Предпринимательская деятельность в горной и металлургической промышленности имела, как правило, узкий характер, а планы создания крупных предприятий провалились. Еще менее эффектно выглядели действия, способствовавшие притоку рабочей силы, главным образом ремесленников-ткачей, из-за границы. Хотя они и не привлекли, как ожидалось, иностранных капиталов, зато дали результаты, оказавшие существенное воздействие на формирование рабочего класса. При содействии государства проходил также процесс накопления капитала. (Его облегчали поставки для армии, монополии, аренда налогов, использование «казенных» сумм для развития горной и металлургической промышленности, а также при строительстве публичных зданий). Однако обогащались и приобщались к классу буржуазии лишь единицы, а численность наемных рабочих увеличилась лишь на несколько тысяч человек.

inslav

Эти медленные темпы преобразований заметно ускорились с середины столетия, а после отмены крепостного права и разгрома восстания 1863—1864 гг. началась бурная индустриализация страны[5]. Экономические предпосылки этой индустриализации были иными, чем в предыдущий период. Когда Королевство Польское стало лишь суммой губерний, принадлежащих России, «обогащение за счет государства» перестало играть столь большую роль, зато огромное значение приобрели российские рынки сбыта, увеличилась также емкость внутреннего рынка в результате крестьянской реформы и быстрой урбанизации страны. Правда, мелкие и средние владельцы фольварков остро переживали последствия крестьянской реформы, однако в руках крупных помещиков начали накопляться значительные суммы из возмещений за отмену крепостных повинностей, а также от развивающейся пищевой промышленности. Помещичьи капиталы начали поступать в новые акционерные общества. Все большую роль стали играть несельскохозяйственные источники накопления капитала.

Однако вернемся к интересующему нас периоду. Итак, он характеризуется медленными темпами экономических преобразований во всей стране и образованием немногочисленных и небольших промышленных районов. Лишь Варшава развивалась быстрее как главный центр капиталистических форм экономической жизни.

Прежде чем перейти к социальной структуре Королевства, эти вступительные замечания следует дополнить еще сведениями демографического характера. Кривая демографического роста в первой половине столетия поднималась очень медленно вследствие войн, эпидемий и голода; зато с 60-х годов она достигает невиданных для польских земель темпов роста. Новая работа И. Гейштеровой, посвященная этому периоду, оспаривает принятые до сих пор в науке расчеты о росте населения польских земель в XIX в., в том числе и Королевства Польского. Исходя из теоретических определений, принятых в работах по изучению движения населения, Гейштерова указывает на занижение статистик первой половины XIX в., а тем самым на значительное завышение темпов роста населения. По ее расчетам, в момент своего образования Королевство Польское насчитывало около 4,5 млн. человек, в 1868 г.— чуть более 5 млн., а в 1910 г.— 11,5 млн. человек[6].

Эти демографические данные служат еще одним аргументом в пользу предложенной выше периодизации развития страны в прошлом столетии. Достижения исторической демографии позволяют надеяться, что в будущем удастся выяснить вопрос: что было большим — темпы роста населения или темпы социальных изменений, и в каком направлении воздействовал на них демографический фактор? Но в то же время на часто ставящийся в польской историографии вопрос: что проходило быстрее — рост населения или рост производства продовольствия на душу населения? — мы получаем противоречивые ответы, от крайне оптимистических до пессимистических и осторожных.

inslav

Население Королевства Польского составляло 4,6—5 млн. человек, а решающий перевес в этой популяции имело польское население. Среди других национальностей наибольшую и все увеличивавшуюся вследствие большого естественного прироста группу составляли евреи (в 1862 г. около 640 тыс. человек) [7]. Вторую по численности национальную группу составляли немцы (около 280 тыс. человек) [8]. Кроме этого, в тогдашней статистике фигурировало около 220 тыс. униатов, наряду с поляками в данную категорию входили еще слабо обособленные в национальном смысле группы белорусов и украинцев. Изменения социальной структуры проходили в рамках каждой из этих групп, хотя и с разной силой. Но в то же время происходили процессы амальгамирования, переходы членов одной национальной группы в другую с преобладанием процессов полонизации.

Однако углублявшаяся со временем вплоть до 1864 г. экономическая отсталость страны, а также освященная веками существования сословная структура и сложившаяся под ее влиянием общественная психология тормозили социальные изменения в стране. В польских условиях это были шляхетские привилегии: шляхетская монополия на власть, земельную собственность и общественный престиж, а также крепостная зависимость крестьян, слабость мещанского сословия и юридическая изоляция евреев. Независимо от того, что мы думаем о внутренней дифференциации дворянского сословия в бывшей Речи Посполитой, наличие родового герба было главным критерием социальной принадлежности человека к господствующему классу. В Королевстве Польском дворянское звание перестало быть главным знаком высокого общественного ранга. Однако процесс этих изменений не сводился к медленной, идущей в одном направлении эволюции. Королевство Польское 1815—1830 гг. оставалось дворянским государством, возглавлявшимся сеймом, почти целиком состоявшим из дворян. Дворяне занимали большинство государственных постов. В их руках, как и прежде, находилась власть. Им принадлежало также огромное большинство земельной собственности.

После восстания 1830—1831 гг. положение изменилось. Новый закон о дворянстве (1836 г.) должен был создать иное, связанное с престолом дворянское сословие. Мало было родиться дворянином, наследственное дворянство надо было бюрократическим способом узаконить. Можно было также получить это звание за заслуги перед государством или монархом, или даже за службу на соответствующих ступенях бюрократической и военной лестницы. Речь могла идти, наконец, не только о наследственном дворянском звании, но и о личном. Те, кто утратил право на дворянство, стали называться шляхтичами, но продолжали придавать своему родовому гербу большое значение. Представители же старых дворянских родов, даже имея возможность подтвердить свои сословные права, не всегда стремились узаконить их бюрократическим путем. В числе шляхетских привилегий остались льготы в несении военной службы, некоторое смягчение положений уго-

inslav

ловного кодекса, определенные льготы в области образования. Но политика царизма в области просвещения не столько укрепляла позицию шляхты, сколько закрывала доступ к образованию другим слоям, препятствовала ликвидации неграмотности крестьян и ремесленников.

Вследствие этих изменений когда-то единое шляхетское сословие оказалось юридически дифференцированным, распалось на различные социальные группы. Владелец фольварка, небольшого поместья, чиновник, учитель, офицер сначала придавали большое значение своему «благородному» происхождению, а родство, светские связи, образование косвенным образом влияли на значимость шляхетского герба в повседневной жизни. Но со временем стали сглаживаться различия в способе получения герба (потомственное или личное дворянство), он постепенно утрачивал свое значение, становясь главным образом источником самоудовлетворения, а в смысле общественного престижа требовалось подкрепление герба другими ценностями — личными заслугами, образованием, имуществом. Однако аристократические титулы сохраняли прежний престиж, особенно если их обладатели имели еще и большое состояние [9].

Крепостная зависимость в большей степени, чем шляхетство, функционировала вне права. Ее отменила конституция Варшавского герцогства, а полную ликвидацию упрочил гражданский кодекс и новая система судопроизводства. Однако термин «крепостной» по-прежнему широко применялся; им пользовались как в официальных документах, так и в отношениях поместье — деревня. Было ли это лишь терминологическим атавизмом, или же термин нес в себе и старое содержание? Скорее все-таки второе. Ведь не ошибался же известный дворянский деятель и публицист середины XIX в. Людвик Гурский, когда в личной свободе усматривал характерную черту «класса поденщиков» [10]. Ибо крестьянехозяева по-прежнему находились во всесторонней личной зависимости от помещика. Менее обременительными стали договора об оброке, однако независимыми становились лишь бессрочные арендаторы, а их было немного в частных владениях. Экономическая зависимость от имения, выделение вспомоществований и хозяйственного инвентаря, предписания о передвижении населения, отсутствие реальных шансов изменить бытовые условия, многовековые традиции — все это укрепляло крепостной характер зависимости крестьян, тормозило экономический и общественный прогресс, замедляло формирование польской нации, препятствовало всем попыткам восстановления независимости [11].

Немногочисленность, экономическая и культурная слабость мещанства — наследие старой Речи Посполитой продолжала сохраняться несмотря на изменившиеся правовые условия.

В отношении еврейского населения закон закреплял сословную обособленность этой этнонациональной группы, унаследованную от феодализма. Принудительный процесс урбанизации еврейского населения, прикрепление его к отдельным районам упрочи-

inslav

ли культурное отличие, еще более усугубляли обособленность профессиональной структуры. Однако положение евреев в определенном смысле способствовало накоплению капитала, который лишь в исключительных случаях мог использоваться для приобретения земельных владений (на это требовалось согласие императора) и на некоторые другие хозяйственные предприятия, на которые сохранялась шляхетская монополия. Поэтому, несмотря на все ограничения, именно из местного еврейского населения выходили первые представители нарождавшейся буржуазии.

Таким образом, натиск капиталистического хозяйства все нарастал, однако сословная иерархия в обществе сохранялась — в соответствии с законом или вне закона. Ее воздействие имело разные последствия для каждого из прежних сословий.

Крестьянское население составляло наибольшую часть общества. В описываемый период возросла его численность в абсолютных цифрах, хотя несколько снизился удельный вес во всем населении. Однако по-прежнему он оставался достаточно высоким (на 100 жителей Королевства Польского приходилось 75—80 крестьян). Поскольку сельскохозяйственное производство развивалось главным образом экстенсивным путем — благодаря увеличению площади обрабатываемой земли, и продолжало существовать крепостное право, в положении крестьянских масс не наступило радикальных изменений. Полученная ими некоторая свобода передвижения, доступ к административным должностям, но в то же время утрата узаконенного обычаем права на землю, которое было отдано помещикам (1807) и растущая раздробленность земли в результате территориального увеличения фольварка и демографического роста, создавали новые условия крестьянской жизни. Она характеризовалась значительно возросшей по сравнению с предыдущим периодом территориальной мобильностью. Уход в города и местечки и движение из деревни в деревню в поисках лучших условий (незанятого хозяйства, сезонной работы или постоянной службы, более «человечного» помещика) вели к ослаблению прежней привязанности к месту. В города уходили либо сыновья крестьян-хозяев и местных ремесленников в поисках возможности обучаться профессии, либо найти заработок, но также поденщики и сельскохозяйственные рабочие — после окончания сезона неотложных работ в сельском хозяйстве. Покидали свои места крестьяне, сгоняемые с земли в результате оброчного регулирования. Однако отмеченная в источниках мобильность чаще всего вела только к обеспечению прожиточного минимума. Переход в ряды рабочего класса имел место в очень небольшой степени, в крупные города вел долгий путь через местечки. Включение в рабочую силу образованных людей для начала столетия было явлением весьма редким; со временем же, по мере того как система школьного образования становилась все реакционнее, исчезло почти совсем. Однако территориальная мобильность имела свое значение — она облегчала позднейший массовый приток в ряды рабочего класса, а также массовую эмиграцию.

inslav

Хотя продолжали существовать административные, образовательные и традиционные барьеры, хотя не наступило особых изменений в социальном положении крестьян, их внутреннее расслоение все же усиливалось. Ведь продолжали функционировать прежние феодальные барьеры, причем некоторые из них приобретали еще большее, чем во времена Речи Посполитой, значение, ибо углубились экономические и юридические различия между частными и публичными владениями. По-прежнему выделялись в деревнях солтысы (старосты), гордившиеся еще королевскими привилегиями на свое хозяйство.

В то же время из крестьянского населения выделялись немногочисленные крестьяне-собственники, крестьяне — бессрочные арендаторы своей земли, все чаще ведущие товарное хозяйство, базировавшееся на развитии животноводства. Несмотря на бесспорное развитие рыночных связей, судьба крестьянских хозяйств по-прежнему зависела от политики владельца земли — от того, принадлежала она казне или помещику. Последствия проведенных реформ шли в двух направлениях: с одной стороны,— увеличения числа оброчников, с другой — увеличения численности малоземельных как работавших на барщине, так и оброчных, а также безземельных крестьян. Делались также попытки укрепить и узаконить крепостничество путем заключения письменных договоров с барскими крестьянами.

За пределами системы внеэкономической феодальной зависимости находились прежде всего безземельные крестьяне. Их численность накануне аграрной реформы составляла более 1300 тыс. человек, т. е. около 40% всего крестьянского населения при двухмиллионной массе крестьян-собственников или бессрочных арендаторов земли. Массы безземельного крестьянства, наиболее мобильного, наиболее свободного, разрушали изнутри систему помещичьего хозяйства [12].

На другом полюсе деревни находились помещики — владельцы фольварков. Они были прямыми потомками шляхты, владевшей поместьями времен старой Речи Посполитой, и не до конца утратили прежние сословные привилегии. Но, несмотря на это, они все чаще стали переходить на позиции класса капиталистического общества, класса, который в зрелой форме существовал в 1864—1944 гг. Предыдущий этап — 1807—1864 гг.— следует рассматривать как переходный период, на протяжении которого на базе феодально-шляхтского сословия складывался класс помещиков. Феодалы, шляхта постепенно утрачивают монополию на власть, а со временем и участие во власти; элита прежнего дворянского сословия — магнаты, потеряв свою позицию в государстве и часть состояния, превращаются в аристократию с магнатской родословной. Со временем изменяется и социальный состав земельных собственников вообще. Ликвидация дворянской монополии на владение землей, резкий рост на рубеже XVIII и XIX вв. задолженности земельных владений, политические репрессии, «пожалование» земельных владений иноземными монархами — все это

inslav

способствовало притоку в ряды помещиков новых людей: обогатившихся мещан, иностранцев. Путем продажи разного рода, конфискаций, задолженности крупным буржуа, мелким ростовщикам или окрестным помещикам земля меняет владельцев, однако лишь небольшая ее часть попадает в руки крестьян или сельских ремесленников (в форме бессрочной аренды). Все еще сохраняется численный перевес «гербовой» шляхты, наследовавшей от предков свои владения, а также, хотя значительно реже, тех из помещиков, которым удалось обогатиться и приобрести земельную собственность от государства или частного владельца.

Полунатуральное фольварочно-крепостное хозяйство, избегавшее всяческих усовершенствований, требовавших денег, нацеленное исключительно на удовлетворение повседневных потребностей и продажу хлеба для покрытия расходов, связанных с приобретением предметов роскоши, постепенно начинает изменяться. В фольварочной бухгалтерии появляется экономический расчет, калькуляция рентабельности оброчной системы, капиталовложений для интенсификации растениеводческого и животноводческого производства. Однако источником накопления капитала в руках помещиков становилось в первую очередь развитие перерабатывающей промышленности и эксплуатация минеральных богатств в собственных имениях. Труднее определить, каковы были мотивы вырубки лесов — массового явления в Королевстве Польском: получение ли средств на капиталовложения, или же на уплату долгов? Утрата собственной государственности лишила помещиков многих источников дохода: одни перешли в руки буржуазии, другие, например, доходные должности и королевские пожалования, просто перестали существовать. Несмотря на это помещики получали значительную часть национального дохода. На нынешнем этапе исследований нелегко даже приблизительно подсчитать размеры этой части. Судя по структуре собственной земли и структуре экономики страны, на долю владельцев около 7 тыс. имений (с членами семьи около 25 тыс. человек) приходилось примерно 50% национального дохода.

Хотя помещики постепенно становились все менее связанными со средой мелкопоместного дворянства, буржуазии и интеллигенции, они по-прежнему вели свой собственный образ жизни, символом которого было дворянское поместье, помещичий дом или дворец. Отчетливое выделение дворянства является специфической чертой структуры польского общества, выражением его отсталости [13].

Промежуточную позицию между крестьянством и помещиками занимала мелкая шляхта. Деревни, заселенные шляхтой, и усадьбы мелких шляхтичей занимали обычно сплошные районы, главным образом в северных уездах Королевства. Мелкая шляхта жила как бы в стороне от происходивших экономических преобразований. От крестьян она отличалась происхождением, которое питало их «гонор», стремлением получить образование. От фольварочной шляхты их отделяла глубокая пропасть: они сами об-

inslav

рабатывали свои небольшие земельные участки, а уровень жизни у них был очень низким. Мелкопоместное дворянство насчитывало накануне восстания 1830—1831 гг. около 340 тыс. человек, а накануне восстания 1863—1864 гг.— около 380 тыс. Большинству из них был свойственен общественный консерватизм, но в то же время и горячие патриотические чувства, а отчасти — стремление к изменению существующего политического устройства. Экономическая слабость и массовое участие в национально-освободительной борьбе характеризовали эту группу польского населения [14].

В городах прежние сословные барьеры сглаживались заметнее, занимаемые позиции изменялись быстрее, вновь образующаяся социальная амальгама меняла людей быстрее, чем мелкобуржуазная среда прежних лет [15]. Однако и сама мелкая буржуазия развивалась количественно, усиливалась экономически, ибо процессы урбанизации вели к росту значения мелкого производства и услуг, которого уже не тормозили корпорационные узы феодальной цеховой организации.

Буржуазия была сосредоточена в крупных городах, в первую очередь в Варшаве. У нее не было родословной, которая бы уходила в XVIII в. Она формировалась главным образом из пришлых людей и представителей местного еврейского населения в атмосфере неблагожелательности и даже враждебности со стороны крестьянско-помещичьего общества. Ее верхушка — плутократия — это всего полтора—два десятка фамилий. Средняя буржуазия была более многочисленной, более рассеянной по стране. Процессы включения первых буржуа в рамки польского общества эпохи капитализма были связаны с процессами ассимиляции [16].

Подобно тому, как резкий рост численности и силы рабочего класса являлся на рубеже XIX и XX столетий главным элементом изменений структуры населения Королевства Польского, так в предыдущий период такого рода перемены выражались в формировании прослойки интеллигенции. Поскольку вопрос этот рассматривается отдельно (см. раздел Р. Чепулис-Растенис), здесь необходимо лишь подчеркнуть, что интеллигенция начала формироваться не в результате развития капиталистической промышленности. Ее генезис уходит корнями в эпоху Просвещения, положившую начало развитию культуры общества в современном понимании этого слова. Пробуждение новых потребностей и попытки их удовлетворения в области образования, искусства, разных форм интеллектуальных услуг, государственной администрации, армии придавали новое, более высокое значение интеллигенции. Раньше продукты их труда нужны были главным образом шляхетской элите, теперь — требовались и самым бедным из привилегированного класса. К интеллигентам тянулись также боровшиеся за повышение своего общественного положения мещане. Время легионов, наполеоновский период польской истории стимулировали эти новые устремления, тогда как реакционная позиция части властей Королевства Польского, а после 1830 г.— политика царизма в области просвещения их тормозила. Однако, несмотря

inslav

на все эти препятствия, несмотря на бедность и отсталость страны, общий прогресс цивилизации и развитие науки увеличивали число образованных работников, расширяли их профессиональный диапазон, способствовали все более высокому уровню квалификации. Формируются новые профессиональные группы, доступ к которым давало образование, открывавшее пути к продвижению в обществе. Именно среди интеллигенции особенно легко прослеживаются интересующие нас процессы общественной мобильности[17].

Численность промышленных рабочих в Королевстве Польском на протяжении рассматриваемого периода не была значительной. Но именно их появление предвещало новую эпоху, на протяжении которой произошли большие изменения, охватившие широкие слои населения.

Уже в первой половине XIX в. отчетливо наметились центры будущей индустриализации страны: горнометаллургический округ на юго-западе Королевства, лодзиньский район текстильной промышленности и Варшава с разнообразным производством, преимущественно металлическим. Это три главных промышленных района. Они представляют не только разные отрасли производства, но и различные процессы, ведущие к формированию рабочего класса.

Значительная часть шахтеров и металлургов все еще была связана с землей, у них были свои крестьянские хозяйства, которые наряду с заработной платой за наемный труд являлись основой их материального существования. Переход с позиции крестьянина-хозяина на статус шахтера продолжался многие годы, иногда целые поколения. Путь на текстильную фабрику значительно чаще вел через ремесленную мастерскую и местечко, чем через деревню. Текстильные промышленные рабочие в большей степени представляли собой пришлый элемент, ткачи из Великопольши и немецких земель вливались в ряды местных ремесленников. И, наконец, Варшава, где процессы рекрутации ремесленников охватывали различные в социальном отношении круги, в том числе обедневших мещан, мелкую шляхту, сельское население, а в территориальном отношении касались самых обширных районов. Связь с деревней была характерна также для рабочих пищевой промышленности, которая развивалась на базе помещичьих имений. Поставщиком рабочей силы для городского строительства были мещане и выходцы из деревни. Таким образом, рабочая среда характеризовалась в то время значительными социальными различиями. Одна часть рабочих прочно входит в промышленность, осваивая профессию и приобретая профессиональное образование (например, в Горном корпусе), другая сохраняет связь с ремеслом или с сельским хозяйством. Но самую большую группу составляли те, для которых работа на производственном предприятии являлась единственным источником существования.

Хотя промышленные рабочие составляли лишь небольшую часть населения, все же они были заметны в его социальной

inslav

структуре. Именно в то время распространился термин «рабочие» в современном значении этого слова[18].

Социальные аспекты и социальные последствия формирования нового класса все еще заслонялись в сознании современников так называемым крестьянским вопросом. Его понимание и значение претерпели изменения в середине столетия. Уже не только отмена крепостничества и урегулирование права крестьян на их хозяйства, но и быт безземельного крестьянства становятся содержанием крестьянского вопроса.

* * *

Эта краткая и потому упрощенная характеристика социальной структуры Королевства Польского основывается на традиционном делении населения на городское и сельское, и лишь в рамках этих групп проводятся последующие линии раздела. Однако и на этой второй ступени социального расслоения не применены относимые лишь к капиталистическому строю классовые критерии. Городская буржуазия и помещики не трактуются как один класс. В условиях экономической отсталости инонациональное происхождение буржуазии и дворянское происхождение большей части помещиков были причиной того, что между обеими этими группами не только пролегала пропасть в культурном отношении, но и различие социальной позиции, а в области экономической деятельности их чаще разделяли соперничество и враждебность, чем связывало сотрудничество.

Но главная для нас проблема рабочего класса — 60 тыс. рабочих, занятых в промышленности, составлявших вместе с семьями около 200 тыс. человек, а рядом с ними — более 1300 тыс. безземельных крестьян. Их многое объединяет, но многое и делит. Проанализировать эти социальные категории вместе довольно трудно, трактовать же отдельно — едва ли правильно с методологической точки зрения. Интеллигенция является отдельной прослойкой, хотя некоторые исследователи усматривали в ней «пролетариат умственного труда».

Трудности, с которыми мы сталкиваемся, обусловлены, в частности, необходимостью проводить арбитральные деления на группы, сложностью выделения промежуточных категорий, которых тем больше, чем медленнее развивались процессы общественных перемещений, а также промежуточным характером тогдашнего населения, находившегося как бы «между феодализмом и капитализмом», слабостью перемен, которые охватили лишь тонкий слой населения и не имели значительного размаха.

Учитывая всю миграцию в города как показатель не только территориальной, но и социальной мобильности (а ведь зачастую это было лишь иллюзорное изменение положения), мы можем подсчитать приблизительно, что менее 10% населения на протяжении первой половины столетия изменило свое общественное положение, а более 90% оставалось в старой сословной структуре.

inslav

В рамках этой структуры, как мы уже говорили, происходили многочисленные изменения в разных направлениях; крестьянство, мелкая буржуазия, шляхта — все эти формально уже переставшие существовать сословия проходили внутреннее расслоение. На происходивших в общественной иерархии изменениях проигрывали прежде всего те, у которых было что терять,— аристократия и шляхта — помещики, в некоторой степени выигрывало мещанство и те крестьяне, которые получили право собственности на землю. Проигрывали также крепостные и оброчные крестьяне, пользовавшиеся хозяйствами на основе краткосрочных договоров, ибо в соответствии с действовавшим законодательством они работали на помещичьей земле. Таким образом, начальный период капитализма способствовал скорее деградации, чем социальному выдвижению. В конце XIX столетия положение изменилось. Настоящая работа не содержит систематической характеристики социальной структуры населения Королевства Польского, хотя и дает определенное количество информации. В нем прежде всего сформулированы рабочие гипотезы, которые, не исчерпывая данного вопроса, должны обогатить перечень проблем для дальнейших исследований. Широко развертываемая работа по данной тематике несомненно поможет найти правильные ответы на поставленные вопросы [19].

[1] Przemiany społeczne w Królestwie Polskim 1815—1864. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1979; *Rostocki Wł.* Korpus w gęsie pióra uzbrojony. Warszawa: PIW, 1972.

[2] *Kowalska S., Jedlicki J., Jezierski A.* Ekonomika górnictwa i hutnictwa w Królestwie Polskim 1831—1864. Warszawa: PWN, 1958; *Missalowa G.* Studia nad powstaniem łódzkiego okręgu przemysłowego 1815—1870. Łódź: PWN, 1964; Polska klasa robotnicza. T. 1, cz. 1. Warszawa: PWN, 1974.

[3] *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim (1815—1850). Warszawa: PWN, 1957; *Он же.* Piotr Steinkeller 1799—1854. Warszawa: PWN, 1963; *Kosim J.* Losy pewnej fortuny: Z dziejów burżuazji warszawskiej w latach 1807—1830. Wrocław: Ossolineum, 1972.

[4] Polska XIX wieku / Pod red. St. Kieniewicza. Warszawa: WP, 1977; Między feudalizmem a kapitalizmem. Wrocław: Ossolineum, 1976.

[5] Uprzemysłowienie ziem polskich w XIX i XX w. / Pod red. I. Pietrzak — Pawłowskiej. Wrocław: Ossolineum, 1970.

[6] *Gieysztorowa I.* Wstęp to demografii staropolskiej. Warszawa: PWN, 1976.

[7] *Eisenbach A.* Kwestia równouprawnienia Żydów w Królestwie Polskim. Warszawa: KiW, 1972.

[8] *Śladkowski W.* Kolonizacja niemiecka w południowo-wschodniej części Królestwa Polskiego w l. 1815—1915. Lublin, 1969.

[9] *Jedlicki J.* Klejnot i bariery społeczne. Warszawa: PWN, 1968.

[10] *Górski L.* Uwagi nad stanem robotników rolnych.— Roczniki Gospodarstwa Krajowego. 1861, t. 41, s. 749—751.

[11] *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław: Ossolineum, 1953.

[12] *Śreniowski S.* Studia nad prawem i stosunkami agrarnymi Królestwa Polskiego 1831—1864. Warszawa: KiW, 1963.

[13] Богатый материал по данному кругу вопросов содержат актовые материалы ипотеки, натариата и налоговых управлений.

[14] *Chamerska H.* Drobna szlachta w Królestwie Polskim 1815—1864. Warszawa: PWN, 1975.

inslav

[15] *Kowalska-Glikman S.* Ruchliwość społeczna i zawodowa mieszkańców Warszawy w l. 1845—1861. Wrocław: Ossolineum, 1971.
[16] *Ihnatowicz I.* Burżuazja warszawska. Warszawa: PWN, 1972; Dzieje burżuazji w Polsce: Studia i materiały / Pod red. R. Kołodziejczyka. Wrocław: Ossolineum, 1974, t. 1.
[17] *Czepulis-Rastenis R.* «Klassa umysłowa» — inteligencja Królestwa Polskiego 1832—1862. Warszawa: KiW, 1973.
[18] Polska klasa robotnicza: Studia historyczne / Pod red. S. Kalabińskiego. T. I—VII. Warszawa: PWN, 1970—1976.
[19] Программу исследований общественной структуры Королевства Польского сформулировали В. Куля и Е. Едлицкий в кн.: Struktura społeczna Królestwa Polskiego: Studia o uwarstwieniu i ruchliwości społecznej / Pod red. W. Kuli. T. I—IV; Społeczeństwo polskie. T. V—VI / Pod red. J. Leskiewiczowej. Warszawa: PWN, 1968—1976.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА В ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ

А. С. Мыльников (СССР)

Период, известный в истории чешского народа как эпоха национального возрождения (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.), ознаменовался коренными сдвигами в социальных структурах населения. Они были связаны с углублением общего кризиса феодализма, развитием буржуазных отношений в городе и деревне, начавшимся на рубеже XVIII—XIX вв. промышленным переворотом и проникновением капитализма в сельское хозяйство. Процесс этот отличался многоплановостью, обусловленной не в последнюю очередь положением Чешских земель в Австрийской империи и вытекавшим отсюда национальным угнетением чешского народа и его борьбой за свое национальное и социальное освобождение.

Сдвиги в социальных структурах находились в тесной взаимосвязи с этнодемографической ситуацией Чешских земель, где наряду с коренным чешским этносом проживали компактные группы немецкого населения (особенно, в Северо-Западной Чехии, в Силезии и Моравии), поляки в Силезии, евреи в Праге, Брно, Оломоуце и ряде других городов и в сельской местности[1]. По данным видного деятеля чешского национального возрождения К. Запа, в Чешских землях в 1854 г. чехи составляли примерно 3 млн. человек, немцы — 1,25 млн. человек, в Моравии соответственно 1,3 млн. и 450 тыс. человек, а в Силезии чехи составляли приблизительно половину населения[2]. Цифры эти точностью, по-видимому, не отличались. Но несомненно, что доля немецкого населения в Моравии и Силезии в рассматриваемый период была выше. Из данных, которые в 1840 г. приводил моравский общественный деятель А. Шембера, следует, что в предреволюционный период лица немецкой национальности составляли в Моравии до 38%, а в Силезии около 50% населения[3].

inslav

В целом демографическое развитие Чешских земель с конца XVIII в., в сравнении с предшествующими побелогорскими десятилетиями, несколько стабилизировалось. В результате трагических событий XVII в. население уменьшилось на 75%. Бесконечные войны XVIII в. и затянувшийся кризис феодально-барщинной системы не стимулировал роста народонаселения, для которого были характерны волнообразные скачки. Положение стало постепенно исправляться после того, как Чешские земли перестали быть ареной австро-прусских войн и опустошительных вторжений прусских войск, после отмены в 1781 г. личной феодальной зависимости крестьянства и наметившегося роста буржуазных отношений. В 1814 г. по сравнению с 1781 г. прирост составил всего 26,2%, а в 1814—1846 гг. уже 73,7%[4]. Это означало увеличение численности населения более чем на 2/3 В 1846 г. оно превысило 6,5 млн. при средней плотности 82 человека на один квадратный километр[5].

До 1820-х годов рождаемость в аграрной Моравии, например, была выше, чем в промышленно развитой Чехии. По мере капиталистической индустриализации и проникновения буржуазных отношений в сельское хозяйство с середины XIX в. наметилась тенденция относительной равномерности демографической эволюции Чешских земель.

Демографическое развитие испытывало воздействие также последствий стихийных бедствий — массовых эпидемий холеры (1832, 1835—1837, 1849—1850, 1855, 1866), тифа (1847). Канун революции 1848—1849 гг. ознаменовался катастрофическим неурожаем и страшным голодом как сельского, так и городского населения, усугубленными экономическим кризисом 1847 г. и массовой безработицей[6]. Противоречия агонизировавшего феодального строя и развивавшегося в недрах его капитализма сплелись в один клубок и вели к общему обострению общественных противоречий и возникновению революционной ситуации накануне 1848 г.

В итоге в этнодемографической ситуации рассматриваемой эпохи своеобразно отразился процесс перехода общества от феодализма к капитализму. Перемещение населения из деревни в город, а также из одних районов в другие приводило к ломке традиционной территориальной привязанности, к усилению мобильности отдельных групп населения в результате интенсивных внутренних миграций. Это оказывало непосредственное воздействие на общую демографическую и этническую ситуацию и отражалось в сдвигах социальных структур, которые происходили в чешском обществе на этапе консолидации чешской нации.

Однако с 30—40 годов XIX в. деревня продолжала занимать доминирующее место в экономической жизни позднего феодализма. Но наряду с основными классами — помещиками и крестьянами, в социальной структуре деревни все большую роль начинали играть слои, связанные с развивающимися буржуазными отношениями. Все большая часть крестьянства начинала работать на рынок, втягивалась в рассеянную мануфактуру, переходила

inslav

в категорию лиц наемного труда, занятых в мануфактурном, а позднее и в фабрично-заводском производстве[7]. В итоге доля населения, занятого в сельском хозяйстве, неуклонно понижалась[8].

Привычными фигурами в сельской местности давно уже стали скупщики и перекупщики продукции деревенского ремесла, торговцы промышленными товарами, книгами и другими предметами, поступавшими из города. Заметную роль в сельской жизни села стали играть учителя начальных школ и приходские священники. Многие из них, хорошо зная повседневные нужды крестьянских масс, вели патриотическую деятельность, шедшую вразрез с политикой правительства и потому вызывавшую беспокойство властей[9].

В целом накануне революции 1848—1849 гг. деревня в Чешских землях стала одним из важных центров классообразования утверждавшегося капиталистического общества и существенным компонентом чешской нации. Другим центром, где протекали эти процессы, был город, социальная, а тем более этническая структура которого являлась более сложной. В Праге и Брно находились земские государственные органы управления, а также органы сеймового представительства. В областных и краевых городах располагались органы местного управления. Города в Чешских землях превращались в важные не только экономические, но и национальные культурные центры, оказывавшие несомненное влияние на окружавшую их деревенскую периферию. В них проживали ремесленники, купцы, торговцы, врачи, юристы и представители других свободных профессий, школьные учителя, а в Праге и Брно и университетские преподаватели, чиновники, военнослужащие, духовные лица, часть дворянства и другие категории населения. Росла численность городского населения. Если в 1846 г. население Праги составляло 115 тыс. человек, то в 1857 г. здесь, включая рабочие районы Карлина и Смихова, проживало 234 тыс., а в 1869 г. уже 276 тыс. человек. За то же время население Карлина и Смихова возросло соответственно с 55,5 тыс. и 35,9 тыс. человек до 71,4 и 47,3 тыс. человек. Интенсивно развивался город Брно, население которого в начале 1850-х годов по сравнению с 1830 гг. увеличилось с 36 до 47 тыс. человек. Численность населения остальных городов тоже обнаружила с 1830-х годов тенденцию к увеличению. Однако темпы его были относительно меньшими. Всего по данным 1846 г. в Чешских землях насчитывалось 405 городов, 212 предместий и 466 местечек — населенных пунктов, имевших право устраивать ярмарки и рынки. При этом городов в Чехии числилось 289, в Моравии 89, в Силезии 27[10]. Но, по большей части, их население оставалось небольшим — до 1—2 тыс. человек. Крупными промышленными городами Северо-Западной Чехии были Либерец, Ческа-Липа, Шлукнов, Румбурк, Яблонец и др. Но их население к началу 1850-х годов по сравнению с 1830 г. возросло максимально до 1000 чел. Например, в Либерце оно увеличи-

inslav

лось с 11,5 тыс. до 13,1 тыс. человек, в Ческа-Липе с 5,7 тыс. до 6 тыс. человек, в Шлукнове с 3 тыс. до 4,5 тыс., в Яблонце с 3,1 тыс. до 3,9 тыс. человек[11]. С середины XIX в. начинается рост Пльзеня, Остравы, Кладно, Опавы и некоторых других центров тяжелой промышленности. С этих же десятилетий предместья начинают вливаться в состав близлежащих городов, в категорию городов переходят и многие местечки.

По правовому статусу горожане делились на мещан, т. е. лиц, фактически или хотя бы номинально обладавших определенными правами-привилегиями, например, правом варки пива, и на остальную часть, такими правами не пользовавшуюся — обывателей. За этим, внешне еще чисто феодальным фасадом крылось непрерывно обострявшееся несоответствие правовой классификации городского населения его фактическому положению и роду занятий. Если уже в предшествующие десятилетия довольно часты были случаи разорения мещан и утраты ими своих городских прав, то теперь этот процесс не только участился, но и принял новые формы. Цеховая система, формально сохранявшаяся на протяжении всей первой половины XIX в., оказалась бессильна предотвратить имущественное расслоение в ремесленной среде. Примечательно, например, что в Пльзне к 1820-м годам ремесленники, работавшие без подмастерьев, составили не менее 45% всего городского населения[12]. Все большее распространение получало внецеховое ремесло, в частности в книгоиздательском деле, в производстве стекла, бумаги и других видов промышленной продукции. Одновременно права мещанства приобретали буржуазные предприниматели, прежде вплоть до начала XIX в. либо вовсе отсутствовавшие в структуре городского населения, либо занимавшие в ней незначительное место. Учет всех видов торгово-промышленной деятельности, впервые произведенный в 1832 г., показал, что наряду с традиционным цеховым ремеслом значительную роль играли внецеховые ремесленники, работавшие в одиночку или с небольшим числом наемных рабочих (так называемые мастеровые), владельцы мануфактур, фабриканты и заводчики, использовавшие наемную рабочую силу — пролетариат[13].

На противоположном полюсе оказались разорявшиеся ремесленники, подмастерья, поденщики, городская беднота, разного рода деклассированные элементы. Численность этих слоев непрерывно возрастала, доходя в Праге, Брно и ряде других городов до 40—50% населения. Рост пауперизма сопровождался увеличением преступности, бродяжничества, что не могло не беспокоить власти[14].

Так постепенно вырисовывались контуры новых классов и групп, образ жизни и интересы которых были связаны уже не с отживавшей феодальной системой, а с утверждавшимся капитализмом. Но само появление новых социальных сил стало возможным потому, что социальные сдвиги, вызванные промышленной революцией и развитием капитализма, затронули в пер-

inslav

вую очередь основные классы старого общества — феодалов и зависимых от них крестьян.

Уже в XVII в. вследствие поражения войск чешских протестантских сословий в 1620 г. и Тридцатилетней войны социальный и этнический состав дворянства претерпел крупные изменения[15]. Во второй половине XVII в. в Чехию, Моравию и Силезию хлынула масса инонационального дворянства из соседних немецких государств, Франции, Англии и ряда других стран. Им передавались земли, конфискованные у политических противников Габсбургов из числа чешских феодалов, связанных с протестантскими кругами[16]. Однако до середины XVIII в. дворянские семьи чешского происхождения в целом преобладали. Перевес в сторону дворянства иностранного происхождения стал ощущаться к исходу XVIII в. В результате в первой половине XIX в. дворянство в Чешских землях приобрело в основном космополитический австронемецкий характер.

Еще более важные перемены происходили в социальной структуре господствующего класса[17]. Еще в XVII в. вследствие массовых конфискаций земель протестантов происходила концентрация земель в руках крупной аристократии за счет резкого ослабления рыцарства — средних и мелких феодалов. На протяжении XVIII в. среднее дворянство в Чешских землях по существу исчезло, а мелкие помещики утратили какое-либо реальное значение, хотя формально и были представлены в сеймах и даже имели право на занятие некоторых постов. В итоге преобладающей группой в составе дворянства Чешских земель стали крупные феодалы — паны. Часть их еще в XVIII в. стала втягиваться в товарно-денежные отношения[18]. До начала XIX в. крупные дворянские предприниматели играли определенную роль в мануфактурном производстве. Среди владельцев мануфактур находились семьи Кинских, Фюрстенбергов, Вальдштайнов, Хамаров, Блюменгенов и некоторых других магнатов. В противоположность той части дворянства, которая хотела любой ценой сохранить свои феодальные привилегии,— барщину и другие повинности крестьян,— обуржуазивавшаяся шляхта, иногда не вполне точно именуемая «либеральной» и заинтересованная в повышении рентабельности своих поместий путем использования новейших агротехнических приемов, не исключала отмены барщины за выкуп. Она оказывала поддержку учреждению акционерных обществ, сберегательных касс, поощряла промышленное предпринимательство и пр.

Одной из отличительных черт положения дворянства в Чешских землях была его относительная малочисленность (около 1% населения) по сравнению с Венгрией и Польшей. В Чехии, где в середине XVIII в. проживало приблизительно 2,2 млн. человек, была 301 семья, обладавшая правами дворянства, в 1848 г. всего 183 семьи[19]. В 1846 г. в чешском сейме заседало 213 представителей трех привилегированных сословий, а 20 членов дворянских родов занимало высшие земские должности[20].

inslav

Такая ситуация не в последнюю очередь объяснялась отмеченным выше процессом фактического исчезновения средней и упадка мелкой шляхты и концентрацией земель в руках немногочисленного слоя крупных феодалов-панов. Доступ же в среду дворянства новых членов, особенно в сословие панов, был ограничен и ревниво контролировался как придворной канцелярией в Вене, так и самими земскими сеймами[21]. Так, в 1831—1847 гг. в состав сословий в Чехии было принято всего 43 человека, из которых к панскому сословию было отнесено менее половины[22].

В связи с разорением части старых феодальных родов и усилившимся расслоением в мещанской и крестьянской среде, уже в XVIII в. имели место случаи приобретения дворянских земель состоятельными горожанами, а в отдельных случаях и разбогатевшими крестьянами[23]. К середине XIX в. в Чешских землях возник своеобразный слой так называемой гражданской шляхты, т. е. землевладельцев, которые сами юридически и фактически дворянами не являлись[24].

Католическая церковь в Чешских землях была одним из крупнейших феодальных собственников, а высшие ее иерархи — прелаты — составляли на сеймах первое сословие. Но духовенство не представляло собой индивидуального наследственного собственника, его иерархическая структура включала как князей церкви, так и мелких приходских священников[25]. Последние выходили главным образом из среды крестьянства, горожан, реже — рыцарства. И образ их жизни, если оставить в стороне формальное требование безбрачия, мало чем отличался от этих социальных слоев. Наоборот, высшие церковные посты замещались, как правило, представителями высшей шляхты, которые по условиям и обстановке жизни во многом напоминали светских феодалов.

Австронемецкий характер дворянства в Чешских землях при абсолютном преобладании в его составе земельной аристократии непосредственно отражался на образе жизни и бытовой культуре феодального класса, более или менее сходных для австрийского дворянства в целом. В повседневном обиходе применялись немецкий, реже — французский языки. Лишь единицы из семей так называемой патриотической шляхты умели изъясняться, а тем более читать по-чешски. И хотя в обстановке нарастания противоречий в чешском обществе и сословной оппозиции 1840-х годов интерес к чешской культуре в этой среде несколько возрос, все же он в конечном счете носил характер моды или политического расчета. В итоге возник любопытный социальный и психологический феномен: чешская шляхта как бы существовала и в то же время — не существовала как чешская.

Еще большие перемены произошли в рассматриваемый период в среде крестьянства, которое хотя и было в 1781 г. освобождено от личной крепостной зависимости, вплоть до 1848 г. продолжало нести барщинные и иные феодальные повинности и находилось под юрисдикцией помещиков. Но и здесь наблюдалось неуклонное

inslav

нарастание противоречий между формально-правовыми квалификациями сельского населения и его реальным состоянием[26].

Разумеется, процесс этот начался задолго до первой половины XIX в. Уже «Берни рула» XVII в. и поземельные кадастры последующих десятилетий исходили из деления крестьянства на две основные части. Во-первых, это были барщинные крестьяне (рустикалисты, или грунтовики), обладавшие земельными наделами и, кроме выполнения барщины и повинностей, платившие государственный поземельный налог и церковную десятину[27]. Повинности рустикалистов были закреплены в патенте 1775 г., в основных чертах сохранившем юридическую силу до 1848 г. Другую часть крестьянского населения образовывали так называемые доминикалисты, т. е. крестьяне, не имевшие своей земли и прибегавшие к ее срочной или наследственной аренде у помещиков. Имущественный разрыв между доминикалистами и рустикалистами непрерывно возрастал и в интересующий нас период привел к довольно четко прослеживаемым различиям между земельными, малоземельными и безземельными крестьянами. Но и рустикалисты не составляли однородного слоя, о чем, в частности, свидетельствовал барщинный патент 1775 г., закрепивший по характеру и размерам выполняемых повинностей 11 категорий крестьянского населения[28].

Наиболее зажиточным и экономически ведущим слоем в деревне были седлаки, в зависимости от времени внесения в урбариальные книги делившиеся на «старых» и «новых». Они имели наделы, исходной единицей исчисления которых являлся лан, составлявший в разных местностях от 20 до 40 гектаров. В их хозяйствах было, как правило, 4—5 лошадей, 6—10 коров, 20—30 овец, 3—4 свиньи, птица и др. На долю седлаков приходился наиболее высокий уровень феодальных повинностей — еженедельная трехдневная обязательная барщина, дополнявшаяся так называемой чрезвычайной барщиной, а также другие регулярные и разовые повинности. Та неоднородность в положении крестьянства, о которой говорилось выше, была, впрочем, присуща и седлакам. Примечательно, что, согласно патенту 1775 г., они были разделены в зависимости от объема своих повинностей на четыре категории.

Хотя деление седлацких наделов не поощрялось, на практике часть седлаков имела не полный, а сокращенный земельный надел, составлявший половину, четверть или восьмую часть лана. Седлаки, сидевшие на земле, которая была возделана на месте бывшего леса или пастбища, именовались подседниками. Обычно их надел составлял половинную и меньшую часть лана. Различие между седлаками и подседниками носило в основном правовой, а не фактический характер.

Крестьяне, не обладавшие достаточными земельными наделами, но имевшие дом с приусадебным участком, к которому порой добавлялась огородная земля, составляли группу халупников и домкаржей, внутренняя граница между которыми была весьма

inslav

неопределенной. Эта категория деревенского населения возникла еще в XVI в., причем в Моравии халупников обычно именовали домкаржами. Лишенные надела, они пытались улучшить свое хозяйственное положение путем найма земель в аренду у помещиков, церкви и государства. Однако сделать это было не так просто ввиду конкуренции с более состоятельными седлаками, к которым малоземельные крестьяне в конечном счете вынуждены были наниматься на работу. Существенным подспорьем для них было занятие домашним ремеслом, особенно ткачеством и прядением, получившим распространение в рассматриваемый период в гористых и малоплодородных областях. К 1825 г. в Чешских землях насчитывалось до 400 тыс. крестьян-ремесленников, а в 1856 г. их численность возросла до 850 тыс.[29]

Этой части сельского населения противостояли безземельные крестьяне-подруги, численность которых в 1840-х годах доходила до 50—60% населения деревни, а в ряде случаев даже превышала 70%, тогда как зажиточные хозяйства составляли приблизительно 15—20% сельского населения[30]. К нему относились богатые седлаки, деревенские старосты, мельники, кузнецы (крестьяне свободники, выкупившие свои феодально-барщинные повинности) и другие состоятельные сельские жители.

Далеко зашедший в канун революции 1848—1849 гг. процесс расслоения деревни имел важные социально-политические последствия. В деревне постепенно складывалась сельская буржуазия, эксплуатировавшая наемный труд неимущей части крестьянства, из которого рекрутировались кадры сельскохозяйственного пролетариата. В результате наряду с прежней чисто феодальной системой внеэкономического принуждения в деревне формировалась капиталистическая система наемного труда, в которую втягивались безземельные и малоземельные крестьяне. В зажиточных седлацких хозяйствах работали лица наемного труда — челядь, выполнявшая различные функции. Однако процесс расслоения крестьянства и выделение в деревне, с одной стороны, зажиточной обуржуазивавшейся верхушки и, с другой — батраков и маломощных крестьянских семей, протекал в условиях реакционной политики правительства, направленной на сохранение и консервацию старых отношений. Он сопровождался общим упадком сельскохозяйственного производства, неблагоприятной кризисной ситуацией и массовыми стихийными бедствиями 1840-х годов[31].

В условиях сохранения феодально-барщинных отношений у всех крестьян, независимо от их правового и хозяйственного положения и национальной принадлежности, росло понимание общности интересов в борьбе с помещиками. Седлаки, которые, несмотря на упрочение их позиций, более всего страдали от сохранения существующих порядков, нередко выступали в качестве инициаторов антипомещичьих и, объективно,— антифеодальных выступлений. Об этом свидетельствовали происходившие в 1830—1840-х годах локальные крестьянские бунты и волнения, много-

inslav

численные жалобы против помещиков, с которыми сельское население часто обращалось к властям.

Ощущение классовой, сословной солидарности крестьянства имело не только экономические, но психологические корни и проявлялось в традициях взаимопомощи сельского населения. Весьма своеобразными, например, были правила, регулировавшие трудовые и социальные отношения в отдельных семьях и деревенских общинах в целом. С 1780-х годов установился обычай, по которому отец был обязан передавать старшему сыну, достигшему 24 лет, ведение хозяйства, а сам вместе с женой получал пожизненное содержание — «выменек».

Сравнивая свое положение с положением городской бедноты, каждый крестьянин, даже обладавший минимальным земельным наделом, считал себя независимым. Но и безземельные крестьяне, батраки, в отличие от неимущего городского населения, знали, что в старости могут надеяться на какую-то помощь со стороны односельчан. С этой целью, в частности, зажиточные крестьяне создавали за счет добровольных пожертвований благотворительные фонды, действовавшие обычно при местных костелах. Для распоряжения этими средствами из числа седлаков на общинных сходах избиралось специальное доверенное лицо — «отец бедных». И хотя в условиях далеко зашедшего имущественного расслоения в деревне такие представления отражали консервативность крестьянского мышления и на поверку оказывались фикцией, они еще долгое время давали о себе знать.

Размер крестьянских домов и усадьбы в целом зависел от имущественного положения крестьянских семей. Все же более или менее типичным был жилой дом, состоявший из «чистой» комнаты-светлицы, обычной комнаты, соседствовавшей с черной кухней, и вспомогательного помещения — коморы, которая в необходимых случаях могла использоваться под жилье. У зажиточных крестьян бывало по две светлицы и коморы. Рядом с домом на территории усадьбы располагались хозяйственные сооружения — амбар, сарай с навесом, хлев и др. У богатых седлаков, имевших много скота, бывало таких сооружений и больше. Символом благополучия считались ворота, игравшие не только охранную, но в известной степени и социально-престижную роль.

Долгое время в крестьянской психологии бытовало отрицательное отношение к городу, как к месту, где портятся нравы и распадаются семейные связи. Тем не менее уже в первой половине XIX в. многие атрибуты городской культуры — мебель, одежда, бытовые предметы и отчасти даже жизненный стиль — стали проникать в деревню. В частности, светлица начинает играть функцию парадного помещения, которым пользовались в торжественных случаях. Понятно, что на практике следовать такой моде могла далеко не каждая крестьянская семья. И далеко не каждый сельский житель был в состоянии иметь красивую, нарядную одежду. Таким образом, эталоны народной культуры все более становились показателем социального расслоения дерев-

inslav

ни, своеобразным средством самоутверждения зажиточной части[32].

Ощущение конечной общности интересов крестьянства в борьбе с эксплуататорами наглядно проявлялось и в народной культуре, которая в рассматриваемые десятилетия достигла высокого уровня развития. Этому в немалой степени способствовал высокий уровень грамотности населения, который, без учета детей до 10-летнего возраста, достиг к 1850 г. не менее 60%. С 1828 по 1847 г. всеобщим обучением, в том числе, естественно, и в деревне, было охвачено от 91 до 95% детей школьного возраста[33].

Характерной, чрезвычайно типичной для деревни XVIII — первой половины XIX в. фигурой стали грамотные крестьяне-письмаки, которые вели местные хроники, составляли и переписывали рукописные сборники исторического, литературного и религиозно-нравоучительного содержания[34].

Высоким художественным вкусом отличалась крестьянская обыденная и праздничная одежда, в которой выделялись, например, так называемые пльзенский, валашский, ганацкий крои и другие местные стили, запечатлевшие особенности народной культуры Чешских земель с их сложной этнодемографической структурой.

Социальные перемены, происходившие в городе и деревне, были той основой, на которой вырастали новые социальные структуры рождавшегося буржуазного общества Чешских земель — буржуазия, пролетариат, чиновничество и интеллигенция.

Вопрос о характере и уровне зрелости буржуазии в Чешских землях до 1848 г. относится к сложным и до сих пор еще недостаточно разработанным проблемам общественного развития эпохи национального возрождения. Речь идет не только об оценке социальной структуры и этнического состава буржуазии, но и о том, насколько далеко зашел в 30—40-е годы XIX в. процесс консолидации ее в класс.

Не подлежит сомнению, что в Чешских землях, как наиболее экономически развитой части монархии Габсбургов, первые спорадические проявления буржуазных отношений относятся еще к рубежу XVII—XVIII вв., когда возникла численно небольшая группа собственников-мануфактуристов из рядов втягивающегося в товарно-денежные отношения дворянства. Наряду с ним в роли буржуазных предпринимателей постепенно стали выступать представители мещанских кругов — разбогатевшие ремесленники, торговцы, ростовщики, чиновники и др. На первых порах незначительный их удельный вес в среде владельцев мануфактур с течением времени возрастал, а к началу XIX в. стал уже доминировать. И уже не шляхта, а капиталистические фабриканты и заводчики определяли социальное лицо промышленного предпринимательства. Возникновение в 30—40-х годах многих новых фабрик и заводов сопровождалось увеличением числа капиталистических предпринимателей. Например, если в 1828 г. в Чешских землях насчитывалось до 499 предприятий легкой, пищевой и тяжелой промышленности, то спустя 11 лет, в 1839 г., их коли-

inslav

чество возросло втрое и достигло 1500, в том числе в Чехии — 1171, а в Моравии и Силезии — 329[35]. Одновременно все большую роль в экономической жизни стали играть крупные торговые и финансовые фирмы, непосредственно связанные с капиталистической индустрией. Основным центром их сосредоточения была Прага: например, банкирские дома Шимона Леммеля, Морица Здекауэра, Карла Фидлера и др., занимавшиеся торговыми и денежными операциями[36]. На основании имперского закона 1846 г. в Праге было открыто чешское отделение Австрийского национального банка, которое должно было привлекать в качестве акционеров крупных торговцев, купечество и фабрикантов[37]. Таким образом в предреволюционные годы в Чешских землях сложился слой крупных промышленных, торговых и финансовых капиталистических предпринимателей. Однако они олицетворяли собой не национально чешскую, а австронемецкую буржуазию. При кажущейся парадоксальности такая ситуация достаточно адекватно отражала угнетенное положение чехов в империи Габсбургов. Даже зажиточная верхушка чешского происхождения из числа мещанского и сельского населения долгое время не располагала капиталами, необходимыми для крупной промышленной и торгово-финансовой деятельности.

Вследствие этого национальная чешская буржуазия формировалась как класс преимущественно мелких собственников. Итогом начавшегося в XVIII в. процесса социальной дифференциации явилось складывание достаточно широкого слоя мелкой городской буржуазии чешского происхождения, а также сельской буржуазии, который включал ремесленников, купцов, мелких торговцев, ростовщиков, деревенских старост, мельников, крупных седлаков и др. К 30—40-м годам XIX в. мелкая буржуазия достигла значительного развития, умножаясь и пополняясь за счет горожан и крестьянства. Тесно связанная с повседневной жизнью широких народных масс, она страдала не только от разного рода феодально-абсолютистских стеснений, но и от конкуренции со стороны более сильной австронемецкой буржуазии, что приводило к усилению в ее среде национально-политических оппозиционных настроений[38]. И хотя ввиду своей слабости и аморфности она не стремилась выходить за рамки «законной мирной и добродетельной борьбы»[39], объективно роль ее в национально-культурном движении предреволюционной эпохи была велика. Вместе с тем мелкая буржуазия способствовала усилению воздействия на чешское общество мелкобуржуазной стихии с присущей ей неустойчивостью и ограниченностью[40]. В социальном плане появление чешской сельской и особенно мелкой городской буржуазии имело большое значение «Буржуазия во всех странах,— указывал Ф. Энгельс,— вышла из рядов мелкой буржуазии»[41]. Так было и в Чешских землях, где формирование национальной промышленной и торгово-финансовой буржуазии едва только начиналось.

inslav

Слабость экономических и политических позиций буржуазных элементов чешского общества порождала стремление к тесному групповому и в ряде случаев персональному переплетению интересов мелкой, сельской и национальной чешской буржуазии, к феномену, который условно можно было бы назвать социальным синкретизмом. Это нашло достаточно определенное отражение в содержании выдвигавшихся накануне революции политических требований и программ чешской буржуазии, в характере возникших в 30—40-е годы легальных и тайных кружков, читательских союзов, народных библиотек и других объединений как в городе, так и в деревне.

Боязнь выступлений со стороны широких народных масс умеряла оппозиционный пыл чешской буржуазии, заставляла ее проповедовать идеи социального мира и общности интересов «чехов» в борьбе с «немцами»[42]. Даже накопление капиталов, неприкрытое обогащение в целях конкурентной борьбы с инонациональными капиталистами становились существенным требованием формировавшейся морали чешского буржуазного общества, объявлялись своего рода мерилом истинного патриотизма. Но во всем этом сказывались не только эгоистические мотивы рождавшейся чешской буржуазии, но и ее страх перед рабочим классом.

30—40-е годы XIX в. являются важным рубежом в истории рабочего класса Чешских земель. Еще в предшествующие десятилетия по мере развития мануфактурного производства здесь складывалась категория мануфактурных работников за счет обедневшей части ремесленного и сельского населения, пауперов, иностранных мастеров, а в отдельных случаях детей, женщин и заключенных. Численность этой группы постоянно росла и к концу XVIII в. только в Чехии составила свыше 573 тыс. человек, занятых в текстильной и других отраслях промышленности. В домашнем ремесле к тому же времени было занято до 200 тыс. человек. В Моравии и Силезии льнопрядением было занято от 35 до 40 тыс. человек[43].

Рекрутировавшиеся из различных, весьма разнородных по характеру социальных источников, работники мануфактур еще не составляли единого нивелировавшегося слоя, образовывая, в сущности, предпролетариат. Ф. Энгельс подчеркивал, что главной питательной средой этого социального слоя были бесправные круги населения, оказавшиеся в процессе разложения феодализма «вне общины-марки, вне феодальной зависимости и цехового союза», что «постепенно, с распадом феодальных связей из этих элементов образуется... *пред*пролетариат...»[44].

На протяжении первых десятилетий XIX в., когда мануфактуры понемногу стали вытесняться фабрично-заводским производством, а в сельском хозяйстве возрастала роль наемных работников-батраков, в Чешских землях начался процесс складывания промышленного и сельскохозяйственного пролетариата. Однако до 1840-х годов его состав оставался весьма разнородным.

inslav

Ведущим отрядом, ядром его становились рабочие, занятые в легкой и тяжелой промышленности и в горном деле. Этнически он происходил в основном из среды чешского городского и деревенского населения — ремесленников, подмастерьев, городской бедноты, малоземельных и безземельных крестьян. Доля последних была велика, а в ряде мест даже преобладала. Например, на остравских металлургических заводах крестьяне составляли в первой половине XIX в. 53,5% всех рабочих[45]. При этом многие из них продолжали какое-то время сохранять связь с социальной средой, из которой они вышли, совмещая порой труд на предприятии с ведением собственного хозяйства в деревне. Это были так называемые металлокрестьяне («коворольники»). Во многом сходно было развитие рабочих-горняков, ряды которых пополнялись деревенскими батраками, которые прежде нанимались на работу в шахты временно, только на зимний период[46]. К 1846 г. в Чехии функционировало 261 511 малых и 1533 крупных текстильных предприятий, на которых было занято 922 886 человек — огромная цифра для земли, население которой составляло 4 403 661 человек. А ведь речь шла только об одной, хотя и наиболее развитой, отрасли промышленности[47]. Что же касается сельскохозяйственного пролетариата, то доля рабочих-батраков доходила во многих местах до 80 и более процентов населения.

Положение пролетариата было тяжелым, особенно рабочего класса, занятого в промышленности, где трудились не только мужчины, но женщины и дети. Рабочий день длился 12 часов и более, а трудового законодательства фактически не существовало[48].

Хотя общий уровень грамотности взрослого населения в Чешских землях в середине XIX в. был, как указывалось, не ниже 60%, значительная часть слоев, вливавшихся в ряды рабочего класса, была неграмотной и малограмотной. Между тем обращение со станками и другим техническим оборудованием требовало известного минимума образования. Это вынуждало предпринимателей уже с 1820-х годов приступить к поискам путей технической и общеобразовательной подготовки кадров. Возникшие уже тогда вечерние фабричные школы получили наибольшее распространение в 1840-х годах. Рассматривая их создание как вынужденную меру, предприниматели всячески следили за тем, чтобы это не снижало прибыли.

Тяжелыми были и жилищно-бытовые условия жизни рабочих. Как правило, в относительно лучшем положении находились рабочие из числа местных жителей, например, бывшие халупники, домкаржи и другие крестьяне, имевшие свои дома. Семейные рабочие, приходившие из других местностей, нанимали небольшие домики, обычно на две семьи, как это, например, было на фридлантском металлургическом заводе[49]. Предприниматели в ряде случаев сооружали бараки, которые, однако, не удовлетворяли потребности рабочих в жилье. Росла скученность, усиливавшая антисанитарные условия жизни трудящихся. Так, при постройке

inslav

Витковицкой мануфактуры в 1828 г. на каждый из домов для рабочих приходилось около 7 человек и в этих небольших домиках проживало более одной семьи. К середине 1840-х годов в каждом из таких домов проживало уже около 33 человек или не менее 8,4 семей[50]. Обычно же помещение — дом или квартира, в котором проживала средняя рабочая семья из четырех человек, состояло из двух комнат. На Остравщине жилье семейных рабочих состояло из светлицы площадью около 22 кв. м с тремя маленькими оконцами, коморы размером 8—9 кв. м и кухни с одним окошком площадью около 18 кв. м[51]. Наиболее бедственными были жилищные условия одиноких рабочих, которые, как это имело место в Брно, порой были вынуждены спать в помещении фабрики[52].

Условия жизни рабочих и без того плохие катастрофически ухудшались в 1840-х годах вследствие голода, неурожаев, массовых эпидемий и экономического кризиса[53].

Первые случаи выступления трудящихся против эксплуатации — стачки и забастовки с требованиями повышения заработной платы, обращения с жалобами на предпринимателей, разрушение машин зафиксированы уже в XVIII в. Постепенно росло сознание общности интересов рабочих. На рубеже XVIII—XIX вв. рабочие-текстильщики создали по собственной инициативе своеобразные кассы взаимопомощи, которые в 1840-х годах сыграли важную роль в организационном объединении пролетариата. Среди рабочих-металлургов такие кассы появились позднее.

Начало 40-х годов ознаменовалось массовым ростом рабочего движения в Праге, Брно, Либерецком крае, на строительстве железной дороги Прага — Колин и в некоторых других районах, где в 1843—1844 гг. произошли открытые классовые выступления чешских и немецких рабочих[54]. В июне 1844 г. произошло выступление ткачей в Праге, которое приобрело международный резонанс. Ф. Энгельс писал, что «революционный пражский пролетариат... уже в 1844 г. в течение трех дней был полным хозяином Праги...»[55]. Все это означало существенный шаг вперед в формировании пролетариата Чешских земель и в росте его классового сознания, получивших дальнейшее углубление и закалку в революции 1848—1849 гг.

Как и в антифеодальной борьбе крестьянства, национальное соперничество не определяло взаимоотношения рабочих разного этнического происхождения. Совместные действия чешских и немецких рабочих в 1843—1844 гг. показали, что основной удар они направляли против капиталистической эксплуатации. Однако это не означало, что чешские рабочие были индифферентны по отношению к национальной культуре. Их интерес к ней необычайно усилился в предреволюционные годы, когда многие, особенно квалифицированные рабочие, являлись читателями чешских патриотических газет, журналов и книг, участвовали в сборе средств для разного рода национально-культурных акций[56]. В повседневной жизни рабочих семей сохранялись национальные традиции,

inslav

особенно в одежде, способе приготовления пищи и взаимоотношениях в семье[57]. Об этом же свидетельствовали и материалы фольклора, сохранявшегося и создававшегося в рабочей среде на протяжении рассматриваемого периода[58]. Все это позволяет утверждать, что чешский рабочий класс уже накануне революции 1848—1849 гг. начал постепенно осознавать себя в качестве самостоятельной социальной силы, обладавшей специфическими интересами, отличавшими его от других классов и слоев общества[59]. И хотя эти процессы в рассматриваемые годы лишь начинались, уже тогда рабочий класс, заняв свое место в социальной структуре чешского общества, внес существенный вклад в формирование чешской нации; одновременно складывались предпосылки интернациональной борьбы против капиталистической эксплуатации, за социальное и национальное освобождение.

Определенное место в социальной структуре Чешских земель принадлежало двум близко связанным между собой социальным группам, контуры которых стали обрисовываться уже в середине XVIII в.— чиновничеству и интеллигенции. К середине XIX в. они играли заметную роль в общественной и культурно-политической жизни.

Возникновение чиновничества в качестве самостоятельной социальной группы было неразрывно связано с выполнением управленческих функций, необычайно усложнившихся в рассматриваемый период. Это стимулировалось непрерывно усиливавшейся бюрократизацией государственного и административного аппарата Австрийской империи, необходимостью управления экономикой, в том числе производством и торговлей, взиманием налогов.

По своему общественному и имущественному положению чиновничество отличалось значительной разнородностью. В отличие от высшего и среднего чиновничества, где преобладали выходцы из австронемецких или, по крайней мере, онемеченных семей, мелкие чиновники происходили в основном из чешской среды. Правовая неопределенность статуса и подневольное положение мелкого чиновничества, особенно чешского происхождения, способствовали росту в его среде накануне революции 1848—1849 гг. оппозиционных настроений и толкали его к участию в чешском национально-культурном движении.

Другим новым социальным слоем, связанным с развитием буржуазных отношений, были лица, профессионально занимавшиеся умственным трудом — интеллигенция. Представители этого слоя — лица так называемых вольных профессий и специалисты, служившие по найму в государственных, муниципальных и иных учреждениях, у земельной аристократии, городской верхушки, в состоятельных буржуазных семьях и т. д.— жили в основном за счет получаемых за свою работу доходов. Это были врачи, адвокаты, ученые, деятели искусства, школьные и домашние учителя, воспитатели и работники некоторых других разновидностей умственного труда, а также студенты Пражского и Оломоуцкого университетов и учащиеся других высших и средних специаль-

inslav

ных учебных заведений, расположенных в Праге, Оломоуце и Брно. Крупнейшим средоточием интеллигенции была Прага. Например, из 600 дипломированных врачей, работавших в Чехии в середине XIX в., более 30—40% жило в Праге[60].

Интеллигенция в Чешских землях с самого начала своего формирования складывалась из различных социальных источников — начиная от дворянства и духовенства до городских низов и феодально зависимого крестьянства. Однако и в XVIII в. и, особенно, в рассматриваемые десятилетия удельный вес выходцев из широких демократических кругов чешского общества в среде интеллигенции был высок и имел тенденцию к постоянному возрастанию[61]. В целом, таким образом, социальный базис формировавшейся интеллигенции был и широким и, одновременно, достаточно пестрым. Отчасти это сказывалось на ее положении, общественных симпатиях и социальной мобильности. Если, например, преуспевающие представители свободных профессий, особенно юристы и врачи, по образу жизни приближались к высшей бюрократии, городской верхушке и буржуазным семьям, имели собственные городские каменные дома и нередко обладали земельной собственностью и дворянскими званиями, то положение большей части интеллигенции было гораздо более скромным. Имущественное же положение массы мелких наемных служащих приближалось к положению рабочего класса[62].

В составе интеллигенции наряду с чехами было много лиц инонационального, в основном австронемецкого и отчасти еврейского происхождения. Но и та часть, которая происходила из чешской среды, на протяжении бо́льшей части рассматриваемого периода в значительной мере связывала себя не с чешской, а с австрийской или немецкой культурой. Однако уже во второй половине XVIII в. пока еще численно небольшая часть лиц умственного труда, вышедшая из национально мыслившей городской и сельской среды, стала активно включаться в культурную деятельность, способствовала распространению в народе грамотности, выступала в роли организаторов и руководителей различных патриотических акций, популяризировала чешский язык, литературу, театр, музыку и т. д. В конкретных условиях Чешских земель предреволюционной эпохи с их сложным этносоциальным составом патриотически настроенная чешская интеллигенция выражала, в конечном счете, классовые интересы формировавшейся национальной — средней и мелкой — буржуазии, стоявшей во главе национального движения.

Эволюция социальных структур, происходившая в условиях угнетенного положения Чешских земель в рамках Австрийской империи, протекала как бы в двух планах.

С одной стороны, шел процесс разложения основных классов феодального общества — дворянства и крестьянства, которые, приспосабливаясь к менявшимся условиям и втягиваясь в той или иной степени в товарно-денежные отношения, оказывались наряду с городским населением питательной почвой для возникнове-

inslav

ния новых классов капиталистического общества — буржуазии и пролетариата, а также специфических групп управленческого персонала и творческой интеллигенции.

С другой стороны, формирование новых классов и социальных групп до известной степени шло параллельно протекавшим здесь этнонациональным процессам. Оно не было и не могло быть идентично сдвигам социальных структур чешского этнического коллектива как такового.

Не только дворянство, но и складывавшаяся в первой половине XIX в. крупная промышленная и торгово-финансовая буржуазия имела не национально-чешский, а космополитический австронемецкий характер. Не были чешскими по происхождению и образу жизни и отдельные слои городского и сельского населения.

Те социальные силы, которые непосредственно участвовали в формировании чешской нации, были представлены широкими массами крестьянства, городскими низами, оформлявшимся чешским промышленным и сельскохозяйственным пролетариатом, мелкой буржуазией.

И хотя в Чешских землях были представлены все основные и не основные классы и социальные группы, характерные для эпохи перехода от феодализма к капитализму, этнонациональное развитие в направлении консолидации чешской нации происходило в первой половине XIX в. по указанным выше обстоятельствам в условиях неполных социальных структур. Такое положение стало меняться в 60—70-е годы XIX в.

[1] *Grobelný A.* Češi a poláci ve Slezsku v letech 1848—1867: Připravně studie z dějin národního a dělnického hnutí. Ostrava, 1958, s. 120; *Roubik F.* Z dějin židů v Čechách v XIX st.— In: Ročenka společnosti pro dějiny židů v ČSR. Roč. 7. Praha, 1935, s. 357.

[2] *Zap K.* Nový prostonárodní popis Čech, Moravy a Slezska podle posledního politického a soudního rozdělení. Praha, 1854, s. 19, 150, 199.

[3] *Sembera A.* Některé zpravý statistické o Moravě a Slezsku.— Časopis českého muzea, 1840, s. 380—381.

[4] *Kárníkova L.* Vyvoj obyvatelstva v českých zemích. 1754—1914. Praha: Academia, 1965, s. 67.

[5] *Davídek V.* Výsledky sčitaní obyvatelstva a správních reorganizaci v českých zemích kolem pol. 19 st.— Demografie, 1971, N 4, s. 340—341.

[6] *Kutnar F.* Krize českého bramborářství a sociální situace lidu v době před březnem a po březnu roku 1848.— In: Sbornik historický. Praha, 1962, t. 10, s. 229—272.

[7] *Kutnar F.* Socialní otázka tkalcovská v polovině 19 st.— Sbornik historický. Praha, 1954, t. 2, s. 194.

[8] *Horská P.* Pokus o využiti rakouských statistik pro studium společenského rozvrstvění českých zemi v 2 pol. 19 st.— Československý časopis historický, 1972, N 5, s. 649.

[9] Státni ústředni archiv ČSSR (далее — SUA), f. PČG. Tajne 1819—1848, N 470 (M—62).

[10] *Davídek V.* Op. cit., s. 340—341.

[11] *Kárníková L.* Op. cit., s. 87.

[12] *Kovář J.* Nad plánem Plzně z roku 1821.— In: Minulosti západočeského kraje. Plzen, 1967, t. 13, s. 189.

inslav

[13] Česká politika. T. 4. Moderní stát a jeho úkoly: Politika agrární, průmyslová, sociální. Praha, 1911, s. 244, 248—250.
[14] SUA, f. ZV, N 85. 329.
[15] *Mika A.* K národnostním poměrům v Čechách po Třicetileté válce.— Československý časopis historický, 1976, N 4, s. 543—548.
[16] Подробнее см. статью А. С. Мыльникова и В. А. Якубского, помещенную в настоящем сборнике.
[17] *Felcman O.* Majetkové poměry feudální třídy v druhé polovině 17. st.— In: Proměny feudální třídy v Čechách v pozdním feudálismu. Praha, 1976, s. 195—225.
[18] *Мыльников А. С.* Эволюция социальной структуры чешского общества XVII—XVIII вв.: К проблеме социально-экономических предпосылок Просвещения в Чешских землях.— В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М.: Наука, 1972, с. 52.
[19] Proměny feudální třídy v Čechách v pozdním feudálismu. Praha, 1976, s. 269.
[20] Handbuch der Königreiches Böhmen für Jahr 1847. Prag, 1846, s. 83—88.
[21] SUA, f. ZV, 1791—1873, N 1/52.
[22] SUA, f. AČS, 2, Reversy k zemí, odd. IV, N 1211—1253.
[23] *Baxa B.* Inkolat (a indigenat) v zemich koruny české od roku 1749—1848. Praha, 1908, s. 60; *Dvořák R.* Jednání sněmů moravských v letech 1792—1835. Brno, 1904, s. VIII.
[24] *Urfus V.* K vzajemnému poměru českého státoprávního programu a předbřeznové stavovské opozice v Čechách.— Pravněhistoricke studie. Praha, 1967, t. 13, s. 92—93.
[25] *Мыльников А. С.* Эволюция социальной структуры..., с. 53.
[26] *Алексашкина Л. Н.* Социально-экономическое расслоение чешского крестьянства накануне революции 1848—1849 гг.— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М.: Наука, 1974, с. 53—58.
[27] *Мыльников А. С.* Указ. соч., с. 54.
[28] *Krofta K.* Dějiny selského stávu. Praha, 1949, s. 325—326. Здесь и далее использованы материалы о жизни и быте чешского крестьянства эпохи национального возрождения, сообщенные доц. К. Фойтиком, за что автор приносит свою благодарность.
[29] Přehled československých dějin. T. I. Praha, 1958, s. 614; *Hoch K.* Sociálně politické poměry v Čechách před r. 1848.— Český časopis historický, 1932. N 1, s. 121.
[30] *Алексашкина Л. Н.* Указ. соч., с. 54.
[31] *Гогина К. П.* Аграрные отношения в Чешских землях в первой половине XIX в.— В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М.: Наука, 1970, с. 7—23.
[32] *Kovár J.* Nad plánem Plzně z roku 1821, s. 189; *Bělohlavék M.* Obyvatelské a bytové poměry ve starem Plzenei v první polovině XIX st.— In: Plzensky lekařský sborník. Plzen, 1971, s. 179—192.
[33] *Кузьмин М. Н.* Школа и образование в Чехословакии. Конец XVIII — 30-е годы. XIX в. М.: Наука, 1971, с. 75, 78.
[34] *Robek A.* Městské lidové kronikářství na Kralupsku a Mělnicku. Praha, 1974, s. 254; *Robek A.* Městské lidové kronikářství na Rychnevsku. Praha, 1976, s. 212.
[35] *Otruba G.* Österreichs Industrie und Arbeiterschaft im Übergang von der Manufaktur — zur Fabrikaturepoche (1790—1848).— Österreich in Geschichte und Literatur, 1971, N 10, s. 579.
[36] *Urfus V.* Peněžníci prědbřeznové Prahy.— Prážsky sborník historický. Praha, 1972, t. 7, s. 107—126.
[37] SUA, f. ZV, N 5/271.
[38] *Šamberger Z.* Sociální aspekty v českém národním obrození.— Acta genealogica et heraldica, 1976, N 3, s. 80—81.
[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 114.
[40] Там же.
[41] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 4, с. 47.
[42] *Hroch K.* Sociálně politické poměry v Čechách, s. 122.

inslav

[43] *Novotný K.* K problematice výtváření manufakturního dělnictva v českých zemích.— ČČH, 1977, N 3, s. 402—403. *Пурш Я.* Промышленность в Чехии в конце XVIII столетия.— В кн.: Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. М.: Наука, 1965, с. 184.
[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 399.
[45] *Myška M.* Počatký vytváření dělnické třídy v železárnách na Ostravsku. Ostrava, 1962, s. 94—95.
[46] *Kárníková L.* Původ a postavení horních dělníků Buštěhradských vrchnostenských dolu v 1. pol. 19 st.— Český lid, 1955, N 4, s. 160.
[47] *Horska-Vrbová P.* Kapitalistická industrializace a středoevropská společnost. Praha: Academia, 1970, s. 52.
[48] *Janoušek B.* Příspěvek k počátkům dělnického hnutí v jižních Čechách.— In: Jihočeský sborník historický, t. 39, 1970, N 1, s. 20.
[49] *Myška M.* Původ a postavení dělníků Frydlantských železáren v předvečer revoluce roku 1848.— In: Sborník prací Pedagogického instituti v Ostravě. Řada společ. věd. T. 1. Praha, 1960, s. 70.
[50] *Myška M.* Počátký vytváření dělnické třídy..., s. 141.
[51] Ibid., s. 143.
[52] *Fojtik K.* Příspěvek k poznání způsobu života dělnictva v Brně v druhe polovině XVIII. a první polovině XIX st.— Český lid, 1953, N 5, s. 224.
[53] *Polišenský J., Vomačková V., Novotný K.* Boj dělniků na stavbách naších prvních železnic. Praha, 1956, s. 39.
[54] Přehled, t. 1, s. 664—670.
[55] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 112.
[56] *Novotný K.* O národním vědomí českého dělnictva ve 40. letech 19. st.— In: Acta universitatis Carolinae. Philisophca et historica. T. 1. Studia historica, 16. Praha, 1977, s. 7—9.
[57] *Fojtik K.* Příspěvek..., s. 225.
[58] *Robek A.* Společenský a rodinny život pražských dělníků v první polovině XIX. st. Praha, 1975, s. 39—40.
[59] *Hoch K.* Sociálně politické poměry v Čechách, s. 122.
[60] *Hlaváčková L.* Nemoci a zdravotní péče v dílech českých písmáku v druhé polovině 18. st. a první plovině 19. st.— Český lid, 1976, N 1, s. 33.
[61] *Мыльников А. С.* Указ. соч., с. 61—63.
[62] *Hroch M.* Zur sozialen Charakteristik der Intelligenz in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Fridrich-Schiller-Univerzität Jena. Gesellschafts- und Schprachwissenschaftliche Reihe, 1965, N 2, s. 231.

СЕРБОЛУЖИЦКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ

Ян Шолта (ГДР)

Исследование структуры и процесса дифференциации крестьянства имеет первостепенное значение для ответа на вопрос о классовой структуре и социальном расслоении серболужицкого народа в период перехода от феодализма к капитализму. Из примерно 250 тыс. человек, принадлежавших на рубеже XVIII и XIX вв. к серболужицкой национальности, большинство проживало в сельской местности. Вне городов на территории Лужиц немецкая часть населения состояла в основном из дворян-помещиков, отчасти — их служащих. Иначе дело обстояло в 14-ти городах, расположенных в области обитания лужицких сербов. Там боль-

inslav

шинство населения было немецким. В двух наиболее значительных городах — Будишине (Баутцене), 8 тыс. жителей и Котбусе, 5 тыс. 500 жителей серболужицкая часть составляла около 1/3; в более мелких городах удельный вес немецкого населения был значительно меньшим. Что касается общего числа лужицких сербов — городских жителей, то оно равнялось приблизительно 5—6% [1].

Прежде всего низшие слои — поденщики и рабочие, а отчасти также мастеровые и мелкие ремесленники,— вот кто определял серболужицкий элемент городов, этническая структура которых вряд ли отличалась от той, «какая тогда считалась типичной для городов в других западнославянских областях» [2]. В господствующем верхнем слое лужицкие сербы едва ли были представлены, хотя известно, что во второй половине XVIII в. число лужицких сербов-горожан увеличилось и для них было возможно известное социальное продвижение [3]. Постепенный рост капиталистических элементов в экономике и начинавшийся в середине XVIII в. кризис позднефеодальной аграрной системы, в частности помещичьего хозяйства, где отчетливо различались уже явления разложения, способствовали тому, что в город стало переезжать больше сельских жителей, чем это было возможно в прежние времена. В Баутцене в 1776 г. была даже опубликована статья, в которой ставился вопрос: «Вытесняют ли венды немцев?» [4].

Все еще немногочисленным у лужицких сербов был слой интеллигенции, состоявший из духовных лиц евангелического и католического вероисповеданий, учителей, юристов и студентов. Слой этот по своей природе был связан с провинцией.

Даваемое в настоящей работе изображение структуры и процесса дифференциации крестьянства в Лужицах концентрируется на оценке основных моментов развития. Что же касается статистического материала, обосновывающего приводимые выводы, то он из-за ограниченности объема не приводится, а заменяется ссылками на литературу [5]. Чтобы уяснить специфику структуры и процесс дифференциации крестьянства в Лужицах, следует принять во внимание феодальную раздробленность области. В начале XIX в. она имела по меньшей мере три основных территории: маркграфство Верхняя Лужица, маркграфство Нижняя Лужица и бранденбургско-прусский округ Котбус (это если отказаться от других пограничных областей, населенных лужицкими сербами, и от произошедших во время наполеоновских войн временных изменений). Принципиально важные территориальные преобразования последовали после Венского конгресса 1815 г. Только 1/3 Верхней Лужицы осталась в Саксонии, в то время как 2/3, а также вся Нижняя Лужица и округ Котбус достались Пруссии и были присоединены ею частично к провинции Силезии (прежде верхнелужицкие области), частично к провинции Бранденбург (Нижняя Лужица и округ Котбус) [6].

Влияние французской революции 1789—1794 гг. имело следствием подъем антифеодального крестьянского движения, которое

inslav

достигло своей высшей точки прежде всего в саксонском крестьянском восстании 1790 г., т. е. вне лужицких маркграфств. Однако в 1794 г. центр восстания переместился в серболужицкую область за счет активизации крестьян Верхней Лужицы [7]. Обострение классовой борьбы продемонстрировало кризис феодальной системы и, сметая узкие территориальные границы, привело к общему знаменателю вопрос о ликвидации крепостного права и барщины. Хотя после 1794 г. внешне движение снова пошло на убыль, но в действительности оно продолжалось в форме бесчисленных актов пассивного сопротивления крестьян [8]. Одновременно эта борьба, в которой были многообразно связаны социальные и национальные проблемы, продолжалась на уровне литературных разногласий между сторонниками помещиков и защитниками крестьян [9]. Реальным проявлением этих классовых разногласий в конце XVIII в. были разнообразные попытки отдельных реформ в частных поместьях, они отражали кризис помещичьего хозяйства.

Отмена позднефеодальной аграрной конституции приходится на время после 1815 г. С этого времени в прусских частях Лужиц речь шла о распространении прусских аграрных законов 1807, 1811 и 1816 гг. на вновь приобретенные Пруссией области, которое и последовало в 1819—1821 гг. Это означало победу так называемого прусского пути буржуазного аграрного развития. В Саксонии же для введения либерального законодательства потребовалось народное революционное движение. В 1832 г. среди других был принят закон об отмене крепостного права и барщины, распространенный и на саксонскую часть Верхней Лужицы. По сравнению с Пруссией саксонское законодательство давало крестьянам некоторые достойные внимания преимущества, но в принципе Саксония шла также прусским путем. Мы характеризуем развитие в Саксонии как саксонский вариант прусского пути [10].

Важнейшие законоположения стали применяться прежде всего в 20-х и 30-х годах, часто после продолжительных переговоров между крестьянами и их помещиками. О сильном недовольстве крестьян аграрной реформой «сверху», т. е. прусским путем, свидетельствуют многочисленные требования [11], выдвинутые во время революции 1848 г., их можно охарактеризовать как попытку корректуры прусского пути. В 60-е годы прошлого века капиталистическое преобразование земельных отношений прусским путем было в основном завершено [12].

Таким образом, мы можем основные этапы аграрного развития в Лужицах в период перехода от феодализма к капитализму периодизировать следующим образом: 1) 1750 г.— начало кризиса позднефеодальной аграрной конституции, помещичьего хозяйства; 2) с 1789 г.— обострение кризиса; 3) 1819—1821 гг. (прусские Лужицы) и 1832 г. (саксонская Лужица) — введение законов об аграрной реформе, победа прусского пути в буржуазном аграрном развитии; 4) 1860 г.— завершение перестройки на прусский путь.

Хотя до аграрной реформы решающим был сословно-классовый антагонизм между дворянами-помещиками и находящимися

inslav

в феодальной зависимости крестьянами, все же ряд факторов способствовал возрастающей социальной дифференциации крестьянства. Особенно следует подчеркнуть: *Во-первых*, и без того введенное помещиками деление своих сельских подданных в соответствии с экономическими потребностями имения на чисто барщинных крестьян и на садоводов и безземельных крестьян для занятий ремеслом; были еще и многочисленные промежуточные между этими двумя группами слои, что в значительной степени оказало влияние на структуру крестьянства в XVIII в. *Во-вторых*, различия в градации владельцев, которые отражались на положении крестьян (в Лужицах наряду с обычными дворянами-помещиками, владевшими имениями средней величины, как наиболее распространенными феодальными собственниками[13], имелись также крупные владетельные князья с гораздо большей земельной собственностью[14], обширная земельная собственность церквей и монастырей[15], а также земельная собственность некоторых богатых городов, особенно городов Баутцена, Герлица и Циттау[16], в чьих деревнях крестьяне в общем могли развиваться свободнее). *В-третьих*, отличающиеся друг от друга условия в крестьянских и помещичьих деревнях (помещичья деревня — дворянское поместье в деревне, крестьянская деревня — не дворянское поместье в деревне). *В-четвертых*, значительные различия в качестве земли, а также региональные различия, вызванные специфическими условиями на отдельных территориях. *В-пятых*, воздействующий через товарные отношения экономический фактор дифференциации, который К. Маркс подробно проанализировал в третьем томе «Капитала». *В-шестых*, усиливаемый индивидуальными реформами отдельных помещиков фактор дифференциации. Например, некоторые помещики решались сдавать свои имения в аренду крестьянам, а после истечения срока оказывалось не так легко восстановить первоначальную ситуацию. Арендование дворянских поместий крестьянами было скорее шагом на пути к их освобождению[17]. При названных условиях на рубеже столетий часть крестьян, прежде всего Котбусского округа, а также подданных монастыря Мариенштерн в Верхней Лужице, стала состоятельной и ориентировалась на экономический прогресс.

Итак, для периода с середины XVIII в. до аграрных реформ 1819—1821 гг. в прусских Лужицах и соответственно 1832 г. в саксонской части Лужицы следует констатировать, что в принципе сохранилась структура находящегося в феодальной зависимости крестьянства и его антагонизм по отношению к дворянам-помещикам представлял собой основной признак классовой ситуации этого времени. Одновременно от десятилетия к десятилетию усиливалось разложение дворянско-помещичьего хозяйства, что было обусловлено кризисом позднефеодального общества. Следствием этого явилась более сильная дифференциация среди крестьянства. Сохранилось традиционное расслоение, возникшее путем указывавшегося выше деления в соответствии с хозяйственными интересами помещика на барщинных крестьян, садоводов и безземельных

inslav

крестьян для занятия ремеслом, а также на пестрые промежуточные слои, одинаковые по своему положению, хотя и поразному называвшиеся в Нижней Лужице и округе Котбус. Число безземельных крестьян, не владевших ничем кроме дома, либо снимающих жилье сельских жителей, не имевших даже дома, в XVIII в. быстро возрастало. С другой стороны, в деревне развивался крестьянский высший слой: зажиточные крестьяне, прежде всего в названных выше районах, отдельные свободные крестьяне, арендаторы и другие освобождавшиеся от феодальных оков люди в других деревнях, а также служащие помещиков. Эта ускоренная дифференциация стимулировала также усиленный переезд сельских жителей —главным образом обнищавших, но также и отдельных состоятельных людей — в город.

Капиталистическое преобразование сельского хозяйства путем реформ «сверху» является примером того, как народные массы, хотя и добились своими действиями дальнейшего прогресса буржуазного общественного развития, но одновременно были вынуждены нести его тяготы. Аграрные реформы XIX в., основным принципом которых было сохранение и капиталистическое преобразование помещичьего хозяйства, ускорили процесс дифференциации крестьянства. Условия прусского пути неодинаково отразились на отдельных группах крестьян. Велики были различия в реформах Пруссии и Саксонии. В то время как саксонский закон формально обращался со всеми крестьянами одинаково, прусское законодательство с самого начала базировалось на юридической дифференциации отдельных групп крестьянства.

Так, до 1850 г. законодательство распространялось в прусских Лужицах только на часть крестьянства, отбывающего барщину. Из остальных крестьян лишь небольшая часть могла считаться крестьянами, ибо до середины столетия многие изгонялись со своих мест; при этом они превращались во временных арендаторов, или другим образом переставали быть настоящими крестьянами. Те крестьяне, на которых распространялись существовавшие законы, должны были обычно отдавать треть своей земли, выплачивать крупные суммы в качестве выкупа или ежегодную денежную ренту и часто целый ряд лет выполнять часть повинностей.

Но и в принципе одинаковые для всех групп крестьян предписания саксонского закона, который к тому же не требовал от них передачи земли, неодинаково применялись к отдельным крестьянам. Одни могли с помощью разового выкупа освободиться от всех тягот, для других сохранялась обязанность в течение десятилетий выплачивать ежегодную денежную ренту, что тормозило свободное развитие их хозяйства. Теперь еще сильнее, чем прежде, во всех областях Лужиц оказывал влияние происходящий из товарных отношений экономический фактор дифференциации.

Как в саксонской, так и в прусской части Лужиц прусский путь вел к обнищанию и к постепенной пролетаризации большей части сельского населения. Мелкие крестьяне искали возможности дополнительной работы вне собственных хозяйств, чтобы с по-

inslav

мощью побочного заработка поддержать свое существование. Меньшинство превратилось в зажиточных крестьян, которые были в состоянии участвовать в капиталистическом процессе. Между обедневшими и зажиточными крестьянами имелся еще широкий слой середняков, будущее развитие которых в условиях прусского пути с полной очевидностью еще не определилось. Территориально концентрация крупных зажиточных крестьян наблюдалась в саксонской Верхней Лужице.

Эмансипирующееся в ходе проведения аграрной реформы крестьянство образовало социальную базу национального движения лужицких сербов. Вступление в капиталистические земельные отношения доставило крестьянам непредвиденные трудности. Они стояли перед новыми задачами плохо подготовленными и располагали лишь незначительными средствами. Велика была их потребность в образовании и организации. Первым оказал им помощь поэт Хандрий Цейлер, который в 1842—1848 гг. редактировал серболужицкую газету «Tydźenska Nowina» и выступал с многочисленными собственными статьями как неутомимый пропагандист и организатор крестьянского хозяйства. Одновременно он поддерживал и антиюнкерскую направленность крестьян[18]. Так социальные и национально-культурные интересы сливались и вели к формированию мелкобуржуазно-крестьянского национального движения. В буржуазно-демократической революции 1848 г. особенно сильно обнаружились крестьянский и демократический компоненты национального движения. Крестьянство Лужиц уже единодушно выдвинуло свои экономические, социальные и политические требования.

Выдвижение на первый план социального фактора в еще молодом национальном движении и крайнее обострение политического конфликта в революции 1848—1849 гг. ускорили общественно-политическую дифференциацию серболужицкой интеллигенции. В процессе перехода от феодализма к капитализму в этом слое к 1848 г. образовались четыре группы, которые охарактеризованы ниже. 1. Часть интеллигенции шла путем совместных действий с немецким господствующим классом и поддерживала или допускала политику планомерно проводимой активной германизации. Как правило, это были обязанные своим помещикам евангелические пасторы и зависимые от них учителя, прежде всего в прусских Лужицах. 2. В 1848 г. сложилась группа, которая демонстрировала свою связь с серболужицким языком и культурой и не участвовала в политике германизации, но в год революции представляла ярко выраженную консервативную точку зрения, отмежевываясь от требований серболужицкого народа и выступая против национального движения. Здесь речь шла о высших чиновниках и преданных власти сановниках во главе с начальником полиции Баутцена, председателем Сербской матицы д-ром Б. А. Клином, а также о некоторых сельских священнослужителях. 3. Группа серболужицкой интеллигенции, которая поддерживала национальное движение, имела либеральные взгляды

inslav

и возглавлялась Я. А. Смолером. Она составляла большинство и являлась ведущей группой университетски образованной интеллигенции. 4. Серболужицкие демократы, которые самым тесным образом связали себя с серболужицким крестьянским движением 1848 г. и решительно поддерживали требования крестьян. Сюда относились прежде всего серболужицкие сельские учителя в саксонской Верхней Лужице, которые с первой половины XIX в. олицетворяли тесно связанный с народом и демократически ориентирующийся слой интеллигенции. К этой группе относились поэт Я. Вьела-Радысерб и композитор К. А. Кочор[19].

При продолжающих существовать привилегиях и преобладании капиталистически преобразованного юнкерского хозяйства классовый антагонизм между крестьянством (как целым) и помещиками еще долгое время давал о себе знать, что содействовало сохранению традиционных представлений о структуре крестьянства. Такой же была ситуация и в момент революции 1848 г. Некоторые внешние признаки вводили в заблуждение относительно реальных отношений и потому многие представители интеллигенции еще долгое время руководствовались своими романтическими взглядами на серболужицкое крестьянство и при этом делали ошибочные выводы.

В действительности самое позднее с середины XIX в. наемный труд, который в будущем стал повсюду решающим критерием дифференциации крестьян, все больше и больше выдвигался на передний план и в Лужицах, а вместе с тем появлялись наемные рабочие, полупролетарии, мелкие крестьяне, крестьяне-середняки и крупные крестьяне как совершенно различные социальные слои сельского населения[20]. В 60-х годах в результате развития по прусскому пути на серболужицких землях создалась за счет обнищавших крестьян значительная перенаселенность, которую не могла поглотить еще слаборазвитая промышленность. Это являлось причиной стремления многих серболужичан, особенно молодых людей, к переселению в такие крупные города, как Дрезден, Берлин и другие.

[1] *Sołta J., Zwahr H.* u. a. Geschichte der Sorben. Bd. 2. Bautzen, 1974, s. 31, 301—304; *Mětšk F.* Narodnostne poměry w měsće Budyšinje a socialekonomiska struktura jeho serbskeho wybudlerstwa w započatku 19. lětstotka.— In: Lětopis (Bautzen), 1956, N 3, s. 55 ff.

[2] *Mětšk F.* Einige Erwägungen über die Auswirkungen der territorialen Veränderungen zu Beginn des XIX. Jh. auf die sorbische Nationalität.— In: Lětopis (Bautzen), 1962, N 9/1, s. 62.

[3] *Reuther M.* Die sorbische Bevölkerung in und um Bautzen und ihre Beziehungen zu Kirche und Schule bis zum Ausgang des 19. Jahrhunderts.— In: Forschungen aus mitteldeutschen Archiven. Berlin, 1953, S. 410; *Mětšk F.* Narodnostne poměry..., s. 57 ff.

[4] Цит. по: *Mětšk F.* Narodnostne poměry..., s. 57.

[5] *Sołta J.* Die Bauern der Lausit: Eine Untersuchung des Differenzierungsprozesses der Bauernschaft im Kapitalismus. Bautzen, 1968, S. 39—52, 158—175; *Idem.* Die lausitzische Bauernschaft am Ende des «Preußischen Weges» der bürgerlichen Agrarevolution.— In: Lětopis (Bautzen), 1965, N 12, s. 144—160;

inslav

Hartstock E. Zur socialen Struktur und Lage der Dorfbevölkerung in den Amtshauptmannschaften Bautzen und Kamenz (1840—1848).— In: Lětopis (Bautzen), 1963, N 10/1, s. 55—89 (mit Tabellenanhang).

[6] *Brankačk J., Mětšk F.* u. a. Geschichte der Sorben. Bd. 1. Bautzen, 1977, S. 247—253. См. карты территориального деления и области распространения сербо-лужицких языков в XVI—XVIII вв.; а также карту распространения сербо-лужицких языков и политического преобразования 1815 г.

[7] *Stulz P., Opitz A.* Volksbewegungen in Kursachsen zur Zeit der Französischen Revolution. Berlin, 1956.

[8] *Sołta J.* Ertragsentwicklung in der Landwirtschaft des Klosters Marienstern: Zur Entwicklung der Getreideerträge unter den Bedingungen des preußischen Weges der bürgerlichen Agrarevolution. Bautzen, 1958, S. 33—35.

[9] *Sołta J., Zwahr H.* u. a., Geschichte..., S. 27—30.

[10] *Sołta J.* Die Ertragsentwicklung..., S. 44—53; *Groß R.* Die bürgerliche Agrarreform in Sachsen und die sächsische Oberlausitz.— In: Lětopis (Bautzen), 1967, N 14/1, s. 1—21.

[11] *Klemm V.* Das Revolutionsjahr 1848 in den Dörfern der Niederlausitz.— In: Lětopis (Bautzen), 1969, N 16/1, s. 48—69; *Hartstock E.* Die sorbische nationale Bewegung in der sächsischen Oberlausitz 1830—1848/49. Bautzen, 1977, S. 67—80, 171—181; *Hartstock E., Kunze P.* Die bürgerlich-demokratische Revolution von 1848/49 in der Lausitz. Dokumentation. Bautzen, 1977.

[12] *Sołta J.* Die lausitzische Bauernschaft..., S. 144—145; *Он же.* Die Bauern..., S. 25.

[13] Прежде всего структуру позднефеодального крестьянства Лужиц определяли поместья средней величины.

[14] Здесь следует перечислить следующих наиболее значительных землевладельцев: Кёнигсбрюк, Амт Хойерсверда и Мускау в Верхней Лужице, а также Амтиц, Зорау-Трибель, Форст-Пфёртен, Дрена, Люббенац, Штраупиц, Лойтен и Либерозе в Нижней Лужице.

[15] Следует отметить находившиеся в Верхней Лужице земли монастыря Марienштерн, монастыря Мариенталь и кафедрального собора Сант-Петри в Баутцене.

[16] Приблизительно в 50 деревнях, принадлежавших городу Баутцену (Будишину) и более чем в 60 деревнях, принадлежавших городу Гёрлиц, развивалось зажиточное крестьянство (ср.: *Sołta J.* Die Ertragsentwicklung..., S. 58). Заслуживает внимания положение в деревнях города Циттау. Приблизительно в 30 деревнях, принадлежавших магистрату города, подавляющее большинство населения занималось кустарным производством, а именно ткачеством в качестве надомников (в 1777 г. здесь насчитывалось 2700 надомников), которые эксплуатировались купцами г. Циттау, а также владельцами мануфактур (ср.: *Kunze A.* Zittaus Weg in die Welt. Zittau, 1955, S. 22—31).

[17] *Müller H.-H.* Bäuerliche Rittergutsprachtungen im Cottbuser Kreis in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts.— In: Lětopis (Bautzen), 1964, N 11/1, s. 29—54; *Sołta J.* Die Ertragsentwicklung..., S. 40.

[18] *Wićaz O.* Handrij Zejler a jeho doba. Budišin, 1955, s. 132—137.

[19] *Sołta J.* Die Lausitzer Sorben und ihre Nachbarn in der Zeit von 1789 bis 1848: Ein Beitrag zur Frage der internationalen Wechselbeziehungen der sorbischen Geschichte.— In: Lětopis (Bautzen), 1975, N 22/1, s. 59—60.

[20] *Sołta J.* Die kapitalistische Klassendifferenzierung der Bauernschaft von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Beginn des zweiten Weltkrieges, dargestellt vornehmlich am Beispiel der Lausitz.— In: Lětopic (Bautzen), 1968, N 15/2, s. 237.

inslav

ВЕНГЕРСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

К. Вёрёш (ВНР)

Переход от феодализма к капитализму — сложный процесс, в ходе которого своеобразно и в различных пропорциях смешиваются черты разлагающегося феодализма и развивающегося капитализма. Ниже мы остановимся лишь на одной стороне процесса — проблеме крестьянства, так как здесь наиболее выпукло развертываются характерные для этого переходного периода черты. Однако обозрение всего пути, пройденного крестьянством в рамках переходного периода, было бы для одной статьи слишком большой задачей *. Поэтому мы вынуждены сузить хронологические рамки темы и довести изложение только до буржуазной революции 1848—1849 гг., т. е. ограничиться рассмотрением первого, начального этапа переходного периода.

Экономические предпосылки и условия перехода от феодализма к капитализму в Венгрии складывались, начиная с последней трети XVIII века, благодаря развитию сельскохозяйственного товарного производства, которое, однако, долгое время шло довольно медленно. Этот процесс проходил не изолированно от промышленной революции, развертывающейся в это время в Западной Европе. Эта связь ощутимо проявилась в ходе наполеоновских войн, когда Венгрия включилась в европейскую хозяйственную жизнь. Речь идет, с одной стороны, о связях непосредственных,

* Новейшую попытку освещения истории венгерского крестьянства в переходный период представляет глава, написанная автором статьи для пятого тома «Истории Венгрии» в десяти томах (Magyarország Története, V. köt. 1790—1848). Budapest, 1980, ранее опубликованная под названием: «Путь крестьянства к буржуазной революции» (A parasztság utja a polgári forradalomhoz.— Történelmi Szemle, 1973, N 1, 208—244. old.). Подробно основные тенденции и характер этого процесса изложены в главах учебника, написанных Дьюлой Мереи: Magyarország története. III. köt. Egyetemi tankönyv. Budapest, 1961). Из литературы, посвященной отдельным аспектам этой проблемы см.: Mérei Gyula. Mezőgazdaság és agrártársadalom Magyarországon 1790—1848. Budapest, 1948; *Idem.* Mezögazdasagi árutermelés és a parasztság helyzete Magyarországón a feudalizmus válságának elmélyülése idején.— Századok, 1956, N 1; *Varga János.* A jobbágyi földbirtoklás tipusai és problémái 1767—1849. Budapest, 1967; *Idem.* A jobbagyfelszabaditás kivivása 1848-ban. Budapest, 1971; *Für Lajos.* A mazőgazdasági zsellérkérdés rendezése 1848—1896.— Agrártörténeti tanulmányok. Budapest, 1960; *Bárándy János.* Magyarországnak statisztikai összes atnézete. Bécs, 1842; *Ruzsás Lajos.* A városi fejlődés a Dunántulon a 18—19. században.— Dunántuli tudományos Intézet. Értekezések 1961—1962. Budapest, 1963. Értekezések 1963. Budapest, 1964; *Idem.* A városi fejlődés a 18—19. században Délmagyarországon. A városi fejlődés gazdasági alapjai.— MTA Dunántuli Tudományos Intézete. Értekezések. 1964. Budapest, 1966. 287—321.1.; *Pal Sándor.* Deák und die Frage der Hörigen auf dem Reichstag der Jahren 1832—1836. Budapest, 1977; *Sarlós Márton.* Deák Ferenc és az urbéri földtulajdon az 1832—1836-i országgyülésen.— Jogtörténeti Tanulmanyok 1. Budapest, 1966; *Sápi Vilmos.* A mezőgazdasági bérmunkásság jogviszonyai Magyrországon a XVI. századtól 1948-ig. Budapest, 1967.

inslav

интенсивность которых определялась потребностью в обеспечении уже продолжительное время сражавшихся армий, с другой — о косвенных связях, выраженных экономическими последствиями континентальной блокады, а также временным возрождением сухопутной торговли с Балканами и Ближним Востоком через Центральную Европу. Весь механизм проявления и функционирования этих связей еще подлежит изучению, но бесспорно то, что эти связи не прервались и по окончании наполеоновских войн. Начиная с этого времени экономика Венгрии — почти исключительно опиравшаяся на сельскохозяйственное производство — остро реагирует на конъюнктуру и деконъюнктуру. Как бы то ни было, для сельскохозяйственного производства Венгрии (в основном в западных областях Габсбургской империи) сформировался, наконец, устойчивый в целом внешний рынок, представлявший более или менее стабильную возможность для сбыта его продукции. Значение этого факта не снижается тем, что экономическая и таможенная политика Габсбургов с середины XVIII в. была направлена на максимальное использование прибыли от продажи венгерской продукции на внешнем рынке в интересах казны и «наследственных земель».

Формировавшиеся таким образом внешние и медленно складывавшиеся внутренние рыночные возможности — особенно в конъюнктурные годы — обеспечивали землевладельцам Венгрии значительный доход от реализации продукции. В деконъюнктурные же годы в связи с сокращением доходов землевладельцы начинают с особой остротой испытывать недостаток в капиталах для последовательного расширения и интенсификации производства посредством применения наемного труда. В то же время получение ими кредитов становится невозможным из-за самой сути феодализма, который не дает гарантии кредитору, несмотря на наличие земельных владений, могущих служить в качестве надежного обеспечения кредитов. Часть помещиков ищет выход из положения в буржуазных преобразованиях, другая — в усилении феодальной эксплуатации крестьян. Этому способствует также и стремление к расширению барской запашки путем вытеснения крестьян с их наделов, переселения их на менее плодородные земли, присоединение оброчных крестьянских наделов к помещичьему домену и т. д. Приобретенную таким образом землю землевладельцы отдавали в пользование тем же крестьянам, требуя за нее большей оплаты, натуральных взносов и, главное, барщинных повинностей.

В первой половине XIX в., несмотря на замедленность темпов перехода к новым отношениям, венгерское крестьянство являло собой класс уже весьма дифференцированный. В верхах его находилось так называемое свободное крестьянство, проживающее на определенных, исторически сложившихся территориях,— ясы, куны, гайдуки и секейи[1]. Они не находились в подчинении землевладельцев, на их территории никогда не находились дворянские поместья, они всегда были полноправными собственниками обрабатываемой ими земли. Однако и на этих территориях, подчи-

inslav

нявшихся непосредственно королевской власти, на протяжении столетий сформировалась имущественная элита, державшая в своих руках и передававшая по наследству позиции власти.

Ядром эксплуатируемого класса в условиях венгерского феодализма являлось так называемое барщинное или урбариальное крестьянство. За пользование землей на основе письменного договора, т. е. урбария, они должны были нести в пользу землевладельца определенные повинности — трудом, натурой или деньгами. Вторую и самую многочисленную категорию крепостного крестьянства составляли желлеры (батраки). Часть желлеров имела лишь дом, а другая часть — лишь право на проживание на земле владельца; за такое право крестьяне обязаны были платить землевладельцу трудом или другими услугами. Начиная с середины XVIII в., с появлением возможностей ведения товарного производства, помещики стали усиливать феодальную эксплуатацию крепостных крестьян. Непомерное увеличение крепостных повинностей задевало интересы государства, так как разорившийся крестьянин уже не мог платить государственных налогов, что вело к сокращению доходов казны. Это обстоятельство явилось одной из главных причин, побудивших в 1767 г. Марию Терезию урегулировать во всем Венгерском королевстве, за исключением Трансильвании, отношения между крепостными крестьянами и землевладельцами. Урбарий Марии Терезии установил единые критерии для барщинных земель и в зависимости от них определил размеры повинностей в пользу помещика и государственных налогов [2]. Закрепление в новых единых урбариях земельных наделов, привело к тому, что землевладельцы уже не могли дальше произвольно сокращать наделы и увеличивать повинности. Это дало крепостным крестьянам уверенность и известные гарантии на владение своими участками и одновременно стабилизировало положение в области государственного налогообложения.

Другой слой крестьянского общества составляли такие крестьяне, которые хотя и не находились под юрисдикцией помещиков, однако не могли себя содержать за счет своих наделов или вовсе их не имели. Они были вынуждены продавать свою рабочую силу. С барщинными крестьянами эту категорию сближало то, что их судебные дела на первой ступени решались помещиками или же наделенными судебным правом властями городов, на земле которых они находились. Вплоть до 1848 г. крестьянство в целом было обязано платить налоги, обеспечивать питанием и ночлегом солдат. Дворяне же от налогов были освобождены [3]. С течением времени на самых бедных дворян, в первую очередь на тех, которые уже не имели крепостных, да и сами получали землю на условиях барщины от землевладельцев, стали распространяться повинности и обязанности, возлагаемые на крестьян. Бедное дворянство Трансильвании уже начиная с середины XVIII в., а в Венгрии с 1830 г. выполняло повинности и платило государственные налоги.

Тяжелое бремя крепостнических повинностей, всевозможных поборов и особенно рост эксплуатации порождало у крестьян без-

inslav

различие к собственному хозяйству, снижало производительность их труда.

Вспыхивавшие время от времени в различных уголках королевства стихийные волнения крестьян и постоянно снижавшаяся производительность их труда на полях помещиков, сделавшие крепостной вопрос острейшей и наиболее злободневной социальной проблемой всего венгерского общества, заставили обратить на нее внимание и представителей имущих классов. Дворянские и буржуазные писатели, уже с конца XVIII в. начинают говорить о «демократизации» крестьян. В их сочинениях крестьяне изображались людьми темными, отсталыми, нередко циничными и злыми, с подозрением относящимися ко всему новому. Крестьяне, утверждали они, не признают и отвергают попытки землевладельцев улучшить их судьбу, сознательно и преднамеренно способствуют дезорганизации своего хозяйства, так как не способны к планомерному организованному труду. Некоторые из этих авторов, впрочем, сами сознавали невозможность и немыслимость какого-либо радикального изменения положения крепостных крестьян при сохранении существующего порядка вещей, косвенным образом признавая наличие кризиса феодализма. Выход из тупика они видели в административных мерах, считая, что таким образом можно сдвинуть крестьянский вопрос с мертвой точки.

Для венгерской деревни конца XVIII в. характерны не только возрастающая нищета и отсталость. Новой прогрессивной чертой ее жизни являлся рост, хотя и медленный, крестьянского товарного производства. Вслед за крупными и средними дворянскими владениями крестьянские хозяйства постепенно стали удовлетворять все возрастающие потребности рынка в сельскохозяйственных продуктах. Этому способствовало и то обстоятельство, что у крестьян, а также у живущих на крестьянский лад мелких дворян, продукты можно было покупать дешевле, чем у крупных помещиков. Правда, в интересах использования этого преимущества необходимо было приблизить торговлю к крестьянству.

Торговля в деревне появилась намного раньше, главным образом благодаря бродячим торговцам. Однако большой размах она приобрела после того, как крестьяне получили возможность покупать сравнительно дешевые промышленные товары, в основном текстиль. В это время на селе появилось много коробейников (разносных торговцев), одновременно возросло число лавок, в связи с чем начиная с конца XVIII в., усилилось недовольство городских торговцев. По этим же каналам торговли шла и обратная связь деревни с городом путем приобретения последним крестьянской продукции.

Созданная под покровительством помещиков торговая сеть с последней трети XVIII в. начала бурно развиваться благодаря увеличению числа скупочных, распределительных и перевалочных пунктов. Теперь крестьяне могли найти лучшее применение излишкам своей продукции, которую ранее приходилось возить для продажи сравнительно далеко. Бродячие торговцы занимались за-

inslav

купкой небольших партий шерсти непосредственно у пастухов, крестьян, мелких дворян и помещиков. Появились торговые агенты, закупавшие и более широкий круг товаров, прибегая иногда к заключению контрактов. Процесс реализации крестьянской продукции по такой сети легче измерить и оценить, изучая функционирование ее вместе с относящимися к сети и дополняющими ее различными посредниками. Сельское недворянского происхождения население, таким образом, начинает накапливать деньги.

Расширение возможности реализации продукции сельского хозяйства, вызванное сдвигами в самом крестьянском хозяйстве, стимулировало рост его товарности, приводя одновременно к изменениям социального и психологического порядка. Стремление к обогащению крестьян, уже сумевших накопить кое-какие средства, укрепляя их самосознание, пробуждало желание вырваться из крепостного состояния. Отмеченные новые явления углубляли и ускоряли кризис крепостничества, постепенно выводя крестьянство из рамок уже ослабевшего феодального общества.

Правда, этот процесс был нелегким. Примитивные орудия труда и инвентарь долгое время мешали крестьянам использовать открывшиеся возможности для подъема своего хозяйства и развертывания товарного производства. Венгерский «якобинец» Гёргей Берзевицы[4] в 1802 г. и консервативный французский социолог Ле Пле в 1846 г., составившие подробный баланс доходов и расходов крестьянского хозяйства в Венгрии, пришли к одинаковому выводу, что при данном строе крестьяне не в состоянии делать ни накоплений, ни резервов. В связи с тем, что крестьяне могли рассчитывать на кредит еще меньше, чем дворяне, крестьянское товарное производство покоилось на весьма непрочных и зыбких основах. Маленькие хозяйства, лишенные источников для накопления, разорялись в первый же неурожайный год.

Рост и расширение крестьянского товарного производства сдерживались и тем, что некоторое увеличение фонда барщинных земель (на 62% в 1780—1848 гг.) отставало от роста проживающего на них населения. Расширение площади барщинных земель и увеличение числа крепостных (барщинных) наделов в основном происходило за счет вовлечения в сферу феодальных отношений, находившихся в руках крестьян, «раскорчеванных» и «остаточных» земель путем создания на них новых наделов[5]. Помещики, таким образом, получали «законную» возможность требовать с крестьян крепостные повинности, в первую очередь барщину, за эти земли. Следовательно, в действительности незначительный в рамках фонда барщинных земель рост далеко отставал от естественного прироста крестьянского населения, результатом чего явилось повсеместное сокращение размера наделов. Все меньше становилось полнонадельных крестьян. Накануне революции 1848 г. большинство барщинных крепостных владело лишь половиной или четвертью надела. Вследствие ускорения процесса дифференциации крестьян центр тяжести общественной структуры все более перемещался в сторону более бедных, имевших небольшие участки

inslav

элементов. Это не смогло уравновесить обостряющуюся на другой стороне поляризацию — не только относительное, но и абсолютное увеличение числа зажиточных крестьян.

Отмеченные явления свидетельствовали о том, что в венгерской деревне происходили процессы, в результате которых крестьянство, начиная с XVIII в. кое-где выходило за рамки феодальной структуры.

Из этих процессов наиболее значительными оказались те, в ходе которых владения барщинного крестьянства начали распространяться на помещичий домен (аллод), т. е. на землю, находившуюся в распоряжении помещиков, что существенно меняет наши прежние представления о размерах крестьянского землевладения, основывавшиеся на изучении данных о количестве барщинных земель. Как показывают новейшие исследования, по самым осторожным подсчетам, до 1848 г. земля, фактически находящаяся в руках крестьян, не считая оброчной, увеличилась на 3700 тыс. хольдов за счет пахотной земли и лугов, в правовом отношении являвшихся помещичьими, аллодиальными. Таким образом, земельный фонд крестьян достигал 13 380 тыс. хольдов, т. е. 72% всех пахотных земель и лугов.

В том, что землевладельцы оказались вынужденными уступить крестьянам столь значительную долю пахотной земли и лугов в то время когда они всеми доступными способами старались увеличить площадь аллодиальных земель, решающую роль играл недостаток капиталов, без которых невозможно было широко применять наемный труд для обработки помещичьих земель.

Более интенсивное ведение хозяйства в оброчных имениях побуждало помещиков к постепенной замене неэффективного барщинного труда крепостных такой формой наемного труда, который не требовал бы оплаты деньгами. Именно поэтому, особенно начиная с 30-х годов XIX в., помещики стали создавать новые наделы, которые отдавались тем же крестьянам, обязывающимся взамен трудиться в господском хозяйстве. Подобное расширение сферы действия феодально-крепостнических отношений, было, однако, лишь кажущимся, ибо в действительности происходил обратный процесс. Еще во времена Марии Терезии, при проведении урбария включение любих категорий земель в барщинный надел означало фактическое сужение, ослабление и ограничение помещичьих прав над значительной частью земельного фонда. Возникновение наделов на «раскорчеванных» и «остаточных» землях — это следующий шаг в сторону расширения крестьянского землепользования без сооответствующего расширения сферы непосредственного функционирования феодальной юрисдикции. Происходивший процесс нашел свое юридическое оформление в принятом государственным собранием в 1840 г. законе, признавшем неограниченные права помещиков лишь на земли, находившиеся в их пользовании. Этот принцип, включенный в закон по настоянию Ференца Деака[6], придававшего большое значение юридическим аспектам борьбы за буржуазные преобразования, сузил пра-

inslav

вовые основы феодальных отношений. Еще до принятия закона приобретение крепостными крестьянами новых наделов за отработочную ренту создавало в их взаимоотношениях с помещиками новый элемент, чем-то напоминавший арендные отношения, основанные на договорных началах.

Все описанные явления, по-разному и с разной интенсивностью ослаблявшие феодальные отношения, обозначали путь выхода за рамки феодальной структуры огромных масс крепостного крестьянства.

Результаты процесса четко прослеживаются на примере комитата Фейер. Как выяснилось после 1848 г., площадь всех земель, находившихся в руках крепостных крестьян, на 26% превышала фонд барщинных участков и составляла 22 тыс. хольдов. При этом землей пользовались не только зажиточные, но и многие мелкие крестьяне. Исследования по другим комитатам также свидетельствуют о значительном расширении земли оброчного крестьянства.

Ради обеспечения своего хозяйства рабочей силой, из-за недостатка капиталов помещики вынуждены были не только расширять земельные участки барщинных крестьян, но и передавали часть домениальных земель в пользование безземельным желлерам, стоящим вне сферы барщинных отношений. Отношения между безземельными желлерами и помещиками уже не обеспечивались какой-либо административной гарантией, их связь имела характер личной аренды. Крестьянство, находившееся с помещиками в договорных отношениях, представляло собой довольно широкий слой, насчитывавший накануне 1848 г. 200 тыс. человек. Именно поэтому весной и летом 1848 г. дворяне были столь серьезно обеспокоены движением этих крестьян за признание их собственностью участков, которые они обрабатывали на договорных началах. Но характерно и то, что самые передовые с точки зрения агротехники формы и методы производства, например, садоводство, производство табака и т. д. — культивировались именно на землях, обрабатываемых крестьянами, которые уже вышли из рамок феодальных отношений.

Таким образом, безземельные желлеры стали владеть все большими, но разрозненными участками пашен, лугов и виноградников, что уже выходило за пределы феодальных и оброчных отношений. Помещикам все труднее было контролировать их и облагать повинностями. Подтверждением тому служит, во-первых, безуспешность попыток запретить желлерам окончательно переселяться на пригодные для виноградарства горные участки, во-вторых, рост доходов, занимающихся виноградарством крестьян.

Три описанных выше процесса во многом были связаны друг с другом, поскольку они проходили при условиях, отклонявшихся от норм классического феодализма. Наряду с этим все три процесса проявляются в сфере частных взаимоотношений. Однако параллельно с этим по мере развития товарного производства значительного размаха достигли коллективные усилия целых поселений, направленные на изменение их правового положения, на

inslav

дальнейшее ослабление оброчных отношений. Конкретно речь шла об осуществляемой на законных основаниях временной аренде поселенцами определенных привилегий. Их добивались местечки — сельские города, степень свободы которых от феодала в каждом случае зависела от того, какими привилегиями конкретно и сколько времени они пользовались. В основном сложились две категории местечек — оброчный сельскохозяйственный город и сельскохозяйственный город, населенный арендаторами. В первой половине 1840-х годов к первому типу относилось 327 местечек с населением в 647 тыс. человек. Населенных арендаторами сельских городов было почти столько же — 314, но с населением значительно большим — 723 тыс. человек. Для сравнения укажем, что перепись 1787 г. зафиксировала всего 428 сельских городов обеих категорий.

Население обоих типов местечек в правовом отношении являлось крепостным. Оброчный сельскохозяйственный город по своей внутренней структуре представлял собой простую крестьянскую деревню. Однако по договору с помещиком, который мог быть расторгнут последним в любое время, население этих городов выкупало свои повинности. За это город получал право облагать жителей налогами по своему усмотрению и устанавливать порядок их взимания. Положение арендаторского сельского города было более прочным. С его населением помещик заключал договор на определенный срок, что создавало стабильность их хозяйственной жизни. Помещик в большинстве случаев предоставлял городу право выкупа, что все еще не получило распространения в отношении оброчных городов. В том и другом случае договор и связанные с ним более привилегированные условия, представляли собой лишь единичное и временное явление, не ликвидировавшее крепостную зависимость населения даже если временно освобождали их от этой зависимости. С начала XIX в. бурно росло число деревень, получивших статут местечек благодаря коллективному выкупу крепостным населением феодальных повинностей, и главным образом трудовой повинности — барщины, на определенный срок. Наиболее богатые деревни выкупали у помещиков и право на устройство ярмарок. Всего на территории Венгрии насчитывалось около 700 таких населенных пунктов с числом жителей, приближавшимся к 1,5 млн. человек.

Вплоть до самой революции 1848 г. эти два типа местечек представляли для крестьян практически единственную возможность освобождения от крепостного состояния. Полное освобождение путем выкупа повинностей, включая ликвидацию судебных прав помещиков, было возможно лишь для немногих, весьма зажиточных поселений. Несмотря на успешный опыт хозяйствования отдельных поселений, выкупные платежи, ложившиеся тяжелым бременем на плечи жителей местечек, сковывали развитие производства и товарно-денежных отношений и этих групп населения, освободившихся от непосредственного феодально-помещичьего гнета.

inslav

Процесс размывания основ феодально-крепостнических отношений в указанных выше формах сопровождался разрозненными антифеодальными выступлениями, проходящими почти всегда в русле поисков и отстаивания «законных прав». В результате этого росли чувства тревоги и неуверенности дворянства, а также социальной напряженности во всех слоях населения. В качестве особого фактора, подрывавшего феодальную систему, можно назвать кризис учреждений, регулирующих отношения между помещиками и крепостными. Он проявлялся в том, что для улаживания открытых и скрытых конфликтов, для удовлетворяющего обе стороны их решения в рамках феодальной правовой системы оставалось все меньше возможностей.

Разработанные со времени Марии Терезии правовые нормы, направленные на сохранение и упрочение феодальной системы, становятся все менее пригодными для урегулирования проблем, возникавших в ходе развертывания сельскохозяйственного товарного производства. Предпринятые в 1810—1820-х годах попытки навести порядок во множестве дополнительных правовых установлений не увенчались успехом [7]. Об этом свидетельствует резкое возрастание накануне революции числа затяжных судебных дел между помещиками и крестьянами. Судебные процессы по чрезвычайно запутанным делам, касавшимся взаимоотношений помещиков и крепостных, разбирались специальными комиссиями в 50-х годах XIX в., в период неоабсолютизма, но уже на основе норм буржуазного законодательства.

Закончилась провалом, натолкнувшись на упорное сопротивление консервативной части дворянства, предпринятая в 1820-е годы попытка урегулирования взаимоотношений помещиков с крепостными на основе венгерского урбариума Марии Терезии. Такой же неудачей сопровождались и проводившиеся в организационном порядке эксперименты, направленные на урегулирование отношений, связанных с распространением наемного труда с целью выработки единых правил содержания батраков, находившихся в фактической крепостной зависимости от помещиков. Эти правила должны были максимализировать оплату труда в соответствии с реальной стоимостью барщины.

Подрыву экономических основ феодального способа производства эффективно способствовало расширение торговых связей империи с Западной Европой и Венгрии с австро-чешскими провинциями. В результате развертывавшееся товарное производство постепенно попало под влияние движения цен европейского рынка. Возросшая потребность в наемной рабочей силе и увеличившийся спрос на товары, особенно в период наполеоновских войн, ликвидировали возможности и предпосылки для прикрепления крестьян, превращая массы крестьян в наемных рабочих. И, наконец, терпят крах и те стремления, которые как на местном, так и на общегосударственном уровне были направлены на сохранение порядка содержания батраков и прислуги. Само по себе единое урегулирование положения батраков путем заключения договоров на бо-

inslav

лее продолжительное время на основе принципов феодализма и при Иосифе II было запоздалым стремлением. Такое урегулирование оказалось возможным лишь после ликвидации феодальных порядков, на почве капиталистических производственных отношений.

Растущая социальная напряженность, появлявшаяся в крестьянских выступлениях, ярко иллюстрировала тот факт, что народные массы уже не желали жить так, как они жили до сих пор. Феодальные учреждения оказывались все менее пригодными для того, чтобы урегулировать возникающие проблемы, а помещики вынуждены были пускаться на эксперименты, выходившие за рамки производственных отношений феодализма. Все это неумолимо приближало общество к революционному взрыву 1848 г.

В связи с тем, что сам процесс перехода венгерского крестьянства от феодализма к капитализму знаком специалистам по трехтомнику «История Венгрии»[8], автор счел необходимым уделить внимание лишь некоторым аспектам этого процесса. Такой подход способствует выявлению его характерных черт и национальной специфики. Своеобразное венгерское развитие в переходный период заключается в том, что, с одной стороны, Венгрия в этот период включилась в европейскую экономическую жизнь, с другой — недостаточная дифференцированность классовой структуры не позволила венгерскому обществу использовать вытекавшие из этого преимущества.

В этом следует искать объяснения тому, что несмотря на буржуазную революцию, слом феодальной структуры не был последовательно доведен до конца. И не только из-за поражения венгерской освободительной войны 1849 г. В Венгрии и после завершения в 1867 г. буржуазных преобразований сохранились значительные пережитки феодализма, к которым во многих отношениях приспосабливалась и сама буржуазия.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДКОЛЛЕГИИ *

[1] Ясы, куны, секейи, гайдуки — жители территориально-административных единиц (округов), которые обладали известным самоуправлением и привилегиями, восходящими своими корнями в средневековье. Ясы (языги), куны (куманы) были потомками поселившихся после образования Венгерского королевства этнических групп, ассимилированных мадьярским этносом к XVIII в.; их округа, расположенные в междуречьи Дунай-Тиса и к востоку от Тисы, пользовались известной самостоятельностью с XV в. и управлялись непосредственно назначаемыми королем главными капитанами (внутренняя администрация, суд и налоги). Согласно закону от 1791 г., за их представителями было признано право участия и голосования в государственном собрании. Имущий слой был освобожден от феодальных повинностей за выкуп при Марии Терезии. Гайдуки, служившие в армии трансильванского князя Иштвана Бочкаи, получили дворянские привилегии и были поселены в восточных районах Венгрии в начале XVII в. В 1790—1791 гг. было признано их право представительства в го-

* Подготовил Т. М. Исламов.

inslav

сударственном собрании и на внутреннее самоуправление. Внутренним самоуправлением пользовались также секеи и саксы Трансильвании, жители 16 «сепешских городов» сексонского округа Ципш (Спиш, Сепеш) (совр. Словакия), жители кикиндского и чайкашского округов и некоторых других территориально-административных единиц. [*Ред.*]

2 По урбариуму Марии Терезии крестьянский надел состоял из двух частей. Внутренняя часть — от $^3/_4$ до 1 катастрального хольда (хольд равен 1100 кв. саж. или 0,57 га) включала дом, хозяйственные постройки, сад, огород; во внешнюю часть входили: пашня (16—36 катастральных хольдов) и луга (в среднем 7 катастральных хольдов). Средний по стране размер одного полного надела равнялся 25—26 хольдов, размер наделов, однако, существенно колебался. В комитете Туроц (совр. Словакия), например, на 1 надел приходилось 19,3 хольдов земли, на Алфелде (Венгерская низменность) — 30—45 хольдов, в комитате Серем (Срем, совр. СФРЮ) — 45,8 хольдов.

С полного надела следовали следующие повинности в пользу помещика: подымная подать (1 форинт в год), девятина, т. е. девятая часть собранного урожая и с приплода скота и домашней птицы (натуральная повинность), и самая тяжелая феодальная повинность — трудовая, 104 дня пешей, или 52 дня с тяглом барщины (робот), от восхода солнца до захода. Существенной мерой по ограждению крестьянского хозяйства от помещичьего произвола было предписание закона о том, чтобы не менее четверти всех барщинных дней падало на зимний сезон. Кроме того, помещик мог требовать от полнонадельного крепостного в неделю лишь один день работы с тяглом в обычное время и максимум два дня в сезон уборки урожая, но в таком случае крестьянин имел право всю следующую неделю работать в своем хозяйстве. Для крепостных, владевших неполным наделом, сумма повинностей пропорционально уменьшалась. Желлер с домом отрабатывал 18 дней в год, без дома — 12 дней.

Чтобы иметь более или менее ясное представление о процессах, анализируемых в данной статье, следует иметь в виду, что крестьяне с наделом, тем более с полным, составляли лишь незначительную часть крепостного населения. По данным переписи 1828 г., в стране насчитывалось 911 754 желлеров и 546 643 барщинных крестьян, причем 85% владевших землей крестьян имели $^1/_4$, или же в лучшем случае $^1/_2$ надела.

3 Согласно венгерской конституции, неоднократно подтверждавшейся королями, в том числе из Габсбургского дома, дворянство не облагалось никакими налогами, но взамен должно было нести военную службу. Но с течением времени, к концу средневековья, фактически и эта обязанность была сведена к нулю, поскольку дворянство как сословие выставляло ополчение в случае войны и каждый раз по особой просьбе короля и на основании решения государственого собрания.

4 Гёргей Берзевици (1763—1822) — венгерский просветитель, участник республиканского движения 1795 г. («якобинского заговора»), выступал за отмену личной зависимости крепостных, свержение Габсбургов с венгерского трона, восстановление независимости Венгрии.

5 «Раскорчеванные земли» — расчищенные от леса и кустарника участки главным образом в лесистых и болотистых районах, которые, не будучи частью крепостного надела, находились в пользовании крестьян, обрабатывавших их на правах аренды. «Остаточные земли» — большинство крестьян имело в своем распоряжении фактически значительно больше земель, чем им полагалось по урбариуму. Реформы Марии Терезии от 1767 г. признали права помещиков на эти «излишки» (сверх барщинного надела), запретив, однако, присоединение «остаточных земель» к помещичьему домену и обязав предоставить их на правах аренды крестьянам. Обе эти категории земель, составлявшие значительную долю крестьянского землепользования, являлись предметом ожесточенной классовой борьбы между крестьянством и помещиками и после буржуазной революции 1848—1849 гг.

6 Ференц Деак (1803—1876) — виднейший руководитель движения за буржуазные реформы в 30—40-х годах, в 1848 г.— министр юстиции револю-

inslav

ционного правительства, в 60-х годах — один из главных творцов дуалистического австро-венгерского соглашения.

[7] Государственное собрание 1825—1827 гг., созванное после длительного перерыва, добилось утверждения королем законопроектов об уважении сословной венгерской конституции, о созыве государственного собрания раз в три года, о праве его вотировать государственные налоги и рекрутский контингент. Однако большинство дворянства соглашалось облегчить участь крепостного крестьянства лишь за счет государства путем некоторого уменьшения прямых и косвенных налогов в пользу казны. С большим трудом на сессии было принято решение об обложении налогами дворян, сидевших на крепостнических наделах. Дальнейшим шагом вперед явились законы, принятые на сессии государственного собрания в 1832—1836 гг. о замене обременительной для крестьян извозной повинности двухдневной барщиной с тяглом (с парной упряжью), о праве выкупа барщинными крестьянами их повинностей на годичный срок (но ни в коем случае не навсегда), о размежевании пахотных земель и пастбищ, о сельском самоуправлении (выборы самими крестьянами деревенских присяжных и судей из трех кандидатов, предлагаемых помещиком) и др.

[8] См.: История Венгрии. Т. 2. М., 1972, с. 9—14, 47—52 и др.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕНГЕРСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

П. Ханак (ВНР)

1848 г. является историческим рубежом в переходе Венгрии от феодализма к капитализму. Революция 1848 г. уничтожила феодальные производственные отношения и основанные на них отношения собственности и права. Созданию нового общества служили законодательное признание принципа равенства прав всех граждан и особенно выкуп государством повинностей крепостных. Процесс обуржуазивания крестьянства облегчило то обстоятельство, что не ему пришлось выкупать земли, которыми оно владело по феодальному праву, а также основную часть барщинных повинностей. Однако революция, осуществленная под руководством либерального поместного дворянства, не была ни радикальной, ни последовательной. Она оставила неприкосновенной систему крупнопомещичьего землевладения (аллод), сохранив привилегии, права и политическую гегемонию помещиков, а также множество элементов феодальной эксплуатации, которые тормозили свободное развитие капитализма и буржуазное преобразование общества. В первой половине XIX в., в период, предшествовавший революции, капитализм в Венгрии только начинал формироваться, а капиталистический уклад не стал еще господствующим или даже значительным фактором. Соответственно были неразвиты или недоразвиты структурные элементы буржуазного общества.

Буржуазное преобразование Венгрии и других стран Восточной Европы отличалось от аналогичного процесса в странах Западной Европы тем, что в этих последних капиталистический уклад

inslav

и буржуазия сложились и стали господствующими в экономическом отношении еще до революций. Напротив, в Центральной и Юго-Восточной Европе буржуазная революция, если она вообще имела место, приходится на самый начальный этап капиталистического развития, и одна из ее главных функций как раз и состояла в том, чтобы расчистить пути капитализму. До 1848 г. буржуазия значительно отставала от поместного дворянства не только в имущественном, но и в количественном отношении. Число обедневших мелких дворян и безземельных «армалистов» в Венгрии намного превосходило число промышленных рабочих и горняков. Именно такая, преимущественно феодальная структура венгерского общества и предопределила степень радикализма буржуазных преобразований, ее прямым следствием явилось дальнейшее сохранение сильных пережитков феодализма. Хотя буржуазная революция и покончила с феодальными отношениями, но не внесла существенных изменений в позиции отдельных классов и слоев старой структуры.

К этому следует добавить, что практическое осуществление буржуазных преобразований затянулось на десятилетия, а размежевание общинных угодий (пастбищ, лугов, лесов) и урегулирование отношений между крестьянином и помещиком в ходе многолетних судебных процессов происходило за счет крестьян и в интересах помещиков. Такой необходимый принцип буржуазного развития, как полная свобода занятия промышленностью и торговлей, пробивал себе дорогу крайне медленно, и стал осуществляться лишь в результате австро-венгерского соглашения 1867 г.

Длительность перехода к капитализму во времени и медлительность процессов, ему сопутствовавших, способствовали укреплению позиций ведущих слоев общества старой структуры. Вследствие этого на последнем этапе перехода, занявшем в целом почти всю вторую половину XIX в., в венгерском обществе существовала рядом друг с другом двоякого рода структура — старая, традиционная, и новая, буржуазная, которая развивалась, наталкиваясь на препятствия и до определенной степени приспосабливаясь к старой структуре.

Наличие в переходный период двух структур, так или иначе сосуществующих друг с другом, является общей закономерностью для стран Центральной Европы. Восточноевропейская особенность состоит в том, что ведущие социальные группы феодального общества в новом обществе прочно сохраняли свои экономические позиции и даже политическую гегемонию. Восточноевропейской особенностью и характерной для Венгрии спецификой является также то, что представители этих двух структур отличались друг от друга не только по характеру и методу хозяйствования, не только по своим традициям и образу мышления, но и по своему происхождению и этнической принадлежности. В этом регионе Европы феодальная социальная структура распадалась медленно, продолжая долгое время и после революции сохранять свои традиционные формы, существовала скорее в симбиозе, не-

inslav

жели в органическом единстве с медленно развивавшимися классами и слоями капиталистической формации. Немаловажное значение имел тот факт, что эти новые социальные слои вырастали не из старого общества. Думается, что такая двойственная структура была свойственна помимо венгерского общества также и хорватскому и польскому, но отнюдь не всем народам монархии Габсбургов. Более цельной структурой обладали австрийские немцы и чехи, находившиеся на более высокой стадии развития капитализма. Иной тип представляли в австрийской монархии словенцы, украинцы, словаки и румыны, не имевшие ни собственного «национального» феодального класса, ни крупной современной буржуазии. Структуру этого типа представляется возможным назвать ущербной или неполной.

Во главе капиталистического развития Венгрии шли сельское хозяйство и обслуживавшая его инфраструктура. В социальном смысле результатом этого явилось сохранение помещиками большей части своих владений, имущества и власти, а тем самым и руководящей роли на буржуазном этапе. Крупных помещиков, владевших землей свыше 1000 хольдов, в стране насчитывалось не более двух тысяч, но они располагали одной четвертой частью всех земель, а владельцы латифундий (размером свыше 10 тыс. хольдов каждая) держали в своих руках 14% всей земли (около 5 млн. га).

По имущественному положению, званию, рангу и общественному престижу среди помещиков можно различить три больших слоя. На вершине социальной пирамиды стояла аристократия, насчитывавшая в период революции 3 герцогских (княжеских), 91 графских и 115 баронских рода — всего около 600 семейств, а к концу XIX в.— почти 1 тыс. семей. Представители этого высшего слоя, державшего в своих руках 13% земли, входили в дирекции банков, железнодорожных компаний, промышленных капиталистических предприятий. Это их обогащало, хотя и не намного увеличивало экономическое влияние.

Ведущая социальная роль венгерской аристократии и ее политическая власть не были поколеблены революцией 1848 г. В 80-х годах XIX в. 80% членов палаты господ и 13—15% членов палаты представителей парламента происходили из родовой аристократии. К этому следует добавить адвокатов и поверенных тех магнатов, которые не снисходили до личного участия в работе «народного представительства». На рубеже XIX и XX вв. к аристократии принадлежали 9 премьер-министров из 15, 38 министров из 115, 41 дипломат из 73 венгерских чиновников дипломатического корпуса Австро-Венгрии и почти половина ишпанов, возглавлявших исполнительную власть в комитатах. Вместе с тем, как показывают новейшие более углубленные исследования, политическое влияние аристократии в 1867—1913 гг. в определенной степени уменьшилось, а рост ее экономического веса заметно отставал от роста крупной буржуазии. Непоколебимым зато оставался ее социальный престиж. Круг общественных и семейных связей аристокра-

inslav

тии был чрезвычайно узок и ограничен. Преднамеренно избегая общения с другими слоями общества, она допускала в свой круг членов старинных имущих семей, в основном из крупных помещиков. Внешним символом ее замкнутости являлись замки и городские дворцы. Магната и его семью обслуживала прислуга, составлявшая иерархически организованное «микрообщество», а также собственный духовник, домашние учителя, воспитатели, гувернеры и т. д. Хозяйственными делами имения руководили управляющий, делопроизводитель, хозяйственный чиновник. Дети до 14 лет воспитывались дома, затем в привилегированном интернате, после чего попадали в какой-нибудь из заграничных университетов. До самого конца века браки этой касты заключались исключительно в собственном кругу — с членами отечественной (независимо от национального происхождения) аристократии или аристократии монархии, на худой конец с представителями крупных помещиков-дворян, очень редко с выходцами из буржуазии, ибо это считалось типичным «мезальянсом», недостойным родовитых семей и навлекавшим позор на весь род.

Следующий ведущий слой венгерского общества — крупные помещики, не имевшие наследственных титулов. Их ядро составляла имущая часть бывшего среднепоместного дворянства, сумевшая приспособиться к условиям капитализма. Лишь немногие из них владели большими латифундиями, большинство же (примерно около 900 семейств) имели поместья размером от 575 до 1150 гектаров, которые они всячески старались модернизировать, применяя новую агротехнику, удобрения и перестраивая хозяйства на капиталистический лад. Несмотря на эти стремления, лишь немногим из них удавалось стать капиталистическими предпринимателями, рационально организовать производственный процесс, дополнить его промышленным предприятием по переработке продукции сельского хозяйства, делать постоянные капиталовложения и вести успешную торговлю. По своему образу мышления такой помещик был барином, близким к типу прусского юнкера. Недостаток компетентности, предприимчивости, капиталов он пытался восполнить посредством государственного «социал-протекционизма» в сельском хозяйстве. В конце века под руководством крупных помещиков были созданы в связи с этим «группы давления» (pressur groups). По образу жизни, мышления и системе ценностей эта группа стояла близко к аристократии.

Все сказанное о латифундистской аристократии и крупных помещиках из дворян проливает свет на две характерные особенности перехода от феодализма к капитализму в Венгрии и, по-видимому, во всей Восточной Европе. Во-первых, существовало явное противоречие между хозяйствованием на капиталистический лад и феодальным образом жизни, несомненно тормозившим буржуазное развитие. Восточноевропейский вариант перехода к капитализму подтверждает ту истину, что поместное дворянство не может превратиться в капиталистический класс, не превратившись одновременно в буржуа. Во-вторых, власть и престиж крупных поме-

inslav

щиков дворянского происхождения неизменно сохраняются и тогда, когда экономически, т. е. по способу хозяйствования, по объему и темпам накопления капиталов, оно все более и более отстает от поднимающейся крупной буржуазии. Из этого следует, что относительная социальная позиция класса крупных помещиков была лучше, чем их объективный статус и классовая позиция, детерминируемая ролью и местом в экономике. К концу XIX в. это противоречие стало столь очевидным, что в кругах крупных помещиков-дворян стали распространяться неоконсервативные идеи, начали складываться организации по защите интересов аграриев.

Указанные особенности еще более рельефно подчеркиваются появлением слоя крупных помещиков буржуазного происхождения. Начиная со второй половины XIX в., капитализм проникал в сельское хозяйство в форме аренды и банковских займов. Разбогатевшие торговцы арендовали или покупали землю, отчасти ради надежного вложения капитала, или ради престижа, налаживали «образцовые хозяйства» капиталистического типа. Им удавалось это лучше, чем помещикам-дворянам юнкерского типа, и к началу XX в. пятая часть владельцев крупных поместий была уже буржуазного происхождения. Характерно, что буржуа старались приспособиться к стилю жизни дворянского высшего слоя, воспринимали нормы его поведения и нередко в своей хозяйственной деятельности прибегали к феодальным формам эксплуатации. Это подтверждает тезис о том, что пока в обществе существуют и действуют прочно укоренившиеся пережитки феодализма, в сельском хозяйстве также не может сформироваться «чистая» аграрная буржуазия.

Отсталость в развитии венгерской буржуазии и ее слабость являлись прямым следствием относительной запоздалости восточноевропейского капитализма. О «настоящей» буржуазии может идти речь, собственно говоря, только с начала XIX в. К этому времени, а точнее, к эпохе наполеоновских войн, относится начало ее экономического подъема. Но на рубеже XVIII—XIX вв. ядро буржуазии все еще составляли патриции и цеховая верхушка, приспособившаяся к феодальному строю. Наиболее имущими из буржуазии в придунайских городах и Банате были в основном немцы, а отчасти — греко-македонцы, в Трансильвании же — саксы, армяне, в меньшей части мадьяры, торговавшие главным образом бакалейными, железными и текстильными изделиями *. Торговые и деловые операции характеризовались трезвостью и солидностью этих буржуа, верностью традициям и стремлением избежать риска. Большинство патрицианской буржуазии ориентировалось не столько на наживу, прибыль, сколько на престиж. Значительную часть своих доходов она предпочитала вкладывать в покупку недвижимости, домов и земельных участков, виноградников, дававших уверенность и положение в обществе. Лишь немногие стремились

* К ним следует причислить также торговцев-влахов, представлявших в это время слой трансильванской буржуазии (*Ред.*).

inslav

влиться в ряды новой буржуазии, а большинство мечтало оказаться в рядах феодального господствующего класса и всеми способами добивалось возведения в дворянство.

Ядро «настоящей» буржуазии в Венгрии составило стоявшее вне феодальной структуры еврейское мещанство, значительная часть которого переселилась в страну из-за рубежа. Его представителей привлекали не феодальные ценности и символы общественного престижа, а прибыль, доход, сделки. Именно поэтому эта часть буржуазии занималась прежде всего торговлей продукцией сельского хозяйства. Многие ее представители начинали с малого — в качестве коробейников, скупщиков, разносчиков, торговцев шерстью и табаком, затем, параллельно со строительством железных дорог, переходили к перекупке и сбыту зерна, муки, скота, а позднее ко всему этому прибавили ссудные операции и различного рода предпринимательскую деятельность. Таким был путь становления и превращения этой группы в крупную буржуазию. Особый слой или «ветвь» ориентированной на прибыль буржуазии составили строительные подрядчики и мастера, преимущественно из немцев, разбогатевших на спекуляции земельными участками и строительстве доходных домов в городах, особенно в быстро растущей столице.

Этот тип новой, ориентированной на прибыль буржуазии удовлетворял потребности капитализма на этапе создания его основ, причем функция его заключалась прежде всего в капитализации сельского хозяйства, в обеспечении помещиков кредитами, в создании необходимой инфраструктуры. Новая буржуазия приспосабливалась к существующим условиям, детерминированным гегемонией класса крупных помещиков и подчиненным положением Венгрии в монархии Габсбургов. Если старая, ориентированная на престиж патрицианская буржуазия сама по себе не в состоянии была выполнить указанные функции, то и ориентированный на прибыль торговец или капиталистический предприниматель также были ограничены в своих возможностях. Они не могли, да и не всегда хотели, изменить свое несамостоятельное положение, поскольку примирились с ведущей ролью класса крупных помещиков в экономике, обществе и политике, с тем, что Венгрия играла роль аграрного придатка монархии.

Из среды быстро ассимилировавшейся новой буржуазии, возникшей путем слияния переселявшихся из-за границы групп с отечественными «нефеодальными» элементами, вскоре выделилась та группа предпринимателей, которая осознала необходимость еще одного изменения своей функции. Она и составила ядро крупной промышленной и банковской буржуазии Венгрии. Типичный для этой группы способ социальной мобильности может быть изображен следующим образом: разбогатевший на торговле сельскохозяйственной продукцией буржуа все более и более обращает свои взоры на такие доходные отрасли, как мукомольная, а затем и сахарная, а накопленный там капитал вкладывает в машиностроительную, химическую и др. отрасли промышленности. Немаловаж-

inslav

ную роль сыграл и другой способ формирования крупной буржуазии. Речь идет о мелких предпринимателях, которые продвигались по социальной лестнице благодаря сделанным ими техническим открытиям, изобретениям и новшествам в технологии и организации производства, а также о чиновниках крупных банков и менеджеров, со временем превратившихся в банкиров и финансистов.

Итак, общественным носителем процессов перехода от феодализма к капитализму была ориентированная на прибыль буржуазия, представленная двумя сменявшимися, частично органически выраставшими друг из друга типами: во-первых, крупным оптовым торговцем продуктами сельского хозяйства, ставшим капиталистическим предпринимателем, во-вторых — банкиром-дельцом. Последний тип и явился костяком развивавшейся с начала XX в. финансовой буржуазии. Количественным выражением указанных процессов трансформации внутренней структуры венгерской буржуазии являются следующие данные: в 1873 г. старая патрицианская буржуазия составляла всего лишь четвертую часть крупнейших налогоплательщиков столицы, так называемых вирилистов; во главе списка налогоплательщиков тогда шли домовладельцы и крупные торговцы-предприниматели. Накануне мировой войны картина изменилась коренным образом — в это время лидирующую группу уже составляли банкиры, хозяева и управляющие заводов и фабрик, оттеснившие на задний план те слои буржуазии, которые занимались исключительно торговлей, либо были просто домовладельцами.

Общественный престиж и политическое влияние крупной буржуазии — отчасти из-за профессии, отчасти из-за «низкого» происхождения, национальности, вероисповедания — значительно отставали от ее экономического веса. Вследствие этого здесь также возникло определенное противоречие, ставшее особенно ощутимым в конце XIX в. в связи с ростом и экономическим усилением промышленной и банковской буржуазии. Одним из каналов смягчения напряженности стало возведение в дворянское звание наиболее имущих и честолюбивых крупных буржуа. В 1867—1918 гг. в дворянство было возведено около 500 буржуазных семей, а 50 из них получили даже звание барона. Отсюда следует, что феодальных символов престижа, рангов и званий домогались и представители ориентированной на прибыль буржуазии, многие из которых, приобретая земельные владения и возводя роскошные дворцы, стремились подражать аристократии и крупным помещикам во внешних атрибутах поведения. Но в самом содержании образа жизни и системе ценностей они следовали буржуазным нормам, которые в равной мере включали в себя, с одной стороны, погоню за прибылью и поклонение капиталу в качестве высшей меры ценности, а с другой — прилежное занятие делами и уважение к труду.

Другим способом устранения противоречия между экономическим статусом и общественной позицией явилось создание представителями второго—третьего поколения новой буржуазии соб-

inslav

ственных организаций, появление неолиберальных и буржуазно-радикальных течений в начале XX в., ставивших своей целью эмансипацию венгерской буржуазии как от гегемонии магнатов и джентри, так и от опеки австрийской крупной буржуазии.

Между господствующими классами и классами угнетенными располагались средние слои, часть которых была близка к классу крупных помещиков и крупной буржуазии. Эти слои современники упрощенно (и неверно) называли «средним классом». Это выражение западноевропейского происхождения, где оно относилось к поднимающейся буржуазии, верхушка которой уже находилась у власти, а средние слои в течение длительного времени выполняли функции промежуточного звена. Подобную роль в венгерском обществе первой половины XIX в. играло «среднее дворянство». И во второй половине XIX в. оно продолжало составлять ядро обуржуазивавшихся социальных слоев этого сословия и потому называло себя «господским» или «историческим средним классом», подчеркивая тем свое отличие от буржуазии и трудящихся масс. Но появившиеся рядом с ним новые слои разрастались и получали доступ в ряды «господского среднего класса».

«Средний класс» включал прежде всего дворян — владельцев мелких и средних поместий размером от 50 до 300 га, тех, кого в то время принято было называть «джентри». После революции группа эта насчитывала от 10 до 15 тыс. человек, но вследствие ухудшения материального положения их численность быстро сокращалась. К концу века от старых дворянских имений сохранилась лишь половина, а их место заняли арендаторы из буржуа, новые землевладельцы. Вторая составная часть рассматриваемого социального слоя — средняя буржуазия, главным образом торговцы, владельцы промышленных предприятий, домовладельцы, а также более состоятельные мелкие капиталисты. Трудно даже приблизительно оценить их численность, но с учетом данных фабрично-заводской, профессиональной и налоговой статистики можно предположить, что их число достигало примерно 20—25 тыс. человек.

Наиболее многочисленную часть «среднего класса» составлял слой чиновников и интеллигенции. Огромный численный рост этого слоя, его консолидация могут быть объяснены двумя главными факторами: во-первых, новыми растущими потребностями капиталистического развития, во-вторых — связанным с этим формированием бюрократии, чему в Венгрии способствовало восстановление ее самостоятельности во внутренних делах после заключения соглашения 1867 г. Потребность капиталистической экономики и буржуазного государства в специалистах и кадрах администраторов удовлетворялась за счет обедневших «джентри», лишенных источников существования, и за счет притока выходцев из средней и мелкой буржуазии. За полвека численность интеллигенции увеличилась в пять раз, достигнув к началу XX в. $^1/_4$ млн. человек.

По профессиональному признаку этот слой может быть разделен на три большие группы: государственных служащих, слу-

inslav

жащих частных фирм, представителей свободных профессий. Большая часть государственных служащих пополнялась из «джентри» и старой интеллигенции, служащие частных фирм — из буржуа и мещан, так называемые свободные профессии — соответственно из всех элементов «среднего класса». В составе трех названных групп значительная доля приходилась на представителей немадьярских национальностей Венгрии (по данным на 1890 г. 36%). Таким образом, в «среднем классе» было по меньшей мере три слоя, весьма различных по объективному положению, интересам, имуществу, национальности, с собственными традициями. По составу венгерский «средний класс» был гораздо более неоднородным, чем английский или французский, и даже «средний класс» соседних народов. Возникает вопрос, можно ли после всего этого говорить о «господском среднем классе», и если да, то что же его объединяло? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, решается общественно-исторической практикой, в частности отношением различных слоев и групп «среднего класса» к рабочим и крестьянам, его поведением в критических ситуациях — во время войн или революций.

Различные слои и группы «среднего класса» сплачивало и держало вместе в основном то, что отделяло его от трудящихся, от городских низов и мелких служащих. В самой общей форме указанное обособление выражено словом «господин», которое считалось обязательным при обращении к любому представителю «среднего класса». Социальное содержание этого понятия отражало господство феодального дворянства над подчиненным ему крепостным крестьянством. Одновременно оно означало также власть, право приказывать, распоряжаться, править и управлять, заниматься политикой и умственным трудом. Осознанной частью «господского» бытия являлись, во-первых, социальный консерватизм, включая национализм, направленный против собственного народа и угнетенных национальностей, во-вторых — традиционная, феодального происхождения система ценностей.

Каковы же были признаки «среднего класса», как определялась принадлежность к этому социальному слою? Дворянское происхождение и после революции 1848 г. продолжало оставаться важным фактором, хотя этого уже было недостаточно. Помимо дворянского происхождения уже необходимо было иметь земельную собственность или же другие атрибуты феодальной власти — должность на государственной, комитатской или церковной службе. Важным фактором являлось состояние, имущество, буржуазное или крестьянское, но само по себе оно еще не обеспечивало должного места в социальной иерархии. Требовалась еще адаптация к джентри, усвоение «господской» ценностной ориентации и образа мышления. Общепризнанным признаком принадлежности к «среднему классу» служил диплом высшего учебного заведения, или же, на худой конец, аттестат, свидетельствовавший об окончании средней школы. Однако образованность сама по себе не считалась необходимой, но лица, имевшие аттестат зрелости, могли

inslav

стать офицерами. Офицерское же звание являлось издавна почитаемым символом власти — тот, кто имел право носить офицерскую саблю, пользовался репутацией порядочного человека, ибо был «господином», способным вызвать на дуэль и защитить свою «честь». Видимым и непременным внешним признаком принадлежности к «среднему классу» были: собственный дом, или, по крайней мере, трехкомнатная квартира, прислуга, одежда согласно «господской моде», соответствующее обучение и воспитание детей, членство в клубах, посещение казино и т. д.

Рассмотрим теперь общественную функцию «среднего класса». Она заключалась прежде всего в интеллектуальном обслуживании экономического строя и политической власти господствующих классов, в распространении господствующей идеологии и образа мышления среди низших слоев населения, в регулировании социальной мобильности между низшими слоями средних слоев и народными массами. «Господский средний класс» Венгрии имел также и другие специфические функции, вытекавшие из длительности процесса перехода от феодализма к капитализму, из затянувшегося отмирания старой структуры. Исторические условия долгое время задерживали и тормозили этот процесс. Дворяне-помещики с помощью «среднего класса» стремились компенсировать ослабление своих классовых позиций попыткой сохранить и укрепить общественные позиции, утерянную помещичью власть — попытками занять ключевые позиции в трансформирующемся государственном аппарате. Другой важной функцией «господского среднего класса» являлось то, что он служил фильтром и средством приспособления буржуазии к собственной системе ценностей. Именно поэтому значительная по масштабу социальная мобильность длительное время не могла сопровождаться соответствующим изменением старой структуры власти. Здесь яснее всего проявляется важная уравновешивающая роль системы ценностей, выраженная в понятиях «господин», «господское бытие». «Господская» форма существования обеспечивала переживавшему упадок помещику и чиновнику — джентри ощущение принадлежности к «среднему классу», т. е. веру в нерушимость традиций и консерватизм. Правовая неизменность «господского» существования, несомненно, в какой-то мере устраняла пропасть между чувствительно ухудшавшимся материальным положением и тем общественным статусом, за который они судорожно цеплялись, стремясь сохранить его любой ценой.

Для возвышавшейся и обогащавшейся буржуазии, особенно немадьярского происхождения и ассимилированной, уже само по себе превращение в «барина», «господина» означало повышение его ранга в социальной иерархии, символизировало и легализировало достигнутое продвижение. Тем самым в какой-то мере сокращался разрыв между ее объективным положением, материальным превосходством и незначительным общественным статусом. Понятием «барин», «господин» проводилась резкая и бросающаяся в глаза грань, отчасти восстанавливающая сословные перегородки,

inslav

внутри которых располагались слои, заинтересованные в сохранении существующего строя, а вне их оказывались народные массы.

Во второй половине XIX в. быстро развивавшийся капитализм, в особенности в холмистых районах Задунайщины и на плодородных равнинах Альфёльда, преобразовал традиционные общественные отношения на селе, вызвав уже в 1848 г. распад сильно дифференцированного крестьянства. Возникли и сложились границы классов и слоев нового общественного строя в деревне, четко разделяя крестьянскую массу на имущих, состоятельных хозяев, мелких крестьян, и безземельный аграрный пролетариат. Из рядов крестьянства по имуществу и положению своему выделялось богатое крестьянство — кулачество, которое особенно сильным было на Альфёльде, в Банате и в Задунайщине. Богатые крестьяне, насчитывавшие, по приблизительным подсчетам, 67—70 тыс. человек, проживали еще в деревне; их образ жизни сохранял все признаки, присущие крестьянству, но хозяйственная деятельность, отношение к батракам и общественное поведение уже существенно отличало их от других деревенских слоев. В названных выше областях имелся также значительный слой среднего крестьянства, численность которого достигала четверти миллиона человек. Упорным трудом и ценой больших лишений оно сумело приспособиться к новым экономическим условиям, сохранить свои земли и то, что было приобретено в годы четвертьвековой благоприятной конъюнктуры, последовавшей за революцией 1848 г. и отменой крепостничества. Вместе с кулаками среднее крестьянство определяло лицо и облик сельского населения многих районов страны.

В отличие от этих двух слоев, примерно 650 тыс. бедных крестьян, обремененных хозяйственными заботами, постоянно вели борьбу за существование. На низших ступенях этой иерархической лестницы находилось свыше полумиллиона семей, владельцев карликовых участков, занимавших промежуточное положение между бедным крестьянством и аграрным полупролетариатом. Члены их семей наряду с обработкой своих земель вынуждены были систематически наниматься в поденщики, сезонные рабочие — идти в испольщики и т. д. Таким образом, этот слой не только по образу жизни, но и по своим личным связям и судьбе, очень близко стоял к аграрному пролетариату, в особенности к тем его группам, которые свободно странствовали, не будучи прикованными ни к постоянному месту жительства, ни к определенному месту работы. Большая их часть во время уборки урожая образовывала группы, которые за определенную часть собранного урожая работали на полях помещиков или кулаков, согласно заранее заключавшимся договорам. Остальную часть года они проводили в поисках всякой подсобной работы, чаще всего нанимаясь в качестве землекопов на строительстве дорог, каналов и т. д., на рубку и перевозку дров и др. Особый, изолированный от деревенских жителей слой аграрного пролетариата представляли господские батраки (челядь), жившие и работавшие в помещичьих имениях. Формально контракты с ними заключались на год, а на

inslav

самом деле — пожизненно. В начале XX в. в Венгрии было около двух миллионов сельскохозяйственных рабочих.

Новая, соответствовавшая эпохе капитализма структура крестьянства, определявшаяся его классовым положением, дополнялась и сопровождалась образованием типов, соответствующих тенденциям экономического развития и способу хозяйствования. Регулирующую роль в этом процессе играли уровень обуржуазивания, его степень и направление. Хронологически процесс обуржуазивания крестьянства начался впервые в зернопроизводящих областях — центральных районах Альфёльда, в Бачке, Банате, развитых районах Задунайщины. Экстенсивное, монокультурное зерновое хозяйство благодаря хлебному буму на европейских рынках в последней трети прошлого века стало одной из самых доходных отраслей сельского хозяйства. И, соответственно этому, для крестьянства названных областей характерными были экстенсивное хозяйство и соответствующий образ жизни. Для мужчин — напряженный труд с весны до поздней осени, после чего наступала пора отдыха, прерываемая иногда работой на дому, а большей частью праздным времяпрепровождением, обильными угощениями, употреблением в большом количестве вина и спиртных напитков, жирных кушаний. Женщины же, трудившиеся круглый год, в зимнее время помимо домашней работы занимались также рукоделием. Зимой во многих местах крестьяне занимались домашними промыслами — резьбой по дереву, вышивкой, ткачеством. Именно в ту эпоху начался расцвет богатого красками народного декоративного искусства. Характерными чертами «экстенсивного» обуржуазивания крестьянства являлась консервация традиционных способов хозяйствования и образа жизни, а также ориентация на землю, которая являлась регулятором образа жизни деревни, крестьянской семьи, ее привычек, обычаев и нравственных норм.

В «экстенсивном» обуржуазивании сильно отставало от крестьян Задунайщины и других областей крестьянство области, лежащей к востоку от Тисы, а также северных и восточных окраин страны. Эти преимущественно мелкие производители, которые вели натуральное хозяйство, продолжали сохранять в способе хозяйствования, в орудиях труда, образе мышления множество элементов, унаследованных еще от времен крепостничества. Они если и приспосабливались, вернее, пытались приспособиться к новым условиям капиталистической экономики, то к этому их побуждали общие условия товарного производства, необходимость платить налоги и приобретать сельскохозяйственный инвентарь, не применяя, однако, новых способов обработки земли. В противовес этому в развитых областях страны, в особенности в последние два десятилетия XIX в., под давлением резко ухудшившихся условий сбыта зерна на внешних рынках, крестьяне и помещики вынуждены были перейти к интенсивным способам ведения хозяйства — стало развиваться стойловое животноводство, производство кормов, разведение кормовых культур, сахарной свеклы и др. В тесной связи с этим сложился новый тип «интенсивно» обур-

inslav

жуазивавшегося крестьянина — сельский буржуа. Чаще всего он встречался в тех зонах Альфёльда и Задунайщины, вблизи промышленных центров, где усиленно развивалось молочное животноводство и огородничество. Переход к интенсивному хозяйству внес существенные перемены и в образ жизни крестьянской семьи. Животноводство до минимума сократило время вынужденного отдыха в зимнее время, в работе по хозяйству принимали участие уже все члены семьи — от мала до велика. Теперь мало времени оставалось не только на длительные застолья, но и на вышивание и другие виды домашнего ремесла. В начале нашего века в этих областях заметно поблекли буйные прежде краски и великолепие народных нарядов; их вытесняло быстрое и массовое распространение фабричных изделий, тканей и готовой одежды (рубашки, юбки шили из фабричной ткани, обувь, пиджак и т. д., а также мебель, покупались в готовом виде). Тем не менее, однако, было бы преувеличением однозначно утверждать формирование типа крестьянина, ориентированного на прибыль, ибо в системе ценностей и у вступившего на путь обуржуазивания венгерского крестьянина центральное место по-прежнему занимала земля, руководствовался он прежде всего мотивом приобретения и расширения надела. Но наряду с этим ему были присущи такие черты, как расчетливость, систематическая деловая активность, в определенной мере также предприимчивость.

Совершенно очевидно, что экономический статус обуржуазивавшегося, в особенности «интенсивно» обуржуазивавшегося слоя крестьян, уже более не соответствовал его фактическому положению в обществе, ибо в дуалистической Венгрии крестьянство считалось сословием, стоявшим ниже не только «господского среднего класса», но и профессиональных промышленных рабочих, и низших чиновников. Противоречие между статусом и положением имущие крестьяне развитых областей пытались преодолеть при помощи более престижного звания «мелкий хозяин» (или просто хозяин — «газда»), стремились добиться признания этого названия, а тем самым и более высокого социального статуса. В районах же экстенсивного земледелия термин «крестьянин» стал вытесняться словом «земледелец», поскольку первый все еще ассоциировался с крепостничеством. Три различных типа крестьянина отличались друг от друга не только по названию; различия между ними стали четко проявляться в первом десятилетии XX в., когда начали создаваться политические организации (партия мелких хозяев И. Надьатади Сабо, крестьянская партия А. Ахима и др.).

Значительное классовое расслоение деревни, складывание региональных и хозяйственных типов крестьянства следует считать необходимым, «нормальным» явлением развивающегося капитализма. Наличие в меньшей мере обуржуазившегося «экстенсивного» типа крестьянина на востоке и в некоторых других районах страны, уже указывало на искажение, деформацию процесса развития капитализма в деревне. Об этом же свидетельствовали противоречия в способе хозяйствования, системе ценностей, в образе

inslav

жизни и поведении, в характере политической организации и у наиболее развитого, «интенсивного» типа крестьян. И этот тип крестьянина не сумел подняться на более высокую ступень обуржуазивания, не перешел в разряд буржуазии.

Ибо пути, ведущие как в среду помещиков, так и в ряды буржуазии, были ему практически закрыты непреодолимыми препятствиями, а переход в разряд чиновников или в слой интеллигенции, что происходило в крайне редких случаях, был возможен лишь ценой разрыва связей с крестьянским обществом. Так же как помещичье землевладение ограничивало возможности роста и расширения крестьянского хозяйства, «господское» общество подавляло и искажало процесс обуржуазивания крестьянства. В этом отношении социальное развитие Венгрии действительно представляло собой тип промежуточный между восточным и западным. Это был тип переходный с множеством подтипов, постепенно сменявшихся от Задунайщины до восточной части Венгрии, образуя промежуточное звено между крестьянской буржуазией западного, фермерского типа, с одной стороны, и полуфеодальным крестьянином-мужиком восточного образца.

С точки зрения трудящихся классов главным и важнейшим социальным явлением, сопутствовавшим переходу от феодализма к капитализму, было формирование и развитие рабочего класса. Следствием и продуктом ускорившегося во второй половине прошлого века капиталистического развития Венгрии явилось быстрое увеличение числа рабочих. В период буржуазной революции 1848 г. в Венгрии, согласно подсчетам Э. Феньеша, насчитывалось почти 130 тыс. промышленных и горных рабочих, включая цеховых. Тогда этот «предпролетариат» составлял всего 1% населения. Спустя два десятилетия его численность достигла 300 тыс., в 1900 г.— 700 тыс., а в 1910 г.— 1 млн. человек (2,5 млн. человек вместе с членами семей, т. е. 13% всего населения).

Рассмотрим сначала вопрос о влиянии венгерских особенностей развития капитализма на состав и расслоение рабочего класса. В связи с этим следует иметь в виду, что в Венгрии вовсе отсутствовала или же находилась в зачаточном состоянии прединдустриальная форма капиталистического предприятия — мануфактуры и мануфактурные рабочие, представлявшие собой одну из существенных социальных предпосылок перехода к крупному фабрично-заводскому производству. Вследствие этого во второй половине XIX в., когда началось развитие крупной капиталистической промышленности (в первую очередь, пищевой, машиностроительной и металлургической), страна испытывала недостаток в квалифицированных и обученных рабочих.

Согласно ежегодному отчету торгово-промышленной палаты за 1875 г., металлургия и машиностроение могли бы обеспечить лишь треть своих потребностей в квалифицированных и обученных рабочих, если даже удалось бы мобилизовать всех механиков и слесарей Венгрии. Поэтому значительная часть потребностей промышленности в квалифицированной рабочей силе обеспечива-

inslav

лась за счет поселения в стране иностранных рабочих и тех отечественных рабочих, которые возвращались из-за рубежа. Несколько иначе обстояло дело в наиболее динамично развивавшейся текстильной промышленности. Однако из-за конкуренции пользовавшейся государственными привилегиями австро-чешской текстильной промышленности, эта и связанные с ней отрасли легкой промышленности не получили в Венгрии сколько-нибудь значительного развития. Сравнительно быстро развивавшиеся мукомольная, сахарная и винокуренная отрасли промышленности использовали лишь небольшое количество квалифицированных рабочих — мельников и механиков. Кроме того, пищевая промышленность, в которой основную рабочую силу составляли поденщики, работавшие к тому же сезонно, не могла служить базой для подготовки кадров механиков и других квалифицированных рабочих для машиностроения и металлургии, как это было на Западе и в России.

Своеобразная структура промышленного развития Венгрии привела к формированию рабочего класса, ведущее ядро которого составлял лучше оплачиваемый и немногочисленный слой квалифицированных рабочих, включая механиков. Он дополнялся большой массой жестоко эксплуатируемых поденщиков, значительную часть которых составляли выходцы из национальных окраин — словаки, румыны, закарпатские украинцы. Для этой прослойки была характерна текучесть, связанная с сезонностью и с тем, что они не селились постоянно в промышленных центрах.

В начальный период перехода от феодализма к капитализму иностранные рабочие составляли около 30% всех рабочих страны. Но начиная с 70-х годов XIX в. их доля быстро сокращалась. Одновременно росло число отечественных рабочих, прошедших обучение за границей. В последние десятилетия XIX в. заметно усилился приток в промышленность крестьян и сельского населения вообще. В результате уже в конце 1880-х годов 86% всех рабочих страны составляли «свои» рабочие (38% сельских и 62% городских). Вследствие дифференциации крестьянства и пролетаризации венгерской деревни быстро рос удельный вес мадьярского элемента, составлявшего в 80-х годах лишь половину всех рабочих, а к концу века уже 60%. Здесь существенное значение имел фактор естественной ассимиляции, в первую очередь немцев и словаков, в результате индустриализации и урбанизации.

Подавляющее большинство рабочих Венгрии вплоть до 70-х годов было занято на мелких предприятиях. На крупных фабрично-заводского типа промышленных предприятиях в начале 70-х годов находилось всего 20% всех рабочих, спустя 30 лет в 1900 г.— 44%, а в 1910 г. уже — 52%. Эффективность концентрации рабочих в крупной промышленности многократно повышалась тем, что значительная ее часть (около 30%) была сосредоточена в одном городе — в Будапеште и его окрестностях. Особенно велика была доля крупнопромышленного пролетариата в наиболее передовых и ведущих отраслях производства — в машиностроении, металлур-

inslav

гии, химической и электротехнической промышленности. Сложившаяся структура и состав рабочего класса имели важное значение в развитии и укреплении рабочего движения. Одна из важнейших характерных его особенностей была связана и вытекала из многонациональности состава пролетариата, половина которого формировалась из невенгерских рабочих (1/3 последних были немцы). На заводах, шахтах, рудниках венгры, немцы, словаки, румыны и другие работали вместе, плечом к плечу, и совместный труд, общие для всех условия жизни порождали чувство солидарности, общности их социального, классового положения, сначала стихийное, а потом и сознательное. Ведущую роль в складывавшемся рабочем движении играли иностранные рабочие, а также венгерские рабочие, побывавшие за границей, ознакомившиеся там с борьбой пролетариата, с его задачами и целями. Они же принесли в Венгрию идеи марксизма, а также опыт профсоюзной и политической организации. Эти повидавшие свет рабочие, в большинстве своем образованные и квалифицированные, уже имевшие опыт участия в рабочем движении, были воспитаны на интернационалистических традициях. Им принадлежит честь и заслуга распространения идей интернационализма в развивавшемся рабочем движении Венгрии.

Что же касается неквалифицированного большинства венгерского пролетариата, то ему была свойственна и стихийная революционность или восприимчивость к революционным идеям, связанные с тем, что массы низкооплачиваемых рабочих в одинаковой мере страдали от капиталистической эксплуатации, от тяжелых форм гнета, порождаемого наличием пережитков феодализма, от произвола центральных и местных органов власти. Несмотря на отсутствие навыков к стабильной организации и недостаточное знакомство с учением научного социализма, они инстинктивно тянулись к идеям социализма и социалистическим организациям, в критические моменты принимали активное участие в революционных выступлениях (в 90-х годах, в 1905—1906 гг. и т. д.). Однако из своеобразия состава пролетариата вытекал и ряд негативных для рабочего движения моментов. Поскольку ядро его составили хорошо оплачивавшиеся квалифицированные рабочие, чье материальное положение, равно как и статус в производственной иерархии, были более высокими и благоприятными, нежели неквалифицированных слоев, то и в рабочем движении они занимали более умеренные позиции, проявляли склонность к классовым компромиссам. На них в первую очередь опиралось в своей реформистской политике руководство Социал-демократической партии Венгрии. Таким образом, сложившийся состав рабочего класса Венгрии, положение и роль высшего его слоя способствовали формированию социалистического движения умеренного толка, которому, однако, приходилось постоянно считаться с настроениями и требованиями революционно настроенных рабочих, жестоко эксплуатируемых и угнетенных.

inslav

* * *

Подводя итоги, ограничимся некоторыми положениями, вытекающими из изложенного материала.

1. Во второй половине XIX в., на заключительном этапе перехода от феодализма к капитализму, венгерское общество в основе своей уже имело буржуазный характер, но в нем продолжали сохраняться сильные пережитки феодализма и существовали слои населения, привязанные к докапиталистическим формам хозяйствования. Элементы и формы докапиталистической формации были столь значительны, что представляется правильным считать их не только пережитком феодализма, но отдельной структурой. Исходя из этого, можно говорить о наличии на переходном этапе двойственной структуры венгерского общества, при которой феодальные и капиталистические структуры существовали рядом, находясь в определенном симбиозе, но не сливаясь.

2. Поскольку старая структура распадалась медленно, размывание ведущих ее слоев происходило еще медленнее, в то время как элементы новой структуры, несмотря на рост экономического могущества, в социальном смысле не стали равнозначными старым и не обрели значительного социального престижа, постольку в венгерском обществе объективное положение складывающихся капиталистических классов не совпадало с их относительным местом и положением.

3. Анализируя указанные явления, мы установили, что структура общества и его членение на группы не всегда определяются непосредственно общественными отношениями, возникающими на основе производственных отношений, т. е. не только экономической структурой, но в определенной мере и историческими, этническими и идеологическими факторами. В связи с анализом положения отдельных классов и слоев, мы стремились в каждом случае раскрыть механизм взаимосвязи между экономическими и общественными детерминантами, показать, каким образом идеологические факторы влияют на действительные процессы расслоения и образования различных социальных групп. Можно утверждать, что между экономическим базисом и социальной структурой, с одной стороны, и социальной структурой и общественным сознанием, образом жизни и мышления — с другой, существует постоянная двусторонняя, т. е. и обратная связь. Все это, как нам кажется, лишний раз подтверждает мысль о том, что история общественных структур или социальная история имеет право на существование в качестве самостоятельной исторической дисциплины, что существует насущная потребность в дальнейшем развитии глубоких исследований в рамках этой дисциплины, научные основы которой прямо вытекают из материалистического понимания истории.

В заключение остановимся кратко на историографической стороне проблемы.

При подготовке данного текста для общей характеристики венгерского общества были с большой пользой использованы социо-

inslav

графические работы так называемых народников, и прежде всего труды Ференца Эрдеи «Венгерское общество» (18) *, «Жить по-человечески» (22), «Венгерское общество между двумя войнами» (19) и ряд других.

Марксистский анализ особенностей венгерского общества впервые дал Бела Балаж в книге, посвященной роли средних слоев в его развитии (9), а первые работы обобщающего характера принадлежат перу автора настоящей статьи. Речь идет о двух статьях, посвященных проблемам венгерского общества в эпоху дуализма и в начале XX в. (37, 38). В монографии социолога Жужы Ферге «Расслоение нашего общества» (32) анализируется структура венгерского общества в теоретическом плане.

Основным источником для исследования роли, удельного веса, и имущественного положения отдельных классов общества, в первую очередь крупных помещиков и аристократии, служили различные статистические издания, лучшим из которых является «Сельскохозяйственная статистика стран венгерской короны», подготовленная Центральным статистическим бюро Венгрии в конце 90-х годов XIX в. (4), а также некоторые другие издания, увидевшие свет в начале текущего столетия и содержащие значительный фактический материал о помещичьих землях (5). Социологический подход характерен для работ, авторы которых были современниками рассматриваемой эпохи, в частности для работы Эрнё Лакатоша «Руководящие политические слои венгерского общества в 1848—1918 гг. (48). При изучении средних слоев использованы работы Ласло Тота «К социальной истории джентри» (78), а также «Джентри» Йожефа Сюча (75) и ряд других. Якаб Пойя приводит некоторые данные, характеризующие положение в обществе крупной и средней буржуазии и показывает ее расслоение (60).

Для изучения целей, которые преследовала крупная промышленная буржуазия, использован ряд годовых отчетов Союза венгерских промышленников, в частности отчет за 25 лет существования этого Союза (6). Венгерский социолог, буржуазный радикал П. Сенде составил обобщающий отчет о деятельности Союза венгерских торговцев за десятилетний период (73).

Деятельность венгерской финансовой олигархии освещена в работах Дьёрдя Маркоша «Венгерский финансовый капитал» (54), и «50 семей» (55). Йожеф Радноти (62), Андор Кун (47) и ряд других авторов анализируют деятельность отдельных представителей крупной венгерской буржуазии. Вопросы формирования, происхождения крупной венгерской буржуазии, ее социально-экономическое положение подробно разработал в своих трудах современный венгерский историк Карой Вёрёш: «История Будапешта 1848—1918» (82—84) и ряд других.

* Здесь и далее цифры в скобках соответствуют нумерации в прилагаемом списке литературы.

inslav

Профессиональное и социальное расслоение чиновничества и интеллигенции представлены автором по собственным исследованиям, основанным на материале, который содержится в 56-м и 64-м томах переписи 1910 г. и в некоторых других статистических справочниках (1, 5). Сведения об образе жизни господствующего, а также «среднего» классов буржуазного общества взяты автором из мемуаров, биографий, а также из работ Золтана Липпая (51, 52).

Историко-социологические исследования о мелкой венгерской буржуазии отсутствуют, в освещении вопроса о формировании этого слоя автор опирался в основном на работу Дьёрдя Ранки «Роль мелкой промышленности в развитии венгерского капитализма» (63). Рассматривая историю мелкой буржуазии и чиновничества в социологическом плане, автор опирается на уже упоминавшуюся работу Ференца Эрдеи о венгерском обществе между двумя мировыми войнами (19).

Социологические исследования венгерского крестьянства даны в работах Лайоша Эчери «Рабочий вопрос на Альфёльде и сельскохозяйственный кризис» (26), Лайоша Себерени «Положение крестьянства в Венгрии» (70). В период между двумя мировыми войнами Лайош Эчери и Лайош Себерени опубликовали ряд социографических работ (27, 72). Наряду с этими работами первостепенное значение имеют произведения так называемых народников, в которых содержится материал о положении венгерской деревни в 30-е годы, а также более раннего периода: «Крестьяне» (25), «Венгерская деревня» (24) Ф. Эрдеи, «История крестьянской семьи» Й. Дарваша (16) и ряд других. Среди литературы, вышедшей в свет после освобождения Венгрии, наибольшего внимания заслуживают работы, освещающие историю венгерского общества (66, 74). Всесторонний анализ социально-экономического положения дан в фундаментальном коллективном труде «Крестьянство в Венгрии в эпоху капитализма 1848—1914» (7). Для рассмотрения образа жизни крестьянства использованы также ряд статей (36, 84). При изучении вопроса о социальном положении рабочего класса автор обращался и к работам других венгерских авторов (8, 17, 58, 53).

[1] A Budapesti ügyvédi kamara tagnévsora. Bp., 1910;
[2] *Afra Nagy János.* Az értelmiségi foglalkozásu keresök Magyarországon 1890 óta.— In: Magyar Statisztikai Szemle. Budapest, 1935.
[3] A magyar Mérnök és Épitész Egylet tagjai. Budapest, 1910.
[4] A magyar korona országainak mezőgazdasági Statisztikája. K. II. Budapest, 1897.
[5] A magyar korona országainak 1910. évi népszámlalása. Budapest, 1912—1914.
[6] A magyar gyáriparosok országos szövetségének XXV. évi Jelentése. Budapest, 1927.
[7] A parasztság Magyarországon a kapitalizmus korában 1848—1914. Szerk. Szabó István. K. I—II. Budapest, 1965.
[8] *Babics András.* A munkásság élete a Pécskörnyéki bányákban. Pécs, 1949.

inslav

[9] *Balázs Béla.* A közép rétegek szerepe tarsadalmunk fejlődésében. Budapest, 1958.
[10] *Baross Károly.*— Magyarország földbirtokasai. Budapest, 1903.
[11] *Berzeviczy Albert.* A gentry (beszédek és tanulmanyok). Budapest, 1905.
[12] *Braun Róbert.* A falu lélektana. Budapest, 1913.
[13] *Concha Győző.* A gentry. Budapesti Szemle, 1910.
[14] *Csató Tamás.* A belkereskedelem fejlődésének néhány föbb vonásai a tökés korszakban.— Történelmi Szemle, 1974, N 5.
[15] *Darvas József.* A legnagyobb magyar falu. Budapest, 1937.
[16] *Idem.* Egy parasztczalád története. Budapest, 1939.
[17] *Dömötör Tekla.* A Salgótarján-környéki bányászközségék néprajzahoz.— Ethnographia, 1954, N 1—2.
[18] *Erdei Ferenc.* A magyar társadalom. Kolozsvár, 1945.
[19] *Idem.* A magyar társadalom a két háboru között.— Valoság, 1976, N 4—5.
[20] *Idem.* A magyar parasztság kialakulása.— Sorsunk, 1943.
[21] *Idem.* Futóhomok. Budapest, 1937.
[22] *Idem.* Emberül élni. Budapest, 1974.
[23] *Idem.* Magyar tanya. Budapest, E. N.
[24] *Idem.* Magyar falu. Budapest, 1940.
[25] *Idem.* Parasztok. Budapest, 1938.
[26] *Ecseri Lajos.* Az alföldi munkáskérdés és a mezőgazdasági válság. Budapest, 1898.
[27] *Idem.* A magyar földmives nép munkája. Szentes, 1930.
[28] *Farkas Geiza.* Az úrirend. Budapest, 1913.
[29] *Idem.* A kisgazda. Budapest, 1912.
[30] *Feja Géza.* Viharsarok. Budapest, 1938.
[31] *Fenyö Miksa.* Emlékbeszéd Chorin Ferencről. Budapest, 1925.
[32] *Ferge Zsuzsa.* Társadalmunk rétegeződése. Budapest, 1969.
[33] Főházrosi Statisztikai Közlemények. Budapest, 1907, 43 k.
[34] *Gergely András.* Települések, lakások és lakóik a századforduló Magyarországon.— Történelmi Szemle, 1971, N 3—4.
[35] *Gerő József.* A királyi könyvek. Budapest, 1941.
[36] *Gyimesi Sándor.* A kapitalizmus és a parasztság.— Ethnographia, 1968, N 2.
[37] *Hanák Péter.* Vázlatok a századelő magyar társadalmáról.— Történelmi Szemle, 1962, N 2.
[38] *Idem.* A magyar társadalomfejlődés néhány problémája a dualizmus korában.— Magyar munkásmozgalmi muzeum Közleményei. 1973, N 2.
[39] *Horvát Zoltán.* Magyar századforduló. Budapest, 1961.
[40] *Jelyés Gyula.* Puszták népe. Budapest, 1936.
[41] *Kempelen Béla.* Magyar nemesi almanach. Budapest, 1910.
[42] *Idem.* Magyar nemes családok. I—XI. Budapest, 1911—1932.
[43] *Király István.* A parasztság felszabadulásának néhány kérdése a XX. századelején.— Századunk, 1952, N 2.
[44] Korunk értelmisége. Szerk. Huszár Tibor. Budapest, 1975.
[45] *Kovács Endre.* A néma forradalom. Budapest, 1937.
[46] *Krausz Simon* Életem. Budapest, 1973.
[47] *Kun Andor.* A magyar gazdasági élet úttöröi: Weiss Manfred báró.— Pénzvilág, 1932, N 10.
[48] *Lakatos Ernő.* A magyar politikai vezetőréteg 1848—1918. Budapest, 1942.
[49] *Láncsy Leó.* Huszonötév a magyar közgazdaság terén. Budapest, 1907.
[50] *Lackó Miklós.* A magyar munkasosztály fejlődésének fő vonásai a tökés korszákban. Budapest, 1968.
[51] *Lippay Zoltán.* A magyar birtokos középosztály és a közélet. Budapest, 1919.
[52] *Idem.* Ipari munkásságunk összetételének alakulása 1867—1949. Budapest, 1961.
[53] Magyar munkásszociográfiak. 1888—1945. Szerk. Litván György, Budapest, 1947.
[54] *Markos György.* A magyar finánctőke.— Társadalmi Szemle, 1946, N 4.
[55] *Idem.* 50 család és cselédei. Budapest, 1947.
[56] *Mérei Gyula.* Adalékok a magyar mezőgazdaság kapitalista fejlődésének történetéhez.— Századok, 1950, N 1—4.

inslav

[57] *Moricz Miklós*. Magyarország ipari népessége.— Közgazdásági Szemle. 1912.
[58] *Nevelő Irèn*. A munkásosztály helyzete Magyarországon az első világháború idején 1914—1917.— Századok, 1956, N 6.
[59] *Dániel Arnold*. Föld és társadalom. Budapest, 1911.
[60] *Pólya Jakab*. A pesti polgári kereskedelmi testület és a Budapesti nagykereskedök és nagyiparosok társulata története. Budapest, 1896.
[61] *Rácz Gyula*. A magyar földbirtokosság anyagi pusztulása. Budapest, 1906.
[62] *Radnóti József*. Kornfeld Zsigmond. Budapest, 1931.
[63] *Ránki György*. A kisipar szerepe a magyar kapitalista fejlödésben.— Történelmi Szemle, 1964, N 2.
[64] *Réler Gyula*. A magyar nagyipari munkásság kialakulása. 1867—1914. Budapest, 1948.
[65] *Rubinek Gyula*. Magyarországi gazdacimtár. Budapest, 1903.
[66] *Sándor Pál*. A századforduló agrárstrukturájának vizsgálatahoz.— Agrártörténeti Szemle, 1965, N 2—3.
[67] *Szabó Zoltán*. A tárdi helyzet. Budapest, 1936.
[68] *Szabó István*. A magyar parasztság története. Budapest, 1940.
[69] *Szabolcz Ottó*. A magyarországi modern pedagógusréteg kialakulása. 1840—1914.— Pedagógiai Szemle, 1967, N 3.
[70] *Szerberényi Lajos*. A parasztok helyzete Magyarországon. Budapest, 1907.
[71] *Idem*. A parasztkérdés külföldön és hazánkban. Békescsaba, 1908.
[72] *Idem*. A parasztság története. Budapest, 1937.
[73] *Szende Pál*. [szerk.] A magyar közgazdaság és az országos magyar kereskedelmi Egyesülés tevékenysége. 1904—1914. Budapest, 1914.
[74] *Szuhay Miklós*. A parasztság felbomlásának egyes kérdései Magyarországon az első világháború elött: Tanulmányok a kapitalizmus történetéhez Magyarországon 1817—1918. Szerk. Pach Zsigmond Pál és Sándor Pál. Budapest, 1956.
[75] *Szücz József*. A gentry. Turul, 1910.
[76] *Veres Péter*. Falusi krónika. Budapest, 1941.
[77] *Idem*. Az Alföld parasztsága. Budapest, 1942.
[78] *Tóth László*. A gentry társadalomtörténetéhez. Budapest, 1939.
[79] *Vörös Károly*. Budapest legnagyobb adófizetői. 1873 — ban.
[80] *Idem*. Budapest legnagyobb adófizetői. 1888 — ban.
[81] *Idem*. Budapest legnagyobb adófizetői. 1903—1917; Tanulmányok Budapest multjából. K. XVII. Budapest, 1966; k. XVIII. Budapest, 1971; k. XIX. Budapest, 1973.
[82] *Vörös Károly*. Budapest története 1848—1918. Budapest, 1977.
[83] *Idem*. Budapest története 1849—1918. Budapest, 1978.
[84] *Idem*. A paraszti termelőmunka és életforma jellegének változásai a Dunántulón 1850—1914.— Történelmi Szemle, 1966, N 2.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЛОВАКИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

А. Шпис (ЧССР)

В рассматриваемое время бóльшая часть населения Словакии жила в деревне, существуя главным образом за счет сельского хозяйства. В 1780 г. 52 города насчитывали всего около 237 тыс. жителей, т. е. около 12% всего населения[1]. Приблизительно 1,8 млн. человек были сосредоточены в 3350 деревнях и 108 местечках. Эти последние не были деревнями в полном смысле этого слова, но и не имели каких-либо типичных признаков города;

inslav

основным источником существования их населения было сельское хозяйство.

Материалы переписей 1770, 1828 и 1847 гг. показывают, что число крестьянских хозяйств Словакии неуклонно возрастало (с 170 902 в 1770 г., до 211 902 в 1828 г. и до 291 953 в 1847 г.).

Однако самыми существенными были те значительные и далеко идущие изменения в социальной структуре общества, которые произошли здесь в течение почти 75 лет. Если в период урбариальной реформы Марии Терезии хозяйств, считавшихся крестьянскими, было 62,3% от общего числа, то в 1828 г. их было уже 53,6%, а в 1847 г. они составляли меньшинство — всего 44,2%.

Опираясь на эти данные, можно сделать вывод, что относительное уменьшение той прослойки населения, которая имела пахотные земли и обрабатывала их, происходило за счет быстрого роста той части сельского населения, которая не владела землей. Это население в правовом и социальном отношении делилось на две категории. Первая из них — батраки (желлеры)-домкары, владеющие домом и небольшим земельным наделом в виде огорода; вторая категория — подзеляры (желлеры) — безземельные батраки без дома, не имеющие никакого недвижимого имущества, живущие у более богатых крестьян и существующие главным образом за счет работы на них. Особенно большого различия между этими двумя категориями не было; разграничительный рубеж в деревне проходил между теми кто владел пахотной землей, и кто ею не владел, а в этом смысле обе категории батраков совершенно определенно отличались от барщинных крестьян — седляков. Если в 1770 г. батраки с домом составляли 30%, а батраки без дома лишь 7,6% всего населения феодальной деревни, то в 1828 г. первая категория составляла уже 31,8%, а вторая — 14,6%, а в 1844 г., накануне буржуазно-демократической революции, обе эти категории превышали число крестьян, владеющих земельным наделом и насчитывали свыше 55% от общего количества хозяйств. За 75 лет число батраков увеличилось с 64 446 до 162 916 тыс. человек, следовательно, на 152,8%, в то время как количество крестьянских хозяйств (с земельным наделом) увеличилось с 106 456 до 129 035 тыс., т. е. всего на 21,2% [2].

Данные переписи за 1847 г. не делают различия между этими двумя категориями, но наиболее вероятно, что начавшаяся в период 1770—1828 гг. тенденция быстрого роста числа безземельных крестьян продолжалось и далее; в период ликвидации феодализма хозяйства безземельных крестьян составляли уже 25% от их общего числа. Если в период урбариальной реформы Марии Терезии лишь в одной жупе (комитате) большинство составляли безземельные крестьяне (Спиш, Секеш, Угш), то в 1847 г. лишь в одной жупе (Орава, Арва) большинство было крестьян-землевладельцев.

Картину развития социальной структуры деревенского населения в отдельных словацких жупах дает таблица № 1 [3].

inslav

Таблица I

Социальная структура крестьянского хозяйства по словацким жупам (комитатам) в 1770, 1828 и 1847 гг,

Жупы (комитаты)	1770 г.						1828 г.						1847 г.			
	седлаки		домкары		подзеляры		седлаки		домкары		подзеляры		седлаки		домкары и подзеляры	
	числ. в тыс. чел.	%	числ. в тыс. чел.	%	числ. в тыс. чел.	%	числ. в тыс. чел.	%	числ. в тыс. чел.	%	числ. в тыс. чел.	%	числ. в тыс. чел.	%	числ. в тыс. чел.	%
Орава	12 619	94,7	533	4,0	165	1,2	13 237	92,5	436	3,0	641	4,5	10 230	54,2	8 659	45,0
Теков	5 454	56,9	3 366	35,1	751	7,8	6 001	43,8	4 580	33,4	3 137	22,8	7 068	43,7	9 110	56,3
Гемер	5 957	58,8	3 587	35,4	575	5,6	8 014	53,2	5 503	36,5	1 543	10,3	11 778	39,4	18 130	60,6
Хонт	7 749	67,0	3 289	28,4	526	4,5	5 771	51,5	4 603	41,1	824	7,4	5 685	41,7	7 953	58,3
Липтов	4 349	78,6	927	16,7	254	4,6	5 539	72,4	650	8,7	1 407	18,9	4 977	40,5	7 318	59,5
Нитра	16 188	51,8	12 242	39,2	2 812	9,0	17 803	39,3	19 884	43,8	7 672	16,9	21 296	44,7	26 353	55,3
Братислава	9 931	55,9	5 749	32,3	2 084	11,7	11 320	39,5	11 210	39,1	6 143	21,4	11 689	46,1	13 649	53,9
Шариш	9 661	75,4	2 325	18,1	823	6,4	9 572	59,1	3 503	21,7	3 310	19,2	16 448	47,8	17 981	52,2
Спиш	8 065	45,1	7 249	40,6	2 548	14,2	7 711	51,0	4 695	31,0	2 722	18,0	10 668	44,6	13 254	55,4
Турня	1 002	69,3	366	25,3	77	5,3	1 282	49,3	1 105	42,5	215	8,2	1 314	20,8	5 003	79,2
Тренчин	19 252	63,8	9 162	30,3	1 767	5,8	21 595	68,4	7 814	24,7	2 185	6,9	18 657	45,4	22 395	54,6
Турец	3 136	82,4	536	14,1	132	3,4	2 522	73,3	814	23,7	104	3,0	3 105	37,0	5 278	63,0
Зволен	3 093	54,3	2 074	36,4	527	9,2	3 339	46,2	2 634	36,4	1 255	17,4	6 122	43,9	7 833	56,1
Всего	106 456	62,3	51 405	30,0	13 041	7,6	113 557	53,6	67 393	31,8	30 958	14,6	129 037	44,2	162 916	55,8

Вследствие недостаточной изученности социально-экономического развития Словакии первой половины XIX в., мы довольно мало знаем о том, каким образом эти важные перемены в структуре деревни отразились на жизни сельского населения. Несомненно, однако, что они повлекли за собой далеко идущие последствия, а именно, снижение жизненного уровня населения, ухудшение его питания и условий жизни, рост социального неравенства и обострение классовой борьбы, тем более, что зарождение и развитие капиталистического производства находилось на таком уровне и имело такие темпы развития, что промышленность не могла поглотить массы разоряющегося крестьянства. Поэтому уже в конце XVIII в. деревенская беднота Словакии уходила на сезонные работы в более богатые сельскохозяйственные области нынешней Венгрии, в Банат и Бачку[4]. На протяжении первой половины XIX в. роль отходничества постоянно возрастала.

Однако определенная часть крестьян, живших в деревне, имевших пахотную землю, тягловый и домашний скот, находилась в лучших социально-экономических условиях, чем эти две категории. Не следует считать, что понятие «крестьянин» в Словакии равнозначно такому же понятию в России, Германии, Западной Европе или в Чехии и Моравии, где крестьянин владел 15—20 га пахотной земли. В Словакии этот надел был значительно меньше. Так называемые урбариальные реформы Марии Терезии 1767—1773 гг. установили, что крестьянином можно считать каждого, кто владеет хотя бы 1,2—1,5 га земли. И действительно, значительная часть крестьянского населения, особенно в горных районах, относилась именно к этой категории. Хозяева, которые владели, скажем, участками земли в 20 га и более, встречались в Словакии очень редко, причем в большинстве случаев это были венгерские крестьяне южной Словакии. Если попытаться установить среднее количество урбариальной земли, которой крестьянин владел на основе наследственного права пользования, то получится, что на одно хозяйство в конце XVIII в. приходилось приблизительно 6 га. В отдельных жупах на одно хозяйство приходилось земли:

Спиш (Секеш) — 10,9 га; Турня — 7,6; Хонт — 6,8; Шариш (Шарош) — 6,7;

Орава (Арва) — 6,6;

Теков — 6,0;

Гёмёр — 5,5;

Турец (Туроц) — 5,0;

Нитра — 4,7; Липтов (Липто) — 4,6; Зволен (Зойем) — 4,6; Тренчин (Тренчен) — 4,3 га[5].

Так как приблизительно 5% земли находилось во владении батраков, имевших дом, то применительно к седлакам эти средние цифры были фактически несколько ниже. Однако следует учитывать и то, что крестьяне обрабатывали также землю, которую арендовали у помещиков. В связи с этим средние данные,

inslav

приведенные выше, можно считать вполне реальными, а в горных областях, за счет корчевки леса и освоения новых земель, эти средние цифры были даже несколько выше. Правда, такие вновь освоенные участки могли в любое время быть отобраны помещиком.

В результате дробления крестьянских хозяйств и уменьшения земельного фонда по разным причинам, которые не рассматриваем здесь, количество земли, приходящееся на одно хозяйство, за первую половину XIX в. несомненно уменьшалось.

Приведенные данные свидетельствуют также о том, что в равнинных областях, где преобладало венгерское население, среднее количество земли, приходящееся на одно хозяйство, было намного выше, чем в горных областях, населенных словаками. Кроме того, земли горных областей нельзя сравнивать с плодородными землями южной Словакии, где урожайность была значительно выше. Нехватка земли в горных и прилегающих к ним областях вызывала необходимость искать другие источники существования помимо сельского хозяйства. В результате начинает интенсивно развиваться кустарное производство, связанное прежде всего с обработкой древесины, льна, конопли, шерсти, гончарным производством. Большого экономического значения это производство не имело и его нельзя сравнить, например, с ремесленным и кустарным производством в Центральной России.

Характеризуя социальную структуру и имущественную дифференциацию сельского населения периода разложения феодализма, нельзя забывать ни отдельных представителей, ни целые группы людей, которые не относились к основным категориям населения, либо поднялись из его среды на более высокую социальную ступень и, как правило, не зафиксированы в переписях. В общих чертах можно говорить о шести характерных категориях или группах сельского населения.

1. *Привилегированные крестьяне.* Это категория, которая в источниках того периода значится как «libertini», «slobodníci», «inškripcionisti», «šoltýsi» и т. д. Типичным для этой категории в большинстве случаев было то, что она была полностью или частично освобождена от повинностей по отношению к своим феодалам и платила подати в государственную казну. Привилегированное положение она приобретала чаще всего либо в результате выкупа повинностей, либо вследствие освобождения от них самим феодалом. Привилегии имели также те, кто родился в семье, где отец был крепостным, а мать мелкой дворянкой, или те, кто получил их еще в средневековье (солтысы и т. д.). И хотя это была небольшая группа сельского населения, существование ее нельзя не учитывать.

2. *Квалифицированные сельские ремесленники.* К этой категории можно отнести тех ремесленников, которые жили в деревне, но специальность приобрели в цехах и в дальнейшем оставались их членами. Главным образом это были сапожники, портные, мясники, кузнецы и особенно мельники, численность которых

inslav

была весьма значительна. Мельники не находились в феодально зависимых отношениях, они арендовали мельницы, платя за это деньгами или зерном. В документах часто встречаются сообщения, что в пользу мельников деревня отрабатывала определенные повинности.

3. *Сельские торговцы.* Это также была довольно многочисленная прослойка сельского населения, хоть и размещенная довольно неравномерно, с концентрацией в центральной Словакии. Именно здесь встречаются такие деревни, где большинство мужского населения были бродячими торговцами (коробейники), добирающимися до таких дальних стран, как среднеазиатские владения Российской империи (торговали они ароматическими маслами, шафраном, полотном и т. д.). В других областях чаще встречались лишь отдельные купцы, торгующие скотом, зерном, хлебом, деревом и изделиями из дерева. Сельские торговцы не отличались от остального сельского населения, не имели каких-либо формальных или неформальных привилегий, однако средний уровень их доходов намного превышал обычные доходы деревенских жителей.

4. *Сельские рабочие.* Бо́льшую часть этой категории составляли те люди, которые работали на металлургических предприятиях *,— рудокопы, металлурги, углекопы, лесорубы, возчики и т. д. К этой же категории относились работающие на стекольных заводах, на предприятиях по производству бумаги, лесопильнях и прочих производственно-технических предприятиях, расположенных в деревнях. Все они существовали главным образом на свою заработную плату, но поскольку большинство из них имели земельные наделы, то подвергались одновременно и капиталистической и феодальной эксплуатации. Здесь речь идет не о какой-то незначительной прослойке, а о целых деревнях с населением, живущим именно таким образом. И хотя эта категория формально не принадлежала к рабочим, в действительности же во многих отношениях находилась на более высокой социальной ступени развития, чем подлинные рабочие. Они не были прикреплены к земле или заводам и до отмены личной зависимости 1781 г., являясь подданными королевской казны, имели некоторые привилегии и социальные преимущества.

5. *Сельская интеллигенция.* Эту категорию можно разделить на две группы: на деревенских учителей и «нотариусов» (писарей). Поскольку школа находилась в руках церкви, то и учителя чаще всего числились при приходах. Обучение детей являлось для них второстепенным занятием; в основном они должны были помогать приходскому священнику при совершении религиозных обрядов. До 1777 г., т. е. до издания так называемого Ratio educationis **, деревенских учителей больше всего было в западной части Словакии; в других местах их численность была довольно незначительной. Введение нового закона устанавливало создание элементарных (начальных) школ во всех деревнях, и с этого момента число учителей неуклонно возрастало, что, разумеется,

inslav

сыграло определенную положительную роль в словацком национальном возрождении.

Существование другой категории сельской интеллигенции — «нотариусов» — было связано с довольно развитым самоуправлением словацкой деревни***. В их обязанности входило: хранение всех деревенских документов и печати, переписка с вышестоящими органами, взимание государственных налогов, феодальных податей и т. п. Многие из «нотариусов» умели четко писать и получали за свой труд плату от приписанных деревень, большинство из которых находилось в западной и центральной частях Словакии. В общей сложности речь идет о нескольких сотнях человек, так как приблизительно каждая пятая-шестая деревня имела своего «нотариуса». В небольших феодально зависимых городках их было значительно больше. Кроме того, было немало деревень, где обязанности «нотариуса» выполнял кто-либо из крепостных крестьян, умеющих хорошо читать и писать.

6. *Сельское духовенство.* В задачу данной работы не входит изучение вопроса о роли сельских священников в эпоху разложения феодализма, но с точки зрения социальной структуры деревни можно констатировать, что их в тот период было довольно мало. В 1778 г. один католический священник в городе приходился приблизительно на 118,5 человек, в то время как в сельской местности на 847,8 человек. Вероятно, эта цифра была бы еще выше, если бы мы располагали более точными статистическими сведениями. В 80-е годы XVIII столетия приблизительно на 2—3 деревни приходился один католический священник, и было немало больших деревень, где его вообще не было. Число сельских священников возросло после 1781 г., когда по указу Иосифа II были ликвидированы городские монастыри и восстановлена деятельность протестантских церквей****. До введения Иосифом II толерантного патента (закона о веротерпимости) в центральной и восточной частях Словакии было не более 400 протестантских и православных священников. В западной части Словакии в одной жупе могли одновременно служить лишь два протестантских священника, и то только в так называемых артикулярных местах.

Говоря о социальной структуре словацких городов, необходимо подчеркнуть, что в Словакии было только два города средней величины — Братислава и Банска-Штьявница. В 1785 г. население Братиславы составляло 28 500 человек, ее предместье, имевшее самоуправление,— 4500 человек, а Банска-Штьявница — 18 920 человек. Далее шли: Комарно — 12 000 жителей, Кошице — 8200, Трнава — 7200, Прешов — 6100, Левоча и Банска-Бистрица — по 5200, Нитра — 3500, Тренчин — 3000, Жилина — 2600 жителей[6]. В первой половине XIX в. сколько-нибудь существенных изменений в развитии городов не произошло. Правда, население Братиславы увеличилось на 10 000 человек, но все остальные города находились в застое, а число жителей в Банска-Штьявнице даже значительно уменьшилось в связи с упадком в горнодобывающей и металлургической промышленности.

inslav

Основными источниками существования городского населения были ремесло и торговля, динамика развития которых была очень низкой. В ремесленном производстве об этом лучше всего свидетельствует количество подмастерьев у мастеров — владельцев мастерских. В конце XVIII в. только в Братиславе количество подмастерьев и учеников, т. е. наемной рабочей силы, было больше, чем мастеров. В трех—четырех следующих по численности городах это число было примерно одинаковым; во всех остальных городах и даже в таких, где существовало рыночное производство, подмастерья были лишь в каждой третьей — четвертой мастерской[7]. Большинство ремесленников были заняты в производстве частично, а все остальное время работали в сельском хозяйстве. Даже в городах такого высокоразвитого региона, каким являлся Спиш, круглый год в ремесленном производстве были заняты около 20,8% мастеров, 43% работали в производстве только часть года, а 30,2% ремесленников лишь от случая к случаю. Без подмастерьев работали около 92% мастеров, по одному подмастерью имели 5,3%, двух — около 0,7%, трех и более — 1,1% мастеров[8]. Ни один город, кроме Братиславы, не имел более 200—300 ремесленных мастерских.

О низком уровне развития торговли лучше всего свидетельствует само число занимавшихся ею людей. В городах, исключая Братиславу и Комарно, нигде не было свыше 20—40 торговцев и купцов. Городскими торговцами чаще всего были немцы, как местные, так и выходцы из Австрии, Германии, и итальянцы, а также представители некоторых народов Балканского полуострова, особенно греки. Словаков среди них практически не было.

Чрезвычайно большую роль в жизни словацких городов играло сельское хозяйство. Даже Братислава и следующие за ней по величине четыре других города западной части Словакии являлись важнейшими центрами виноградарства. Трнава — университетский город (до 1777 г., когда университет был переведен в Буду), центр высших церковных учреждений, а также ремесел и торговли,— одновременно играла значительную роль в производстве зерновых культур. Кошице — один из самых крупных городов восточной части Словакии — являлся в то же время крупнейшим феодальным землевладельцем. В 1771 г. этому городу в 17 деревнях принадлежало 510 крестьян, 175 батраков-домкаров и 40 батраков-безземельных, которые обрабатывали свыше 3200 га земли; до урбариальной реформы все они отрабатывали в год 23 тыс. дней барщины с упряжкой, 75 тыс. дней пешей барщины и сдавали 1 тыс. ц зерновых, большое количество различных натуральных продуктов и выплачивали значительные денежные суммы. Данные за 1828 г. показывают, что половина из 24 свободных королевских городов Словакии имела в каждом случае свыше 1 тыс. га лугов и пахотных земель, а также большое количество тяглового и различного домашнего скота[9]. Комарно был единственным городом, который целиком был связан

inslav

с ремесленным производством и торговлей и не имел аграрного характера.

Что касается самой структуры городского населения, то в XVIII в. в городах восточной части Словакии преобладали беднейшие слои населения, а в городах западной и центральной частей — представители средней прослойки. Во всех городах существовали так называемые госпитали, или богадельни, где находили приют и скромное существование некоторые представители беднейших слоев города.

В первой половине XVIII столетия в Братиславе и Банска-Штьявнице проживало несколько крупнейших магнатов, состояние которых значительно превышало имущественный уровень богатых горожан. Накопление капитала произошло в результате того, что они владели огромными виноградниками и вели торговлю вином, а также благодаря предпринимательству в горнорудной и металлургической промышленности. Однако уже в первой половине XIX в. крупнопомещичья мануфактура приходит в упадок и практически исчезает. Важным в социальном отношении следствием застоя в горнодобывающей промышленности центральной части Словакии явилась реаграризация значительного числа шахтеров, которые в большинстве своем жили и работали в Банска-Штьявнице. В период расцвета горнодобывающей промышленности (середина XVIII в.) здесь насчитывалось около 10 тыс. горняков (без членов семей), что свидетельствует о такой концентрации промышленных рабочих, какой в Европе в то время нигде не было. С упадком горнорудного производства большинство рабочих были вынуждены возвращаться в деревню. Это, несомненно, было серьезной проблемой, так как уже в эпоху средневековья горняки Словакии находились на довольно высоком социально-экономическом уровне.

В заключение необходимо кратко охарактеризовать социальную структуру господствующего класса. В архивах Словакии имеется ряд ценных документов, позволяющих составить список феодалов во время проведения урбариальной реформы Марии Терезии, расположив их по количеству имеющихся у них зависимых крестьян, или подсчитать среднее число зависимых крестьян, приходящееся на одного феодала. Однако такая работа потребует еще нескольких лет кропотливого труда. В данный момент можно констатировать, что структура господствующего класса в Словакии была более сложной и дифференцированной, чем в других странах Центральной и Западной Европы. Это объясняется тем, что в эпоху позднего феодализма прослойка мелких землевладельцев (так называемых земанов) не исчезла, а увеличилась в результате того, что на протяжении XVI—XVIII вв. часть крупных землевладений постепенно дробились и переходили во владение мелкого дворянства. Поэтому наряду с огромными феодальными латифундиями, насчитывавшими десятки и сотни деревень с тысячами крепостных крестьян, в Словакии были дворяне, которые вообще не имели крепостных; случалось даже, что два — три «феодала»

inslav

вместе владели либо одним крестьянином самой низкой имущественной категории, либо батраком. Чтобы наглядно показать это соотношение и подтвердить его статистическими данными, проанализируем структуру одной из словацких жуп — Туриец, находившуюся в центральной части Словакии[10].

В этой жупе было 100 деревень и мелких поселений деревенского типа. В 1770 г. только 16 из них принадлежали двум существовавшим здесь поместьям; три деревни принадлежали одному феодалу — католической церкви; в каждой из следующих десяти деревень крепостные были разделены между двумя феодалами; в восьми — между тремя; в шести — между четырьмя; в десяти — между пятью; в восьми — между шестью; в трех — между семью; в одной между восемью, в четырех — между десятью, в двух — между одиннадцатью и в одной даже между девятнадцатью феодалами. Рассматриваемые деревни были разного размера. В самой маленькой из них было всего 3, а в самой большой — 95 крепостных крестьян. Рассмотрим конкретно те четыре деревни, где крепостные принадлежали десяти различным феодалам. В деревне Блатница из 95 крепостных крестьян 32 принадлежали одному помещику, 24 — второму, остальные 8 помещиков имели от 2 до 10 крепостных. В деревне Бела из 93 крепостных 19-ю владел один феодал, 17-ю — второй, следующие из них владели: 12, 10, 9, 7-ю (двое), 5, 4 и 2-мя крестьянами. В деревне Коштяны-над-Турцем десять дворян-помещиков владели лишь 34-мя крепостными. Самый «крупный» из них имел 9 крестьян, следующий — 6, двое имели по 4, один — 3-х, один — 2-х и четверо по одному крестьянину. В деревне Прибовцы было 35 крепостных крестьян. Самый «крупный» феодал владел 11-ю из них, следующий — шестью, двое имели по четыре кретьянина, четыре — по два и двое по одному крепостному. Кроме того, у двух помещиков не было ни одного крепостного с наделом, и владели они лишь батраками (домкарами и безземельными). В деревне, где 19-ти помещикам принадлежало всего 69 крепостных, причем, самому крупному феодалу — 17 из них, следующему — 12; семеро самых мелких имели лишь по одному крестьянину. В общей сложности около 3800 крепостных этой жупы принадлежали приблизительно 200—300 феодалам, и на каждого из них в среднем приходилось по 15—20 крестьян. Если взять для примера самый крупный феодальный род этой области — Реваи, то ни один из его представителей не владел какой-либо деревней единолично. Такое же положение дел существовало и в других крупных феодальных родах Турца — у Раковских, Беницких, Задурецких и др.

Самую низшую ступень социальной лестницы феодального класса составляли так называемые лапотные дворяне. В рассматриваемой жупе насчитывалось 30 деревень или поселков, где вообще не было ни одного крепостного крестьянина и все их жители являлись дворянами. Они владели крошечными наделами и им не оставалось ничего иного, как самим эту землю обрабатывать. Это обстоятельство, с одной стороны, совершенно опреде-

inslav

ленно отличало их от тех представителей господствующего класса, которые полностью или частично жили за счет эксплуатации крепостных; но, с другой стороны, их объединяло то, что они пользовались всеми привилегиями дворянства, а именно: не платили налогов, были освобождены от воинского постоя, от выполнения общественных повинностей и т. д. Кроме того, они имели активное и пассивное избирательное право в дворянских выборных органах. Мелкое дворянство стремилось вести такой же образ жизни, как и другие представители господствующего класса, насколько это позволяло их материальное положение. Деревни, в которых они жили, были такими маленькими, что в наши дни сохранилось не более 11 из них в качестве самостоятельных населенных пунктов. Для таких поселений было характерным, что все их жители имели общую фамилию, чаще всего по названию деревни. В период распада феодализма в Словакии было около 300 таких деревень. В нашей марксистской историографии до сих пор существует проблема, возникшая в результате этой аномалии средневековья: считать ли это дворянство (земанство), занимавшееся физическим трудом, высшим слоем крестьянства или же низшим слоем дворянства.

[1] *Spiesz Anton.* A kritériách mestskosti na Slovensku v období neskorého feudalizmu. Historický časopis, 1972, N 4, s. 521.

[2] Все данные взяты из работы: *Benda Gy.* Statisztikai adatok a magyar mezögazdaság történetéhez 1767—1867. Budapest, 1973, 145—148 old. Вопреки утверждению автора, будто первые данные относятся к 1786 г., на самом деле речь идет о статистических данных периода урбариальной реформы Марии Терезии (около 1770 г.).

[3] *Benda Gy.* Statisztikai adatok, 145—148 old.

[4] Данные взяты из материалов, собранных при проведении урбариальной реформы Марии Терезии и хранящихся в различных архивах Венгерской Народной Республики и Словацкой Социалистической Республики.

[5] Эти подсчеты сделаны на основе материалов, опубликованных в работе: *Benda Gy.* Statisztikai. adatok... 153, 145 old.

[6] Данные взяты из переписей 80-х годов XVIII в.

[7] *Spiesz Anton.* Remeslo na Slovensku v období existencie cechov. Bratislava 1972, s. 103.

[8] *Novotný Jan.* Stav řemeselné výroby a postavení řemeselníka na Spiši za daňového soupisu roku 1828.— Nové obzory, 1967, N 9, s. 114—115.

[9] *Benda Gy.* Statisztikai adatok... 164 old.

[10] Данные взяты из материалов урбариальной реформы Марии Терезии, которые хранятся в ŠOBA в Bytči.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДКОЛЛЕГИИ

* Совершенно очевидно, что металлургов, шахтеров и прочих, включенных в данную категорию, можно лишь условно называть сельскими рабочими. В отличие от действительных сельских рабочих, занимавшихся наемным трудом в сельском хозяйстве и существовавших за счет сельского хозяйства, это были рабочие, занятые в промышленности, для которых сельское хозяйство являлось источником не основного, а дополнительного заработка.

inslav

** Ratio educationis — указ Марии Терезии от 1777 г., уточненный и дополненный в 1806 г., представлял первую попытку введения единой для всей империи системы образования сверху донизу с целью приспособления ее экономическим, социальным, политико-нравственным нуждам и потребностям феодально-абсолютистского государства. Одновременно делался шаг в сторону секуляризации школы, выведения ее из-под монопольного контроля церкви путем создания новых учебных заведений за счет конфискованного ранее имущества ордена иезуитов, осуществления государственного и административного контроля, по крайней мере на высшем уровне. Вместе с тем инспекция народных начальных школ, так же как и руководство королевскими гимназиями и академиями, была закреплена за церковью, не говоря о том, что отдельные гимназии по-прежнему продолжали оставаться в ведении религиозных орденов. Учебные программы были изменены с учетом интересов капитализировавшегося сельского хозяйства и промышленности, причем более радикально в австрийской половине империи, нежели в венгерской. Типы школ и содержание учебных программ определялись в зависимости от величины поселения и его характера (сельское, городское и т. д.); первую, низшую ступень образовывали народные школы деревень и мелких местечек с одним учителем, а также крупных местечек и мелких городов с двумя учителями, а в школах с тремя учителями, программы которых включали также и арифметику, геометрию, черчение, ведение бухгалтерских и торговых книг и др. В деревенских школах упор делался на грамоте, нравственности и знании обязанностей подданного государства. Обучение в начальной школе велось на родном языке, но немецкий язык, без знания которого нельзя было продолжать образование, был обязательным. Провозглашенная реформой цель — всеобщее обучение детей 6—12-летнего возраста — практически начала осуществляться в венгерской половине империи лишь с конца 60-х годов XIX в., после заключения австро-венгерского соглашения 1867 г.

*** Административное устройство и самоуправление сел и деревень, кодифицированное урбариумом Марии Терезии 1767 г. и законом государственного собрания Венгрии от 1836 г., предусматривали избрание населением нотариуса (писаря) из трех кандидатов, предлагавшихся помещиком, а без вмешательства помещика там, где уже существовала практика свободных выборов.

**** Патент о веротерпимости Иосифа II от 1781 г., провозгласивший свободу деятельности некатолических церквей (протестантской и православной), предоставил некатоликам право занятия любых постов и должностей. Патент о секуляризации от 1782 г. распустил «бесполезные» с точки зрения «просвещенного абсолютизма» монастыри, которые не вели учебную или лечебную работу, обязав монахов распущенных монастырей заниматься в принудительном порядке подобного рода полезным трудом или заботиться о «спасении душ» и духовных запросах паствы, чем и объясняется упомянутое автором увеличение числа сельских священников.

inslav

III. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ХОРВАТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

М. Гросс (СФРЮ)

Общие тенденции общественно-экономического развития Европы в XIX в. захватили и хорватские земли. Процесс преобразования феодальных обществ в капиталистические достигал вершины тогда, когда промышленность становилась определяющим фактором всех областей человеческой жизни. В землях габсбургской монархии, за исключением собственно Австрии и Чехии, где промышленный переворот завершился до конца XIX в., упомянутый процесс имел определенные особенности.

До первой мировой войны технические усовершенствования охватили здесь лишь сельское хозяйство, которое частично стало движущей силой экономического роста. Глубокие преобразования в сфере экономики и в образе жизни начались лишь в конце века. В этих условиях буржуазные реформы остались половинчатыми, а экономический рост зависел от инициативы государства, т. е. от сильной поддержки с его стороны капиталистического предпринимательства. В связи с замедленностью процесса экономического развития и общественного преобразования промышленная буржуазия не могла явиться движущей силой новых тенденций. Эту функцию осуществляли иные ведущие слои — от бывшего класса феодалов до торговой буржуазии.

Государство не только не содействовало общественному переустройству в Хорватии, но в значительной мере тормозило его как путем непосредственного давления, так и проведением политических и экономических мер в интересах австрийских и венгерских господствующих классов, мер, которые на хорватской территории подчас приводили к экономической стагнации. Однако имперские рамки вовсе не оказывали однозначно отрицательного воздействия на процесс буржуазной перестройки в хорватских землях. Тот факт, что Хорватия входила в состав одного государства вместе с высокоразвитыми областями, или по крайней мере находившимися на более высокой ступени капиталистического развития, влиял на темп общественных сдвигов, который был бы еще более медлительным, если бы опирался только на традиционные местные общественные структуры. В этих условиях

inslav

более богатая буржуазия, державшая в своих руках банки и торгово-промышленные предприятия, лишь в конце столетия смогла стать движущей силой общественно-экономического развития. В конечном счете большие трудности, которые сопровождали относительно длительный процесс интеграции хорватской нации и развитие политической жизни, в значительной мере явились следствием задержки качественной перестройки общества в буржуазном духе.

Габсбургская династия и феодальная элита стремились не только сохранить в рамках новой общественно-экономической системы после 1848 г. возможно больше своих привилегий, но и сам процесс социально-экономической модернизации общества использовать в своих интересах, поставить его под свой контроль. После юридической отмены феодальных отношений в монархии была создана общественно-политическая система, допускавшая до определенных границ создание основ буржуазного общества, но, когда это было в интересах правящих кругов, этот процесс сильно сдерживался. Различными мерами ставились препятствия или ограничения общественной, экономической и национальной эмансипации. Существовавшая политическая система правления использовала остатки патриархальной опеки, методы «кнута и пряника» и парламентские формы, прикрывавшие абсолютизм. Но старая элита, сама заинтересованная в экономическом развитии, могла лишь замедлить, но не воспрепятствовать возникновению новых общественных структур, которые угрожали ее положению. Поэтому между экономической и общественной эволюцией, с одной стороны, и политическим устройством — с другой, возникла пропасть, а вместе с тем — хроническая напряженность и систематические общественные конфликты.

Политические условия и унаследованные общественные структуры в Венгрии и хорватских землях сделали невозможным такое движение вперед, какое осуществлялось в Австрии и Чехии — при всех колебаниях и кризисах, присущих капиталистической системе. Но все же, если венгерское сельское хозяйство в конце XIX — начале XX в. достигло высокой степени механизации, сословное феодальное общество в банской Хорватии (а также милитаризованное общество с феодальными элементами на Военной границе, общество «средиземноморского типа» в Далмации и частью феодальное, частью средиземноморское общество в Истрии) в течение XIX в. превратилось всего лишь в крестьянско-мелкобуржуазное, в основном еще с традиционными формами производства и образом жизни[1]. Экономической основой этого общества было сельское хозяйство, имевшее весьма слабые возможности для капиталистического переустройства и, следовательно, создания условий для развития промышленных методов. Ко времени распада монархии хорватское и сербское общество в хорватских землях основательно изменилось в сравнении со структурой до 1848 г., но осталось на ступени «доиндустриального» общества[2].

inslav

Мы вынуждены ограничиться характеристикой процесса формирования нового общества в Северной Хорватии (т. е. б. Провинциале или гражданской Хорватии и Военной границе) [3]; ввиду наличия разных традиционных общественных структур и особых политико-административных единиц при современном состоянии исследований было бы трудно сформулировать основные черты этого весьма сложного процесса во всех хорватских землях в целом.

Процесс преобразования сословного феодального общества в Хорватии и военной системы с феодальными элементами в крестьянско-мелкобуржуазное общество, в недрах которого начинают появляться формы, характерные для буржуазно-индустриального общества, может быть разделен на три фазы: 1) от ликвидации феодализма до австро-венгерского и хорвато-венгерского соглашений в 1867—1868 гг., когда в гражданской Хорватии все еще преобладали феодальные формы, а условия подготовки преобразования экономики и упрочения буржуазии были крайне недостаточными. Тогда же военное управление Границей препятствовало развитию капиталистической системы; 2) от соглашения 1867 г. до 90-х годов, когда в трудных политических и экономических условиях и в связи с соединением Военной границы и гражданской Хорватии все же возникает база для подготовки экономических, общественных и культурных преобразований; 3) от 90-х годов до распада монархии, когда имело место относительное ускорение экономического роста и общественных перемен. В настоящей работе мы в основном ограничимся характеристикой первого и части второго этапов.

В период от 1848 г. до австро-венгерского соглашения в развитых австрийских землях происходит ускоренный рост промышленности, тогда как в Венгрии создаются условия для капиталистического развития сельского хозяйства [4]. В Хорватии — это время попыток преодоления унаследованных от предшествующего периода феодальных форм ведения хозяйства.

Когда хорватские крестьяне в 1848 г. узнали, что они теперь «люди... а не крепостные», они прониклись надеждой, что их жизнь, свободная от феодальных насилий, станет достойной человека [5]. Но вскоре стали проявляться новые трудности. Крестьяне стали собственниками своих участков пахотной земли, но не пастбищ, лесов и виноградников. Урегулирование прав на владение этими землями было длительным процессом, при котором власти принимали в расчет прежде всего интересы бывших феодальных «господ» [6].

Крестьяне до 1848 г. были полностью бесправными, ибо со своими жалобами они могли обращаться лишь к суду феодалов, которым они и без того были подчинены в экономическом и юридическом отношении. Но и после 1848 г. они остались в сходном положении, так как судьба их находилась в руках чиновников, действовавших в интересах бывших феодалов. Поэтому первые два десятилетия после отмены крепостничества были временем

inslav

экономической неустойчивости, социальной напряженности, проявлявшейся в актах вооруженного сопротивления крестьян против насильственного взимания разных податей и отчуждения земель[7].

Конфликту бывших феодалов с крестьянами все еще были присущи черты прежних, т. е. феодальных, экономических отношений, прежней общественной обстановки и старого образа мышления.

Комплекс причин, препятствовавших приспособлению крестьян к новым капиталистическим условиям хозяйствования, был намного шире упомянутых пережитков феодализма. Крестьянина разоряли не только способ выкупа и регулирования отношений собственности исключительно в интересах дворянства, но и прежде всего само экономическое развитие после 1848 г. В это движение еще не мог включиться и крестьянин-граничар, ранее не находившийся под господством феодала[8].

Лишь незначительная часть крестьян, к 1848 г. владевших большими наделами, имела шансы включиться в новое экономическое развитие. Главной проблемой были задруги[9]. Они соответствовали условиям натурального хозяйства как в феодальной Хорватии, так и на Военной границе. Крестьянин находил в них определенную опору и защиту от давления феодала и военной системы. Задруги с их коллективным производством, самообеспечением и общим владением всех членов семейным имуществом стали тормозом перехода крестьянства к рациональному товарно-денежному хозяйству и новым отношениям собственности. Распад задруг в XIX в.— наиболее глубокая социальная драма того времени, существенно влиявшая на развитие хорватского и сербского общества в целом. В разных районах задруги различались по размеру, способу ведения хозяйства и экономической мощи. По преимуществу, они дольше сохранялись на Военной границе, где военная администрация стремилась оставить их в качестве базы, обеспечивавшей несение граничарами военной службы, но также и потому, что вообще добивалась консервации старых имущественных отношений, которые не представляли для нее такой угрозы, как капиталистическое развитие. В этом своем стремлении военная администрация существенно отличалась от гражданской, которая более не препятствовала формированию новых имущественных отношений, но стремилась приспособить их интересам бывших феодалов.

Задруги делились с разрешения властей или тайно ввиду экономического неравенства отдельных членов, конфликтов рядовых членов со старейшинами, пытавшимися единолично распоряжаться имуществом задруги, ввиду непрерывных ссор между членами, у которых были разные личные и экономические интересы. После раздела новые единоличные владельцы были вынуждены строить дом и хлев, обзаводиться инвентарем. Об инвестициях с целью рационализации хозяйства не могло быть и речи. Поэтому участки многих мелких хозяев обрабатывались значительно хуже, чем задружные. В конце периода количество деревянных плугов в

inslav

Хорватии почти в шесть раз превышало число железных, господствовало трехполье, земля слабо унавоживалась[10]. Организованного кредита не было, страшной помехой была неурегулированность имущественных отношений. Поэтому крестьяне становились жертвами ростовщиков, а число карликовых хозяйств, неспособных прокормить семью, возрастало. Потребность в деньгах росла несравненно быстрее возможности получать доход. Поэтому недоимки по налогам в провинциальной Хорватии накоплялись уже в 60-х годах, тогда как искусственное сохранение прежних отношений отодвинуло этот процесс на Военной границе примерно на два десятилетия. Таким образом, огромное большинство крестьянства не имело никакой возможности для включения в процесс тех преобразований сельского хозяйства, которые явились бы существенной предпосылкой последующей его механизации.

Крестьянство являлось частью общества, наименее захваченной буржуазным развитием. Подавляющая часть крестьян сама потребляла продукты, производимые их собственным хозяйством. Не имея товара для продажи, она не входила в контакт с горожанами. Этому мешали также плохие пути сообщения. Поэтому у крестьянина не проявлялось и стремление подражать относительно лучшему городскому быту.

Капиталистическое преобразование сельского хозяйства зависело от того, каким образом феодалы по происхождению и сословным привилегиям превратятся в сельскохозяйственных предпринимателей. Большая часть дворянских имений уже до 1848 г. находилась на грани полного разорения, так как феодальные методы ведения хозяйства стали нерентабельными. Но и в первое время после отмены феодальной зависимости крестьян дворяне-землевладельцы имели незначительные возможности перейти к ведению хозяйства по-новому. Возмещение, получаемое дворянами за прежние феодальные повинности, не могло удовлетворить потребности в капиталистических вложениях и средствах, необходимых для агротехнических мероприятий, в частности ввиду задолженности имений, оставшейся от прежних времен. Теперь дворяне уже не были свободны от налогов и не могли использовать барщинный труд, а иной рабочей силы не было. Крестьяне в своей массе не хотели работать на крупного землевладельца, ненавистного бывшего феодала. Поэтому после 1848 г. значительные площади дворянских имений оставались необработанными.

К этим трудностям добавилась нехватка кредита. Задолжность бывших феодалов была значительной. В большинстве имений попрежнему хозяйство велось экстенсивно, что часто сопровождалось хищнической вырубкой лесов на продажу. Новые агротехнические меры вводились лишь в небольшой части имений среднего дворянства.

Началу интенсификации хозяйства значительно способствовали арендаторы дворянских поместий.

inslav

Значительно лучшим было положение инонациональной аристократии в Славонии, владевшей огромными латифундиями[11]. Но и аристократы в 60-х годах преодолевали кризис, связанный с приспособлением имений к капиталистическому производству. Им это удалось благодаря распродаже лесов. Но этот слой не имел связей с общественным и политическим развитием Хорватии и поэтому не вкладывал свои капиталы в ее хозяйство.

Часть дворян оказалась полностью неспособной приспособиться к новым условиям и что-либо предпринять для спасения своих поместий. Они только тосковали о феодальных порядках и подвергали нападкам «ленивых» крестьян, не желавших на них работать. Феодальный способ мышления в течение всего этого периода был присущ и представителям местной администрации, подвергавшим крестьян телесным наказаниям (палками). Порядок этот оставался все еще в силе и на Военной границе, и в Провинциале.

Другая часть дворянства стремилась приспособиться к новым условиям, добиваясь, хотя и в новом обличии, сохранения своих привилегий. Она стремилась к тому, чтобы сельское хозяйство оставалось основной отраслью экономики и чтобы все силы были сосредоточены на модернизации крупного землевладения. Образованные представители этого слоя были свидетелями промышленного переворота в Западной Европе и в некоторых землях Австрии. Они возражали против того, чтобы накопления, произведенные в сельском хозяйстве, использовались для подъема промышленности. Сторонниками развития промышленности стали богатые купцы и интеллигенция. В противовес им возникла своеобразная консервативная идеология, направленная против «промышленной цивилизации» и формирования новых «привилегированных сословий» — бюрократов и капиталистов; последние подвергались обвинению в том, что они строят свою предпринимательскую деятельность на несчастье «бедных классов». Эти идеологи выражали недовольство тем, что денежные средства находились в руках купечества, а государство не проявляло решимости обеспечить помещиков капиталом. Представители этих дворян критиковали «эгоистическую» идеологию либеральной буржуазии, основываясь на произведениях известных тогда ученых и публицистов, прежде всего экономистов, отстаивавших консервативные воззрения[12].

Консервативное дворянство и либеральная буржуазия были единодушны лишь в желании ускорить распад задруг, чтобы освободить рабочую силу для их имений и предприятий. К консерваторам были близки поборники сохранения задруг, убежденные в том, что сельское хозяйство и большая семья — основы физического и социального существования широких общественных слоев и что их распад, порождая пролетариат, создаст угрозу и их собственности[13].

Таким образом, дворяне-помещики не могли стать движущей силой процесса капиталистической перестройки общества. Свое

inslav

спасение они видели в общности классовых и экономических интересов с венгерскими крупными землевладельцами, в получении кредита от венгерских банков. Поэтому бывшие феодалы стали опорой проведения хорвато-венгерского соглашения, ставшего тормозом общественных преобразований в Хорватии. Именно таким путем дворянство добилось упрочения своего положения.

Вопреки этому буржуазия, экономически и политически слабая, должна была систематически добиваться создания политических и культурных условий для развития нового буржуазного общества и капиталистического производства. Однако не все слои буржуазии способны были сколько-нибудь широко участвовать в этом процессе. Проявляла себя только новая буржуазная элита — представители среднего или верхнего слоя, прежде всего — богатые торговцы[14]. Сохранившиеся формы натурального хозяйства и низкий уровень потребления трудящегося населения сказались на составе торгового слоя. В огромном большинстве это были коробейники, «лотошники», бродившие по ярмаркам, а также иногда мелкие лавочники, предлагавшие скромный выбор товара, необходимого беднейшей части населения. Они не имели средств для приобретения большого количества товара, что могло бы обеспечить большую прибыль, и быстро разорялись в условиях, изменившихся после 1848 г. Лишь небольшая часть из них могла разбогатеть.

Но уже до 1848 г. начал развиваться слой хорватских и сербских купцов, имевших широкую и разнообразную сферу деятельности. Это были торговцы зерном, лесом, кожей, изделиями национальной промышленности, металлическими, модными и «колониальными» товарами. Именно из среды этих торговцев, обслуживавших потребности имущей части горожан и дворянства, вышли те, кто целеустремленно добивался прогресса торговли и промышленности в целом[15]. Посредством торгово-промышленных палат они добивались создания элементарных условий для развития торговли, прежде всего развития железнодорожных и речных путей сообщения[16]. Но удалось им достичь лишь того, что они могли осуществить собственными средствами. Неоабсолютистский режим 50-х годов игнорировал их интересы, а неустойчивое политическое положение в монархии в 60-х годах не благоприятствовало быстрому расширению торговли и капиталовложений.

Несмотря на малочисленность, богатые торговцы играли важную роль в процессе преобразования общества, формировании буржуазного мировоззрения и культуры. Вместе с интеллигенцией они были носителями либеральной идеологии. Они верили в необходимость прогресса, добивались установления конституционного строя и обеспечения свободы слова, приветствовали устранение феодальных привилегий и социальных ограничений. Они исходили из принципа «свободы торговли» и были убеждены в том, что развитие торговли создает базу прогресса ремесла и земледелия, т. е., что именно торговля создает капитал, необходимый для экономического развития.

inslav

Богатые торговцы не сомневались в том, что условий для подъема промышленности в Хорватии нет, и стремились к большей рентабельности земледельческих хозяйств, чтобы те могли открыть себе путь на мировой рынок. Они возбуждали активность мелких предпринимателей и стремились пробудить хорватский народ от «дремоты и неподвижности» «в области материальной», решительно отмежевывались от необразованных мелких торговцев, будучи уверенными в том, что успех в торговле зависит от солидного образования, и поэтому особенно ратовали за открытие профессиональных школ и объединение капиталов отдельных лиц. Это ядро торговцев противостояло реакционным и консервативным представлениям дворянства и в 60-х годах далеко не во всем одобряло деятельность хорватского сабора, который в борьбе за самостоятельное политическое развитие Хорватии ссылался на хорватское государственное право и лишь на втором плане имел в виду насущные экономические вопросы. Уверенные, что торговля, будучи условием материального прогресса, существенно способствует достижению будущей «национальной самостоятельности», они поддерживали разные объединения и учреждения, от гуманитарных до культурных, и все «патриотические акции» [17].

Вся эта активность имела место лишь в провинциальной Хорватии. Военная администрация до 1871 г. не допускала роста капиталистических отношений на Военной границе и какие-либо существенные социальные и экономические перемены, не поддерживала экономическое развитие городов, ограничивала право приобретения земли торговцами, ремесленниками, духовенством и офицерами. Свободная купля — продажа земли была допущена лишь при демилитаризации Границы в 1871 г. В этих условиях численность неземледельческого населения на Границе была значительно меньше, чем в Далмации и провинциальной Хорватии.

Богатые люди, которые бы стали носителями промышленного прогресса, из ремесленников выделиться не могли. Структура ремесленной прослойки соответствовала низкой покупательной способности населения. Городские ремесленники были объединены в цехи, посредством которых защищали свои интересы. Ремеслом занимались и крестьяне-самоучки, получавшие плату преимущественно натурой. Уже до 1848 г., и особенно после него, ввозимые товары стали конкурировать с изделиями городских ремесленников, и большинство последних вынуждены были ограничиваться обслуживанием беднейшей части населения. Не случайно, что и со стороны ремесленников поэтому раздавалась жестокая критика либерального капитализма и индустриализма, которые начали ломать традиционные формы производства.

Неоабсолютизм накануне своего краха в 1859 г. отменил цехи, но в провинциальной Хорватии цехи формально были ликвидированы лишь в 1872 г.

Отдельные попытки торговцев организовать ремесленников с целью концентрации капитала и «облагораживания» их изделий

inslav

для более эффективной борьбы с иноземными товарами не могли быть успешными.

Кроме политических обстоятельств, недостатка капитала, путей сообщения и рабочей силы, низкий уровень просвещения также был в числе факторов, противодействовавших развитию капитализма. Часть крестьянских детей в гражданской Хорватии впервые получила скромную возможность получать образование при неоабсолютизме, на Военной границе это произошло несколько раньше. Неграмотные на Военной границе в конце 60-х годов составляли 82,6%, на 2% меньше, чем в гражданской Хорватии[18]. Относительно более благоприятные условия имелись для формирования интеллигенции в средних школах. Особенное место занимала загребская Юридическая академия. Хотя количество учащихся в этих школах было невелико, все же постепенный рост интеллигенции и ее значительная роль в новом буржуазном обществе был обеспечен.

Среди интеллигенции наиболее многочисленным было чиновничество. Администрация в жупаниях все еще сохраняла феодальный облик, а во многом — и стиль деятельности. Суд не был отделен от управления. Специалистов — юристов, инженеров и врачей было мало. Ввиду отсутствия промышленности и банков все чиновничество, за исключением немногих специалистов, занятых в крупных поместьях, находилось на государственной службе.

По численности вслед за чиновниками шло духовенство. Католическая церковь с ее епископскими, капитульными, приходскими и монастырскими поместьями являлась важным очагом накопления капитала. Кроме верхов иерархии, зависимых от двора (за исключением некоторых, вроде Штросмайера), духовенство в основном имело общую с буржуазией заинтересованность в развитии капитализма. Поэтому оно поддерживало Национальную партию, представлявшую интересы богатых слоев буржуазии, и участвовало в культурных акциях. Весьма значительным богатством обладала и православная церковь. Но систематическое использование ее имущества в пользу сербской буржуазии в Хорватии было невозможно, пока существовала Военная граница.

На третьем месте было учительство. Пока школы находились в руках католической церкви, учителя не играли большой роли в обществе, затем их значение увеличилось. Адвокаты, позднее весьма влиятельная группа в политической и экономической жизни, были очень немногочисленны.

Хотя докапиталистические отношения и формы все еще накладывали печать на общественную структуру и образ жизни, произошли значительные перемены, свидетельствовавшие о постепенном, но неудержимом появлении предпосылок создания буржуазного общества. Место дворян и феодального чиновничества понемногу занимают торговцы и интеллигенция, создающие новую атмосферу, в которой важную роль начинает играть «общественное мнение». Однако создать хотя бы скромные экономические

inslav

основания для нового общества было еще невозможно. Но зато после падения абсолютизма Баха возникла деятельность в сферах культуры, идеологии и политики, которая мобилизовала пока что только более богатую буржуазию в борьбе за создание национальной культуры и самостоятельной политической жизни.

В этих условиях политические партии не могли располагать массовой базой и не имели определенной прочной организации. Принадлежность к определенной партии была скорее выражением одинаковых нравственных норм и мировоззрения, одинаковых или близких взглядов на политическую ориентацию в данный момент. Конечно, в партийной принадлежности отражались определенные экономические и классовые интересы, прежде всего разграничение между бывшими феодалами (Унионистская партия) и новыми интересами буржуазной элиты (Национальная партия).

Характерной чертой новой общественной атмосферы стала антифеодальная настроенность. Пропагандировались взгляды, что буржуазия должна, наконец, получить главную роль в обществе и противопоставить себя влиянию дворянства, до тех пор почти исключительному. Феодализм отрицался как общественный строй, навязанный извне и якобы не отвечающий славянскому «духу» хорватского народа; дворянство даже провозглашалось врагом нации [19]. С другой стороны, хорватская буржуазная политика унаследовала государственно-правовую традицию хорватского дворянства, но освободила ее от первоначальных рамок феодальных привилегий и придала ей новое содержание и идеологическую интерпретацию в соответствии с процессом интеграции хорватской нации и стремлением к созданию нового общества. В сербском обществе не было антифеодальной настроенности такого рода, так как сербское население концентрировалось в основном на Военной границе, где не существовали классические феодальные отношения.

Число представителей интеллигенции, систематически занимавшихся культурной деятельностью, было незначительным. Но успехи, достигнутые ими в мобилизации образованных буржуазных слоев, были важными. Исторические науки, филология и литература начали давать первые результаты и непосредственно играли роль в политике и национальном движении. Хотя и в значительно меньшей мере, естественные науки тоже получили важную функцию. В связи с пониманием значения агротехники и технологии производства товаров «естествознание» стало рассматриваться в качестве условия материального благосостояния, а естественные науки стали ставиться рядом с «национальными науками» — филологией и историей [20].

Газет и журналов в 60-х годах было мало, но они давали буржуазии разнообразную, хотя и скромную информацию, а это являлось одним из условий распространения политических требований, знакомства с другими районами Хорватии и югославянских земель.

inslav

Как было отмечено, австро-венгерское и хорвато-венгерское соглашения положили начало новой фазе развития социальных структур. Дуализм сделал возможным значительное ускорение капиталистического преобразования австронемецкого общества на промышленной основе, тогда как в Венгрии экономическая и социальная перестройка охватила сельское хозяйство и происходила в интересах магнатов и частично среднего дворянства. Несмотря на кризисы, к концу 80-х годов в этом отношении имелись значительные результаты. Но политико-административное устройство монархии не соответствовало этому развитию. Господствующая в Венгрии группировка была неспособна построить буржуазно-демократическое государство. Ее целью было задержать общественное развитие невенгерских народов, в том числе автономной Хорватии, и преодолеть сопротивление широких слоев венгерского народа власти богатой верхушки.

В отсталой Хорватии экономический подъем был возможен лишь при поддержке государства. Последнее же, наоборот, тормозило ее экономическое развитие. Оно проводило финансовую и экономическую политику исключительно в интересах венгерских господствующих классов, систематически препятствовало подъему местной буржуазии [21]. Силы, стремящиеся к буржуазной перестройке Хорватии, оказались перед исторической задачей достичь прогресса вопреки соглашению 1868 г.

Крупным препятствием социально-экономическому развитию хорватских земель была их раздробленность, невозможность их воссоединения. Так как данная работа не затрагивает истории Далмации и Истрии, укажем лишь на затягивание присоединения Военной границы к Хорватии (до 1881 г.). Глубокие различия в экономических структурах и ритме экономического роста Провинциала и Военной границы не были преодолены до развала монархии. Поэтому не были преодолены препятствия на пути создания единого внутреннего рынка.

В этих условиях большинство крестьян не могло перейти к интенсивным методам ведения хозяйства, а растущее население редко находило заработок вне деревни. Внешние условия все более делали невозможным сохранение натурального хозяйства, но, с другой стороны, не создавали основы для капиталистической перестройки сельского хозяйства. Масса крестьянства была не в состоянии платить растущие налоги (частично ввиду падения цен на хлеб в годы мирового аграрного кризиса). Имущество целых сел конфисковывалось за недоимки. Это приводило к обострению обстановки и, наконец, вызвало волнения 1883 г. [22]

Огромные недоимки, достигавшие до 2/3 дохода страны, создали ситуацию, когда венгерская сторона утверждала, что содержит Хорватию, а депутаты сабора, что Хорватия ограблена [23].

Острую нужду крестьянина в средствах «удовлетворяли» лишь ростовщики (местные сельские торговцы, богатые крестьяне, приобретавшие статус сельской буржуазии, городские торговцы, тогда еще немногочисленные сберегательные кассы и др.). Ростов-

inslav

щики по дешевке скупали землю крестьян. Прекратились жалобы крупных помещиков на нехватку рабочей силы. Ввиду отсутствия промышленности беднота не находила заработка в городах, и уже в 80-х годах началась эмиграция, прежде всего в США.

Эта обстановка стимулировала распад задруг; неурегулированность имущественных отношений делала невозможным получение кредита и ведение рационального хозяйства.

Следует учесть, что продолжались конфликты из-за земли между бывшими феодалами и крепостными, так как при сегрегации крестьяне получали худшие участки (нередко покрытые кустарником вместо леса, или каменистые). Осталась нерешенной проблема виноградников [24].

Придавленные налогами крестьяне были вынуждены продавать свои продукты в городах, уходили на временные работы. Более тесные контакты с городом постепенно изменяли психологию крестьянства. В своем тяжелом положении крестьяне винили не только бывших феодалов, но и органы администрации, в которых было все больше горожан, и связанных с городом ростовщиков. Зажиточных горожан, торговцев, домовладельцев и ремесленников отделяла от сельской бедноты социальная пропасть. Появилась характерная ненависть мелкого крестьянина к городу в целом.

Выброшенные из своей замкнутой среды (задруг, сел), более грамотные, чем прежде, крестьяне постепенно становились восприимчивыми к национальной пропаганде буржуазии и в значительной мере стали считать венгерское господство и его органы главным виновником своего катастрофического положения. Таким образом крестьяне были вовлечены в национальное движение и процесс национальной интеграции хорватского народа [25]. У сербов указанный фактор не мог сыграть такой же роли, так как процесс интеграции сербской нации к этому времени в основном был завершен. В целом для 80-х годов характерны глубокие социальные противоречия, хотя процесс индустриализации в сущности еще не начался.

Крупное землевладение, хотя и значительно медленнее венгерского, смогло вступить на путь буржуазного развития. Важно отметить, что при этом состав владельцев значительно изменился, да и общественная функция прежних (за исключением нескольких иноземных аристократических фамилий в Славонии) стала иной в сравнении с периодом огромного преобладания феодальных форм после 1848 г.

Часть прежнего феодального дворянства полностью разорилась. Другая столь тесно оказалась связанной с торговой буржуазией, что прежняя противоположность интересов исчезла. И те и другие объединились в Национальной партии бана Мажуранича, осуществлявшей буржуазные реформы. Третья часть, рассчитывая на значительные материальные выгоды, полностью ориентировалась на венгерское крупное землевладение и в качестве опоры режима систематически помогала сдерживать развитие буржуазного общества и его стремление к эмансипации [26].

inslav

Одновременно начало расти число землевладельцев из рядов буржуазии (торгово-ростовщической). Земля все еще являлась наиболее надежной сферой вложения капитала. Новые землевладельцы сыграли важную роль в переходе землевладения на капиталистические рельсы.

Так феодальные сословные отношения вытеснялись новыми, основанными на экономических интересах городской и сельской буржуазии и крупных землевладельцев. Титулованные дворяне (графы, бароны) по своему образу жизни были изолированы от зажиточной буржуазии и действовали в интересах венгерских магнатов, но в кайкавской Хорватии имелись представители магнатства, отказавшиеся безусловно поддерживать венгерское правительство и связывавшие свои интересы с подъемом национального капитала и усилиями буржуазной оппозиции [27].

Остальные дворяне не отличались от богатой буржуазии по образу жизни, материальным интересам и образованию. Следует иметь в виду, что хорватские и сербские торговцы и предприниматели, которые приобретали «почет» как организаторы экономики и «благотворительных» учреждений, наравне с высшими чиновниками удостаивались дворянских титулов.

Поэтому различие между наследственными «благородными» и «новыми рыцарями» стиралось. Дворянское звание еще оставалось символом высшего общественного положения. Поэтому общественно-политическая ориентация отдельных лиц (в пользу поддержки режима или условий для развития местного капитала, буржуазного общества и национальной культуры) зависела не от их происхождения, а от новых материальных интересов и условий жизни.

В начале второй фазы в Хорватии и Славонии (с Границей) имелось всего 5 городов с населением свыше 10 тыс. человек. (Загреб насчитывал менее 20 тыс. человек) [28]. Это были частью административные и торговые центры или даже крупные села, значительная часть населения которых занималась сельским хозяйством. Но доля населения, занятого торговлей и перевозкой грузов росла. Крестьянин покупал лишь самые необходимые товары у мелких торговцев, тогда как купечество, специализировавшееся на торговле лесом, текстилем, колониальными и продовольственными товарами, строило свое благополучие лишь на обслуживании городов.

Проникновение товарно-денежных отношений в деревню уничтожало собственные промыслы крестьян и заставляло их приобретать все больше изделий на рынках. Число мелких предпринимателей возросло, но для общего оскудения характерно то, что изготовлением одежды занимались 25% всех ремесленников, а число питейных заведений чрезвычайно увеличилось и их удельный вес достиг 10%. Подавляющее большинство такого рода «предприятий» вовсе не имело наемных работников (67,34% в 1890 г.) или нанимало одного рабочего [29]. Как и крестьяне, большинство ремесленников оказывалось на грани нищеты и из этой среды пополнялись ряды пролетариата. Не случайно, что уже в начале периода

inslav

стала распространяться социалистическая идеология, хотя условий для рабочего движения еще не было.

Отчаявшаяся и ожесточившаяся мелкобуржуазная масса определяла своим поведением и предрассудками повседневную жизнь городов.

Ее реакция на катастрофическую ситуацию 80-х годов проявлялась в экзальтированном хорватском национализме. Выражением этих настроений была идеология правашей [30].

Среди зажиточной буржуазии, резко отличавшейся от этого слоя, наиболее влиятельными все еще оставались торговцы. В трудных условиях после 1868 и 1873—1879 гг. было невозможно в широких масштабах делать капиталовложения в промышленность. Предпринимательство в Хорватии зависело (прямо или опосредствованно) от будапештских банков, которые, хотя австро-немецкий капитал в них занимал важное место, действовали в интересах венгерских господствующих слоев, враждебных промышленному развитию Хорватии.

Но обновление некоторых общественных сфер власти должны были допустить. В империи вводились соответствовавшие подъему индустрии в передовых областях новые органы управления, законы, школы. Сохранить отдельные территории с феодальными чертами в администрации и суде было невозможно. В Хорватии суд был отделен от административных органов, был издан ряд законов, в какой-то мере гарантировавших буржуазные свободы (о печати, праве собраний, ответственности бана перед собором). Школы первой ступени были изъяты из-под надзора церкви, число учеников в сельских районах возросло. Был создан университет (1874 г.), тогда как Академия наук и искусств действовала уже ранее (1867 г.) и т. д. Был открыт путь ускоренному развитию буржуазной культуры и нового образа жизни. Однако модернизация, проведенная баном Мажураничем в интересах хорватской буржуазии, не захватила главного — экономики. В указанных неблагоприятных условиях периода после Соглашения 1868 г. это было невозможно.

Появились или развивали деятельность учительское, естественно-научное, медицинское, юридическое и первые спортивные общества. Мелкобуржуазные слои создавали певческие общества, союзы пожарных. Характерно появление благотворительных объединений. Но режим Куэна (1883—1903 гг.) фактически путем контрреформ создал псевдоконституционную систему, в которой интересы национальной буржуазии не могли получить выражения. Впрочем, воспрепятствовать общественному и культурному преобразованию, хотя и ограниченному, уже было невозможно.

В Хорватии все еще выдвигались требования расширения автономии или государственной самостоятельности на базе аргументов феодального государственного права. Буржуазная оппозиция была уверена, что в существующих условиях нельзя ничего сделать для решения насущных экономических проблем и острых социальных вопросов, волнующих народные массы. С 80-х годов, когда начался

inslav

ускоренный рост венгерской промышленности, торговые круги подчеркивали, что отставание «фабричного дела» в Хорватии — результат политических условий. Хорватская буржуазия прежде всего добивалась финансовой самостоятельности страны, основного условия для преодоления докапиталистических форм хозяйства.

Общественная роль интеллигенции, существенная для развития буржуазного общества в Хорватии еще со времени иллиризма, теперь приобретает новое качество.

Разделение буржуазии на имущую и мелкую сказалось на структуре интеллигенции. Ранее она представляла интересы зажиточных кругов; мелкобуржуазные слои (мелкие торговцы, бывшие цеховые ремесленники и мелкая сельская буржуазия) в 70-х годах еще были не в состоянии четко формулировать свои нужды и чаяния. Но напряженность их отношений с богатой буржуазией возросла. В связи с этим произошел раскол и среди интеллигенции. Он выразился, в частности, в том, что праваши начали критиковать богатую буржуазию и интеллигенцию югославистской ориентации, хотя именно ее представители имели наиболее крупные заслуги в области создания национальной культуры.

Аналогичное размежевание произошло в среде католического духовенства. Все большая часть его низших слоев присоединялась к правашам, тогда как остальные (кроме верхов иерархии) сохраняли сотрудничество с более богатой буржуазией.

Профессиональный состав интеллигенции отражал местную специфику. Специалистов в сфере хозяйства было очень мало, причем в торговле их было больше, чем в области производства. Наибольшую группу составляли преподаватели, прежде всего учителя начальных школ, игравшие исключительную роль в деле распространения достижений культуры; однако режим Куэна не допускал их политической активности. Влиятельную элиту составляли профессора средних школ и университета.

Вслед за преподавателями по численности шли чиновники автономной администрации. Инициаторами политических акций часто являлись адвокаты. Третье место по численности принадлежало духовенству, роль которого в культурных и политических акциях из-за малочисленности интеллигенции была значительной.

Видное место в культурной жизни занимали врачи, хотя количество их было невелико. Но самой малочисленной была группа интеллигентов, оказывавшая наибольшее воздействие на образованные слои, а именно — журналисты, ученые, литераторы и деятели искусства. Именно они содействовали распространению антифеодальных настроений, пропагандировали буржуазные идеалы, используя исторические мифы, сеяли ненависть к иноземному господству и т. д. В области науки наибольшее развитие получили дисциплины, связанные с национальным самосознанием,— филология и история, непосредственно игравшие мобилизующую роль в политической борьбе.

inslav

Издательская деятельность стала так или иначе ориентироваться на разные общественные слои — интеллигенцию, образованных представителей буржуазии, мелкой буржуазии и крестьянства. Но периодическая и ежедневная печать воздействовала на широкие слои не столько непосредственно, сколько через священников, учителей и мелких чиновников.

Лишь на третьей фазе трансформации общественной структуры, на рубеже XIX—XX в., с началом эпохи империализма, относительно ускорившееся развитие захватило наконец Хорватию и Славонию. Заметно возросла роль местной буржуазии в экономике и общественной жизни. Но процесс индустриализации радикально не менял общественные формы. Экономической основой общества до развала габсбургской монархии оставалось сельское хозяйство и мелкое промышленное производство.

Для исчерпывающей характеристики сложного процесса буржуазной трансформации социальной структуры Северной Хорватии необходимы глубокие специальные исследования. Сказанное выше дает лишь общую картину развития общества в рассматриваемый период.

[1] Этническая территория хорватского народа была не только раздроблена в административном и государственно-политическом отношении, но отдельные ее части сильно различались между собой по социальной структуре, что в XIX в. тормозило процесс интеграции хорватской нации и формирования буржуазного общества. В Хорватию входили территории с различными социальными структурами общества: в собственно Хорватии и Славонии — «классический» европейский феодализм; в Далмации под венецианским господством развилось общество, концентрировавшееся в городе и его округе и состоявшее из городского дворянства и «простонародья» (горожан и крестьянства). Это общество было характерным для районов Европы, прилегающих к Средиземному морю, и поэтому его можно назвать обществом средиземноморского типа; из Хорватии и Славонии в XVI в. с целью организации обороны от турок стала выделяться территория, находившаяся под военным управлением,— здесь развилось своеобразное общество, основанное на формально свободном труде крестьян — военных поселенцев. Это была Военная граница. Таким образом, Северная Хорватия состоит из гражданской Хорватии или Провинциала (иногда ее называют Банской Хорватией, так как она находилась под властью бана) и Военной границы. Следует также упомянуть и хорватское общество в Боснии и Герцеговине с его особенностями, возникшими в условиях турецкого феодализма.

[2] В хорватской историографии нет специальных исследований, посвященных социальным структурам в XIX в. Тем не менее, мы располагаем большим количеством данных в результате изучения экономической, политической и культурной проблематики. Данный доклад основан на результатах исследований автором идеологических систем и политической борьбы, которые сами так или иначе являются выражением общественных структур, и трудах, посвященных истории экономики. Здесь нет возможности цитировать значительную по объему хорватскую литературу. Поэтому хочу подчеркнуть важный вклад двух советских авторов в изучение общественных структур Хорватии в XIX в. И. И. Лещиловская в своих книгах («Иллиризм». М., 1968 и «Общественно-политическая борьба в Хорватии в 1848—1849 гг.». М., 1977) и многочисленных статьях опубликовала результаты своих исследований общества первой половины XIX в. в Северной Хорватии, существенные для понимания социальных

inslav

структур после 1848 г. В. И. Фрейдзон в ряде работ («Борьба хорватского народа за национальную свободу». М., 1970; «Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян в Хорватии в начале XX в.» — УЗИС, 1954, т. 10, и других), в частности, показал функцию социальных структур в политической и идеологической борьбе. На русском языке см. также: *Караман И.* Проблемы развития капиталистического хозяйства в Хорватии до середины XIX в.— В кн.: Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968, с. 181—197.

[3] См. примечание 1.

[4] Die Habsburger Monarchie 1848—1918. Bd. 1. Die wirtschaftliche Entwicklung / hg. A. Wandruschka, P. Urbanitsch. Wien, 1973.

[5] *Jellačić A.* Seljački pokret u Hrvatskoj i Slavoniji godine 1848—1849. Zagreb, 1925, s. 94.

[6] Проблема деревни изложена на основе данных опубликованных источников XIX в. См. библиографию: *Despot M.* Osvrt na štampanu gradju i literaturu o gospodarskoj povijesti Hrvatske od 1850 do 1918.— In: Prilozi za ekonomsku povijest. Zagreb, 1967; *Matković P.* Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih odnošajih. Zagreb, 1873; *Stojsavljević B.* Povijest sela: Hrvatska, Slavonija, Dalmacija 1848—1918. Zagreb, 1973; *Katus L.* Hauptzüge der kapitalistischen Entwicklung der Landwirtschaft in den südslavischen Gebieten der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie.— Studien zur Geschichte der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie. Studia Historica. Budapest, 1961, v. 51.

[7] *Krestić V.* Seljački nemiri u Hrvatskoj i Slavoniji šezdesetih godina XIX. vijeka.— Zbornik Historijskog instituta JAZU. Zagreb, 1964, v. 5.

[8] *Vrbanić F.* Prilozi gospodarskom razvoju hrvatsko-slavonske Krajine u 19. vijeku.— Rad JAZU. Zagreb, 1900, v. 144.

[9] О задругах имеется статистика, относящаяся к XIX в., законы и их толкования, большое количество сочинений, авторы которых рассматривают проблему задруг с различных точек зрения, а также научные труды (см.: *Despot M.* Op. cit.).

[10] *Matković P.* Op. cit., p. 57.

[11] *Karaman I.* Valpovačko vlastelinstvo. Gradja za gospodarsku povijest Hrvatske. Zagreb, 1962, v. 13.

[12] Идеологом консервативного дворянства являлся, например, барон Лазар Хелленбах. Среди его многочисленных книг достойна упоминания: B. L. *H*[ellenbach]. Misli o socialnoj politiki u Austriji. Zagreb, 1862.

[13] *Utiešenović O. M.* Die Hauskommunionen der Südslaven. Wien, 1859.

[14] Об активности торговцев свидетельствуют различные издания торгово-промышленной палаты, статистика и печать (*Despot M.* Op. cit.). Пример возникновения купеческой «элиты» см.: *Krešić M.* Autobiografija. Zagreb, 1898.

[15] О промышленности этого периода см.: *Despot M.* Industrija gradjanske Hrvatske 1860—1873. Zagreb, 1970.

[16] *Stulli B.* Prijedlozi i projekti željezničkih pruga u Hrvatskoj 1825—1863. I—II.— Institut za hrvatsku povijest. Zagreb, 1975, v. 4, 5.

[17] Идеологию более богатой торговой буржуазии мы излагаем на основе материалов газеты «Сидро» («Sidro»), которую издавал купец Антун Якич в 1864—1868 гг., а также органа Национальной партии «Пóзор» («Pozor») и отчетов торгово-промышленных палат.

[18] *Matković P.* Op. cit., p. 3; *Šidak J.* Rozvoj školstva u hrvatskim zemljama od 1773 do 1874 / Internationales Kulturhistorisches Symposion Mogersdorf 1975. Eisenstadt, 1976, S. 183—194.

[19] Теория, утверждавшая что феодализм противен «душе» славян, а формы буржуазного общества гармонируют с христианством, находилась в основе идеологической системы Ф. Рачкого и Й. Ю. Штросмайера. (*Gross M.* «Ideja Jugoslavenstva» Franje Račkoga u razdoblju njene formulacije (1860—1862).— Historijski zbornik, 1976—1977, XXIX—XXX, s. 332.

[20] Указания на важность естественных наук (для земледелия) можно обнаружить уже в издании «List družtva gospodarskoga hrvatskoslavonskoga»

inslav

в 50-х годах, затем в источниках, раскрывающих взгляды торговцев и, наконец, в журнале «Književnik», который находился на высшем уровне научных достижений до основания Югославянской академии наук и искусств в Загребе и имел подзаголовок: «Časopis za jezik i povijest hrvatsku i srbsku i prirodne znanosti».

21 На основе хорватско-венгерского соглашения 1868 г., «общие дела», находившиеся исключительно в компетенции венгерского правительства, его органов и венгерского парламента, охватывали все решения, которые касались развития хозяйства (налоговая система, государственный долг, финансовые учреждения, ремесло и торговля, транспорт). Путь венгерского капитала к Адриатике и на Балканы проходил через Хорватию и Славонию, и венгерское правительство тормозило подъем хозяйства и местной буржуазии посредством строительства железных дорог в направлении север — юг (но не восток — запад), железнодорожного тарифа, создававшего возможность более дешевой перевозки товаров через Венгрию (по сравнению с путем через Хорватию), перевода иностранных капиталовложений в Венгрию, создания условий, при которых имущество общин и разные фонды не могли стать средством накопления капитала в местных финансовых учреждениях, непосредственного налогового и политического давления на непокладистых предпринимателей.

22 *Катуш Л.* Хорватская политика правительства Тиса и народное движение 1883 г. в Хорватии.— Acta Historica. Budapest, 1961, v. VIII, 1—2; *Pavličević D.* Buna u bivšoj Banskoj krajini 1883.— Historijski zbornik, 1972—1973, XXV—XXVI, s. 75—133; *Idem.* Seljački nemiri u stubičkom kraju 1883. godine.— Historijski zbornik, 1976—1977, XXIX—XXX.

23 *Frank J.* Die Quote Kroatiens. Agram, 1879; *Idem.* Bela Lukács und die Quote Kroatiens. Agram, 1879; *Hinković H.* Finansijski položaj Hrvatske. Sušak, 1879.

24 Виноградники не входили в состав урбариальных земель, которые стали собственностью крестьянина в 1848 г. Поэтому решение вопроса о собственности на виноградники кое-где затянулось до конца века и вызвало крупные конфликты между бывшими кметами и феодальными владельцами. Данные об этом собраны в книге: *Stojsavljević B.* Gornjaci.— Gradja za gospodarsku povijest Hrvatske. Zagreb, 1959, v. 9.

25 Это вполне определенно выявилось во время крестьянских восстаний в 1883 г. См. прим. 22.

26 *Gross M.* Propast starounionističke stranke a svijetlu izvještaja Mirka Bogovicá.— Zbornik Historijskog instituta JAZU. Zagreb, 1954, v. 1.

27 Графы Драшковичи пытались сотрудничать с оппозиционной Независимой национальной партией, а позднее Мирослав Кульмер, связанный с буржуазией, стал одним из наиболее влиятельных капиталистов.

28 *Matković P.* Op. cit., p. 38—39. Важную информацию об истории городов можно найти в кн.: *Karaman I.* Privreda i društvo Hrvatske u 19. stoljeću.— Institut za hrvatsku povijest. Rasprave i članci. Zagreb, 1972, v. 1.

29 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Povijest hrvatskoga naroda. Zagreb, 1968, s. 321.

30 *Gross M.* Povijest pravaške ideologije.— Institut za hrvatsku povijest. Monografije. Zagreb, 1973, v. 4.

inslav

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЛОВЕНИИ В XIX В.

И. В. Чуркина (СССР)

В конце XVIII—XIX в. большая часть территории, на которой жили словенцы, входила в состав коронных земель (провинций) Австрийской монархии: Штирии, Каринтии, Крайны. В Крайне словенцы составляли подавляющее большинство, в Штирии и Каринтии — приблизительно треть населения. Помимо этих трех земель, словенцы жили в так называемой Венецианской Словении (с 1866 г. в составе Италии), в Истрии, Приморье, а также в Прекомурье, принадлежавшем землям венгерской короны. В Венецианской Словении и Приморье значительный процент (особенно в городах) составляли итальянцы, в Прекомурье имелось венгерское население, в Истрии хорваты и итальянцы составляли около 9/10 жителей.

Население Словении было немногочисленным. В 1818 г. на территории современной Социалистической Республики Словении проживало 838 тыс. человек, в 1846 — 1077 тыс., в 1870—1880 годы примерно 1,15 млн; а в 1891—1900 гг.— 1,25 млн. человек[1]. Незначительный рост населения в конце XIX в. был связан с массовой эмиграцией крестьян из словенских земель. Она шла прежде всего в Северную и Южную Америки, а также в Германию, Францию, Египет, Россию. До середины 90-х годов XIX в. словенские земли покинуло приблизительно 100 тыс. человек[2].

Немецкое владычество, продолжавшееся на территории Словении тысячу лет (с середины VIII в.), наложило отпечаток на ее этнический и социальный состав. К середине XVIII в. основными классами здесь были помещики и крестьяне. Класс феодалов с раннего средневековья был немецким или итальянским. Немногие представители словенцев, попадавшие в его ряды, быстро ассимилировались. В конце XVIII — первой половине XIX в. бурное развитие товарно-денежных отношений способствовало разорению ряда старых феодальных семейств и переходу их земель в руки разбогатевших откупщиков и торговцев. Так, перед революцией 1848 г. в Цельском округе Штирии из 176 помещиков около 50 не имели дворянского звания. Среди крупных земельных собственников, выходцев из богатой буржуазии, имелись и лица словенского происхождения. Многие из них становились дворянами. Большинство таких новых дворян быстро перенимали язык и обычаи итальянского или немецкого дворянства, считали для себя зазорным называться словенцами.

Национальные интересы словенцев были, естественно, чужды немецкому дворянству. Только единицы из них сочувственно относились к словенскому национальному движению, например, бароны Цойс. Положение несколько изменилось в 60-е годы, когда в Австрийской империи началась борьба между централистской, дуалистской и федералистской партиями. Часть консервативно

inslav

настроенных немецких помещиков в словенских землях, опасаясь усиления влияния централистской либеральной буржуазии, выступила в союзе с умеренными словенскими деятелями за федерализацию Австрии на основе исторически сложившихся провинций. Таким образом они надеялись сохранить свои позиции, с целью использовать в своих классовых интересах словенское национальное движение.

Крестьянство было единственным классом полностью словенским по национальности. Оно более всего страдало от феодальных отношений и более всего было заинтересовано в их полной ликвидации.

Состав словенского крестьянства во второй половине XVIII и особенно в первой половине XIX в. был довольно сложным. Дифференциация, сильная в его среде уже в позднее средневековье, к этому времени возросла еще больше. Наряду с обогащением зажиточной верхушки увеличивалось число малоземельных и безземельных крестьян. В Каринтии она была менее резкой: к 1848 г. здесь 17 тыс. крестьян владели от половины до полного надела, 3957 — четвертью надела и 13 тыс. человек являлись кайжарами, имевшими только дом и приусадебный участок. Крайна и Штирия были областями мелкого и мельчайшего крестьянского землевладения. Так, в Крайне 13 664 землевладельца имели от полного до половины надела, 14 477 — от половины до одной восьмой, а 43 911 — от одной восьмой и меньше. В Нижней Штирии от половины до полного надела владело 12 761 человек, а от четверти надела и меньше — 56 949 человек [3].

Безземельные и малоземельные крестьяне вынуждены были дополнительно заниматься подсобными промыслами: ремеслом, торговлей, извозом. В первой половине XIX в. треть всех жителей Крайны занималась ремеслом [4], в то время как в городах проживало всего 4% ее населения [5].

Расцвет сельского ремесла приходится на конец XVIII — первую половину XIX в., когда были в значительной степени ликвидированы привилегии цехов и допущена свобода ремесла и торговли. Фабричная индустрия находилась еще в зародыше и не могла препятствовать развитию мелкого производства. Сельские ремесленники ткали льняное полотно, грубые сукна, изготовляли различную деревянную посуду, изделия из конского волоса, занимались выделкой кож и т. д. Свободное от цеховых пут деревенское ремесло явилось важной базой развития капиталистического производства, прежде всего системы авансирования и рассеянной мануфактуры. Таким образом в словенской деревне к середине XIX в. возник значительный слой населения, занимавшегося одновременно и сельским хозяйством и ремеслом. Наряду с этим часть владельцев мельчайших участков земли интенсивно занималась отхожими промыслами, по существу представляя собой тип рабочих с наделом.

До 1848 г. крестьянство выступало как единая сила в борьбе против феодалов. Крестьянство, являясь основным хранителем

inslav

словенского языка и словенских обычаев, вместе с тем в конце XVIII — первой половине XIX в. оставалось равнодушным к национальному вопросу. Главной причиной этого было то, что деятели национального движения не связывали национальные требования с требованием отмены феодальных повинностей. Однако при всем этом крестьянство оставалось главной базой словенского национального движения. И не только потому, что многие словенские национальные деятели были выходцами из его среды, но и потому, что из всех сословий оно сохранило этнические особенности наиболее полно.

После отмены феодальных повинностей развитие капиталистических отношений в деревне пошло ускоренными темпами. Крестьяне должны были уплатить помещикам огромные суммы в качестве выкупа, достигавшие на территории словенцев 20 млн. гульденов. Помимо этого они платили налоги государству, администрации провинции и т. д. Государственные налоги в словенских землях были выше, чем в других частях монархии. Так, накануне 1848 г. в Крайне подушный налог равнялся 5,35 гульденов, в Чехии — 4,53 гульдена, а в Галиции — 2,41 гульден[6]. Такое положение сохранялось вплоть до середины 70-х годов[7]. В то же время промышленный переворот, строительство железных дорог, уничтожив крестьянские промыслы, лишили сельское население дополнительных доходов. В результате они все чаще вынуждены были обращаться к ростовщикам. С 1858 по 1881 г. крестьянская задолженность в Крайне и Каринтии увеличилась в 2, а в Штирии — в 2,5 раза[8]. В 1868 г. был издан закон, допускавший свободный раздел крестьянских наделов. Все это ускорило классовую дифференциацию словенской деревни, образование в ней немногочисленной зажиточной верхушки и массы пролетарского и полупролетарского населения. Начавшийся в 1873 г. аграрный кризис, захвативший и словенские земли, довершил массовое разорение крестьян. В Крайне в 1868—1893 гг. было продано 10 190 из 78 000 наделов[9]. Тысячи разорившихся крестьян вынуждены были эмигрировать за границу.

После 1848 г. интересы различных прослоек крестьян начали все более расходиться. Так, богачи выступали за раздел общинных угодий соответственно величине надела, бедняки — против раздела или за раздел по душам; сельские богачи выступали против ограничения ссудного процента, а бедняки — за его ограничение и т. д.

Но были вопросы, вызывавшие одинаковую реакцию всех слоев крестьянства: о снижении налогов, о праве пользования помещичьими лесами и др.

Недовольство крестьян росло. Главными виновниками его являлось австрийское государство, облагавшее крестьян непосильными налогами, помещики, отнявшие у них угодья и получавшие с них непомерные выкупные платежи, немецкая буржуазия, богатевшая на эксплуатации их труда.

Поэтому в 60-х — начале 70-х годов крестьянство начало проявлять интерес к национальному вопросу. Зажиточные его слои

inslav

надеялись с помощью национальной борьбы отвоевать позиции у более сильной немецкой буржуазии, средние крестьяне и беднота — улучшить свое материальное положение. Сельская буржуазия большею частью поддерживала словенских либералов. В массах среднего и мелкого крестьянства со второй половины 80-х годов усилилось влияние клерикалов, демагогически выступавших за улучшение их экономического положения.

Во второй половине XVIII в. в недрах старого феодального строя начинают формироваться новые классы будущего буржуазного общества — буржуазия и пролетариат. Буржуазия в словенских землях сначала складывалась из представителей немецкой и итальянской народностей. Это были выходцы из дворян или из высших городских кругов.

Национальная словенская буржуазия возникла позднее и развивалась прежде всего как сельская, связанная не столько с промышленностью, сколько с торговлей, растовщичеством, откупами налогов, землевладением. Начало формирования класса словенской буржуазии следует отнести к концу XVIII в., когда некоторые из наиболее удачливых крестьян, занимаясь скупкой сельскохозяйственных продуктов и изделий ремесла, торговали ими в городе или даже в других землях, накапливали капитал, заводили дело в городах. Такой путь, например, прошли семьи известных деятелей национального движения Янеза Блейвейса и Петра Козлера. Вплоть до 40-х годов словенские буржуа не вкладывали свои капиталы в промышленность. Это объяснялось, во-первых, господством в промышленности более сильного немецкого капитала, а во-вторых — расположением словенских земель на транзитных путях из германских и австрийских земель в Италию, что делало занятие торговлей особенно выгодным*. Не случайно наиболее богатые словенские капиталисты жили в Триесте, важнейшем торговом центре на юге Австрийской монархии. На торговле, ростовщичестве, откупах разбогатели немногие представители крупной словенской буржуазии: Калистеры, Горупы, Хочевары, Терпинцы. Оформление словенской буржуазии как класса произошло уже к революции 1848 г., когда она, хотя и неуверенно, но все же выступила со своими требованиями.

То, что до середины XIX в. словенская буржуазия была связана с наиболее отсталыми формами капитала, а именно с ростовщичеством и торговлей, то, что некоторые ее представители владели поместьями (например, Горупы, Козлеры, Калистеры), обусловило ее консервативный характер, нерешительность в борьбе с феодализмом.

В то время как в деревне словенская национальная буржуазия развивалась уже со второй половины XVIII в., консолидация ее в городе задерживалась. Подавляющее большинство горожан составляла мелкая буржуазия: торговцы, ремесленники. Будучи в основном по происхождению словенцами, они не имели еще национального самосознания и часто при общении пользовались немецким или итальянским языками.

inslav

Формирование словенской промышленной буржуазии шло медленно, поскольку все ведущие отрасли промышленности (горная, металлургическая, текстильная и др.) находились в руках экономически более сильной немецкой и итальянской буржуазии. С конца XVIII в. главнейшими источниками накопления словенского капитала являлись торговля, откуп государственных налогов, ростовщичество. Только во второй половине XIX в. словенские торговцы начали более активно вкладывать капиталы в промышленность (например, Терпинцы, Козлеры). Однако до конца XIX столетия словенская промышленная буржуазия оставалась немногочисленной и слабой. Она была тесно связана деловыми узами с местной немецкой буржуазией. Так, в Воденское общество, владевшее угольными шахтами в Трбовлье наряду со словенскими предпринимателями Козлерами, Прашникаром, Полаем входили и немецкие промышленники из Любляны: Баумгартнер, Паммер и др. Столь же смешанным в национальном отношении было и Краинское строительное общество, организованное люблянцами в 1873 г.

В последней трети XIX в. в словенских землях явственно ощущается наступление немецкого капитала из немецких провинций Австро-Венгрии. Оно обусловливалось дорогостоящей модернизацией местной промышленности. Местный кредит был ничтожен. Краинская сберегательная касса, организованная в 1820 г., не могла соперничать с банками из Вены и Граца. Попытка словенской буржуазии создать в начале 70-х годов свой банк окончилась неудачей. Все это способствовало проникновению в словенскую промышленность немецкого капитала из других провинций Австрийской монархии и захвату им решающих позиций [10]. В 70-е годы для мобилизации словенских капиталов при активной поддержке буржуазии по всей Словении стали создаваться сберегательные кассы. В 1894 г. их уже насчитывалось 81 [11].

Словенская буржуазия была заинтересована в проведении буржуазно-демократических преобразований. Экспансия немецкого капитала подогревала национальные чувства словенской буржуазии. Она стала важным фактором национального движения уже в 30—40-е годы XIX в., связывая борьбу за права словенской национальности с борьбой против мешавшего ее развитию засилья немецкого капитала. Но революционной силой она не стала ни до 1848 г., ни после.

Рост крупной индустрии нанес решающий удар мелкому производству в городах. Его упадку способствовала и политика австрийских властей: в 1859 г. были упразднены цехи. Процесс разорения мелких производителей в городах изменил их политическую ориентацию. Если раньше их главным конкурентом выступали деревенские ремесленники, то теперь у них появился гораздо более сильный противник — крупная буржуазия из немецких земель Австрии. В борьбе против немецкого капитала, подрывавшего основы их существования, городские ремесленники и торговцы стали втягиваться в словенское национальное движение. Эта группа

inslav

городского населения, имевшая в городах значительный вес, была консервативной, поскольку стояла за сохранение мелкой промышленности и остатков цеховой системы. Она укрепляла консервативное крыло движения. С 50-х годов XIX в. наряду с крестьянством и словенской средней буржуазией можно говорить о мелкой буржуазии, как о базе словенского национального движения.

Положение словенской буржуазии было не одинаковым не только в разных провинциях, но даже в пределах одной и той же провинции. Экономические связи между немецкой и словенской частями в Каринтии были более тесными, чем между Словенской Каринтией и остальными словенскими землями. В этой провинции южная, словенская часть была экономически значительно слабее, чем северная, немецкая. Городская промышленность в Южной Каринтии росла медленно, приток словенского населения из сельской округи в города был незначителен. Поэтому южнокаринтийские города сохраняли немецкий облик на протяжении всего XIX в. В Южной Каринтии имелись крупные помещичьи имения, феодальные пережитки сохранялись дольше и дифференциация крестьян была слабее, чем в Северной. При немецком составе населения городов, слабом развитии капитализма в деревне — словенская буржуазия в Каринтии так и не сформировалась в сколько-нибудь существенную социальную силу.

В Штирии, как и в Каринтии, северная, немецкая часть была промышленной, с развитым сельским хозяйством, южная же, словенская, носила преимущественно аграрный характер. В Южной Штирии была самая продолжительная в словенских землях барщина, и вплоть до 1848 г. сохранялся патримониальный суд. Соотношение между немецкой и словенской частями Штирии было таким же, как и в Каринтии, но в Штирии были поиному расположены направления торговых путей. Через словенскую часть Штирии проходил важный торговый путь, по которому зерно и скот Венгрии и Хорватии направлялся в Крайну, Приморье и Триест. В Крайне и Хорватии имели сбыт дешевые штирийские виноградные вина. Вследствие этого штирийские словенцы были заинтересованы в укреплении экономических связей со своими югославянскими соседями. И это создавало почву для роста словенского самосознания, активизации национальной деятельности. В словенской Штирии выросло несколько промышленных центров (Марибор, Целье и др.), частично поглощавших избыточное сельское население. Это, с одной стороны, способствовало уменьшению отлива словенского населения на немецкий промышленный север, а с другой — словенизации населения ряда прежде онемеченных городов. В южноштирийских городах словенское население было значительно многочисленнее, чем в южнокаринтийских (хотя в магистратах Южной Штирии на протяжении всего XIX в. господствовали немцы). Таким образом создались предпосылки для возникновения в Штирии словенской городской буржуазии — момент, существенно отличавший Штирию от Каринтии.

inslav

Крайна, находившаяся в центре словенских земель, с точки зрения национальных интересов, оказалась в лучшем экономическом положении, чем Каринтия и Штирия. В ее городах — Любляне, Тржиче, Кране и других — в XIX в. достаточно интенсивно развивались промышленность и торговля. Туда шел непрерывный приток разорявшегося сельского населения: города утрачивали свой немецкий облик и уже во второй половине XIX в. стали в основном словенскими по своему национальному составу. К концу XIX в. в Крайне имелась словенская буржуазия как в городе, так и в деревне.

В Приморье население городов (Горицы, Триеста и др.) на протяжении всего XIX в. оставалось по преимуществу итальянским. Но в сельских районах Приморья преобладали словенцы. Словенская буржуазия Приморья, значительно уступавшая по богатству и влиянию итальянской буржуазии Горицы и Триеста, являлась самой богатой в словенских землях. Росту ее богатства способствовало географическое положение Приморья, через которое шла морская торговля Австрийской империи. Приморская буржуазия, как словенская, так и итальянская, была заинтересована в тесных экономических связях с северными районами и прежде всего с ближайшими к Приморью словенскими землями.

Венецианская Словения и Прекомурье являлись небольшими, по преимуществу крестьянскими областями. Прекомурье было экономически связано с Венгрией и со словенской Штирией. Венецианская Словения находилась под властью Австрии только в период 1797—1866 гг. Во время референдума 1866 г. население Венецианской Словении проголосовало за присоединение к Италии. Это объяснялось ее прочными и долговременными связями с итальянскими областями.

Словенская буржуазия стала ведущей, наиболее активной силой в словенском национальном движении. И там, где она была сильнее (например, в Горице, Крайне, отчасти Штирии), национальное движение было более активным; там же, где национальной буржуазии не удалось консолидироваться (Каринтия, Венецианская Словения, отчасти Прекомурье), оно было более слабым.

Вместе со словенской буржуазией формировался словенский рабочий класс. О словенских рабочих имеются сведения уже с XVI в. В XVIII — первой половине XIX в. наряду с горными предприятиями труд наемных рабочих стал применяться на текстильных, бумажных, стекольных и прочих мануфактурах. В сельском хозяйстве также более широко начал употребляться труд малоземельных и безземельных крестьян. В наемных рабочих превратились практически и цеховые подмастерья и ученики, ибо выбиться в мастера их подавляющему большинству стало невозможно уже с конца XVII в.

Однако эти рабочие в большинстве случаев были еще связаны с собственным мелким хозяйством: многие горняки, рабочие мануфактур, некоторые подмастерья владели крохотными земельными участками. Что касается сельскохозяйственных рабочих, то

inslav

многие из них имели дома или даже усадьбы в деревне и зимой занимались самостоятельно ремеслом и торговлей — работа по найму не была для них единственным источником дохода.

Положение рабочих в конце XVIII — первой половине XIX в. было очень тяжелым. Рабочий день продолжался 12—14 часов, на предприятиях широко использовался детский и женский труд, заработная плата была низкой. Все это ставило для рабочих на первый план борьбу за улучшение своего положения. Однако, будучи связанным с сельским хозяйством, большинство из них еще не осознавало своих специфических пролетарских интересов, их социальная борьба часто сливалась с антифеодальной борьбой крестьян. Так, многие горняки, особенно в Каринтии, участвовали в движении роковнячей (разбойников). В некоторых старых промышленных центрах, например, в Идрии, существовали традиции пролетарской борьбы, имелось много потомственных рабочих. Однако таких центров в словенских землях было немного.

К национальному движению основная масса словенских рабочих оставалась равнодушной. Они были безразличны к национальным требованиям, осуществление которых никак бы не влияло на улучшение их материального положения.

Революция 1848 г., уничтожившая феодальные отношения, и промышленный переворот, начавшийся в словенских землях в 30-х годах, сыграли важную роль в процессе превращения словенских рабочих в пролетариат. Он формировался прежде всего в крупных промышленных центрах. Наиболее значительными из них являлись Триест, Идрия, Засавский угольный бассейн, Любляна, Марибор. В начале 60-х годов в Любляне было более 2 тыс. рабочих, составлявших 1/10 ее населения [12], в Загорском бассейне число рабочих достигло 774 человек (1872 г.) [13]. Однако среди словенских сельскохозяйственных рабочих по-прежнему была значительна прослойка с наделом. Так, имелось много кочаров (почти столько же, сколько и самостоятельных сельских хозяев), которые около 40% времени трудились на своих участках. Кроме того, некоторые сельскохозяйственные рабочие получали в качестве оплаты дом и участок земли. Таковы были виничары, работавшие на виноградниках и нередко сами нанимавшие себе поднаемников — офров, майеры и хуберы, занятые на лесоразработках.

Во второй половине XIX в. численность рабочих неуклонно росла, достигнув к 90-м годам 45—50 тыс. человек [14].

Процесс консолидации пролетариата в класс был в основном завершен к началу 70-х годов. Признаком этого явилось выделение в это время рабочего движения из общедемократического, появление в словенских землях первых классовых организаций рабочих. Однако в 60—70-х годах подавляющее большинство словенских рабочих, принимавших участие в национальном движении, шло за либеральной буржуазией.

В 80—90-х годах рабочий класс Словении уже выступает как самостоятельная сила. Проводятся первые стачки, собрания и митинги, распространяются листовки. В Любляне и Триесте появля-

inslav

ются первые социал-демократические кружки, в которых особую популярность приобретают радикальные течения социал-демократии. Рабочее движение Словении развивалось в тесной связи с общеавстрийским движением. Уже в 1868 г. по примеру Венского союза рабочих возник первый в Штирии рабочий союз. Большой толчок развитию социалистического движения дали Хайнфельдский съезд и образование Социал-демократической партии Австрии в 1889 г. В 1896 г. была образована Югославянская социал-демократическая партия, большую часть которой составляли словенские рабочие. Рабочие организации всего Подравья вошли в состав социал-демократической организации Нижней Австрии, в отличие от рабочих организаций Целье, которые примкнули к Югославянской социал-демократической партии. Но и в 80—90-е годы многие словенские рабочие, особенно сельскохозяйственные, еще находились под политическим влиянием словенской буржуазии, клерикальной и либеральной.

Выразителем национальных стремлений словенцев выступила словенская интеллигенция. Вплоть до конца XVIII в. светской словенской интеллигенции практически не существовало. Она первоначально формировалась чаще всего из представителей господствующего класса или городских верхов, которые в то время в словенских землях были или немецкими по происхождению, или в значительной степени онемеченными. Те представители светской интеллигенции, которые происходили из словенцев, обучаясь в немецких и итальянских университетах, попадали под влияние развитой немецкой или итальянской культуры и в подавляющем большинстве германизировались или итальянизировались. Только в самом конце XVIII в. появляются первые представители светской словенской интеллигенции. К их числу принадлежал историк и драматург Антон Линхарт, один из образованнейших людей того времени в словенских землях, барон Сигизмунд Цойс и ряд других. Вплоть до 30-х годов XIX в. светских интеллигентов, сознававших себя словенцами, насчитывались единицы.

В 30—40-х годах XIX в. в связи со словенизацией городов увеличилась и прослойка словенской светской интеллигенции. Это усилило демократическую струю в национальном движении.

В 1848 г. словенская светская интеллигенция была уже достаточно многочисленна, особенно в городах Вене и Граце, где учились студенты из словенских земель. Некоторые из них осознавали себя словенцами, активно выступали за права своего народа.

Положение духовенства, особенно низшего и отчасти среднего, было несколько иным. Многие священники происходили из крестьян. Зажиточные крестьяне если и отдавали своих сыновей учиться, то по преимуществу в духовные семинарии. Иметь сына-священника считалось не только почетным, но и выгодным, ибо после его смерти все имущество обычно доставалось родственникам. Выходцам из бедных сельских семей легче было получить духовное образование, чем светское. Иезуитский орден, например, посылал

inslav

своих воспитанников на учебу в духовные семинарии за свой счет. Нередко настоятели сельских приходов, в большинстве своем исполнявшие одновременно и обязанности учителей, посылали в семинарии за свой счет наиболее одаренных из крестьянских ребят с условием, что те после учебы примут сан священника. Так получил образование, в частности, видный словенский просветитель Матия Маяр [15].

Многие священники жили в селах и помимо своих прямых обязанностей занимались крестьянским трудом. Постоянно общаясь с крестьянами, сельские духовники понимали, что могут влиять на них только пользуясь в проповедях словенским языком. Они сильнее, чем представители светской интеллигенции, чувствовали потребность иметь книги на словенском языке. Именно поэтому первые словенские просветители вышли из среды духовенства. Из-за неразвитости социальной структуры словенского населения они долгое время играли роль идеологов национального движения. Особенно это относится к янсенистам. Янсенизм являлся одним из течений католицизма, поддерживавшим политику Иосифа II и выступавшим за реформы католической церкви. Янсенисты в конце XVIII в. немало сделали для развития словенской литературы. Но уже в 20—30-х годах XIX в. они стали тормозить его, активно выступая против любой попытки внести в словенскую литературу светские мотивы [16]. И позднее, большинство патриотически настроенных священников, способствуя пробуждению национального самосознания словенцев, участвуя в формировании словенской культуры, препятствовало развитию демократических тенденций в национальном движении, культивировало отсталую идеологию. Отрицательное влияние духовенства на национальное движение ощущалось чем дальше, тем больше. Уже накануне революции 1848 г. консерваторы-католики выдвинули лозунг «Все для императора, веры и национальности». Борьба за национальные права связывалась ими с самыми реакционными институтами Австрии — монархией и католической церковью.

Во второй половине XIX в. слой светской словенской интеллигенции значительно возрос численно. Развитие капитализма требовало образованных людей. Нужны были технические специалисты, врачи, учителя, юристы и т. д. Светская интеллигенция комплектовалась за счет выходцев из буржуазной, городской мелкобуржуазной и крестьянской среды. Все больше и больше ее представителей осознавали себя словенцами, активно включались в национальное движение. Духовенство вынуждено было несколько отступить. Но оно продолжало сохранять довольно сильные позиции. Являясь в большинстве своем реакционным по политическим убеждениям, духовенство составляло в нем опору консервативной группировки. Однако некоторые его представители, вышедшие из крестьян и мелкой городской буржуазии, по многим политическим и экономическим вопросам солидаризировались со словенскими либералами. Число этих так называемых либеральных католиков в 50—70-е XIX в. было довольно значительным.

inslav

Усиление политической активности словенского духовенства связано с именами лавантинского епископа Антона Сломшека и особенно Луки Ерана, редактора реакционной «Загодней Даницы». Еран считал главным признаком словенского народа католическую религию, а словенский язык — опорой сохранения веры и укрепления политической благонадежности словенцев[17]. Но вплоть до конца 60-х годов Еран и его сторонники не имели большого влияния среди консерваторов. В 1867 г. словенские консерваторы выступили за сохранение конкордата Австрии с Ватиканом, объявив решительную войну либералам. Вскоре возникли и первые католические политические организации в словенских землях: в 1868—1869 гг.— католическое общество Крайны, в 1869 г.— католические общества в Каринтии, Штирии, Триесте, в 1870 г.— католическое общество в Горице, объединявшие в своих рядах наряду со словенцами немцев и итальянцев. Отмеченные автором явления были отражением изменения положения католицизма в Австрии в целом. Конкордат, подписанный габсбургской династией в 1855 г., значительно упрочил позиции католической церкви и Ватикана в империи. Однако после заключения австро-венгерского Соглашения 1867 г. Австрия, подобно Германии, пережила свой период «культуркампфа», характеризовавшийся буржуазными преобразованиями вообще и либеральными реформами. Австрийское правительство в 1870 г. официально расторгло конкордат, воспользовавшись в качестве предлога провозглашением догмы о непогрешимости папы. Упомянутая в статье политическая деятельность консервативных католиков Словении являлась частью клерикальной реакции, развернувшейся в связи с этими событиями по всей Австрии. В 80-е годы духовным вождем клерикалов в словенских землях стал ярый фанатик, профессор богословия Горицкой семинарии Антон Махнич. Под влиянием Махнича и его сторонников клерикализация консервативного крыла словенского национального движения пошла ускоренными темпами. Церковные власти запрещали духовенству читать либеральную прессу, голосовать за либералов. В 80—90-е годы среди священников почти полностью исчезли лица, придерживающиеся либеральных взглядов. В 1892 г. клерикалы создали Католическую национальную партию, сыгравшую зловещую роль в дальнейшей судьбе словенского народа.

В 60—90-е годы духовенство уже не составляло большинства словенской интеллигенции. Светская интеллигенция окрепла. В ее рядах имелось много юристов, врачей. Большая часть светской интеллигенции примыкала к либеральному крылу национального движения, некоторые поддерживали клерикалов. Только единицы, сочувствуя трудящимся, перешли на сторону рабочего класса, включившись в социал-демократическое движение.

К концу XIX в. словенское общество по своей классовой структуре являлось капиталистическим. В нем, однако, еще сохранялись остатки социальных слоев, связанных с феодальной формацией.

Сложность социальной структуры усугублялось напряженностью межнациональных отношений, что создавало в словенских

inslav

землях запутанный клубок классовых и национальных противоречий.

[1] Gospodarska in družbena zgodovina slovencev. Ljubljana, 1970, zv. 1, s. 102, 103.
[2] *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca osemnajstega stoletja do 1918. Ljubljana, 1966, s. 168.
[3] *Grafenauer B.* Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1961, zv. V, s. 169.
[4] *Mal J.* Zgodovina slovenskega naroda. Celje, 1928, s. 113.
[5] *Grafenauer B.* Op. cit., zv. V, s. 154.
[6] *Apih J.* Slovenci in leto 1848. Ljubljana, 1888, s. 9.
[7] *Gestrin F., Melik V.* Op. cit., s. 165.
[8] *Vošnjak J.* Socialni problem in kmetski stan.— Letopis Matice slovenske. Ljubljana, 1885, s. 18.
[9] *Gestrin F., Melik V.* Op. cit., s. 167.
[10] *Чуркина И. В.* Развитие капитализма в словенской промышленности.— УЗИС. М., 1966, с. XXX, с. 71.
[11] *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zdodovina. Ljubljana, 1966, s. 162.
[12] *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina, s. 164.
[13] *Orožen J.* Zgodovina Trbovelj, Hrastnika in Dola. Trbovlje, 1958, s. 325.
[14] *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina, s. 164.
[15] *Čurkina I.* Matija Majar-Ziljiski. Ljubljana, 1977, s. 9.
[16] *Legiša L., Slodnjak A.* Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, zv. II, 1959, s. 9.
[17] *Zwitter F.* Narodnost in politika pri slovencih.— Zgodovinski časopis, 1947, N 1, s. 39.
[18] *Melik V.* Slovenska politika ob začetku dualizma.— Zgodovinski časopis, 1968, N 1—2, s. 42—43, 45.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ ВОЕВОДИНЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В. И. Фрейдзон (СССР)

Территория современного Автономного края Воеводины (Социалистическая Республика Сербия, СФРЮ) с центром в г. Нови-Сад, объединившая большую часть исторических областей Бачки, Баната и Срема, в конце XVIII – начале XX в. находилась под властью Австрийской империи (с 1867 – Австро-Венгрии) и входила в состав Венгерского королевства (комитаты Бач-Бодрог и Торонтал), его автономной части – Хорватии и Славонии (комитат Срем), а также Военной границы [1].

Неофициальное тогда название «Воеводина» распространилось в связи с тем, что, получив императорские «привилегии» (основание им было положено в 1690 г.) – право созывать народно-церковные соборы, избирать митрополита, ведать церковным имуществом, создавать свои школы [2], сербы стали добиваться выполнения обещаний правительства об организации особой административно-политической единицы национально-сербского характера во главе с «воеводой». Однако в составе габсбургской монархии Воеводина так и не была создана. Правда, в 1849—1860 гг. с целью ослабления Венгрии власти отделили от нее южные районы королевства

inslav

и назвали эту провинцию с центром в Темешваре (Тимишоара) «Воеводина Сербия и Тамишский Банат». В ее состав вошли Бачка, Банат, Бараня и Срем. Здесь — в значительной мере чересполосно и совместно — проживало сербское, румынское, немецкое и венгерское население, а также хорваты, словаки и другие, причем ни одна национальность не составляла большинства. Вена укомплектовала местное чиновничество преимущественно из сербов и временно допустила сербский язык в местные учреждения. Однако во главе администрации находились австронемецкие генералы, а о какой-либо автономии в составе абсолютистского государства не могло быть и речи. Сербские буржуазные круги мечтали превратить эту провинцию в автономную область, поэтому ликвидация «Воеводины» в 1860 г. была встречена сербским обществом с негодованием [3].

С последних десятилетий XVIII до 70-х годов XIX в. территория Воеводины с точки зрения социальной структуры подразделялась на две крупные части. Гражданская часть (Провинциал, паория) представляла собой район крупных и средних поместий (феодальных до 1848 г.). Помещиками в основном были мадьяры; имелось немало крупных землевладельцев австронемецкого происхождения; небольшое число средних помещиков — сербов в основном мадьяризовалось. По своему происхождению и положению крупное землевладение было неодинаковым. Имелись огромные имения аристократии, приобретенные у казны в XVIII в. [4], после того, как область, прилегающая к нижней Тисе и Дунаю, была присоединена к монархии; поместья, купленные в течение XVIII — первой половины XIX в. торговцами главным образом сербского происхождения (их владельцы стали дворянами); богатые поместья принадлежали монастырям (в особенности в Среме), католической и православной церкви (Загребское архиепископство, сербская патриархия), большая территория в XIX — начале XX в. оставалась в собственности казны (эрар), — преимущественно в Банате [5].

Другую обширную и своеобразную в социальном отношении область составляла Военная граница — полоса, тянувшаяся вдоль южного рубежа Австрийской империи. В государственно-правовом отношении (формально) так называемая Банатско-сербская граница являлась частью Венгрии, но в действительности она была изъята из компетенции венгерского наместничества и подчинялась имперским военным властям (гофкригсрату, позднее — военному министерству). Она подразделялась на полковые округа и территорию Шайкашского батальона — военной флотилии (от «шайка» — длинная лодка, оснащенная артиллерией). Прилегающий к сремскому Провинциалу округ Петроварадинского полка являлся частью Хорвато-славонской Военной границы (временно, в 50-х годах XIX в., входил в состав Банатской границы). Граничары составляли территориальные войска и жили военными поселениями, они были обязаны содержать себя в мирное время. По закону 1807 г. граничары считались «военными ленниками» императора

inslav

и владели землей на условиях всеобщей воинской повинности. Местная администрация состояла из унтер-офицеров и офицеров (в основном сербов и хорватов; среди высших офицеров имелось много немцев). На Военной границе не было помещиков, однако военнообязанные крестьяне — граничары эксплуатировались феодальным государством и офицерами, нередко чинившими произвол. Граничары подвергались телесным наказаниям. Наряду с охраной внутреннего порядка и границы с Османской империей, налогами, дорожной, подводной, строительной повинностями граничары выполняли разные незаконные работы на господ офицеров, от которых зависели свобода, честь семьи, а нередко и жизнь граничара. Власти искусственно консервировали граничарскую большую семью (задругу), так как последняя была в состоянии содержать солдат и инвалидов. Заниматься ремеслом, уходить на заработки, брать деньги в долг граничар мог только с разрешения властей. Приобретение земли офицерами и горожанами было ограничено законом. Этот режим имел военно-феодальный характер.

Одно или несколько сел составляли ротную общину. Общинные леса и пастбища находились в общем пользовании, но фактически ими ведали офицеры. Обширными угодьями (пастбища, пустоши, в Среме также леса) распоряжалась казна, и использование их населением все более ограничивалось [6].

Меры властей, направленные на «замораживание» социальной структуры Военной границы, поставлявшей императору дешевое войско, тормозили ее экономическое развитие, но не могли предохранить граничар от имущественного расслоения, пауперизации, закабаления ростовщиками. До середины XIX в. граничары не ставили вопроса о ликвидации военной системы, добиваясь лишь смягчения режима, облегчения тягот.

Кроме указанных двух основных частей имелся округ с преимущественно сербским населением — Великокиндский дистрикт, созданный в Банате в XVIII в. на месте части Военной границы [7]. В этом округе с центром в Великой Кикинде было организовано самоуправление (магистрат), оказавшееся в руках наиболее богатых торговцев и чиновников и подконтрольное управлению казенных имуществ (камера) в Темешваре. Местные власти распоряжались имуществом дистрикта, в том числе угодьями, имели право сбора налогов, свой суд и были обязаны вносить в казну определенную сумму в счет налога. Земля дистрикта и его капиталы расхищались правящей верхушкой и связанными с ней представителями венгерского дворянства [8]. Хотя класса помещиков-феодалов здесь не было, фактически в дистрикте создался эксплуататорский слой средних и крупных землевладельцев. Конфликты из-за земли между казной, магистратом и жителями, между богачами и беднотой тянулись до ликвидации дистрикта (1876 г.), а отношения собственности не были урегулированы и в начале XX в.

На территории Провинциала были расположены «свободные королевские города» (Нови-Сад, Суботица, Вршац и др.), с изби-

inslav

раемым магистратом. Они имели право устройства ярмарок и базаров. Город до 1848 г. являлся коллективным феодальным землевладельцем. Ряд населенных пунктов имел статус «торга» (трговиште), т. е. также располагал правом устройства рынка (в частности, торгом была упомянутая Велика-Кикинда). Характернейшей особенностью населенных пунктов городского типа был их аграрный характер. В них проживало много помещиков. Большинство населения было занято в сельском хозяйстве — владельцы или арендаторы земли, наемные работники. Города были центрами ремесла и мануфактур, однако доля населения, занятая в них, не только в первой, но и во второй половине XIX в. была невелика [9]. На Военной границе города назывались «военными коммунитетами» и подчинялись военной администрации. Здесь население занималось ремеслом и торговлей, а в отношении военной службы — находилось на обычном положении австрийских подданных (т. е. подвергалось рекрутским наборам) [10].

Экономическое развитие Воеводины с XVIII в диктовалось общими условиями Венгерского королевства. Уже тогда Габсбурги осуществляли политику покровительства промышленному развитию западных областей государства и превращения Востока в их аграрно-сырьевую базу и рынок сбыта. Воеводина, ввиду исключительно благоприятных условий для земледелия и отсутствия значительных полезных ископаемых, уже при феодализме превратилась в район товарного зернового хозяйства. Этому способствовали мелиорация и систематическое расширение площади пахотных земель.

С последних десятилетий XVIII в., но особенно после наполеоновских войн, феодальный строй в Воеводине находился в состоянии углублявшегося кризиса. В этом отношении Воеводина существенно не отличалась от всего Венгерского королевства (мы отсылаем читателя к соответствующей статье в данной книге). Как и во всей Венгрии, местные помещики искали выход в усилении феодальной эксплуатации крестьянства, захвате общинных земель и т. д. Наступление помещиков облегчалось тем, что, как и в Венгрии вообще, бо́льшая часть крестьянства не имела зафиксированного в австрийских законах права на землю (неурбариальные крестьяне составляли до 60% крестьянства Венгрии). Вместе с тем, особенно во второй четверти XIX в., либеральная часть дворянства мечтала об интенсификации хозяйства, расширении рынка, облегчении сбыта. Подталкиваемая классовой борьбой крестьянства, она ставила вопрос об устранении феодального строя. В дворянской землевладельческой среде нарастала оппозиция экономической политике Габсбургов, зрели революционные настроения.

В XVIII — первой половине XIX в. оптовая торговля хлебом и скотом позволила сербскому купечеству Воеводины стать значительной социальной силой. Торговая буржуазия оказывала растущее влияние на общественную жизнь сербов и успешно ассимилировала переселявшихся в Южную Венгрию инонациональных

inslav

торговцев православного вероисповедания (греки, цинцары, армяне). В городах сформировалась относительно многочисленная сербская интеллигенция, связанная с автономными учреждениями православной церкви и купечеством. В первой половине XIX в. Воеводина превратилась в наиболее передовую в экономическом, социальном и культурном отношении сербскую область, несмотря на то, что с начала XIX в. существовало полусамостоятельное княжество Сербия.

Пока здесь не стали сказываться последствия промышленного переворота в наиболее развитых районах империи, в Воеводине еще сохраняло относительную устойчивость цеховое ремесло, развивалась мануфактура. В городах находились тысячи подмастерьев и мелких ремесленников, полуразоренных мелких крестьян. Эти слои подвергались жестокой феодальной и капиталистической эксплуатации, и накануне революции 1848 г. здесь скопилось немало «горючего материала». Положение в неаграрной сфере становилось все более напряженным в связи с усилившейся инонациональной капиталистической конкуренцией.

Во время революции 1848—1849 гг., важнейшим результатом которой была ликвидация основ феодализма, в многонациональной Воеводине выступили как демократические силы, не способные, впрочем, последовательно отстаивать свои интересы (городская беднота, массы крестьян и граничар), так и либералы (часть дворянства, буржуазия) и консерваторы (часть помещиков, церковная иерархия, граничарское офицерство) [11]. Национальный гнет был причиной того, что народные массы добивались своих социальных целей под лозунгами национального движения.

Уровень сербского общества сказался в преобладающем влиянии в Воеводине в 1848 г. идей и программ сохранения государства Габсбургов и его перестройки на началах буржуазной конституционности, автономии национальных областей и федерализма.

Поражение революции, восстановление габсбургского абсолютизма, в 50—60-х годах осуществлявшего буржуазные реформы, определили характер дальнейшей эволюции социальной структуры Воеводины.

В 1850 г. граничарские задруги были объявлены «собственниками» своих наделов, однако это было лишь формальной уступкой Габсбургов «духу времени», так как право «собственности», которой граничар к тому же не мог свободно распоряжаться, принадлежало задругам в целом и, как и раньше, было обусловлено военной службой их членов. В 60-х годах граничары стремились стать свободными людьми, получить гражданские и политические права.

Несмотря на сопротивление консервативных кругов, Военная граница была демилитаризована, а ее территория присоединена к комитатам Венгрии в 1871—1873 гг. (к Срему, находившемуся в составе Хорватии и Славонии,— в 1881 г.). Как отмечалось, в 70-х годах был расформирован и Великокикиндский дистрикт. Таким образом, административные образования, являвшиеся остатками

inslav

феодальной эпохи, продержались до 70-х годов XIX в. Это сказалось на национальной и социальной структуре местного населения.

Промышленный переворот в западных областях во второй и третьей четвертях XIX в. и господство австро-чешской индустрии на имперском рынке закрепили роль восточной части многонационального государства как аграрно-сырьевой базы империи. Подъем крупной промышленности в ряде районов Венгерского королевства после 1867 г. (Будапешт, Западная Словакия, район озера Балатон, Темешвар) в основном охватил пищевые отрасли, прежде всего мукомольную, затем металлургию и наконец (в конце XIX в.) текстильную и машиностроение.

Что касается Воеводины, то проведение железных дорог, соединявших ее с промышленными центрами империи и Западной Европой, и благоприятная хлебная конъюнктура в 50—60-х годах способствовали дальнейшему развитию ее сугубо аграрной экономики. Даже начавшееся в 1873 г. падение цен на хлеб (почти вдвое за полтора десятилетия) сказалось в Воеводине менее тяжело, чем в других районах, так как она поставляла на рынок пшеницу высших сортов [12]. Аграрный кризис, как и повсеместно, стимулировал развитие капитализма в земледелии.

Это направление экономического развития Воеводины предопределило характер местного промышленного производства (отсталость, специализация на обработке продуктов сельского хозяйства), социальную структуру городского населения, особенности занятий его трудящегося большинства, направленность предпринимательской деятельности буржуазии и т. п. А все это, в свою очередь, влияло на темп капиталистической эволюции земледелия (которая в основном шла, как и во всей Венгрии, по так называемому прусскому пути), на уровень и особенности капиталистических отношений в южных районах Венгерского королевства.

В литературе отмечалось, что капитализм в земледелии развивался раньше всего в крупнопомещичьем хозяйстве [13]. Росла буржуазная аренда, увеличивалось применение машин, внедрялись сортовые семена, технические культуры (сахарная свекла, конопля, лен, табак), химические удобрения, прогрессивный севооборот — все это преимущественно с 90-х годов XIX в. Имеются исследования, посвященные положению и борьбе сельскохозяйственных рабочих Воеводины,— социальному явлению, уникальному в югославянских землях (см. в первую очередь работы А. Лебла) [14]. Но до недавнего времени в историографии все же не было четкой общей характеристики социальных отношений в земледелии и роли остатков феодализма (и их воспроизводства) в формировании социального облика Воеводины в конце XIX в.

Ввиду классовой сущности тогдашнего государства крупное дворянское землевладение вплоть до краха монархии Габсбургов сохранило привилегированный характер. Так, уровень налога с единицы площади имений бывших титулованных феодалов подчас составлял 1/10 и меньше, чем у массы владельцев. Крупные помещики практически были свободны от общинных налогов, дости-

inslav

гавших для крестьян от 1/2 до 1 1/2 суммы налога государственного, а также от трудовой общинной повинности. Налоговая система являлась орудием эксплуатации и разорения масс, способствовала закабалению их ростовщиками.

Сегрегация (отделение) помещичьих имений от владений общин в 70—80-х годах означала очередную фазу экспроприации крестьянства, которое лишалось сервитутов. Хотя вызванные ею волнения крестьян были подавлены, конфликты и судебные процессы между помещиками и крестьянами тянулись десятилетиями и не завершились к 1914 г. Комасация (округление) имений, являвшаяся условием ведения рационального хозяйства и проводившаяся вплоть до мировой войны, также наносила крестьянскому хозяйству сильный вред, так как помещики добивались обмена худших участков на лучшие и чинили другие злоупотребления[15].

Одним из унаследованных от эпохи феодализма институтов являлась задруга — крестьянская большая семья. Товарно-денежные отношения приводили ее к распаду. В Провинциале либеральные законы, выгодные буржуазии и помещикам (в 60-х годах они испытывали нехватку рабочей силы), стимулировали раздел задруг. После демилитаризации Военной границы раздел был разрешен и здесь. Однако пролетаризация села (б. Граница в этом отношении отставала), обострение социальных конфликтов и стремление помещиков привязать крестьян к земле вызвали в 80-х годах попятное движение — закон, сдерживающий разделы. Но препятствия вели лишь к тому, что разделы осуществлялись тайно. В конце XIX в. основная часть задруг состояла из семей до 10 человек. Немногочисленные крупные задруги (40—50 человек) сохранились преимущественно в Среме, в районе б. Военной границы, где некоторые многоземельные задруги превращались в буржуазные хозяйства. Вообще на б. Военной границе, ввиду отсутствия помещиков, богатый крестьянин, буржуа-аграрий, ростовщик и чиновник к концу XIX в. стали «хозяевами» деревни.

Ликвидация унаследованной от феодализма системы землепользования с особой энергией осуществлялась — к выгоде помещиков — в условиях дуализма (после 1867 г.). Она в сущности являлась новым этапом насильственной, внеэкономической экспроприации крестьянства, т. е. проводилась методами так называемого первоначального накопления[16]. Сюда относится утверждение собственности казны на огромные площади пастбищ, пустошей и лесов уже в 1850 г., создание здесь в связи с демилитаризацией Военной границы в 1871 г. так называемых полковых «имущественных общин» (их владениями крестьянин практически почти не мог пользоваться)[17], принцип раздела земли сельских общин пропорционально размерам б. урбариальных наделов («исправный» крестьянин получал больше, а безземельный не получал ничего), тот же принцип, применявшийся при сегрегации имений (помещик, особенно крупный, получал целые массивы пастбищ, лугов и т. п.). При сегрегациях и разделах общин немало земли захватили чиновники. Экспроприацией земель и разными спекуляциями,

inslav

обогащавшими власть имущих, сопровождалось строительство железных дорог, дамб, каналов. Власти целеустремленно проводили политику немецкой (позднее — венгерской) колонизации, что способствовало насаждению в Воеводине буржуазного слоя [18].

Затянувшиеся на начало XX в. процессы ликвидации прежних отношений взаимозависимости помещичьего (казенного — на б. Военной Границе) и крестьянского хозяйств, а также сельской общины и задруги с ее коллективной собственностью членов, бесконечные споры и конфликты из-за земли между общинами или отдельными крестьянами и помещиками (например, из-за раскорчеванных и обрабатываемых крестьянами многие десятилетия участков, на которые они не имели формальных прав, а также из-за других земель) на б. Военной границе и в б. дистрикте конфликты между населением и казной [19], а в дистрикте также между богатой верхушкой и трудовой массой, далее — тяжбы в среде самих крестьян при разделах общинных угодий и имущества задруг, запутанность отношений собственности в общинах и задругах (часто формально существующих, но тайно разделенных) [20] — все это способствовало длительному сохранению неопределенности и нестабильности имущественных отношений.

Наконец характерной чертой периода «развязки» старых отношений во всей Венгрии было не только сохранение, но и вплоть до 1914 г. значительный рост площади земель, частично или полностью изъятых из торгового оборота — фидеикомиссов, казенных, церковных и др. [21]

Указанные факторы мешали прогрессу буржуазного хозяйства, а бедноте мешали окончательно порвать с деревней. Завершение разделов общинной земли обычно сопровождалось скупкой участков бедноты кулачеством, ускорением дифференциации крестьянства в 80—90-е годы XIX в.

Итак, ввиду способа, которым в монархии осуществлялась ликвидация феодальных остатков (с максимальным учетом интересов господствующих классов), становление капиталистической структуры деревни происходило с большим трудом. Все же, если сравнить этот процесс в Бачке, Банате и Среме с процессом в Хорватии, то на рубеже XIX—XX вв. в первом случае он зашел дальше, и условия, еще сплачивавшие все крестьянство против помещиков, в Хорватии сохранялись позднее, чем в Воеводине, где степень формирования сельскохозяйственного пролетариата была значительно выше. Тем не менее в целом многонациональное общество Воеводины и структура социальных отношений вплоть до первой мировой войны оставались пропитанными полуфеодальными остатками. Главную причину этого, очевидно, надо искать в аграрном характере экономики области — части помещичье-буржуазного государства.

Часть земель владельцы сдавали в аренду исполу. По мере усиления нехватки земли доля крестьянина-арендатора снижалась до 1/3 и даже 1/5. При этом арендатор должен был приносить «дары» (обычно домашнюю птицу) и отбывать «кулук» (барщину)

inslav

сверх договора. Сдача помещиками, а также казной, общинами, городами, церковью, земли в аренду капиталисту и обществам предпринимателей также не всегда означала полную победу капитализма в земледелии, так как система в разной мере полуфеодальных методов эксплуатации работника нередко сохранялась. Консервации полуфеодальных форм аренды способствовал характер аграрной реформы, последовавшей за революцией 1848 г. Как известно, в Венгрии не получили землю в собственность до 60% крестьян — все «неурбариальные» крестьяне, в том числе державшие участки на договорных началах (в Воеводине это относилось в особенности к районам виноградарства в Банате и Среме). Они должны были вернуть землю либо выкупить ее, многие же и в XX в. продолжали нести повинности как и до 1848 г.[22]

Крестьянин-бедняк, ищущий сезонную работу по всей Воеводине,— характерная фигура уже в 60-х годах XIX в., когда он еще обычно имел лошадь и, как сообщает современник, случалось, загонял ее во время поисков работы[23].

Рост массы полуразоренных крестьян (бедноты и полупролетариата, т. е. рабочих с наделом) и городских и сельских ремесленников в последние десятилетия XIX в. не привел к устранению некоторых полуфеодальных условий найма. Как и мелкий арендатор, работник часто был обязан приносить хозяину «дары» и работать на его земле сверх основного договора (кулук). По условиям найма, работник (рисар) получал так называемый рис — долю урожая либо поденную оплату в основном натурой (поденщик, сербск.— «надничар»). Не только «самостоятельный» крестьянин, но и полупролетарий — рисар не избавлялся от ростовщиков: нередко под страхом голода он продавал свой рис уже весной за полцены, случалось, землевладельцу, к которому нанимался. Ростовщики таким способом сколачивали огромные капиталы. Кулак, у которого беднота находилась в неоплатном долгу (проценты по долгу выплачивались только в случае хорошего урожая), заставлял работника наниматься на нищенских условиях. Повсеместно были распространены отработки. Это были подлинно кабальные отношения.

Значительным отрядом сельскохозяйственных работников были батраки (слуги) в имениях помещиков, и все чаще — у богатых крестьян. Их положение мало изменилось в сравнении с дореформенной эпохой (телесные наказания, запрет покидать усадьбу, неограниченный рабочий день). Одна из категорий батраков — бироши получали оплату натурой (хлеб, соль, топливо) и могла обрабатывать в свою пользу (своей лошадью) 2 ютра пахоты[24].

В конце XIX — начале XX в. сезонные работники проживали в помещичьих имениях. Их и без того трудное положение стало отчаянным в 90-х годах, когда безработица возросла, рис снижался, а помещики (в частности, чтобы меньше зависеть от «беспокойных» рабочих) стали шире применять машины, в том числе паровые двигатели. В этих условиях масса сезонных рабочих Воеводины проявила способность к организации. Стачки и волне-

inslav

ния жнецов, руководимых подпольными и полулегальными союзами, начавшиеся с конца 80-х годов, потрясли Воеводину в 1897 г. Вторая волна стачек и кровавых столкновений с жандармерией поднялась в 1906 г. Бастующие требовали повышения риса или устранения оплаты натурой, даров, кулука, устава о батраках,— т. е. феодальных остатков. Наряду с этим они добивались сокращения рабочего дня до 12 часов (на уборке урожая работали с 3-х часов утра до 10-ти часов вечера), гарантированной оплаты (в неурожайный год рисар получал плату, недостаточную для пропитания).

После стачек 1897 г. отношения найма в сельском хозяйстве Венгрии были «урегулированы» законом 1898 г. Идя на определенные уступки работникам, закон в то же время карал тюрьмой за самовольный уход от хозяина [25].

Наиболее примечательной чертой движения сельскохозяйственных рабочих Воеводины являлся так называемый аграрный социализм (кстати, вызывавший протест со стороны лидеров социал-демократической партии), т. е. выступления за раздел помещичьих имений и казенных пустошей (кое-где предпринимались попытки раздела, подавлявшиеся жандармерией) [26]. Это движение своеобразно свидетельствует о степени проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство и о наличии элементов отношений пережиточных; оно характерно для социальной структуры эксплуатируемой массы (см. примеч. 5). Устремления последней в социальной сфере в значительной, по-видимому, преобладающей степени были направлены на решение буржуазно-демократических задач, что присуще обществу, в котором капитализм в земледелии утвердился далеко не полностью. Работники еще мечтали упрочить свое положение как мелких хозяев. Сами помещики видели в частичной парцелляции имений, в особенности казенных и церковных владений, и «наделении» (за деньги) безземельных способ ослабить «аграрно-социалистическое» движение [27].

Л. Катуш, венгерский специалист в области социально-экономической истории, отмечает, что помещичьему землевладению Южной Венгрии и восточной Славонии (т. е. Воеводины) удалось относительно быстро перейти от полуфеодальных методов хозяйствования к чисто или, по крайней мере, «преимущественно капиталистическому хозяйству». С последней формулировкой можно согласиться [28].

Действительно, крупное землевладение наиболее легко вышло из кризиса унаследованной от феодализма структуры, имевшего место в третьей четверти XIX в. Развитие рынка и системы кредита [29], экспроприация крестьянства, особенно энергично осуществлявшаяся после 1867 г., когда власть в Венгрии оказалась в руках национального класса помещиков, распродажа и сдача в аренду части земли — таковы рычаги, способствовавшие переводу имений на рельсы капитализма. Но этот переход далеко не был завершен; как показано выше, он имел ограниченный характер.

Земельная аристократия сближается с банковским, а частич-

inslav

но — с промышленным капиталом (создание предприятий в имениях, участие в акционерных компаниях) [30]. Другим слоям старого общества после 1848 г. предстояло пережить более серьезные испытания. В значительной мере процесс оскудения охватил венгерских средних помещиков, пополнявших в связи с этим ряды чиновничества и интеллигенции, хотя, очевидно, в Воеводине они легче преодолели кризис, чем в Венгерском королевстве в целом. О крестьянстве говорилось выше.

Вследствие проведения железных дорог и развития речного пароходства в упадке оказались традиционная торговля и извозные промыслы сербской буржуазии, связывавшей Балканы с хлебным и скотным рынками Пешта, а также (вместе с хорватами) Банат с Приморьем. Оптовая торговля на имперском рынке перешла в руки крупного австрийского, а затем и связанного с ним венгерского (пештского) капитала. Множество сербских купцов разорилось, и в 60-х годах XIX в. сербская торговля в основном была представлена лавочниками и разносчиками, положение которых было крайне неустойчивым. Более оборотистые из торговцев успели вложить средства в государственные бумаги, акции крупных компаний, земельную собственность, кредитное дело. Ведь ростовщичество, приобретавшее в виде сберегательных касс организованный характер, приносило исключительные выгоды. Так, уже в 60-е годы и особенно позднее обнаружился процесс приспособления части сербской буржуазии к формирующейся новой социальной структуре Австрийской империи.

В 50—60-х годах приходило в упадок цеховое ремесло и производство изделий, терявших спрос или встречавших конкуренцию со стороны австрийской промышленности. Цеховое устройство ремесла формально было отменено в 1859 г. (на Военной границе в 1860 г.), но его остатки сохранились до закона о свободе промыслов (1872 г.), а пережитки — даже позднее.

Эксплуатация восточной части империи австрийским государством и крупным капиталом и кризис старой социальной структуры в третьей четверти XIX в. вызывали во всех «землях короны св. Стефана», в том числе в Воеводине, широкое недовольство. Оно обращалось против централистской политики правительства в 1850—1866 гг., выливалось в форму национальных требований, создавало почву для подъема политической активности и для сближения буржуазных (торговых и землевладельческих) и помещичьих слоев разных национальностей (в частности, венгров и сербов) с целью защитить интересы «земледельческих провинций» монархии. Ситуация, при которой глубокое беспокойство охватило разные слои сербского общества, привела к их временному сплочению вокруг партии народняков С. Милетича и ее национальной программы. Движение, носившее антиавстрийский характер, вместе с тем было направлено против полуфеодальной церковной иерархии, служившей опорой династии. Ощущая, что почва колеблется у нее под ногами, часть национальной буржуазии била тревогу по поводу угрозы «гибели народа» в результате давления ино-

inslav

земцев и конкуренции инонациональных зажиточных крестьян, торговцев, ремесленников и промышленников. Раздавались призывы к бережливости, трезвости, накоплению, внедрению в хозяйство паровых машин, и вместе с тем (что характерно) — к энергичной деятельности по распространению просвещения и национального самосознания, национальному сплочению с целью противостоять «чужакам» [31]. Именно социальная структура сербского общества (наличие в первой половине XIX в. относительно развитой торговой буржуазии, многочисленных ремесленников, формирующегося слоя мануфактуристов, значительной интеллигенции) и те удары, которые претерпела эта структура, наряду с политической ситуацией в Австрийской империи и на Балканах, создали положение, при котором роль сербского общественного движения в 60-х — начале 70-х годов XIX в. значительно превышала удельный вес сербов в Венгерском королевстве (5,5% населения в 1880 г.) [32].

Между тем остатки феодализма и последствия капиталистического развития показали иллюзорность пропаганды единства национальных интересов. Расслоение и пролетаризация масс привели в начале 70-х годов к возникновению сербского революционно-демократического течения, проповедовавшего социалистические принципы (С. Маркович, Дж. Миятович, Л. Нанчич и др.).

Мелкобуржуазные деятели пропагандировали ремесленную и крестьянскую кооперацию как средство сохранения позиций мелкого производителя. Были предприняты попытки организации артелей ремесленников (А. Сандич и др.), не имевшие существенного успеха. Сельская кредитно-сбытовая кооперация стала все более заметным фактором лишь в конце XIX — начале XX в., способствуя упрочению позиций буржуазии. Что касается ремесленников, то после ликвидации цехов они испытывали потребность в каком-то объединении с целью защиты своих интересов. Достижению этой цели служила, например, «Задруга свободных ремесел» в Панчево, в которой причудливо переплетались принципы свободы предпринимательства с попытками его регламентации [33]. В последнее десятилетие XIX — начале XX в. слой ремесленников представлял собой перманентно недовольную массу, которой буржуазные и мелкобуржуазные группировки могли манипулировать в своих целях [34].

Большая самостоятельность или даже независимость Венгерского королевства от Вены, по убеждению буржуазной оппозиции, создала бы условия для экономического подъема Воеводины. Но если представители ремесла и мелкой промышленности мечтали оградить себя от австрийской конкуренции, то землевладельцы всех национальностей добивались выгодной для них аграрной политики. Австро-венгерское соглашение 1867 г. означало победу вторых. В последней четверти XIX в. развитие товарно-капиталистических отношений в Воеводине заметно ускорилось, что привело к концу XIX и особенно в начале XX в. к определенным изменениям ее социальной структуры. Эти изменения, однако, были

inslav

не столь велики как в Венгрии в целом, ввиду односторонне-аграрного развития экономики области.

В начале XX в. преобладающей формой организации капиталистического производства в Воеводине являлась мануфактура. Как обычно на этой ступени, централизованная мануфактура представляла собой лишь вершину «айсберга», широким основанием которого являлась мануфактура рассеянная и организация производства капиталистом, раздававшим работу надомникам — горожанам и крестьянам. В Воеводине вплоть до развала габсбургской монархии соседствовали друг с другом и развивались все эти ранние формы капиталистического производства наряду с медленно расширявшейся фабрично-заводской промышленностью — мелкими и средними предприятиями (статистика включала сюда не только предприятия, применявшие паровые двигатели, но и мастерские с числом рабочих свыше 20, т. е. мануфактуры, тогда как «фабрикой» можно считать предприятие, по крайней мере отвечающее обоим требованиям [35]. Масса мелких производителей утеряла самостоятельность. В начале XX в. предприниматели, случалось, раздавали задания 200—300 домашним работникам (в традиционной для Воеводины обработке конопли и др.) [36].

Господствующее положение земледелия в экономике Воеводины сказалось на характере промышленного производства в степени, необычной даже для многих аграрных стран. Развивались лишь отрасли, перерабатывавшие сырье (помол муки, деревообработка, с конца XIX в.— сахароварение), и связанные с некоторыми местными нуждами (кирпичная, цементная) [37]. Производство в значительной мере имело сезонный характер. Многие предприятия и масса надомников прекращали работу в период уборки урожая, когда почти все трудовое население — сербы, венгры, немцы и др. работало на полях — на своих участках (множество работников мелких мастерских, мануфактур и фабрик сохраняли связь с землей) и по найму [38]. Крупным землевладельцам и центральным венгерским властям, сознательно сдерживавшим развитие иных отраслей, была выгодна такая структура промышленности Воеводины, так как у аграриев всегда под рукой имелась дешевая рабочая сила. Промышленникам было бы трудно сохранить непрерывный цикл производства, поскольку масса работников предпочитала трудиться несколько недель на полях (в урожайный год при многочасовом рабочем дне здесь заработок был выше, чем в промышленности).

Говоря о национальной структуре классов и социальных слоев, надо указать на относительное оттеснение сербской буржуазии от сферы промышленного производства. Новые предприятия, применявшие паровые двигатели, более крупные заведения фабричного типа в последней четверти XIX — начале XX в., как правило, основывались инонациональной местной (по преимуществу немецкой) буржуазией, венгерскими помещиками или австрийским и венгерским (пештским) крупным капиталом, связанным с иностранными банками (Англией, Францией, Германией). Представи-

inslav

тели сербской буржуазии участвовали в деятельности австро-венгерских компаний, сосредоточивали свою активность в сферах торговли, кредита и земледелия (сберегательные кассы, банки, кредитно-сбытовая сельская кооперация)[39]. В предвоенные годы сберегательные кассы наряду с ростовщическими операциями и распродажей земельных участков переходили к кредитованию промышленности. Это свидетельствовало о новых тенденциях в развитии местной сербской, хорватской, венгерской и др. буржуазии.

В аграрной сфере социальные противоречия были наиболее острыми в среде господствующей венгерской нации, затем у немцев (в Среме также у хорватов, имевших здесь «своих» латифундистов). Сербское население было «более мелкобуржуазным», здесь было больше мелких землевладельцев[40].

Тенденции «врастания» местных имущих классов в систему имперской (или общевенгерской) экономики в последние десятилетия XIX — начале XX в. сказались в общественно-политической позиции либеральных кругов разных национальностей. Их стремления во многом соответствовали противоречивым тенденциям венгерских либералов (раскол по вопросу об общей с Австрией таможенной политике). Мелкобуржуазная верхушка, сливавшаяся с буржуазией, шумела о «народе», выдвигала проекты аграрной реформы, но страшилась революционно-демократического движения («аграрного социализма»). Сербская мелкая буржуазия питала национально-радикальные настроения[41].

Фабрично-заводской рабочий класс Воеводины вплоть до 1914 г. оставался немногочисленным, в частности ввиду отмеченной отраслевой структуры промышленности. Безработица росла особенно с 80-х годов XIX в., что привело к систематическому росту эмиграции (в Америку и др. страны).

Периодизацию социальной эволюции Воеводины, ввиду специфики области, можно дать лишь приблизительно. Решающим рубежом здесь, как и для всей Австрийской империи, стал 1848 г., когда были устранены основы феодального строя. В дальнейшем, уже в рамках победившей в империи капиталистической формации, пределы первого этапа определило начало общеевропейского аграрного кризиса (70-е годы). Это время преобладания в Воеводине полуфеодальных отношений. Последующий период составили годы кризиса, ускорившего разорение крестьянства и побудившего имущие слои к внедрению технических культур, искусственных удобрений, машин. Тогда же ликвидировались многие существенные остатки прошлого в поземельных отношениях. Но сегрегация, комасация, разделы общинных земель и т. п. не были полностью завершены. В деревне обостряется перенаселение, приходят в движение массы рабочих с наделом — полупролетариев и бедноты.

С 90-х годов оживляется развитие промышленности в городах и имениях помещиков, идет бурный рост банковского капитала, усиливается взаимосвязь крупных землевладельцев и финансистов, ускоряется формирование классов буржуазного общества. Фабричная промышленность, однако, не в состоянии одержать победу,

inslav

преобладающую массу изделий поставляет мануфактура, в том числе ее наиболее ранние формы. С последнего десятилетия XIX в. начинается третий этап социальной эволюции, когда капитализм преобладает в сельском хозяйстве, но значительные элементы полуфеодальных отношений продолжают воздействовать на всю общественную структуру области.

Подлинный переворот в структуре общества могла произвести фабрично-заводская индустрия, которой в Воеводине в сущности не было. Помещики и масса крестьянской бедноты и рабочих с наделом наряду с окрепшей сельской буржуазией (в частности, фермеры — владельцы так называемых салашей) и относительно немногочисленным сельскохозяйственным (действительным) пролетариатом и отдельными группами промышленных рабочих — такова структура деревни; торгово-ростовщическая и аграрная по преимуществу буржуазия, масса мелких производителей наряду со слабой промышленной буржуазией и немногочисленными фабричными рабочими — таков тогдашний город.

Переход к капитализму на территории Воеводины полностью не был завершен вплоть до первой мировой войны.

[1] По официальным данным, в 1881 г. здесь проживало 1,8 млн. чел., из них: 573 тыс. сербов и хорватов, 495 тыс. немцев, 352 тыс. венгров, 228 тыс. румын, около 47 тыс. словаков и др. (*Ракић Л.* Радикална странка у Војводини до почетка XX века. Нови Сад, 1975, с. 10). В современную Воеводину вошла большая часть указанной территории.

[2] Автономными делами фактически распоряжалась православная иерархия, центр которой (митрополия) находился в г. Сремски-Карловци. На соборах значительным влиянием пользовалось также офицерство Военной границы и представители дворянства.

[3] См.: *Милетић Светозар.* Изабрани чланци. Нови Сад, 1939, с. 24—26. Добиваясь создания Воеводины, сами сербы затруднялись определить ее границы: в случае включения в ее состав всего сербского населения южных районов Венгерского королевства сербы составили бы меньшинство, а создание Воеводины преимущественно из сербских районов оставило бы за пределами области значительную часть сербов.

[4] *Гаћеша Н.* Поседовни односи у Војводини пред први светски рат.— В кн.: Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967, с. 165.

[5] Крупные владения — свыше 1000 ютров (ютро, иох или хольд = 0,57 га) в Воеводине занимали более $^1/_5$ площади, т. е. меньше, чем в Венгерском королевстве в целом (свыше 32%). Ряд имений относился к латифундиям — свыше 10 тыс. ютров. В Воеводине, по данным 1900 г., насчитывалось 276 крупных землевладельцев и арендаторов, средних (обычно если не приводилось более дробное деление, сюда включались владельцы 50—1000 ютров, что смазывало различия) — 1459, мелких — до 50 ютров (часть их временно — поденщики, и здесь также собраны разные группы) — 106,5 тыс; сельскохозяйственных рабочих и поденщиков — 151,2 тыс. (это число частично перекрывается предыдущим), батраков (бироши, слуги) — 45,5 тыс., испольщиков — 3,8 тыс. чел. (См.: *Ракић Л.* Указ. соч., с. 21). В Среме крупным помещикам принадлежало 17% земли, бедноте (41,9% хозяйств, из них половина — владельцы до 1 ютра, т. е. рабочие с наделом) — 4,6% (*Гаћеша Н.* Поседовни односи у Војводини, с. 164—168). Именно эти 42% «хозяев» поставляли тогда массу сезонных рабочих. Речь идет об «отношениях найма мелкокрестьянского элемента» (*Karaman I.* Ekonomsko-socijalne prilike u Slavoniji u drugoj polovini 19 st.— In: Prvo radničko društvo u jugoslavenskim zemljama. Sl. Brod, 1969, s. 21, 22). Характерен пример распределения земли в одной из общин

inslav

(Сонта) в 1890 г. Во владении трех помещиков находилось 4367, 3029 и 803 йохов. В собственности населения численностью в 5 тыс. человек (3,8 тыс. «шокцев», т. е. католиков, позднее признававших себя хорватами, более 1 тыс. немцев, более 800 венгров и др.) имелось 8,4 тыс. йохов. Все это — сельскохозяйственные рабочие разных категорий, требовавшие возвращения общине угодий, захваченных казной и помещиками до и после 1848 г. (*Месарош Ш.* Аграрни односи и побуне беземљаша у Сонти 1848—1914.— Зборник за друштвене науке. Нови Сад, 1969, № 52.

[6] Об устройстве и социальной структуре Военной границы до ее демилитаризации см.: *Фрейдзон В. И.* К характеристике положения на хорватско-славонской Военной границе в 50 — начале 70-х годов XIX в. (кризис и ликвидация военной системы).— УЗИС. М., 1963, т. XXVI; о положении граничар после демилитаризации см.: *Он же.* Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян в Хорватии в конце XIX — начале XX в.— УЗИС. М., 1954, т. X. Как отмечалось, Срем входил в состав Хорватии-Славонии; общественное положение жителей разных частей Военной границы было примерно одинаковым.

[7] В Бачке находился также небольшой Потисский дистрикт (центр — Бечей).

[8] *Стајић В.* Великокикиндски дистрикт 1776—1876. Нови Сад, 1950, с. 205, 218, 238 и др.

[9] В одном из более развитых в промышленном отношении городов — Вршаце, в 1871 г. в земледелии было занято 4,9 тыс. человек (из них землевладельцев — 2 тыс.), поденщиков — 1,4 тыс., «слуг» — 1,5 тыс., а в ремесле и промышленности — 2,2 тыс. жителей (*Чехак К.* Борба вршачког радништва за формиранье и делатност општеобразовног друштва. 1871—1875.— Зборник за друштвене науке. Нови Сад, 1965, св. 41, с. 7—9).

Таблица 1

Часть населения (в %), занятая в сельском хозяйстве (1900 г.), промышленности и торговле (1909 г.)

	В сельском хозяйстве	В промышленности и торговле
Бачка	66	4,4
Банат	72	7,7
Срем	74,4	5,4

(«Производне снаге Н. Р. Србије», с. 45—46).

Таблица 2

Занятость населения в промышленности и ремесле городов Бачки (в %

	1870 г.	1890 г.
Нови-Сад	10,2	12,4
Сомбор	8,25	8,3
Суботица	5,1	5,8

(*Mirnić J.* Radnički pokret u Bačkoj. Nov Sad, 1963, s. 51—53)

[10] О статусе, ремесле и торговле военного коммунитета Панчево см.: *Дамјанов В.* Занатлије и занатлијске организације у Панчеву у XIX веку — Историски зборник, 1958, № 1—2.

[11] О событиях в Воеводине в 1848 г., см.: Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848—1849. I. Београд, 1952; *Поповић Д.* Срби у Војводини, кн. 3. Нови Сад, 1963; *Поповић Д.* Панчево у српском покрету 1848—1849. Нови Сад, 1954.

[12] Производне снаге Н. Р. Србије, с. 45.

[13] Там же, с. 44.

[14] *Лебл А.* Жетелачки штрајкови у Војводини.— Историски гласник, 1949, № 4; *Он же.* Sindikalna borba agrarnog proletarijata. Beograd, 1954; *Он же.* Прилог историји аграрне реформе у Војводини.— Задружни архив, 1953, № 1, с. 55—56; Социјалистички покрет у Војводини (1890—1919). Документи / Уредник А. Лебл. Нови Сад, 1953. Глубокое исследование социальной структуры Воеводины см.: *Lebl A.* Građanske partije u Vojvodini 1887—1918. Novi Sad, 1979.

inslav

[15] Об обстановке в связи с сегрегацией и комасацией имений см.: *Кораман И.* Основни подаци и неке напомене о славонско-сриемском велепоседу.— Зборник за друштвене науке, 1958, № 20; *Фрейдзон В. И.* Развитие капитализма в хорватской деревне... УЗИС, 1954, т. X.

[16] Проблема первоначального накопления в Венгрии, как и вообще в странах региона, все еще нуждается в теоретическом осмыслении, так как для Англии это понятие применялось Марксом при характеристике процесса, непосредственно предшествующего капиталистическому производству.

[17] *Фрейдзон В. И.* Развитие капитализма в хорватской деревне... с. 109—113. На территории Шайкашки граничары добились права выкупа угодий у казны.

[18] Сказанное относится в бо́льшей мере к немецкой колонизации.

[19] О тяжбе б. граничар-шайкашей с казной (закончилась в 1895 г.), а затем со своими общинами (тянулась и в XX в.) см.: *Гаћеша Н.* Аграрна реформа и колонизација у Бачкој, с. 25; *Он же.* Поседовни односи у Војводини, с. 164.

[20] В «Провинциале» право на общинную собственность зависело от величины урбариального участка, а на б. Границе было связано с определенным номером дома. Выделившиеся из задруг, но не получившие дома, теряли это право, тогда как лица, сохранившие дом, но лишившиеся земли, сохраняли его. Все это лишь частично иллюстрирует характер отношений собственности. О разделах и конфликтах, начавшихся в 80-х годах и продолжавшихся в конце XIX в. см.: *Гаћеша Н.* Поседовни односи у Војводини, с. 159—160.

[21] В 1885 г. они составляли 34,4% земельного фонда Венгрии; тогда же в Бачке — 28,8% (519 тыс. иохов), в Торонтале (часть Баната) — 24,08% (415 тыс. иохов). (*Mezei S.* Razvoj industrije u Bačkoj. Novi Sad, 1959, s. 45).

[22] *Stojsavljević B.* Gornjaci. Zagreb, 1959 (см. материал о Славонии, в состав которой входил Срем). «Крестьяне еще и ныне (в 1910 г.— *В. Ф.*) должны нести обычные повинности, если они не отдали землю» (*Mayer A.* Die Hauskommunion (Zadruga) in Königreichen Kroatien und Slavonien. Heidelberg, 1910, s. 59). За неурбариальные участки крестьяне не расплатились вплоть до первой мировой войны (*Раденић А.* Положај и борба сељаштва у Срему од краја XIX века до 1914. Београд, 1958, с. 80—81).

[23] *Натошевић Б.* За што наш народ у Аустрији пропада.— Српски летопис, 1866, књ. 110.

[24] О положении сельскохозяйственных рабочих см.: *Гаћеша Н. Л.* Аграрна реформа и колонизација у Бачкој 1918—1941. Нови Сад, 1968; *Лебл А.* Указ. соч.; Елемир и Тараш 1897. Зрењанин, 1954, с. 128—130.

[25] Закон мало отличался от прежних, фактически ставивших работника в положение подневольного (*Раденић А.* Указ. соч., с. 124; Елемир и Тараш, с. 129; Социјалистички покрет у Војводини, с. 79—82).

[26] Социјалистички покрет у Војводини, с. 19, 50—53; *Лебл. А.* Прилог историји аграрне реформе, с. 55—56.

[27] Социјалистички покрет у Војводини, с. 59, 183, 184; Елемир и Тараш, с. 72—88.

[28] *Katus L.* Hauptzüge der kapitalistischen Entwiklung der Landwirtschaft in den südslawischen Gebieten der Osterreichisch-Ungarischen Monarchie.— Studia Historica. Budapest, 1961, 51, S. 141.

[29] Приток австрийского капитала в венгерское сельское хозяйство способствовал консолидации крупнопомещичьего землевладения, его капиталистической эволюции, но эволюции ограниченной, т. е. вместе с тем способствовал и сохранению полуфеодальных остатков.

[30] Относительно степени сближения помещиков Воеводины с финансовым капиталом в югославской историографии имеются различные взгляды. А. Лебл подчеркивал интенсивность этого процесса и делал вывод, что «капиталистическое крупное землевладение» стимулировало развитие промышленности. Й. Мирнич утверждает, что этот процесс не был значительным (*Mirnić J.* Radnički pokret u Bačkoj, s. 75). Формулировка

inslav

Лебла о «капиталистическом крупном землевладении» впоследствии была им уточнена, ибо в этом капитализме было немало остатков докапиталистических отношений. См.: *Lebl A.* Građanske partije u Vojvodini.

31 *Натошевић Б.* Указ. соч. Автор, выступивший на четыре десятилетия позднее, также жаловался на отставание «сербского» производства (т. е. буржуазии) от немецкого и др., но отмечал, что кое-где «наши люди умением...доросли до немцев», указывал на успехи «многих сельских хозяев» и «приличное число» преуспевающих торговцев (*Лотић Л.* Прилози о економском стању у Угарској и у нашем народу. У Новом Саду, 1908, с. 34—36, 71, 74, 122).

32 *Ракић Л.* Указ. соч., с. 9.

33 *Дамјанов В.* Занатлије и занатлијске организације у Панчеву у XIX веку.— Историски гласник, 1958, № 1— 2, с. 99.

34 *Gross M.* Društvene strukture i nacionalni pokreti jugoslavenskih naroda uoči I svjetskog rata.— Nastava povijesti, 1975, N 4, s. 221.

35 В 1870 г. было зарегистрировано 33 предприятия фабрично-заводского типа и более значительные мануфактуры, в 1890 г.— 119, в 1910 г.— 360 (*Erić M.* Agrarna reforma u Jugoslaviji 1918—1941 god. Sarajevo, 1958, s. 55; данные по-видимому приблизительны). Однако, как отмечает тот же автор, в Воеводине «в городе почти не было настоящих промышленных рабочих» (Там же, с. 57).

36 Производне снаге Н. Р. Србије, с. 51.

37 В начале XX в. в Воеводине было 3 сахарных завода, несколько десятков крупных мельниц (общее число их только в Бачке превысило 1110), до 200 более значительных мастерских, обрабатывавших коноплю и т. д. «Производне снаге Србије», с. 51. На крупной мельнице в В. Кикинде (основана в 1869 г.) был занят 161 рабочий. В деревообработке в 1900-х годах нашли более широкое применение механические пилы (*Mezei S.* Razvoj industrije u Bačkoj, s. 108—114, 130).

38 В г. Вршац в 70-х годах из 300 ремесленников-сербов (обувщиков) лишь 50 регулярно занимались своим ремеслом, остальные весь сезон работали на полях и виноградниках, зимой же перебивались случайными заработками (*Чехак К.* Указ. соч., с. 11). «Самостоятельный» ремесленник по своему положению подчас не отличался от «подмастерья» — наемного работника. В 70-х годах они создавали совместные организации (см.: Грађа за историју радничког и социјалистичког покрета у Војводини 1868—1890. Сремски Карловци, 1968).

39 О том, что промышленное предпринимательство в основном находилось в руках немцев, словаков, венгров см.: *Лотић Л.* Указ. соч.

40 В начале XX в. в Воеводине венграм принадлежало $^4/_5$ площади имений свыше 200 хольдов (йохов) (см.: *Исламов Т. М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. М., 1972, с. 73). Накануне войны в Бачке в группе владельцев свыше 200 йох венгры составляли более 45%, немцы — 28%, сербы — 12% (данные 1919 г.; автор считает, что после 1913 г. положение не изменилось). В Среме в 1895 г. сельский полупролетариат и беднота составляли: среди венгров — 62%, у немцев — 55%, сербов и хорватов — примерно по 38%. Среди сербов владельцы 5—20 ютров (средние крестьяне) составляли 50% (*Гаћеша Н.* Поседовни односи у Војводини, с. 176—177. Подробно о Среме см.: *Раденић А.* Указ. соч.).

41 *Ракић Л.* Указ. соч.

inslav

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В СЕРБИИ (конец XVIII и первая половина XIX в.)

Е. П. Наумов (СССР)

Эпоха перехода от феодализма к капитализму характерна в Сербии многими и весьма значительными историческими сдвигами. Достаточно сказать о бурном развитии национально-освободительного движения и о массовых антитурецких восстаниях на территории Белградского пашалыка Османской империи, где позднее возникает автономное Сербское княжество; о заметном процессе становления и развития сербской буржуазной нации, связанном с возрождением самостоятельной государственности; о важных изменениях в сфере национальной культуры, обусловленных длительной борьбой за создание нового литературного языка, новой сербской азбуки и орфографии. Для оценки крупных перемен в истории Сербии не менее показательна и та эволюция сербского общества, которая в период крушения феодального строя и первоначального накопления капитала привела к формированию новых, буржуазных, классов и прослоек, а это, в свою очередь, нашло отражение в политической борьбе и в развитии общественной мысли той поры.

Проблемы развития структуры сербского общества на протяжении всего этого переломного периода все еще остаются недостаточно изученными. Правда, они в той или иной мере уже затрагивались во многих работах советских [1], югославских [2], болгарских [3] историков. Но это преимущественно работы общего характера, сводные и научно-популярные издания, учебные пособия, либо труды по отдельным проблемам или периодам сербской истории нового времени. Число же работ, специально посвященных эволюции сербского общества, становлению буржуазной социальной структуры, пока невелико [4].

Немногочисленность их, как и отсутствие монографических исследований, в которых был бы дан анализ развития всей социальной системы в тот период или же хотя бы истории отдельных классов и социальных групп, во многом объясняет и наличие в имеющейся историографии противоречащих друг другу выводов и предположений. Речь идет не только о неодинаковой оценке разными авторами классовой природы каких-то социальных группировок, но и о различных датировках (применительно к социальным процессам этой эпохи) [5].

Нельзя не отметить и заметной разноголосицы, нечеткости в терминологии, которая применяется в имеющейся литературе для классов и прослоек сербского общества в период перехода от феодализма к капитализму. В частности, нередко смешиваются или уравниваются классовые и сословные категории социальной структуры, употребляются неточные или спорные определения, встречающиеся лишь у того или иного автора (например, «буржуазно-

inslav

бюрократический класс», «чиновничья буржуазия», «административно-старейшинские кадры» и т. п.) [6].

Не вызывает сомнений, что исходным пунктом и предпосылкой всего развития сербского общества в конце XVIII и первой половине XIX в. явилось нарастание глубоких противоречий между османской военно-феодальной системой и боровшимся за свое национальное и социально-экономическое освобождение сербским народом, что нашло яркое выражение в событиях Первого и Второго сербских восстаний против османского ига (1804—1813 гг., 1815 г.). В то же время наличие острого политического и социального антагонизма, усугубленного произволом янычар и процессом так называемого почитлученья (т. е. создания в Белградском пашалыке новых феодальных владений — читлуков помимо прежних — спахилуков) вовсе не означало, что в среде сербского населения этой пограничной области Османской империи, и прежде всего — в сербской деревне, не было тогда определенной социальной дифференциации.

В этот период, т. е. в конце XVIII и начале XIX в. (еще до Первого сербского восстания), сербское население (в том числе сельское) уже не было экономически и социально однородным. В Белградском пашалыке прослеживается заметная специфика в развитии сербского общества, находившегося в тисках османского феодального строя. В частности, в северной Сербии (в отличие, например, от Хорватии или Словении), как писал С. А. Никитин, «экономическая отсталость, низкий уровень развития городского ремесла приводили к тому, что буржуазные отношения развивались прежде всего не в городе, а в деревне. И как новый класс в связи с этим выступала не городская, а сельская буржуазия» [7].

Таким образом, в тот период основными социальными силами сербского общества было крестьянство, равно как и начавший выделяться в сербской деревне слой сельской буржуазии. Именно она, формирующаяся сельская буржуазия, руководила борьбой сербского народа за свержение османского феодального владычества и возрождение самостоятельного государства [8]. Отмечая эту важную особенность социальной стратификации сербского общества в рамках Белградского пашалыка в отличие от других югославянских земель на рубеже XVIII и XIX в., мы должны отметить также, что в историографии вследствие недостаточной разработанности многих аспектов социальной эволюции того периода приводятся неодинаковые оценки роли и классовой сущности отдельных прослоек и группировок сербского общества.

Так, например, хотя сам факт имущественной дифференциации, заметного расслоения сербского крестьянства в целом уже можно считать общепризнанным, в литературе по-разному определяется социальный характер той новой и ведущей силы сербского общества, которая выделялась из среды крестьянства (точнее, его верхушки) и приобретала в ту пору решающее политическое и экономическое значение. Если, в частности, во многих трудах

inslav

эта сила получает четкое определение начавшего формироваться буржуазного класса, а именно сельской буржуазии (иногда дается уточнение: сельская торговая буржуазия) [9], то в некоторых других работах она характеризуется не столь отчетливо, скорее описательно, без ясных классовых критериев, нередко лишь с точки зрения источников ее рекрутирования и функций ее представителей. Так, в работах некоторых югославских историков говорится лишь о появлении в то время «более богатого слоя сельских торговцев и хозяев», либо прослойки «новых торговцев-экспортеров» в деревне, в отличие от городских купцов (обычно не сербов), «слоя богатых прасолов» или же, наконец, «местного (т. е. сербского.— *Е. Н.*) торгового сословия» в городе и деревне [10].

Такие различия в оценке социальной структуры в северной Сербии начала XIX в. в известной мере связаны с наличием разных суждений по поводу социальной принадлежности представителей местного сербского самоуправления (в общинах, кнежинах и нахиях), так называемых кнезов, обер-кнезов и кметов. Они обычно рекрутировались из рядов сельской верхушки, наиболее зажиточных и влиятельных крестьян, занимавшихся торговлей скотом на вывоз главным образом в Австрию. В историографии нередко указывается, что новую, все усиливавшуюся прослойку сельской буржуазии составляли купцы-прасолы, кнезы и другие представители зажиточного крестьянства [11], однако в некоторых работах кнезы рассматриваются как особая общественная категория, существовавшая отдельно от сельской буржуазии (или торгового сословия) [12].

Показательно в данной связи, что и те историки, которые считают возможным рассматривать эту прослойку сербского общества в качестве отдельной социальной категории, по-разному оценивают ее роль в социальной системе той поры, ее природу и значение с точки зрения развития нового, буржуазного, общества. Так, например, обычно в историографии указывается на ее связь с растущей сельской буржуазией, даже на слияние сельской и торговой буржуазии с верхами сербского общинного самоуправления в новую, руководящую, силу сербского общества [13]. Между тем в работах югославского историка М. Джорджевича, напротив, акцентируется внимание на возможности столкновения интересов сельской буржуазии (или же ее «революционного слоя», заинтересованного вместе с крестьянством в ликвидации феодального строя), с одной стороны, и «ее привилегированного слоя» (либо «старейшинской прослойки»), старавшегося в собственных интересах использовать расширение прав сербов и другие уступки, предоставленные им в Белградском пашалыке в конце XVIII в. османскими властями [14].

Вполне понятно, что этот вопрос требует еще дополнительного исследования, и решение его весьма важно для анализа социальной структуры на рубеже XVIII и XIX вв., для определения степени расслоения сербского общества и глубины противоречий между его отдельными прослойками, классовой сущности тех

inslav

сил, которые выступили во время Первого сербского восстания (1804—1813) за ликвидацию османского феодального строя. В данной связи, вероятно, следует отметить, что стремление некоторых авторов выделить общинную верхушку в качестве особой социальной силы — небуржуазной, либо буржуазной, но уже противостоящей остальной сельской буржуазии, в известной мере объясняется теми наблюдениями, которые уже давно были сделаны в литературе относительно феодального характера методов ее обогащения, угнетения крестьянства и тесной связи этой верхушки (кнезов и т. п.) с феодальной османской системой (аналогично болгарским чорбаджиям) [15]. Между тем отмеченные выше аспекты социального развития не могут, по нашему мнению, служить обоснованием для выделения общинной верхушки в качестве особой социальной категории, существовавшей отдельно от формировавшейся тогда сельской и торговой буржуазии, поскольку сами сложные условия возникновения новых общественных сил внутри феодальной системы, заметная отсталость страны обусловливали специфику и разнородность складывавшейся буржуазной прослойки, своеобразие процессов социальной эволюции общества в северной Сербии накануне Первого антитурецкого восстания в начале XIX в.

Для понимания этого своеобразия социального развития в северной Сербии на рубеже XVIII и XIX столетий не менее важен, разумеется, вопрос о роли сербского городского населения. Дело в том, что обычно в историографии преобладают точки зрения, которые восходят фактически к взглядам видного сербского просветителя Вука Караджича (1787—1864). В частности, на основании его работ по истории Сербии начала XIX в. и в современной литературе подчеркивается преобладание сербского крестьянства и соответственно — малочисленность сербских горожан той поры, их «инородность», т. е. тесные связи не с сельским сербским населением, а с турками и другим инонациональным населением городов Белградского пашалыка [16]. Между тем в последнее время в некоторых работах, изданных в СССР и СФРЮ, говорится об укреплении позиций торговой сербской буржуазии и в городах, об известном усилении сербского городского элемента, появлении мелких, а иногда и крупных сербских торговцев [17]. Быть может, в связи с этим в литературе можно встретить и более широкую дефиницию нового, буржуазного слоя (именно как прослойки сельской и торговой буржуазии) [18].

Все это подчеркивает необходимость дальнейшего изучения данных вопросов, в особенности социальной структуры сербских городов в конце XVIII и начале XIX в., тщательного сопоставления свидетельств современников и документальных материалов той поры. Необходимость такого сравнения обусловлена и заметной склонностью некоторых сербских авторов начала XIX в. к недооценке роли сербских горожан, к идеализации спахийских порядков в сербской деревне, с чем, в свою очередь, связаны и встречающиеся иногда в югославской литературе тезисы о Первом

inslav

восстании как «крестьянской революции», о сербском «преимущественно крестьянском» народе и др.[19]

Весьма значительные изменения в охарактеризованной выше социальной системе происходят в период Первого антитурецкого восстания (1804—1813). Достаточно сказать, например, об освобождении сербского крестьянства от гнета турецких феодалов (спахиев и читлук-сахибиев), об ускорении имущественной дифференциации и социального расслоения в сербской деревне, о заметном изменении состава городского населения (в национальном и социальном аспектах — ввиду притока сербских крестьян, ремесленников и сельских торговцев из самой северной Сербии, как и других югославянских земель)[20]. Освобождение Сербии от пут османской феодальной системы создавало благоприятные условия для развития производительных сил (особенно в сельском хозяйстве), расширения товарооборота, процесса первоначального накопления капитала; в то же время все это с ростом экономической силы и политического влияния сельской буржуазии приводило и к обострению социальных противоречий внутри сербского общества, которое вступило на буржуазный путь развития.

Но какую политическую и экономическую силу можно считать господствующей, наиболее влиятельной в сербском обществе времен Первого восстания? Показательно, что на этот вопрос в имеющейся историографии нет однозначного ответа. Во многих работах современных авторов дается в соответствии с характеристикой предшествующей эпохи определение, что новой, руководящей силой сербского общества была сельская торговая буржуазия (иногда встречаются такие дефиниции: сельская и торговая буржуазия, иногда — только сельская)[21]. Однако в литературе по-разному оцениваются проявления социальной эволюции, завершенности общественных сдвигов, взаимоотношения между основными прослойками сербского общества.

В частности, заслуживают особого внимания соображения о происходившей тогда консолидации сельской торговой буржуазии как нового класса, притом класса господствовавшего тогда в стране в политическом отношении и быстро усиливавшего свою экономическую мощь путем использования аппарата повстанческой власти для захвата земель турецких феодалов, эксплуатации крестьянского труда в виде так называемого старейшинского кулука — отработок в пользу сербских старейшин и т. д. В то же время в некоторых трудах анализ особенностей становления сербской буржуазии сопровождается выводами, подчеркивающими незавершенность этого процесса и даже социальные различия между разными ее прослойками и группами.

Так, югославский историк Д. Янкович полагает, что в Сербии той поры уже родилось новое, буржуазное общество и было создано «раннебуржуазное государство», однако новый господствующий класс еще не сформировался полностью, хотя аппарат повстанческой власти содействовал «созданию буржуазного, капиталистического класса и служил его ядром»[22]. Если, таким образом,

inslav

Д. Янкович включает так называемую старейшинскую прослойку в состав нового буржуазного класса (формирующейся сельской и торговой буржуазии)[23], то в трудах других югославских авторов эта новая социальная сила выступает отдельно от «старейшинского слоя» (или «старейшинского кадра», «слоя старейшин и богачей»), который занимал господствующее положение в аппарате повстанческой власти[24].

Вполне понятно, что отделение «старейшинского слоя» от формировавшегося буржуазного класса оставляет открытым вопрос о классовой принадлежности и сущности данной социальной прослойки сербского общества, которой принадлежала тогда столь большая роль. Классовая оценка принадлежности «старейшинской прослойки» представляется тем более важной, что и в некоторых других трудах югославских историков она получает весьма неясные определения — либо как некий аморфный «общественный слой», на который опирается сербская повстанческая власть, либо как «новое общественное сословие старейшин»[25]. Иногда при оценке социальных антагонизмов внутри сербского общества той поры говорится лишь о противоречиях «народа», с одной стороны, и «старейшин» — с другой, тогда как о роли сельской буржуазии вообще не упоминается[26], хотя наличие ее констатировалось в литературе о предшествующем Первому сербскому восстанию периоде.

Можно допустить, что тезис о существовании особой (не буржуазной) прослойки или даже сословия старейшин восходит в известной мере к свидетельствам о старейшинском кулуке в период Первого восстания, о захвате сербскими «нотаблями» недвижимой собственности османских феодалов, к сохранившимся в источниках намекам о стремлениях некоторых вождей восстания создать сербское привилегированное сословие (дворянство)[27]. Такие свидетельства, разумеется, заслуживают серьезного внимания и сопоставления с аналогичными феодальными (или полуфеодальными) тенденциями в развитии и положении сербской сельской верхушки конца XVIII и начала XIX в. Однако, на наш взгляд, все это свидетельствует лишь о заметной специфике сложного процесса формирования буржуазного класса в Сербии того времени, о неразвитости буржуазных отношений в силу общей отсталости страны, но не о создании в период Первого восстания особой социальной группировки (или даже сословия), которая по своему классовому облику отличалась от сельской и торговой буржуазии и существовала тогда отдельно от нее. В данном случае, по нашему мнению, нужно учитывать также и тот факт, что основные социальные силы (крестьянство, торговая и сельская буржуазия), вовсе не были социально замкнутыми, тем более сословно разделенными частями сербского общества, наконец, что определенные линии и тенденции социальной эволюции в Сербии были насильственно прерваны или же крайне ослаблены в результате поражения Первого восстания (в 1813 г.) и подчинения вновь страны власти Османской империи.

inslav

Как известно, жестокое подавление сербского восстания привело к значительным изменениям в жизни сербского общества. Снова в северной Сербии была установлена власть османских феодалов-спахиев, в зависимости от которых сербское крестьянство находилось вплоть до издания султанских манифестов 1830 и 1833 гг., ликвидировавших окончательно спахийские владения на территории автономного Сербского княжества. В то же время само наличие формирующейся сербской государственности (после Второго антитурецкого восстания 1815 г., хотя и в вассальной зависимости от Османской империи) способствовало постепенному ослаблению спахийских пут, сковывавших еще крестьянство, ограничению их притязаний в результате жалоб крестьян Милошу Обреновичу [28].

Отмечая роль автономного сербского княжества после 1815 г. в развитии социальной структуры страны, нельзя не признать, что поражение Первого восстания, восстановление османской зависимости во многом сказались на темпах социально-экономического развития Сербии, затормозили и заметно замедлили имущественную дифференциацию внутри сербского общества. Лишь с 30-х годов становится заметным развитие городов в Сербии, постепенное нарастание численности сербского городского населения, появление зачатков нового, буржуазного, класса не только в деревне, но и в городах княжества [29].

Говоря о наиболее важных чертах и особенностях развития социальной структуры в Сербии в рассматриваемое время, необходимо подчеркнуть огромную значимость для судеб всего сербского общества кардинальных перемен положения крестьянства в системе аграрных отношений. Освобождение сербских крестьян от гнета османских спахиев и читлук-сахибиев, окончательная ликвидация османской феодальной земельной собственности в стране были закономерным результатом антитурецких восстаний сербского народа, образования самостоятельной (хотя и после Второго восстания — в вассальной зависимости от Османской империи) государственности, сыгравшей важную роль в развитии социальной системы и дальнейшей эволюции сербского общества по буржуазному пути. Именно этим и определялись в дальнейшем процессы становления сербской нации и первоначального накопления капитала в Сербии во второй трети XIX в.

Говоря об основных особенностях социальной эволюции автономного Сербского княжества и окончательной отмене османской феодальной системы (1830—1833), необходимо признать, что многие аспекты этой проблемы еще недостаточно изучены [30]. Как и при характеристике сербского общества на предшествующих этапах его развития, в литературе применительно и к этому периоду нередко встречаются неясные определения социальной природы господствующей прослойки (например, слой «хозяев и старейшин», «новый господствующий буржуазно-бюрократический класс», «слой старейшин», «торгово-старейшинский слой» и т. п.) [31]. Такие дефиниции, в известной мере, вероятно, связаны

inslav

с недооценкой социальной специфики отсталой и лишь недавно вступившей на капиталистический путь развития страны. Однако, по нашему мнению, именно поэтому при анализе социальной структуры и эволюции необходимо для данного периода не смешивать сословные термины, упоминаемые в источниках того времени, с оценками классовой природы отдельных прослоек сербского общества [32].

Вместе с тем, учитывая особенности социально-экономического развития Сербии, нужно обратить особое внимание на те специфические черты господствовавшей тогда буржуазной верхушки, которые свидетельствуют о наличии (в частности, в 20—30-х годах XIX в.) полуфеодальных методов эксплуатации крестьянства (в особенности так называемый старейшинский кулук) и об определенных стремлениях создать дворянскую (на этот раз — сербскую, а не османскую) аристократию — особое сословие сербских спахиев (помещиков) [33].

Весьма показательно для характеристики этих социальных тенденций, что за раздачу «нотаблям» спахилуков (и, таким образом, за создание нового сословия сербских помещиков) выступали не только влиятельные чиновники княжеского аппарата, признанные богачи, но и такой деятель сербского национального возрождения, как В. Караджич, почти всю свою жизнь боровшийся с нуждой [34]. Однако сильное крестьянское движение в Сербии 30-х и начала 40-х годов привело к значительному ограничению крупного сербского землевладения, к окончательной отмене принудительного труда (кулука) и законодательному закреплению свободной крестьянской земельной собственности. Это означало ликвидацию основных предпосылок к созданию новых спахилуков и нового (сербского) дворянства [35]. Таким образом, аграрные преобразования в Сербском княжестве можно считать в основном завершенными лишь в начале 40-х годов XIX в., а вовсе не к моменту издания султанских хаттишерифов 1830 и 1833 гг. [36]

В то же время, говоря о результатах крестьянского движения и завершении аграрного переворота в Сербии, необходимо подчеркнуть важность изучения вопроса о темпах и специфике социальной эволюции в сербской деревне. В частности, представляется не вполне обоснованным встречающийся иногда в литературе тезис о быстром расслоении крестьянства уже в 20—30-е годы, о резком переходе сербской деревни от натурального к товарно-денежному хозяйству, более того — о начавшемся формировании «пролетариата, вернее — вначале предпролетариата» [37].

Напротив, имеющиеся свидетельства источников позволяют утверждать, что и после 1830 г. развитие товарно-денежных отношений в сербской деревне шло не столь быстро (в некоторых районах — вплоть до середины века), следствием чего были и замедленные темпы имущественной дифференциации в крестьянской среде [38]. Сама постановка вопроса о наличии предпролетариата представляет определенный интерес в теоретическом плане, однако изучение процесса «раскрестьянивания» во второй трети

inslav

XIX в. весьма затруднено ввиду немногочисленности сведений о сельской бедноте, отсутствия в княжестве до конца XIX в. аграрной статистики [39]. В этой связи, естественно, нужно считаться и с заметным «отливом» крестьян, в том числе и беднейших, в развивавшиеся города Сербии, где они могли получить заработок в ремесле, торговле, в быстро увеличивавшемся тогда административном аппарате.

При оценке темпов и своеобразия возникавших в ту пору новых подразделений сербского общества, конечно, следует учитывать и слабое экономическое развитие страны, которая долгое время находилась «в положении аграрно-сырьевого придатка промышленно развитых земель Австрии» [40]. В плане анализа общеисторических перспектив эволюции социальной структуры Сербского княжества, возникшей после Первого и Второго антитурецких восстаний, особую значимость приобретает для нас та характеристика крестьянской парцеллярной собственности и роли ее для судеб той или иной страны, которую дал в третьем томе «Капитала» К. Маркс.

Анализируя генезис капиталистической земельной ренты, Маркс пишет, что при парцеллярной собственности крестьянин «одновременно и свободный собственник своей земли, которая является основным средством его производства, необходимым полем приложения его труда и капитала» [41]. В Сербии начала XIX в., как уже говорилось, в результате освобождения крестьянства от гнета османских феодалов возникла свободная парцеллярная земельная собственность. В то же время, как отмечает К. Маркс, такая характеристика господствующих аграрных отношений определяет одновременно и уровень, и специфические особенности развития капиталистических отношений в стране, как и развития всего этого общества в целом.

В самом деле, подчеркивает в своем труде Маркс, это существование свободной мелкой земельной собственности в социальном смысле означает, что «хотя капиталистический способ производства вообще и господствует, но относительно он развит слабо, а потому и в других отраслях производства концентрация капитала движется в узких пределах, преобладает раздробление капиталов» [42]. Это последнее обстоятельство, отмеченное Марксом, необычайно важно для понимания социальных процессов в Сербии после ликвидации феодального строя.

Иными словами, говоря о влиянии на темпы и характер социальной эволюции в Сербском княжестве, которое оказывали и общая отсталость страны, зависимость ее от австрийского рынка, значение ввоза австрийских промышленных изделий и вывоза местной сельскохозяйственной продукции для развития товарно-денежных отношений в городе и деревне, нельзя не учитывать и роли той аграрной системы, которая возникла в сербской деревне и определяла тогда жизнь подавляющего большинства жителей всей страны. Таким образом, сам факт преобладания свободной мелкой крестьянской собственности обусловил замедленность эво-

inslav

люции нового сербского общества, появления новых буржуазных прослоек в городе и деревне.

В свою очередь освобождение сербского крестьянства от феодальной зависимости и мощное крестьянское движение 30-х и начала 40-х годов XIX в. имели немаловажное значение и для самого процесса формирования отдельных прослоек господствовавшего в Сербии буржуазного класса. Буржуазия, как указывал В. И. Ленин, «бывает разных слоев, которым свойственны разные исторические возможности» [43]. Именно активные выступления крестьянства против принудительного труда, за обеспечение свободной земельной крестьянской собственности сделали совершенно бесплодными мечты некоторых сербских «нотаблей» и старейшин о создании новой (т. е. уже сербской) землевладельческой аристократии. В соответствии с этим в Сербском княжестве господствующим классом стала сельская и торговая буржуазия, экономическая мощь которой вовсе не базировалась на земельной собственности и принудительном труде зависимых крестьян, на сословных привилегиях правящей верхушки.

Вполне понятно, что прочные позиции в торговле, использование политической власти в аппарате государственной администрации вовсе не исключали возможности приобретения крупными чиновниками, сельскими богатеями и торговцами значительных земельных участков путем захватов свободных земель, фиктивной покупки турецких владений и т. д. [44] Все это, однако, не могло служить (особенно с 30-х годов XIX в.) реальной основой для образования в Сербии особого, отличного от буржуазии той поры, слоя сербских крупных землевладельцев.

В то же время, оценивая и другие особенности развития общества в Сербском княжестве во второй трети XIX в., мы должны отметить и то немаловажное обстоятельство, что постепенный рост сербских городов в тот период еще не сопровождался появлением большого числа промышленных предприятий [45]. Например, в середине прошлого века в стране было только три фабрики, но две из них вскоре прекратили существование [46]. Иными словами, указывая на характерные черты социальной структуры в Сербии к исходу рассматриваемой эпохи, следует подчеркнуть бесспорное господство мелкой парцеллярной (крестьянской) земельной собственности в деревне, равно как и преобладание мелкого ремесла в городе.

Но этим, естественно, не может исчерпываться итоговая оценка результатов социальной эволюции сербского общества к середине XIX в. Для анализа эпохи первоначального накопления капитала, разумеется, принципиально важны и проходившие тогда (пусть и замедленно) процессы расслоения крестьянства и постепенного роста буржуазного класса в деревне и городах и наряду с этим постепенное усиление в среде буржуазии тех ее прослоек, которые были больше связаны не с прежними методами обогащения и эксплуатации народных масс [47], а с новыми «историческими возможностями», о которых писал В. И. Ленин применительно к раз-

inslav

ным слоям буржуазии в России[48]. Все эти аспекты, равно как и появление буржуазной интеллигенции, прослойки наемных рабочих (на первых промышленных предприятиях), что более заметно к концу рассматриваемой эпохи, наглядно свидетельствуют, насколько сложным и многоплановым было развитие социальной структуры сербского общества в период перехода от феодализма к капитализму[49]. Конкретное изучение отдельных этапов и аспектов социальной эволюции поможет глубже представить особенности становления нового, буржуазного, сербского общества.

[1] См., например: *Карасев В. Г.* Основные черты социально-экономического развития Сербии в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в.— В кн.: УЗИС, 1952, т. 5; *Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига (XV — начало XIX в.). М., 1958; История южных и западных славян. М., 1957; 2-е изд. 1969; История Югославии. М., 1963, т. I; Історія південних і західних слов'ян. Київ, 1966.

[2] См., например; *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији XIX века. Београд, 1951; *Вучо Н.* Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955; Историја народа Југославие, Београд, 1960, т. 2; Преглед историје југословенских народа. Београд, 1960—1965, д. 1—2; *Стојанчевић В.* Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1966; *Ђорђевић М.* Србија у устанку 1804—1813. Београд, 1979; *Ђорђевић М.* Српска нација у грађанском друштву (од краја XVIII до почетка XX века). Београд, 1979.

[3] См., например: *Димитров С., Манчев К.* История на балканските народи (XV—XIX век). София, 1971.

[4] См.: *Достян И. С.* Социально-экономические изменения в сербской деревне накануне восстания 1804 года.— В кн.: УЗИС, 1952, т. VI; *Наумов Е. П.* К вопросу о социальной структуре сербской деревни в 30—50-х гг. XIX в.— Études balkaniques, 1970, № 2; *Наумов Е. П.* К истории социальных отношений в Сербии в 30—50-е годы XIX в.— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974; *Зеленин В. В.* Из истории аграрных отношений в Сербии во время Первого восстания.— Нов. и новейш. ист., 1958; № 5; *Stojančević V.* Socjalni i ekonomski položaj srpskog naroda u Srbiji i procesi društvenog raslovajanja u prvoj polovini XIX veka (1800—1840).— Jugoslovenski istorijski časopis, 1973, N 3—4; *Milić D.* Die ursprüngliche Akkumulation des Kapitals in Serbien.— In: Quatrieme congrès internat. des Sud-est europeen. Abregès de communic. et des co-rapports. Ankara, 1979.

[5] См.: *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958, с. 146—147, 208, ср. также с. 58—59, 196.

[6] *Наумов Е. П.* К истории социальных отношений..., с. 46.

[7] *Никитин С. А.* Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. (преимущественно на южнославянском материале).— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968, с. 71.

[8] См.: *Достян И. С.* Социально-экономические..., с. 191 и сл.; *Достян И. С.* Борьба..., с. 135 и др.; Преглед..., д. I, с. 193; *Јанковић Д.* О политичким..., с. 33; История Югославии, т. I, с. 310; История южных и западных славян. М., 1957, с. 228; *Ђорђевић М.* Србија..., с. 19.

[9] См.: например: *Зеленин В. В.* Из истории аграрных отношений в Сербии..., с. 79—92; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972, с. 22; *Ђорђевић М.* Српска нација..., с. 38, 40; *Stojančević V.* Socijalni..., s. 106. см. также работы, указанные в прим. [8], а также: *Milić D.* Die ursprüngliche..., S. 126.

[10] *Вучо Н.* Привредна..., с. 156; *Чубриловић В.* Историја..., с. 58—59, 68—69; Историја народа..., т. 2, с. 1284 (ср. там же, с. 1279, 1282 — автор главы В. Чубрилович); *Јанковић Д.* О политичким странкама..., с. 33; *Он же.* Историја државе и права Србије у XIX веку. Београд, 1955, с. 8; Историја

inslav

на државите и правата на југословенските народи. Белград, 1972, с. 213—214; *Milić D.* Trgovina Srbije 1815—1839. Beograd, 1959, s. 18—19.

11 История Югославии, т. I, с. 310; *Stojančević V.* Socijalni..., s. 106.

12 *Чубриловић В.* Историја..., с. 58—59; *Јанковић Д.* О политичким..., с. 36; *Milić D.* Trgovina..., s. 19.

13 *Достян И. С.* Борьба..., с. 136—137, 169; *Она же.* Россия..., с. 22.

14 *Ђорђевић М.* Србија..., с. 34; *Он же.* Српска нација..., с. 40.

15 *Достян И. С.* Социально-экономические..., с. 198; Она же. Борьба..., с. 136—137.

16 Историја..., т. 2, с. 1279; *Маркович С.* Избранные сочинения. М., 1956, с. 341; *Stojančević V.* Socijalni..., s. 104; *Milić D.* Trgovina..., s. 18.

17 *Достян И. С.* Борьба.., с. 136; Преглед... д. I, с. 193.

18 *Достян И. С.* Борьба..., с. 143, 152, 167.

19 *Папазоглу Д.* О класном карактеру Првог српског устанка.— В кн.: Годишник на правно-економскиот факултет во Скопје, 1956, с. 421—422.

20 История Югославии, т. I, с. 317—318; *Зеленин В. В.* Развитие ремесла и промышленности в Сербии в период Первого сербского восстания.— Краткие сообщения Ин-та славяновед., 1958, вып. 23, с. 20—43; История южных и западных славян, с. 234 (автор главы — В. Г. Карасев); *Чубриловић В.* Историја..., с. 70—71; *Вучо Н.* Привредна..., с. 165—168; Преглед..., д. I, с. 203 (автор — Д. Перович); *Milić D.* Trgovina..., с. 22, 31; *Џамбазовски К.* Грага за историјата на македонскиот народ од архивот на Србија, Београд, 1979, т. I (1820—1848); и др.

21 *Јанковић Д.* О политичким странкама..., с. 37; *Папазоглу Д.* О класном..., с. 426, 428; см. также работы, названные в примеч. 20.

22 *Јанковић Д.* Историја..., с. 11.

23 *Јанковић Д.* О политичким странкама..., с. 58.

24 См.: Преглед..., д. I, с. 203; *Milić D.* Trgovina..., с. 22—23, и др.

25 См.: *Чубриловић В.* Историја..., с. 70; *Stojančević V.* Socijalni..., s. 110.

26 *Ђорђевић М.* Србија..., с. 236.

27 См.: *Јанковић Д.* О политичким странкама..., с. 33; *Папазоглу Д.* О класном..., с. 415; История Югославии, т. I, с. 318—319.

28 См.: *Перуничић Б.* Земљишна својина у Србији 1815—1845. Београд, 1977, с. 63—66, 73—74, 79—81, 91—95.

29 История Югославии, т. I, с. 333, 334 и др.; *Јанковић Д.* О политичким странкама..., с. 63—65, *Стојанчевић В.* Милош..., с. 158.

30 *Наумов Е. П.* К истории..., с. 43—52; *Он же.* К вопросу о социальной структуре..., с. 124—133.

31 *Јанковић Д.* О политичким странкама..., с. 65—66, 80, 83, 89; *Стојанчевић В.* Милош..., с. 164, 158, 201, 274, 412; Преглед..., д. 1, с. 221, 224—225, д. 2, с. 6; *Вучо Н.* Привредна..., с. 214.

32 См.: *Наумов Е. П.* К истории..., с. 52.

33 См.: *Достян И. С.* К вопросу о восстании Милеты Радойковича 1835 г. в Сербии.— Учен. зап. Ин-та славяновед., 1966 т. 30, с. 34, 47, 48; *Стојанчевић В.* Милош..., с. 194—195.

34 *Поповић М.* Вук Стеф. Караџић (1787—1864). Београд, 1964, с. 258—259; *Недељковић Б.* Историја баштинске својине у новој Србији од краја XVIII до 1931 г. Београд, 1936, с. 217.

35 *Наумов Е. П.* К истории аграрного переворота в Сербии в 30-х годах XIX в.— Сов. славяновед., 1971, № 5, с. 58—66.

36 *Наумов Е. П.* Ценные материалы по истории возрождения Сербского государства.— В кн.: Славянское возрождение. М., 1966, с. 118—119.

37 *Виноградов С. А.* Социально-экономическое развитие Сербии в 20—30-х гг. XIX в. Автореф. канд. дисс. Л., 1972, с. 6; ср. также История южных и западных славян, с. 238.

38 *Наумов Е. П.* К вопросу о развитии товарно-денежных отношений в Сербии после ликвидации турецкой феодальной системы (1830—1858),— В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972, с. 64—72; *Он же.* К вопросу о роли фонда свободных земель в Сербии (30—50-е годы XIX в.).— В кн.: Развитие капитализма в славянских странах. М., 1970, с. 24—38.

inslav

[39] Ср.: *Наумов Е. П.* К вопросу о социальной..., с. 132.
[40] *Зеленин В. В., Костюшко И. И.* «Второе издание» крепостного права и европейский рынок.— Сов. славяновед., 1978, № 6, с. 96.
[41] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 369.
[42] Там же.
[43] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 302.
[44] См.: *Наумов Е. П.* К вопросу о роли фонда..., с. 24 и сл.; *Он же.* Документы по истории Сербии после освобождения от турецкого ига.— Сов. славяновед., 1969, № 6, с. 90.
[45] *Вучо Н.* Привредна историја.., с. 247.
[46] *Cvijetić L.* Stogodišnjica štrajka radnika u državnoj tersani.— Naša stvarnost, 1958, N 1, s. 95.
[47] См.: История южных и западных славян, с. 242.
[48] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 302.
[49] *Обушенкова Л. А., Фалькович С. М.* Проблема формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.— В кн.: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979, с. 94.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ ЧЕРНОГОРИИ В XIX В.

Н. И. Хитрова (СССР)

В своем историческом развитии Черногория не избежала общих закономерностей, свойственных странам Юго-Восточной Европы. Однако ее общественно-экономический уклад имел ряд специфических особенностей.

В русской, черногорской и сербской историографии XIX в. имеется целый ряд описаний социально-экономического строя Черногории [1]. Наиболее фундаментален — труд русского ученого-демократа П. А. Ровинского [2].

Общий ход развития социально-экономических отношений в Черногории в переходный период от феодализма к капитализму прослеживается в советском обобщающем труде «История Югославии» [3]. В югославской исторической литературе при изучении процесса создания Черногорского государства рассмотрено развитие в стране товарно-денежных отношений и их влияние на усиление имущественного неравенства и обогащение господствующего класса (труды Б. Павичевича [4] и Т. Никчевича [5]). М. Джурович [6] показал развитие в XIX — начале XX в. торгового капитала, его связь с ростовщичеством, а также роль в создании в стране промышленных предприятий и кредитных учреждений.

В начале XIX в. Черногория была очень небольшой по территории горной страной. Ее площадь составляла около 1000 кв. км. Выход к Адриатическому морю ей преграждала Австрия. Используя свое окраинное положение на полуострове и неприступность скалистых гор, мужественный черногорский народ в XVIII в. разорвал узы с Портой, хотя юридически Черногория продолжала считаться частью Османской империи.

inslav

В ходе борьбы за освобождение в стране происходила коренная ломка старых социальных отношений. Этот процесс завершился раньше в центральных районах страны, пользовавшихся при османском господстве широкой автономией (так называемая филурджийская система). Население было обязано только платить Порте филурджию — по одному грошу с дома, добывать соль и охранять границу с Венецией. Завоевание в 1796 г. фактической независимости привело к прекращению уплаты дани Порте.

В XIX в. в процессе освободительной борьбы продолжалось расширение территории Черногории за счет объединения сначала с Брдой *, а затем присоединения некоторых пограничных земель Боснийского (куда входила некоторое время также Герцеговина) и Шкодринского санджаков. На освобожденных землях проживало этнически близкое черногорцам население, тесно связанное с ними экономически и совместно боровшееся против османского господства.

Для населения этих областей освобождение от османской власти означало ликвидацию феодально зависимых (чифчийских) отношений; земельные владения османских феодалов переходили в собственность обрабатывавших их крестьян (чифчиев). Часть освобожденных земель, принадлежавших ранее крупным собственникам-мусульманам, получили черногорцы в коренных областях страны. Это была попытка ликвидировать там земельный голод.

До середины XIX в. в Черногории сохранялась теократическая форма правления; верховная власть в стране принадлежала митрополиту. На протяжении длительного времени в процессе освободительной борьбы происходило укрепление государственной власти. Большое значение в создании государственного аппарата и развитии просвещения имела материальная помощь России, а ее дипломатическое покровительство сыграло большую роль в решении целого ряда задач черногорского освободительного движения. Первая половина XIX в. явилась временем значительных государственных преобразований в Черногории. Этот процесс завершился провозглашением Черногории княжеством (1852 г.). В 1878 г. она получила статус суверенного государства.

В силу ряда внутренних и внешних факторов процесс перехода от феодализма к капитализму начался в Черногории с запозданием и протекал более медленно, а следовательно, и более мучительно для основной массы населения — крестьянства. Оживление в развитии товарно-денежных отношений стало наблюдаться еще в конце XVIII в. Однако усиленное проникновение капиталистических отношений началось только после 1878 г. Несмотря на это Черногория продолжала оставаться аграрной страной с преобладанием натурального хозяйства.

* Брду составляли племена: белопавличи, пипери, морача, ровци, кучи, братоножичи и васоевичи, входившие в состав Шкодринского, Герцеговинского и Боснийского санджаков («Грлица», Цетинье, 1835, с. 41—42). В начале XIX в. в Черногорию вошли только пипери и белопавличи, а затем — морача и ровци.

inslav

Большинство населения Черногории составляли крестьяне-общинники, выступавшие в качестве движущей силы и основной базы антиосманской борьбы. Это был класс малоземельных собственников.

Крестьяне владели мизерными клочками земли в 1—3 рала (0,18—0,5 га) и небольшим количеством мелкого скота (до 20 овец) [7]. Вследствие недостатка обрабатываемых земель население было вынуждено большое внимание уделять скотоводству, которое носило отгонно-пастбищный характер. Недостаток плодородных земель обусловливал тяжелые условия жизни крестьян. Небольшие посевы нередко погибали от засухи и других стихийных бедствий, уничтожались во время турецких нападений. На протяжении длительного времени (до 1878 г.) Порта предпринимала непрерывные попытки добиться порабощения Черногории.

Основные средства производства: пахотная земля, скот и недвижимое имущество находились в собственности задруги (кучи) или состоящей из родителей и взрослых детей малой семьи (инокосна куча).

В жизни каждого черногорца значительную роль играли такие общественные институты, как племя и братство. Если племя выступало как административно-территориальная единица (нахия), то в братствах длительное время сохранялись кровнородственные связи. Члены одного и того же племени могли свободно вступать в брак, но это запрещалось лицам, принадлежавшим к одному братству. Территория братства охватывала одно или несколько сел. Но случалось, что жители одного села принадлежали к разным братствам.

Каждый черногорец, проживая на территории какого-либо села и принадлежа к определенному племени и братству, мог пользоваться «комуницами» — общественной собственностью, в состав которой входили пастбища, луга, леса, водоемы и т. д. Хотя все члены определенного племени, братства и села имели равное право на пользование «комуницами», на практике это зависело от экономической мощности хозяйства.

Господствующую верхушку Черногории составляли митрополит, высшее духовенство и старейшины. Черногорский митрополичий престол был наследственным (династия Петровичей-Негошей). В первой половине XIX в. митрополиты Петр I и Петр II Негоши успешно осуществляли руководство освободительной борьбой. Они были не только правителями и военачальниками, но и видными деятелями просвещения. После провозглашения Черногории княжеством (1852 г.) во главе освободительного движения становятся князь и правительство.

Самым крупным земельным собственником в Черногории являлась Цетинская митрополия. Цетинский монастырь не только сохранил при османском господстве свои земельные владения, но и расширил их за счет пожалований, покупок, завещаний и присвоения крестьянских земель [8]. В руках митрополита были сосредоточены церковные (Цетинской митрополии), а по мере созда-

inslav

ния централизованного государства и государственные доходы. А эта, хотя и крайне ограниченная материальная база, создала им возможность возглавить борьбу за проведение преобразований по укреплению государственной власти и организации отпора Османской империи. Право духовной юрисдикции митрополита, распространявшееся помимо Черногории на православное население, проживавшее в Приморье и Герцеговине, способствовало расширению влияния и на пограничные области.

Экономической основой могущества старейшин был скот (некоторые из них имели стада скота в 1 тыс. и более голов), земельная собственность (до 50 рал — 9 га и более) и луга (120 кос — 30 га и больше). Это были довольно крупные хозяйства с учетом черногорских условий. Формой присвоения прибавочного продукта являлась натуральная и денежная ренты. В земледелии получила распространение издольная аренда за половину («наполица») или меньшую часть урожая, в скотоводстве — «наполица» и «кесим» (в последнем случае размер натуральной или денежной оплаты владельцу скота определялся условиями договора или обычаем) [9].

С развитием товарно-денежных отношений старейшины втягивались в рыночные отношения, стали заниматься торговлей (главным образом продажей скота) и ростовщичеством. Они активно выступили в поддержку проведения в стране преобразований по укреплению государственной власти. Государственный аппарат был им нужен для сохранения своего господствующего положения и обеспечения условий, необходимых для дальнейшего обогащения (создания внутриполитической стабильности и утверждения государственной независимости Черногории). По мере создания в Черногории централизованного государства старейшинский слой сосредоточивал в своих руках ключевые позиции в управлении страной. Наиболее родовитые и влиятельные из них вошли в состав высшей бюрократии.

Несмотря на то что в Черногории длительное время сохранялась теократическая форма правления, власть на местах вершили старейшины. Но это не создавало препятствия тому, что наиболее активные представители духовенства, получив титул капитана, сердара и даже воеводы, исполняли административные функции. Священники принимали активное участие и в освободительной борьбе.

Православная религия в Черногории так же, как и повсюду в условиях османского гнета на Балканах, в значительной мере способствовала сохранению национального самосознания. Монастыри были очагами культуры. В условиях почти поголовной неграмотности населения духовенство выступало в роли просветителей.

В 50-е годы XIX в. в Черногории насчитывалось 10 монастырей, 150 церквей и 400 священников. Священники имели земельные наделы и скот. В бесплодной Катунской нахии, где большинство крестьян имело от 1 до 3 рал пахотной земли и всего несколько голов мелкого скота, у священников было от 5 до 12 рал

inslav

земли, 5—40 овец, 2—6 коров. В более плодородной Црмницкой нахии священники имели 10—20 рал земли, 20—60 овец, виноградники и пчелиные улья. Помимо доходов со своего хозяйства они взимали с прихожан плату за совершение различных обрядов (венчание, крещение и пр.). В 1854 г. был установлен налог на содержание духовенства в размере 18 кг зерна ежегодно с каждой семьи [10].

Крупное монастырское хозяйство (Цетинская митрополия, монастыри Острог, Морача и др.), как и хозяйства старейшин, строились на основе арендных отношений с преобладанием натуральной ренты. В 1868 г. монастырское землевладение было поставлено под контроль государства. Монастырские земли (в том числе и земли Цетинского монастыря) стали сдаваться в аренду с аукциона, хотя их управление оставалось в ведении митрополита. Прибавочный продукт с крестьян взимался в денежной форме (третья часть стоимости урожая) [11]. Значительная часть денежных средств, поступавших с монастырских земель, стала расходоваться на содержание школ, что являлось своеобразной секуляризацией монастырских доходов.

В конце 70-х годов XIX в. произошло территориальное увеличение Черногории. К ней были присоединены плодородные земли с городами Подгорица (ныне Титоград — столица Социалистической Республики Черногории), Никшич, Колашин и Жабляк). Черногория получила также выход к Адриатическому морю (70 км побережья с портами Бар и Ульцин). Это создало более благоприятные условия для экономического развития страны.

После территориального расширения Черногории произошло увеличение удельного веса крупных землевладений. В результате проведения аграрных преобразований у черногорских крупных земельных собственников сконцентрировалось около 5—10% обрабатываемой площади. Отдельные представители правящей верхушки стали владеть бо́льшим количеством земли, чем вместе взятые 100, 500 и даже 1 тыс. малоземельных крестьян. Вместе с землей князь Николай передавал своим приближенным дома с хозяйственными постройками. Во владении самого князя находилось свыше 1 тыс. рал (180 га) пахотной земли. Воевода Лазарь Сочица владел около 1505 рал (270 га) земли и большими массивами леса и пастбищ [12].

Крупные землевладельцы (князь и старейшины) в своих хозяйствах по-прежнему сдавали землю в аренду («в наполицу» и третину). В начале XX в., в связи с развитием в стране товарно-денежных отношений и втягиванием хозяйств в рыночные связи, все большее значение приобретали капиталистические способы эксплуатации крестьян. Натуральная рента заменялась денежной (она исчислялась от 1,18 до 11 флоринов с рала земли) и стал применяться наемный труд. Однако переход к капиталистическим формам эксплуатации происходил крайне медленно и затронул лишь незначительную часть хозяйств [13].

В условиях капитализма продолжали сохраняться народные обычаи взаимной помощи: «моба» (коллективная помощь), «узай-

inslav

мица» (заемообразный труд), «спрег» и «супон» (помощь скотом), использовавшиеся для эксплуатации крестьянской бедноты.

Крупные скотоводческие хозяйства быстрее принимали товарный характер. Владельцы скота все в больших размерах применяли наем батраков для ухода за стадами, арендовали за денежную плату пастбища у землевладельцев. Путем покупки крестьянских наделов в разных общинах они приобретали право пользования общинными пастбищами сразу в нескольких селах. Богатые торговцы также самовольно пасли скот на общинных пастбищах, вытесняя из них крестьян[14].

В присоединенных к Черногории после 1878 г. областях (преимущественно в Зете и Приморье) продолжали сохраняться феодальные хозяйства, основанные на чифчийских отношениях. Согласно статье 30 Берлинского трактата 1878 г. на отошедшей к Черногории территории подданные Османской империи сохраняли право собственности, впоследствии подтвержденное рядом черногорско-турецких конвенций. Многие мусульманские землевладельцы (потомки славянского населения, принявшего ислам) перешли в черногорское подданство. Турецкие же землевладельцы предпочли эмигрировать из Черногории. Но они оставляли для сбора доходов в своих владениях управляющих. Эту категорию феодальных земельных собственников, в хозяйстве которых использовался труд феодально зависимых крестьян, пополняли черногорские землевладельцы, получившие дарственные участки вместе с обрабатывавшими их крестьянами — чифчиями. Они не только продолжали использовать феодальную систему эксплуатации крестьян, существовавшую на присоединенных землях при османском владычестве, но зачастую увеличивали размер ренты[15].

За счет княжеских пожалований произошло также расширение монастырского землевладения. В 1897 г. монастыри владели 2,23% всей обрабатываемой земли, что составляло около 4 тыс. рал (728 га) пахотной земли, а также лугами (2500 кос* — 900 га) и виноградниками. В конце XIX в. монастырские земли арендовало 1200 арендаторов (в среднем по 2,8 рала — 0,5 га) и 1,5 косы (0,5 га). Величина арендной платы составляла 2,65, 2,46 и 2,17 флоринов с 1 рала[16].

Старейшины и зажиточные крестьяне арендовали монастырские земли с целью наживы, передавая эти земли в испольную аренду крестьянам («наполица»).

Самый многочисленный класс Черногории — крестьянство находился в наиболее тяжелом положении. Крестьяне по-прежнему страдали от малоземелья. Крохотный участок земли в 0,1—0,5 га не мог обеспечить его семьи, поэтому к середине зимы начинался голод.

Не лучшим было и положение арендаторов, средний годовой доход которых едва превышал арендную плату. Бедственное положение крестьян ухудшалось частыми неурожаями. Осенью во

* Коса — мера лугов, равная 0,36 га.

inslav

время уплаты налогов они были вынуждены занимать деньги на кабальных условиях у ростовщиков под залог урожая или земельного участка.

Еще в более тяжелом положении находились чифчии — зависимые крестьяне. Они владели землей на правах наследственного пользования с обязательством выплаты ренты землевладельцу. Крестьяне сопротивлялись уплате ренты. К 90-м годам XIX в. только часть земли, принадлежавшая османским подданным, была выкуплена обрабатывавшими ее крестьянами или государством.

В Приморье и Зете чифчии продолжали уплачивать землевладельцам ренту натурой в размере четверти, а иногда трети или половины урожая хлеба, половины скошенного хлеба и трети собранного винограда. Турецкие землевладельцы (эмигрировавшие из Черногории) взимали подати сразу за несколько лет, чем разоряли крестьян. Так, один землевладелец судебным путем принудил своих чифчиев уплатить недоимку сразу за 16 лет. После уплаты многие семьи остались без земли и имущества [17].

На протяжении всего XIX в. происходил процесс раздела племенных и братственных земель и увеличивался удельный вес общинного землевладения отдельных сел. Наряду с этим общинные земли частично присваивались и превращались в частную собственность.

Частновладельческие отношения проникали также внутрь задруги, вызывая ее распад. Раздел задружной собственности и создание индивидуальной семьи приводили к усилению в экономической жизни страны частной собственности. Все эти процессы получили дальнейшее развитие во второй половине XIX в. Однако общинная и задружная собственность в Черногории еще долгое время сохранялась, в том числе и племенные земли (в основном — горные пастбища) [18]. Эволюция братства выражалась также в нарушении обязательной прежде экзогамии: среди их членов учащались случаи вступления в брачные связи. Братства постепенно превращались в сельскую общину, но законодательно этот процесс был оформлен только в 80-е годы XIX в. («Закон об организации сел и сельских кметов», 1882 г.) [19].

Нормы общественно-экономической жизни черногорцев длительное время определялись обычным правом, которое было зафиксировано в законодательных актах и затем включено в «Имущественный законник 1888 г.» [20].

Наряду с отмиранием родо-племенных пережитков происходили изменения в социальной структуре черногорского общества, что нашло свое выражение в усилении имущественного расслоения и укреплении экономических позиций господствующей верхушки старейшин.

В процессе расслоения на селе происходило выделение сельской буржуазии и одновременно с этим обезземеливание крестьянства.

Одной из причин ухудшения положения народных масс было дробление земельной собственности, связанное с ростом населе-

inslav

ния. По сравнению с серединой века к 70-м гг. XIX в. население увеличилось на 40—50 тыс. человек, достигнув 130 тыс. человек. Положение народа стало особенно бедственным к середине XIX в., когда бо́льшая часть черногорцев была доведена до крайней нищеты в связи с увеличивавшимися государственными поборами, а также вследствие постоянных неурожаев. Многие семьи, чтобы погасить задолженность, продавали земельные участки, что способствовало дальнейшему расслоению крестьянства.

Еще больше расслоение крестьянства стало отчетливо ощущаться в 70-х годах XIX в. В это время в Катунской нахии богатые крестьяне имели в собственности от 10 до 20 рал пахотной земли, 15—20 кос луга, 50—300 овец и 15—20 волов и коров. Этот процесс еще более резко обозначился в относительно развитых областях Черногории. В Риекской нахии двадцать семей имели по 20—40 рал земли, 100—300 овец и 139 коров[21]. В начале 80-х годов в Белопавличах, Кучах, Мораче, Ровцах и Васоевичах отдельные семьи имели до 500, а некоторые даже от 800 до 1 тыс. голов мелкого скота[22].

Развитие капиталистических отношений вело к дифференциации крестьянства, к дальнейшему дроблению крестьянских наделов. В 1889 г. 18 321 малоземельное крестьянское хозяйство владело участками земли в 1—5 рал (55,03% земельных собственников). В дальнейшем число мелких землевладений возросло, в 1900 г. их доля составляла 56,86%[23], т. е. в конце XIX в. разорение крестьян приняло катастрофические размеры. К этому времени непомерно возросло число случаев продажи земли и имущества крестьян в уплату долговых исков и налоговых платежей. В Черногории увеличилось число крестьян, имущество которых было настолько ничтожно, что они совершенно не облагались налогом.

Вследствие большой экономической отсталости Черногории процесс отделения производителей от средств производства протекал медленно и особенно мучительно. Разорившиеся крестьяне, не находя применения своей рабочей силе, обрекались на полуголодное существование или были вынуждены искать заработков за границей. Эмиграция принимала все большие размеры. В 70-е годы в поисках заработка из Черногории ежегодно выезжало по 2—3 тыс. человек[24]. Черногорцы работали в Стамбуле, участвовали в строительстве Суэцкого канала, выезжали в Сербию, Россию, Турцию, Грецию, Румынию, Америку. Одни уезжали на сезонные работы, другие эмигрировали с семьями навсегда. Только в 1904 г. было выдано 11 тыс. разрешений на выезд за границу. В одной Америке в феврале этого года находилось 8 тыс. черногорцев[25].

Как следствие дифференциации крестьянства в Черногории возникала и крепла сельская буржуазия. Она вела торговлю скотом и занималась ростовщичеством. Вплоть до начала XX в. в стране не имелось ни одного кредитного заведения, и крестьяне были вынуждены брать взаймы у ростовщиков, в роли которых

inslav

выступали старейшины и сельские богачи. Ростовщический процент достигал 100—200, намного выше установленной законом нормы (8%) [26]. Кроме денежных ссуд сохранились натуральные формы кредита: в кредит предоставлялся хлеб («ваджевина») и скот. Низкая платежеспособность крестьянского хозяйства являлась благоприятной почвой для развития натуральных форм кредита, при которых кредитор выступал одновременно в роли ростовщика и торговца. В стране получила распространение «вересия» — торговля в кредит, главным образом скотом. В этом случае торговцы взимали с покупателя еще и ростовщические проценты.

Долгое время в экономической жизни Черногории большое значение имели (в связи с отсутствием до 1878 г. городов) близлежащие торговые центры, расположенные на территории Австрийской и Османской империй. Черногорцы приносили на базары продукты скотоводства, пригоняли скот, а на вырученные деньги покупали хлеб, соль и необходимые товары. При этом скотоводство, являвшееся, как нами указывалось, главным занятием населения, раньше других отраслей сельского хозяйства приобрело товарный характер. Черногория поддерживала торговые связи с соседними бокельскими (Котором, Рисаном, Будвой) и далматинскими (Дубровником), с герцеговинско-боснийскими (Никшичем, Подгорицей) и североалбанскими (Шкодрой, Беране) и другими городами. Пограничные столкновения препятствовали развитию торгового обмена, который вообще прекращался во время военных конфликтов с Османской империей. Другим большим препятствием вплоть до 1878 г. в развитии торговых связей Черногории являлось отсутствие выхода к морю: черногорские торговцы должны были пользоваться австрийскими или турецкими портами, расположенными на Адриатическом море. Через территорию Австрии Черногория поддерживала связь с Россией, которая оказывала ей помощь, снабжая деньгами, хлебом и боеприпасами.

Постепенно, особенно с середины XIX в., возрастал товарооборот как внутри страны, так и с соседними странами. В недрах старых патриархальных отношений вызревали элементы капиталистических форм производства. И все же этот процесс происходил крайне медленно. Накопленный капитал снова направлялся в торговлю и ростовщичество. Общественное разделение труда оставалось слабым, внутренний рынок незначительным. До 1906 в. в Черногории отсутствовала своя валюта. В обращении находились главным образом австрийские и турецкие деньги. Сохранение феодальных форм хозяйства (откупная система, монополии, привилегии), сдерживало деятельность нарождавшейся торговой буржуазии.

В условиях социальных перемен на селе торговая буржуазия по примеру господствующего класса старейшин стремилась обеспечить за собой контракты на откупа и торговлю монопольными товарами. В некоторых случаях при совершении торговых сделок торговцы выступали совместно со старейшинами и духовенством, стремясь занять также место в государственном аппарате.

inslav

Черногорская торговая буржуазия, поддерживавшая тесные коммерческие связи с Австрией, стала заимствовать оттуда капиталистические формы организации торговли. В 50-х годах была создана компания по вывозу рыбы, в 1874 г. Общество по торговле спиртными напитками, имевшее монопольное право на ввоз и продажу этих изделий в Черногории, а в следующем году — Общество по скупке и вывозу лечебных трав[27]. Однако в большинстве случаев эти торговые общества в условиях отсталой черногорской экономики, просуществовав несколько лет, распадались. Естественно, что торговые акционерные компании — формы объединения капитала, присущие более развитым странам, не могли привиться в условиях черногорского строя с сохранившимися в нем полуфеодальными и патриархальными отношениями.

Присоединение в 1878 г. территорий с плодородными землями и развитыми городами и получение выхода к Адриатическому морю — все это способствовало развитию торговли. Вследствие этого ускорился рост торговой буржуазии. К началу XX в. в ее среде окрепла небольшая группа, которая забрала в свои руки почти всю торговлю скотом — главным товаром местного черногорского экспорта. Таможенная политика правительства проводилась в интересах привилегированных торговцев, имевших связи со двором. Они монополизировали почти всю торговлю скотом, рыбой, солью и другими товарами, освобождались от уплаты пошлин. Так, два торговых дома (Вулетич из Цетини и братья Маричи из Колашина) сосредоточили в своих руках почти весь экспорт скота. В 1902 г. они вывезли во Францию 25 тыс. овец. Но в целом черногорская буржуазия оставалась малочисленной и экономически слабой, промышленная буржуазия почти отсутствовала.

В связи с развитием капитализма в Черногории росло городское население. В 1909 г. оно достигло 34,5 тыс. человек, что составило 15,8% всего населения. В городах увеличивалось число ремесленников, торговцев, мелких предпринимателей, чиновников и интеллигенции[28]. В начале XX в. ремесло стало клониться к упадку, не выдержав конкуренции с иностранными промышленными товарами.

Лишь в конце XIX в. в Черногории стали основываться первые промышленные предприятия, прежде всего деревообрабатывающие, затем пищевые. К началу XX в. относится создание некоторых более значительных предприятий (мыловаренный завод в Баре) и кредитных заведений. С созданием первых промышленных предприятий стал зарождаться рабочий класс. В конце 70-х годов имели место его первые стихийные выступления. В Черногории положение рабочих было особенно тяжелым, так как из-за отсутствия сколько-нибудь развитой промышленности спрос на рабочую силу был невелик, не имевшие работы пролетарии перебивались случайными заработками. Продолжительность рабочего дня не была ограничена, рабочее законодательство отсутствовало. Только в 1891 г. был принят закон о 8-часовом рабочем дне для рабочих государственной типографии в Цетине.

inslav

С перерастанием мирового капитализма в высшую стадию — империализм Черногория стала объектом проникновения иностранного капитала, преимущественно австрийского и итальянского. Австрийский капитал занял господствующие позиции во внешней и внутренней торговле Черногории. Погашение австрийских займов ложилось тяжелым бременем на плечи трудящихся. В начале XX в. начал проникать итальянский капитал, который хищнически эксплуатировал материальные и природные ресурсы страны (табачная монополия и др.).

Таким образом, достижение государственной независимости Черногорией не принесло народу улучшения его материального положения, большинство которого составляло крестьянство. Значительные остатки феодализма и наличие больших патриархальных пережитков тормозили развитие капитализма, следствием чего являлось тяжелое положение трудящихся масс. Сельское хозяйство — основная отрасль черногорской экономики — не могло удовлетворить спроса населения на продукты питания, даже в хлебе. В дальнейшем по мере усиления классовой дифференциации происходило обострение социальных противоречий, что привело в Черногории в начале XX в. к росту оппозиционного движения самодержавному режиму князя Николая.

[1] См.: *Караџић В.* Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1953; *Медаковић М.* Живот и обичаи Црногораца. Беч, 1867; *Дучић Н.* Црна Гора. Биљешке. Београд, 1874; *Броневский В.* Описание Черногории.— Сын Отечества, 1818, XXVII—XXIX, с. 17—31, 49—69, 109—211; *Петкович К.* Черногория и черногорцы. СПб., 1877.

[2] *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом и настоящем. В 3-х т. СПб., 1879, т. II, ч. 1, с. 6, 8, 135 и след.

[3] История Югославии. Т. 1. М., 1963.

[4] *Павићевић Б.* Стварање Црногорске државе. Београд, 1955.

[5] *Никчевић Т.* Политичке струје у Црној Гори у процесу стварања државе у XIX вијеку. (Отпор стварању државе). Цетиње, 1958.

[6] *Буровић М.* Трговачки капитал у Црној Гори у другој половини XIX и почетком XX вијека, Цетиње, 1958; *Он же.* Црногорске финансије. 1860—1915. Титоград, 1960.

[7] *Дућић Н.* Црна гора, с. 59.

[8] *Никчевић Т.* Указ. соч., с. 9, 21; Црнгорске исправе XVI—XIX вијека. Цетиње, 1964, док. 2, 3, 5, 7, 11—16, 21, 23—28, 30, 35, 37.

[9] Општи имовински Законик за књажевину Црну Гору, Цетиње, 1888, с. 309—312.

[10] *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX в. М., 1979, с. 25—26.

[11] *Буровић М.* Црнгорске финансије, с. 14—20.

[12] *Булајић Ж.* Аграрни односи у Црној Гори (1878—1912). Титоград, 1952, с. 45, 206—207; *Бацковић М.* Црна Гора при крају 19 в. Београд, 1895, с. 7.

[13] *Булајић Ж.* Указ. соч., с. 221.

[14] Стенографске биљешке о раду Црногорске народне скупштине 1906 г. Цетиње, 1908, с. 124, 863, 951, 953; *Јовићевић А.* Црногорско Приморје и Крајина.— Српски етнографски зборник. Београд, 1922, књ. 23, с. 125—126.

[15] *Булајић Ж.* Указ. соч., с. 35—36, 50—55.

[16] Там же, с. 209, 219, 222, 228, 231.

[17] Стенографске биљешке о раду Црногорске народне скупштина 1906 г., с. 951.

inslav

[18] Подробнее см.: *Ћирић-Богетић Љ.* Комунице у Црној Гори у XIX и почетком XX века. Титоград, 1966.
[19] *Ровинский Н.* Указ. соч., т. II, ч. 1, с. 180—181.
[20] См.: Зборник судских закона, наредба и међународних уговора за Краљевину Црну Гору. В 2-х томах. Цетиње, 1912, кн. II.
[21] *Дучић Н.* Црна Гора, с. 59.
[22] *Божовић Т., Ђоновић Ј.* Црна Гора и напредни покрет. Београд, 1911, с. 115—116.
[23] *Булајић Ж.* Указ. соч., с. 152—154.
[24] *Дучић Н.* Указ. соч., с. 86.
[25] *Ровинский П.* Указ. соч., т. III, 1915, с. 79, 459.
[26] Општи имовински законик за књажевину Црну Гору, ст. 262, 534.
[27] См.: *Ђуровић М.* Трговачки капитал..., с. 66—67, 182.
[28] Глас Црногорца, 15.I 1911.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БОСНИЙСКО-ГЕРЦЕГОВИНСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX В.

Д. Ф. Поплыко (СССР)

Будучи провинцией Османской империи, Босния и Герцеговина оказалась подверженной всем процессам, протекавшим в общественной и экономической жизни этого государства. По сравнению с другими славянскими провинциями эти области находились на особом положении. Из-за широкого распространения здесь мусульманства Порта считала их своим оплотом на западе империи.

К концу первой половины XIX в. в империи продолжал господствовать феодальный способ производства, в котором, однако, происходили значительные изменения. Противоборство спахийских и чифликчийских отношений закончилось победой последних[1]. С середины века началось разложение и этой формы феодальных отношений. Все заметнее становились процессы первоначального накопления капитала, что позволяет считать это время началом перехода от феодализма к капитализму. Балканские провинции империи в социально-экономическом отношении опережали собственно турецкие области. Отсутствие статистики вынуждает ограничиться лишь общей характеристикой того или иного класса, сословия или социальной группы и показом новых тенденций в социальном развитии.

Специфика господствующего класса в Боснии и Герцеговине состояла в том, что в течение всей истории османского владычества на Балканах он состоял из потомков местных славянских феодалов, которые сохранили в своих руках власть и земли, приняв ислам в период завоевания полуострова турками. Правление феодалов-потурченцев способствовало тому, что мусульманская религия пустила здесь глубокие корни и приобрела особенно фанатичную форму. Сохранив свою силу и используя окраинное положение земель в империи, местные феодалы сумели приобрести известную автономию и отстаивать ее вплоть до середины XIX в.

inslav

Светские феодалы делились на бегов и агов — крупных и мелких феодалов. Представители высшего дворянства занимали административные посты капетанов (которые стояли во главе особых военных округов — капетаний, расположенных вдоль границы с Австрией и Венецией; должность их была наследственной) и аянов (правителей областей во внутренней Боснии). Из представителей этих знатнейших фамилий (беговата) состоял диван — совещательное учреждение при визире. По мере ослабления империи роль беговата возрастала и в XVIII и особенно в первой половине XIX в. достигла своего апогея. В это время центробежные тенденции привели его к вооруженной борьбе с центральной властью. Но в 1850—1851 гг. феодальная оппозиция была разгромлена османскими войсками, и управление Боснией и Герцеговиной перешло в руки турецких чиновников, что породило новые противоречия в господствующем классе [2].

В период спахийского землевладения могущество спахий определялось большим или меньшим земельным владением (зиаметом или тимаром), полученным за военную службу, или кассом — за службу в администрации. В годы перехода к чифликчийским поземельным отношениям в среде феодалов шел активный процесс имущественного расслоения. Значительный удар крупным землевладельцам был нанесен конфискацией имений участвовавших в бунте феодалов. Имения дробились также в результате передачи по наследству. В итоге многие прежде знатные роды обнищали настолько, что их члены превратились в простых земледельцев. Часть дворян стала чиновниками [3].

Обогащение другой, меньшей части феодалов шло разными путями, главным из которых была усилившаяся эксплуатация крестьян. Источниками обогащения служили также разорение соседей — мелких феодалов, и махинации на военных поставках [4], скупка, а чаще насильственный захват земель. Так, А. Ф. Гильфердинг рассказал о Джиничах, крупнейших феодалах северо-западной Боснии, которые в конце 50-х годов захватили не только земли крестьян, но и окрестных церквей и монастырей [5].

Класс феодалов стремился приспособиться к росту товарно-денежных отношений. Государство, испытывая потребность в деньгах, отдавало налоги, и прежде всего главный из них — десятину, на откуп. Для многих феодалов откупа превращались в значительный источник дохода [6]. Феодалы занимались и ростовщическими операциями, особенно в округе, где были расположены их земли и где поэтому были самые благоприятные условия для дополнительного обогащения: нужда крестьян в ссудах для уплаты налогов (которые все чаще собирались в деньгах), безнаказанность действий феодалов, продажность администрации. Для середины века характерен и такой вид «предпринимательской» деятельности феодалов: купив стадо скота, чаще всего овец, они отдавали его на прокорм кметам, которые должны были содержать стадо и платить с каждой овцы определенную сумму денег, а в случае падежа скота возмещать его стоимость помещику. Показателем отношения

inslav

сторон к такого рода сделкам является насильственное навязывание их агами кметам [7].

Административному аппарату — чиновникам и полицейским (заптиям) официально было запрещено брать налоги на откуп, но фактически они были компаньонами феодалов и за взятки покрывали махинации последних. Источники изобилуют свидетельствами об обогащениях посредством откупов, которые часто сдавались на откуп другим лицам. Так, крупнейшие откупщики в Травникской каймакамии братья Тодор и Атанасий Петровичи в 60-х годах XIX в. за взятку в 500 дукатов чиновнику продали свое право на откуп и получили 400 000 пиастров прибыли [8]. На накопленные такими методами средства представители господствующего класса приобретали новые земли, на которых хозяйничали по старинке, расширяли откупа налогов и ростовщические операции.

Феодалам принадлежала вся полнота политической власти. В оппозиции к Порте, в борьбе против засилия турецких чиновников и против реформ светские феодалы исходили из своих классово-эгоистических интересов, защищали свои привилегии. Но противоречия между местными феодалами и османским государством отступали на второй план перед главным антагонистическим противоречием между ними и крестьянством. Во второй половине XIX в. после разгрома оппозиции Стамбулу, феодалы продолжали выступать против реформ Танзимата, так как реформы урезали их права на крестьян. Но аграрные противоречия становились все острее. Страх перед крестьянскими восстаниями сближал все прослойки феодалов. А. Ф. Гильфердинг привел большой материал о подавлении феодалами восстаний крестьян христианского вероисповедания в Посавине и Краине в 50-е годы, когда был поставлен вопрос об уничтожении барщины [9]. Классово враждебной крестьянству оставалась позиция феодалов вплоть до и во время восстания 1875—1878 гг. Так, на совещании боснийских бегов и зажиточных горожан-мусульман в 1876 г. было принято решение об отказе крестьянам в праве на земельные наделы, ибо земля, по убеждению участников совещания, была «извечно наша, а не гяурская!» [10]. Крестьяне, бежавшие с земель феодалов, не заплатившие третину, десятину и нанесшие ущерб господину, подлежали смертной казни. Феодалы жестоко расправлялись и с теми крестьянами, которые осмеливались жаловаться в Константинополь. Постановления центральной власти на местах замалчивались или искажались, и власть феодала над крестьянином сохранялась в полной мере. Долгое время феодалам удавалось держать под своим влиянием и использовать в борьбе против Порты и христианской райи крестьян мусульманского вероисповедания [11].

Для султанского правительства антагонизм между феодалами и крестьянами был надежным средством сохранения власти в провинции без затраты дополнительных средств и войск [12].

Духовенство в Боснии и Герцеговине не может быть однозначно охарактеризовано как господствующее сословие. Специфика

inslav

состояла в том, что здесь были распространены три вероисповедания, находившиеся далеко не в равных условиях. Феодалы, чиновничество, часть духовенства, значительная часть горожан (ибо города были в течение столетий административными, военными и религиозными центрами), часть крестьянства исповедовала ислам. Основную массу крестьянства составляли православные, меньшую часть — католики.

Шариат определял нормы жизни общества. Представление о превосходстве мусульманина над любым «неверным» оправдывало угнетение народов империи, его шовинистические основы не были поколеблены и в эпоху Танзимата[13]. Мусульманское духовенство было и в Боснии и Герцеговине крупным землевладельцем (вакуф) и эксплуатировало крестьян, причем наиболее жестоко немусульман.

Права православной церкви определялись бератами султана, издававшимися по просьбе константинопольского синода и патриарха, согласно которым церкви и монастыри освобождались от налогов, захват их имущества наказывался, запрещалось силой обращать христиан в ислам, церкви и монастыри могли получать по завещанию треть имущества христианина и т. д. Однако в действительности православная церковь подвергалась гонению. В процессе почитлученья феодалами и чиновниками захватывались и церковные земли.

Вместе с тем высшее православное духовенство имело ряд привилегий, например митрополита могли судить только в Константинополе, его двор был освобожден от воинских постоев, в пользу митрополита и патриарха собирались особые налоги и др. Присылаемые из патриархии высшие священнослужители, в подавляющем своем большинстве греки, чуждые интересам местного населения, обычно ни слова не знавшие по-сербски, пользовались своими привилегиями для эксплуатации крестьян[14]. Многие из них вошли в историю как подлинные грабители народа. Так, герцеговинский митрополит Аксентий, покидая епархию в конце 40-х годов, увез с собой только золота на 12 000 дукатов. Подобно ему обогатились дабробосанский митрополит Прокопий (1852—1855), помощник зворникского митрополита Мелентий (1848—1861) и др. Если высшее духовное лицо защищало интересы паствы, это стоило ему потери места. В жалобах крестьян содержится много претензий к высшему духовенству. Так, в жалобе 1859 г. архиереи названы янычарами, которые грабят народ. Видный просветитель В. Пелагич называл их «крещеными турками»[15]. Высшее православное духовенство, формально не входя в состав правящего класса, фактически срослось с ним. Оно верно служило османским властям, участвуя в расправе с любой оппозицией. Так, при активном участии митрополита Дионисия был арестован и выслан в конце 60-х годов В. Пелагич[16]. Враждебность высшего духовенства крестьянству особенно ярко проявлялась в период крестьянских восстаний[17].

inslav

Католическое духовенство пользовалось большими привилегиями, чем православное. Ферман султана подтверждал неотъемлемость принадлежащих ему земель и освобождал от налогов. Его представителям было разрешено получать образование за границей[18]. Высший католический клир также был классовым врагом и католического, и православного, и мусульманского крестьянства, и преследовал все передовое в среде низшего духовенства. Австро-Венгрия использовала католичество для усиления своего влияния в Боснии и Герцеговине. В период борьбы с боснийскими феодалами Порта стремилась при помощи высшего духовенства всех вероисповеданий удержать крестьян от перехода на сторону бегов, а во времена крестьянских восстаний требовала от духовенства способствовать усмирению народа[19].

Иным было положение и общественная позиция низшего православного духовенства. Его представители — сербские приходские священники часто были выходцами из горожан и крестьян и по своему материальному положению приближались к крестьянам. Часто они пользовались большим влиянием в народе, были организаторами начальных школ[20]. Многие из окончивших семинарии в монастыре Житомысличи или в Банялуке стали учителями[21]. В период национально-просветительской пропаганды в их среде горячий отклик нашли идеи национального освобождения и славянского единства. Они часто присоединялись к народным восстаниям, иногда даже возглавляли отряды восставших, как, например, священники Стеван Аврамович и Хаджи Петко Ягодич в восстании в Боснийской Посавине 1858 г. или поп Жарко в восстании 1875—1878 гг.

Низшее католическое духовенство представляли в Боснии фратры — приходские священники из францисканцев. Получив образование в Италии, Венгрии, Австрии, они с трудом находили контакт с местным населением, что сказывалось на пробуждении хорватского национального самосознания. Однако новые веяния затронули и хорватскую среду. Некоторые из францисканцев стали выступать с идеями славянского единства, помогали восставшим сербам.

Крестьянство в Боснии и Герцеговине составляло подавляющее большинство населения. Крестьяне по имущественному и правовому положению, а также по религии состояли из различных категорий. Имелись «свободные» крестьяне и кметы. Принятое в литературе определение «свободные крестьяне» имеет в виду тех крестьян, которые не находились в зависимости от помещика, владели участком земли и платили только государственные налоги. Их можно условно назвать государственными крестьянами.

К категории «свободных крестьян» следует отнести также войников (филуриджиев), которые в силу особого положения Боснии как пограничной области империи за военную службу на границах наделялись государством землей и освобождались от большинства налогов. Свободным от феодальной зависимости ос-

inslav

тавалась к середине XIX в. часть христианского населения юго-восточной части Герцеговины. В этих горных, пограничных с Черногорией районах жило славянское население[22], которое больше подчинялось черногорскому князю, чем султану. Крестьянство православного исповедания несло здесь военные и полувоенные обязанности, некоторые районы вообще не знали спахий и в 50-е годы сопротивлялись превращению их в кметов. Попытки феодалов закабалить их вызвали восстание. Гильфердинг отметил, что многие крестьяне здесь владеют землей как собственники, чего нет в других местах Боснии и Герцеговины[23]. Таким образом, основная масса «свободного крестьянства» находилась вне Боснии. В Боснии же сосредоточивалось большинство кметов, которые жили на землях помещиков. Босния располагала плодородными землями, особенно по Саве, поэтому здесь находились помещичьи владения. Основную массу кметов составляли здесь православные сербы, лишь небольшая часть их была мусульманами[24]. В Герцеговине по границе с Черногорией кметами являлись главным образом католики хорваты[25]. Для выяснения численности разных категорий населения югославские историки с определенными оговорками считают возможным пользоваться статистикой более позднего времени. Согласно австро-венгерской переписи 1885 г., в провинции было около 8 тыс. семей феодалов и 315 тыс. крестьянских семей, в том числе 200 тыс. семей кметов[26]. По данным 1910 г. число кметских семей упало до 80 тыс., из них сербы составляли 75%, хорваты 21%, мусульмане около 4,4%. В категории «свободных» крестьян соотношение было иным: из общего числа 135 тыс. «свободных» семей сербы составляли примерно 26%, хорваты — 17%, а мусульмане — 56,6%[27]. Приведенные данные свидетельствуют, что крестьяне-мусульмане были главным образом «свободными», а христиане, особенно православные,— кметами. Раздел крестьянства по национально-религиозному признаку отрицательно сказывался на их классовой борьбе.

С середины XIX в. ускорился процесс разорения и обнищания крестьянства. По мере разложения феодализма, развития товарно-денежных отношений, закабаления Османской империи европейским капиталом росли старые государственные налоги (прежде всего основные — десятина и вергия, поборы в пользу церкви, бесплатные работы, извозная повинность, постои солдат и др.)[28], а также возникали новые, большинство которых взимались в денежной форме. Процесс разорения крестьянских масс ускоряли посредничество откупщиков и ростовщиков, произвол чиновников. В системе откупов как в фокусе собрались все пороки османского господства[29]. Этническое и конфессиональное неравенство в полной мере проявляло себя и в налоговой политике государства. Мусульмане были освобождены от многих налогов, нередко в отдельных областях (например, Сараевской околии) они освобождались от них полностью[30].

На феодально зависимом крестьянстве помимо государственных налогов лежала масса повинностей и податей в пользу поме-

inslav

щика. Главной податью, которую во второй половине века чифчия-кмет платил аге-помещику, являлась «третина» (1/3 всякого урожая). Однако договорные условия между землевладельцем и крестьянином-арендатором не соблюдались, «третина» доходила до «половины». В 50—60-е годы феодалы использовали и внеэкономическое принуждение, в том числе формально отмененную барщину, а также сбор третины в деньгах [31]. Перечисление разного рода налогов и податей заняло бы несколько страниц. В целом, по свидетельству современников, с 1850 по 1875 г. налоги и поборы выросли от 3,5 до 10 раз [32]. Основная масса их ложилась на плечи крестьян. Наиболее тяжелым было положение крестьян сербов. По Гильфердингу, положение земледельческого класса составляло «главную язву» Боснии [33]. Особенно тяжелое положение кметов в эпоху распада империи подчеркивает и турецкий ученый О. Л. Баркан [34].

Все это способствовало имущественному расслоению крестьянства, проходившему уже в новых социально-исторических условиях. Богатела общинная верхушка, которая ведала распределением налогов. Рядовые общинники разорялись на уплате налогов, это вело к тому, что ага сгонял их с земли. Такие бедняки обычно уходили из села, строили где-либо халупу (отсюда их название «колыбаре», бобыли) и работали по найму на богатых хозяев или устраивались на временную работу. Начало этого процесса отмечал еще Гильфердинг в конце 50-х годов. Он называл колыбарей «пролетариями» [35]. Гильфердинг приводит следующие данные о степени обезземеливания: на 10 семей, обрабатывавших землю, колыбарей приходилось две—три, а иногда и больше, семьи [36]. Как видно по жалобе крестьян Порте от 1859 г., из 30—40 тыс. крестьянских домов в наиболее плодородных Зворникской, Банялукской и Бихачской нахиях едва 200 семей имели свою землю [37]. Однако несмотря на расслоение крестьянство выступало против феодализма как единый класс. Существовавший общественный строй не удовлетворял и зажиточных крестьян, ибо объявленные Портой права, в том числе право христиан на владение землей, не соблюдались. Произвольный захват земли, уничтожение посевов, разрушение строений и т. п. вакуфами, феодалами или представителями администрации, делал необеспеченным положение любого земледельца [38].

Увеличение налогов, притеснение администрации и т. д. коснулись также мусульманского населения провинции. В отличие от помещиков и зажиточных мусульман-горожан, мусульмане-крестьяне остро чувствовали отрицательные последствия новых общественно-экономических явлений [39]. Это сказалось на их отношении к немусульманскому крестьянству. Порта по-прежнему разжигала религиозные противоречия, но на селе эта политика становилась все менее эффективной. Корреспондент «Таймс» отмечал в 1875 г., что антагонизм между райей и простыми мусульманами не так велик, как между райей и мусульманскими землевладельцами; мусульманские крестьяне в основном бедны [40].

inslav

В ряде случаев классовые интересы способствовали преодолению религиозных и национальных предрассудков: крестьяне всех трех религий совместно обращались с жалобами к местным и центральным властям, к европейским державам[41]. Так появлялись первые ростки будущего классового союза, для которого много сделала боснийская революционная демократия во главе с В. Пелагичем в период восстания 1875—1878 гг.[42]

Социальная картина в деревне будет неполной без характеристики второй по важности области занятия населения — скотоводства, стоявшего в экономике Герцеговины даже на первом месте. Однако в связи со слабой изученностью вопроса можно наметить лишь тенденции социальных процессов. Рост старых и появление новых налогов и пошлин на содержание скота, на летние и зимние пастбища, за прогон скота, сдача налогов на откуп, взимание их в деньгах и т. п. тяжело сказывались на хозяйстве скотоводов. Невозможность расплатиться с долгами вынуждала их продавать скот, тем самым лишая основного источника существования[43]. Наряду с обнищанием массы скотоводов формировался узкий слой богатых торговцев скотом. Они объединялись в особый цех («джелепчиев»)[44].

На экономическую жизнь и социальные отношения в Боснии и Герцеговине оказало влияние богатство их полезными ископаемыми, прежде всего железной рудой. Но и здесь долго господствовали феодальные отношения. Рудники, как правило, принадлежали султану, и право добычи руды отдавалось на откуп. Владелец рудника, плативший казне десятину, мог его продать, заложить и передать по наследству, он пользовался рядом привилегий. Иногда рудник принадлежал бегу-феодалу[45].

Откупщиками рудников выступали крупные чиновники, торговцы, иногда иностранцы. Так, добычу руды во всей Боснии взял на откуп в середине XIX в. бывший каймакам (вице-губернатор) Травника египтянин Хаджи Али-паша[46]. В 1873 г. сараевские торговцы Хашим-ага Глоджо и Салих-ага Софтич получили разрешение добывать руду в Сараевском округе. В 1871 г. добился концессии на добычу каменного угля в округе Зеницы французский подданный торговец Дезире Фалкнер. Откупа росли в цене и здесь. Так, в Фойнице в 1869 г. десятину с рудника продавали за 38 000 грошей в год, а в 1871 г. уже за 46 000[47]. В горном деле также протекали, хотя и медленно, процессы разложения феодализма и первоначального накопления капитала.

По мере развития товарно-денежных отношений и расширения торговых связей значительные изменения происходили в городах. Города Боснии и Герцеговины, которые в течение веков османского владычества были крепостями и административными центрами, превращались в торговые пункты, причем параллельно с этим росло их христианское население[48]. Слой горожан-торговцев играл все бóльшую роль.

Для Боснии и Герцеговины генезис буржуазии связан главным образом с формированием торгового ее слоя. С начала XIX в., когда

inslav

в Боснии в результате континентальной блокады сложилась хорошая конъюнктура (через нее проходил так называемый «хлопковый путь» с Востока на Запад), торговля хлопком, главный склад которого находился в Сараеве, послужила обогащению торговцев. В середине XIX в. Сараево стал значительным центром внутренней и внешней торговли. Сараевские купцы играли ведущую роль в торговых операциях провинции. Торговцы-оптовики, сербы и евреи по национальности, держали в своих руках сараевскую торговую корпорацию — «чаршию». Примерно девять фамилий самых влиятельных сербских торговых домов в Сараеве (М. Ефтанович, Р. Савич, Хаджиристичи, Р. Трифкович, Дестич, Бесара и др.) и несколько еврейских торговых домов (Р. Леви, С. Барух, сыновья Мамулетичи) [49] вели все торговые дела с Австрией, доставляли товары из Сплита, Дубровника, Шибеника, Задра, Триеста, Вены, Лейпцига, из турецких областей [50]. В этих операциях участвовали купцы Мостара, монополизировавшие комиссионные дела в Триесте. Несколько позднее, во второй половине XIX в., они тоже выдвинули из своей среды несколько известных фамилий торговцев (Аничич, Кнежич, Белобрк и др.) [51]. В конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. крупнейшие сараевские торговцы открыли свои предприятия в Вене (сербы М. Ефтанович, П. Хаджиристич, Т. Фадович, еврей Русо и др.) [52]. Сараевские и мостарские торговцы открыли филиалы своих контор в других городах Боснии и Герцеговины. Здесь они закупали сушеные сливы, скот и т. д. для вывоза в турецкие и австрийские земли. Со временем эти филиалы стали основой формирования торговой буржуазии в Брчко, Броде, Тузле, Ливне, Травнике, Банялуке и других городах [53].

Торговцы-мусульмане, по свидетельствам современников, участвовали лишь во внутренней торговле константинопольскими товарами, главным образом текстилем и изделиями местных ремесел. Католики торговлей почти не занимались [54].

В 70-е годы XIX в. в среду торговцев вклинивались иностранцы-концессионеры, успешно, при поддержке властей, конкурировавшие с местными купцами [55].

Несколько фамилий крупных торговцев, «гросистов», как их называли, имели большой удельный вес в торговле провинции. Но наиболее типичными для Боснии и Герцеговины были мелкие торговцы, нередко торговцы-перекупщики. А. Ф. Гильфердинг характеризовал его так: «Весьма немногие (из герцеговинских купцов.— *Д. П.*) ездят за товарами в Триест; большее число получают их из Сараева, и не только товары турецкие, но даже австрийские мануфактурные изделия. Больших торговых оборотов не бывает: купец едет сам верхом в Сараево или отправляется через Далмацию в Триест, закупает или, чаще всего, берет в кредит понемногу разного товару, привозит на вьюках из Боснии или с австрийской границы и сам продает по мелочам» [56].

Торговец вторгался и в ремесло, способствуя ускорению процесса разложения цехов. Распад цеховых отношений начался во

inslav

второй половине XVIII в. Превращение отдельных ремесленников в торговцев, борьба между ремесленниками и торговцами за влияние на цехи начались, по мнению югославского исследователя Х. Крешевляковича, с 70-х годов XVIII в. После уничтожения янычарского корпуса в 1826 г. признаки нового в цехах становились все более явственными. Ощутимый удар по цеховой системе был нанесен в середине 40-х годов XIX в., когда начался ввоз иностранных товаров [57].

Торговцы, разбогатевшие ремесленники, стали диктовать цехам условия выполнения своих заказов [58]. Разложение старых так называемых восточных ремесел шло параллельно с возникновением новых, отвечавших требованиям времени. Новые виды ремесел часто возникали вне цехов. В сущности иногда это были рассеянные мануфактуры, где работали разорившиеся ремесленники [59]. Создавались временные объединения ремесленников, уходивших на промыслы (плотников, каменотесов, строителей). В торгово-денежные отношения втягивалось и домашнее производство крестьян (гончарное) [60]. В среде ремесленников шел процесс имущественного расслоения. А. Ф. Гильфердинг по этому поводу отмечал: «Из ремесленников богатейшие примыкают к торговцам, бедные к простому народу» [61]. Города становились не только торговыми, но и ремесленными центрами. Крупнейшим из них был г. Сараево, насчитывавший до 50 тыс. жителей. Однако ростки новых отношений были еще очень слабы. В Боснии и Герцеговине до начала XX в. сохранялись цехи, несмотря на формальную отмену их в 1851 г. Османское иго препятствовало развитию промышленности. Не менее отрицательным было влияние монопольных прав, полученных иностранцами (например, на торговлю солью), которое имела Австрия.

Таким образом, в условиях крайней отсталости и замедленности процессов перехода от феодализма к капитализму в 40—50-е годы XIX в. из разных социальных слоев начал формироваться класс буржуазии. Первое поколение ее вышло из немусульманских низов, оно увеличивало капиталы путем торгово-ростовщических операций, откупов налогов и права на разработку руд, захватов земель и т. д., использовало различные послабления для райи периода Танзимата. Правители провинций Омер-паша в 50-е годы и Осман-паша в 60-е годы XIX в. в борьбе против сепаратизма бегов вынуждены были поддерживать новую общественную силу — торгово-ростовщическую буржуазию и средние городские слои. Обогащаясь в условиях феодального строя, эта буржуазия выделилась в особый социальный слой, умевший ладить с властями и с греческим высшим духовенством. Ей были присущи туркофильство, ненависть к восстававшим крестьянам. Народ называл их «лизоблюдами турок» [62]. Отдельные сараевские торговцы «с полными мешками золота ездили в Царьград» [63]. Они готовы были к лжесвидетельству, всегда поддерживали власть против народа [64].

Антинациональный характер этого торгового сословия в 50—60-е годы XIX в. единодушно отмечался современниками [65].

inslav

Накопление элементов нового в экономике и социальной структуре, происходившее в течение нескольких десятилетий, привело в 60-х годах XIX в. к определенному качественному сдвигу.

Появление первых фабричных предприятий в Сараево, развитие горнорудного дела, начало прокладки шоссейных дорог, строительство мостов, открытие первой железной дороги и телеграфных линий, усиление связей с западными рынками, расширение колоний боснийских купцов в Австро-Венгрии, Сербии, Константинополе, введение свода торговых законов в империи — все это свидетельствовало о том, что буржуазия Боснии и Герцеговины укрепляется в экономической жизни провинции. В социальном и политическом отношении это был новый отряд буржуазии, несмотря на то, что она оставалась главным образом торговой. Представители «второго» поколения, в отличие от своих неграмотных или полуграмотных отцов, получали образование в Западной Европе, России или Сербии. Однако купечество было бесправно; согласно мусульманскому праву богатейшие торговцы, как и беднейшие крестьяне, были райей.

В отличие от приспособившихся к строю «отцов»-туркофилов, аналогами которым являлись на Балканах болгарские чорбаджии и румынские чокои, «дети» хотели хозяйствовать по-европейски. Однако отсутствие гарантии личности и имущества, неравенство христиан с мусульманами связывали им руки.

Недовольство существующим положением делало молодое поколение буржуазии восприимчивым к национально-освободительной пропаганде. Ее представители не только стали противниками османского ига, но и возглавили национально-освободительное движение (Нико Окан, Стева Богданович, Ефто Белобрк, Васо Видович, Петр Узелац, Голуб Бабич и др.). Главной движущей силой освободительной борьбы было крестьянство, к которому апеллировала либеральная буржуазия. Однако союз их был временным и непрочным: буржуазия была индифферентна к решению острейшего аграрного вопроса; во время восстания 1875—1878 гг. она пошла на сделку с феодалами.

В 60-е годы вступила на общественную арену формировавшаяся национальная интеллигенция. Большинство ее составляли народные учителя. В силу их разночинского происхождения характерной чертой этой социальной прослойки была демократичность. Будущие учителя получали образование в Сербии, России, Западной Европе. В деле подготовки местных учителей большую роль сыграли первые православные семинарии.

Руководители национально-освободительного движения — учителя, священники и торговцы — испытали на себе сильное влияние европейского национально-освободительного движения и сербской Омладины (1866—1872), имевшей активных членов среди боснийцев и герцеговинцев. Вместе с левыми, выделившимися из Омладины и пошедшими за Светозаром Марковичем, революционерами-демократами и сторонниками социализма в Боснии и Герцеговине

inslav

стали Васо Пелагич, Косто Угринич, Манойло Хорвачанин, Земфо Бостанчич.

Буржуазной программе освобождения Боснии и Герцеговины от османского ига революционно-демократическая интеллигенция противопоставила самую прогрессивную для того времени программу, суть которой составляла идея революционного преобразования: автономия Боснии и Герцеговины, уничтожение феодальных отношений, совместное выступление всех угнетенных, независимо от национальности и религии, против своих угнетателей[66].

Таким образом, структура боснийско-герцеговинского общества не была простой. Силой, расшатывавшей старое общество и ускорявшей создание нового, являлась здесь антифеодальная классовая борьба крестьянства, особенно активная в 50—70-е годы XIX в.[67] В эти годы окончательно оформилось разделение общества на два антагонистических лагеря: проосманский и массовый антиосманский. Резкое обострение социальных и национальных противоречий привело к середине 70-х годов к революционной ситуации, которая переросла в восстание 1875—1878 гг. за свержение османского ига.

[1] *Новичев А. Д.* История Турции. Т. IV, Новое время, ч. III (1853—1875). Л., 1978, с. 108—128.
[2] При создании низама Омер-паша поставил в Боснии на все важные административные посты выходцев из других провинций империи. См.: Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX веку. Београд, 1952, с. 34.
[3] *Гильфердинг А. Ф.* Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии.— В кн.: Записки имп. Рус. географ. об-ва. СПб., 1859, кн. 13, с. 374.
[4] С. Скендерова приводит пример обогащения крупнейшего феодала, фактического правителя Боснии в 40—50-е гг. Фазли-паши, наживавшегося на поставке хлеба для армии. *Скендерова С.* Летопись Боснии (1825—1856). Отд. оттиск. Б. г., с. 638.
[5] *Гильфердинг А. Ф.* Поездка..., с. 390—391.
[6] *Крешевљаковић Х.* Капетаније и капетани у Босни и Херцеговини.— Годишњак истор. друштва Босне и Херцеговине. Т. II. Сарајево, 1950, с. 126.
[7] *Гильфердинг А. Ф.* Поездка..., с. 292.
[8] *Поповић В.* Аграрно питање у Босни и турски нереди за време реформног режима Абдул-Меџида (1839—1861). Београд, 1949, с. 131—132; *Богићевић В.* Стање раје у Босни и Херцеговини пред устанака 1875—78 године.— Годишњак истор. друштва, т. II, с. 164.
[9] *Гильфердинг А. Ф.* Поездка..., с. 376—377 и др.
[10] Застава, 22.II, 5.III 1876, № 30, с. 1.
[11] *Богићевић В.* Стање раје..., с. 145—146.
[12] Герцеговина в историческом, географическом и экономическом отношениях. СПб., 1875, с. 49.
[13] *Новичев А. Д.* История Турции, т. IV, ч. 3, с. 82—86 и др.
[14] Епархия покупалась, поэтому, заплатив за нее, митрополит стремился получить с нее как можно больше доходов.
[15] *Пелагић В.* Покушаји за народно и лично унапређење. Београд, 1871, с. 18, 152—153, 170—175.
[16] *Бесаровић Р.* Васо Пелагић. Сарајево, 1951, с. 48—49.
[17] *Скарић В.* Из прошлости Босне и Херцеговине XIX вијека.— Годишњак истор. друштва Босне и Херцеговине, 1949, год. 1, с. 31.
[18] *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 г. Отд. оттиск. Б. г., с. 451.
[19] *Богићевић В.* Стање раје..., с. 149.
[20] *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 г., с. 458—459; Он же. Поездка... с. 326—327.

inslav

[21] *Скарић В.* Из прошлости Босне и Херцеговине..., с. 34—35.
[22] В Герцеговине — районы Шаранцы, Езеро, по границе с Черногорией — районы Пивы, Дробняка и др.— См.: Буне и устанци..., с. 36, 48.
[23] *Гильфердинг А. Ф.* Поездка..., с. 347—348.
[24] Там же, с. 307.
[25] Буне и устанци..., с. 36.
[26] Там же, с. 35.
[27] Там же.
[28] *Гильфердинг А. Ф.* Поездка..., с. 87; *Он же.* Босния в начале 1858 г., с. 463; *Skarić V.* Sarajevo i njegova okolina od najstarijich vremena do austro-ugarske okupacije. Sarajevo, 1937, s. 216.
[29] *Ekmecić M.* Ustanak u Bosni. Sarajevo, 1960, s. 15, 30.
[30] *Скарић В.* Из прошлости Босне и Херцеговине..., с. 26; *Skarić V.* Sarajevo..., s. 200, 207.
[31] *Богићевић.* Стање раје..., с. 168.
[32] *Пелагић В.* Историја босанско-херцеговачке буне. Сарајево, 1953; с. 114; см. также: *Богићевић В.* Стање раје..., с. 161, 173; Герцеговина, с. 51—52; *Скарић В.* Из прошлости Босне и Херцеговине..., с. 25, 26; Буне и устанци..., с. 36, 48; *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70-е годы XIX в.). М., 1971, с. 41—87; *Вучо Н.* Привредна историја СФРЈ до првог светског рата. Београд, 1948, с. 274—275; *Ekmečić M.* Ustanak u Bosni, s. 11, 15, 30.
[33] *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 г., с. 432.
[34] *Баркан О. Л.* Чифлук.— Годишњак историјског друштва Босне и Херцеговине, т. II, 1950, с. 287—298.
[35] *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 г., с. 446—448. См. также: *Он же.* Поездка..., с. 154; *Скендерова С.* Летопись..., с. 651; *Богићевић В.* Стање раје..., с. 169.
[36] *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 г., с. 448. *Богићевић В.* Стање раје..., с. 146; *Попов Н.* Положение райи в современной Боснии.— Слав. сборник, 1875, с. 318.
[37] *Prelog M.* Povijest Bosne u doba osmanlijske vlade. T. II. Sarajevo, 1924, s. 86.
[38] *Скендерова С.* Летопись..., с. 580, 585, 605; *Чокорило П.* Летопись Герцеговины (1830—1857).— Русская беседа, 1858, № 2, с. 100—101; *Памучина И.* Жизнь Али-паши Ризванбеговича Стольчанина, визиря Герцеговинского (Рассказ современника и очевидца).— Записки Имп. Русск. геогр. об-ва, СПб., 1859, кн. 13, с. 511—513, 537—542.
[39] *Гильфердинг А. Ф.* Поездка.., с. 307; Буне и устанци..., с. 36.
[40] См. в кн.: *Богићевић В.* Стање раје..., с. 152.
[41] *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы..., с. 100 и др.
[42] *Поплько Д. Ф.* Демократическое течение в боснийско-герцеговинском восстании 1875—1878 гг. в освещении русской периодической печати.— В кн.: 100-godišnica ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim semljama u istočnoj krizi 1875—1878 godine. T. I—III. Sarajevo, 1977, t. II, s. 383—391.
[43] В расчете на одну свинью налог вырос к концу 50-х годов с 47 пара (около 6 коп. серебром) до 10 пиастров (50 коп.). См.: *Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 г.., с. 414.
[44] *Скарић В.* Из прошлости..., с. 17.
[45] *Kreševljaković H.* Gradska privreda i esnafi u Bosni i Hercegovini (od 1463 do 1851).— Годишњак истор. друштва Босне и Херцеговине, Сарајево, год. 1, 1949, с. 187—188.
[46] *Гильфердинг А. Ф.* Поездка..., с. 361—362.
[47] *Muderizović R.* Bosanski majdani za turske uprave.— Glasnik zemaljskog muzeja. Sarajevo, 1919, XXX, s. 24—26.
[48] А. Ф. Гильфердинг писал: «Прежде в самом городе Банялука вовсе не было православных: они поселились там в недавнее время (в течение нынешнего столетия) и почти все выходцы из Герцеговины, из Требиньского края» (*Гильфердинг А. Ф.* Поездка..., с. 387).
[49] *Skarić V.* Sarajevo..., s. 199, 203—204, 230—231; *Он же.* Из прошлости Босне и Херцеговине..., с. 21; *Скендерова С.* Летопись..., с. 647.

inslav

[50] *Гильфердинг А. Ф.* Поездка..., с. 49; *Скарић В.* Из прошлости Босне и Херцеговине..., с. 19—20.
[51] *Скарић В.* Из прошлости Босне и Херцеговине..., с. 20, 21.
[52] *Skarić V.* Sarajevo..., s. 199—200, 204.
[53] Буне и устанци..., с. 32; *Муратбеговић А.* Омер-паша Латас у Босне. 1850—1852. Загреб, 1944, с. 119; *Skarić V.* Sarajevo..., s. 240; *Он же.* Из прошлости Босне и Херцеговине..., с. 20—21.
[54] *Гильфердинг А. Ф.* Поездка..., с. 49—50.
[55] *Muderizović R.* Bosanski majdani..., s. 26.
[56] *Гильфердинг А. Ф.* Поездка..., с. 48—49.
[57] *Kreševljaković H.* Gradska privreda..., s. 199—200, 209.
[58] *Idem.* Kazandžijski obrt u Bosni i Hercegovini.— Glasnik zemaljskog muzeja. Nova serija. Sv. VI, Sarajevo, 1951, s. 199; *Idem.* Gradska privreda..., s. 196.
[59] *Skarić V.* Sarajevo..., s. 203—204.
[60] *Он же.* Из прошлости..., с. 17—18; *Kreševljaković H.* Gradska privreda..., s. 190, 197; *Kalmeta A.* O seljačkom lončarstvu u zapadnoj i srednjoj Bosni.— Glasnik zemaljskog muzeja. Sv. IX. Nova ser., Sarajevo, 1954, s. 148, 151, 153.
[61] *Гильфердинг А. Ф.* Босния..., с. 460.
[62] Там же, с. 460, 465—466; *Гильфердинг А. Ф.* Поездка..., с. 74, 83—84; *Скендерова С.* Летопись..., с. 648; *Богићевић В.* Стање раје..., с. 150.
[63] *Prelog M.* Povijest Bosne... т. II, s. 103; Буне и устанци..., с. 34.
[64] *Скендерова С.* Летопись..., с. 646—649.
[65] *Богићевић В.* Стање раје..., с. 151; Буне и устанци..., с. 38.
[66] Текст программы см.: *Пелагић В.* Историја..., с. 131—143.
[67] История Югославии. Т. I. М., 1963, с. 604—607; 609—613; Буне и устанци..., с. 46—148; *Маслеша В.* Млада Босна. Београд, 1945, с. 38—44.

КЛАССЫ И СОСЛОВИЯ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В. Я. Гросул (СССР)

Прошлое столетие вошло в историю Дунайских княжеств как время перехода от феодализма к капитализму. В этом отношении княжества мало чем отличались от большинства других стран Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Отличия наблюдались в степени развития капитализма, в особенностях феодальных отношений в княжествах до 1859—1864 гг., когда произошло их объединение и была проведена крестьянская реформа.

После Адрианопольского мира 1829 г. и принятия основных законов — Органических регламентов в 1831—1832 гг.— в княжествах происходит изменение формы феодальных отношений [1], наложившее определенный отпечаток и на социальную структуру Молдовы и Валахии. Нельзя также не учитывать и определенные различия политического характера, поскольку при особом положении Дунайских княжеств в составе Османской империи, при сохранении ими внутренней автономии, расширявшейся в XIX в., они и после объединения в 1859 г. находились в вассальной зависимости от турецкого султана и обрели политическую независимость только в 1877—1878 гг.

Анализ социальной структуры княжеств до их объединения мы начнем с рассмотрения системы господарской власти, посколь-

inslav

ку без этого трудно разобраться и в положении классов и групп, и в особенностях княжеств и господствовавших в них до 60-х годов феодальных отношений. Характерной особенностью Дунайских княжеств на протяжении всей истории от их основания до объединения было наличие системы власти господарей и бояр. Исключение составляли времена турецкой, русской и австрийской администраций и непродолжительных периодов правления каймакамов — правителей, назначавшихся Портой. В первой половине XIX в., также временно и только в Валахии, власть переходила в 1821 г. к вождю повстанцев Тудору Владимиреску, а в период революции 1848 г. к временному революционному правительству.

Господари княжеств, начиная с XIV в., были главами феодальных государств и верховными собственниками земли. Они обладали военной, юридической, административной и фискальной властью. Но система господарской власти ограничивалась боярством, которое имело право выбора господарей, хотя временами правление господаря становилось наследственным. Кроме того, господари в области духовной жизни делили власть с митрополитами. Эта система сохранялась до тех пор, пока княжества сохраняли свою независимость, т. е. до XV—XVI вв. С установлением господства турецкого султана господари стали сначала выбираться по предложению Порты из числа бояр, затем назначаться на непродолжительный срок. С XVII в. господарями спорадически назначаются и иностранцы, преимущественно фанариоты, а в 1711—1821 гг. греки-фанариоты. По существу Порта даже не назначала господарей, а продавала престолы княжеств грекам-фанариотам.

С того времени, когда княжества потеряли свою независимость и господарская власть перестала быть наследственной, когда были урезаны многие их прерогативы, мы уже не можем говорить о господарях как о феодальных монархах. В 1822 г. пришел конец господству фанариотов, и господари стали вновь назначаться из местных бояр на срок до семи лет, а после введения Органического регламента — пожизненно. Правда, по Балта-Лиманской конвенции 1849 г. этот срок вновь сокращается до семи лет, но в целом укрепление господарской власти во второй трети XIX в. несомненно. Усиливаются позиции господаря и как земельного собственника. Фанариоты не были заинтересованы в приобретении значительного числа имений. Зная, что их правление будет непродолжительным, они стремились к максимальному увеличению налогов и повинностей, не занимаясь хозяйством на землях, им непосредственно принадлежавших. Иная картина складывается после 1822—1829 гг. Господарь постепенно становится и крупнейшим земельным собственником. Это характерно и для господаря Михаила Стурдзы, и для Карла I, ставшего в 1881 г. королем Румынии.

После принятия Органических регламентов 1831—1832 гг. господарь избирался Общим экстраординарным собранием бояр, с участием митрополита и епископов, а также представителей

inslav

городов, т. е. нарождающейся буржуазии, число которых было, однако, незначительным. По валашскому регламенту из 190 человек экстраординарного собрания, города представляли лишь 27 человек[2]. По закону господарем мог стать мужчина не моложе 40 лет, местный житель, происходящий из знатной семьи. Но в действительности выборы господаря производились не всегда. Так, в 1834 г. господари были назначены Портой из числа кандидатов, предложенных Россией. Выборы господаря были проведены в Валахии лишь в 1842 г., в Молдавии — в 1859 г. Тогда же в Валахии господарем был избран молдавский господарь А. Куза и таким своеобразным путем произошло объединение княжеств. В 1866 г. был выбран иностранец — Филипп Фландрский, так и не приехавший в Румынию по ряду международных обстоятельств, а затем Карл Гогенцоллерн. Таким образом, международное положение накладывало серьезный отпечаток на положение господаря, на его выборы и прерогативы.

Превращение господарской системы в конституционную монархию наметилось еще до провозглашения Румынии королевством. Одним из этапов на этом пути было, конечно, объявление Органическими регламентами принципа разделения властей и учреждение «Обычного собрания», которое считалось высшим законодательным органом и состояло из крупного боярства и высшего духовенства. По существу же законодательная власть делилась между господарем и Обычным собранием, что вытекало из различных оговорок основного закона. Наличие его самого, провозглашение принципа разделения властей, введение «цивильного листа» — во всем этом можно видеть отражение процесса превращения Румынии в буржуазное государство, хотя в начале нововведение носило искусственный характер и на деле мало соблюдалось.

Господари находились на самой вершине феодальной иерархии. Класс феодалов был представлен многочисленным боярством и духовенством. В рассматриваемое нами время боярство состояло из трех категорий — больших, средних и малых бояр. Дети и внуки бояр двух первых категорий носили наименование нямуров и пользовались предпочтением при занятии административных и других государственных должностей. Дети бояр третьей категории теряли боярское звание, если, конечно, не получали от господаря повышение, что обычно делалось за соответствующую плату. Во всей структуре административной и судебной власти княжеств эпохи феодализма, в том числе и в наименовании боярских должностей, заметно значительное влияние Византии, а также соседних славянских государств.

Боярство носило сословный характер, но сословием в точном смысле этого слова не было, поскольку не было юридически оформленного наследственного боярства, а оно определялось занятием тех или иных государственных должностей. Конечно, дети бояр имели предпочтение при поступлении на государственную службу. Они опирались при этом на положение своих родителей и их ма-

inslav

териальные возможности, но автоматического получения боярских званий не существовало. Таким образом, между русским дворянством и боярством княжеств имелись заметные отличия. Бояре не были также и помещиками в полном смысле этого слова, ибо поместная система, достигшая наибольшего развития в XV—XVI вв. в дальнейшем распространения не получила. Вплоть до первой трети XIX в. основным центром притяжения служили государственные должности, дававшие бо́льшие доходы, нежели от собственных имений.

Боярство княжеств до этого периода не обладало также привычной для русского дворянства стабильностью. В XIX в. практически не существовало боярских родов, которые могли бы гордиться своим древним происхождением. Большинство крупных бояр вело свое происхождение с XVIII в. Как отмечал в свое время К. Маркс, боярство было по своему национальному происхождению довольно пестрым [3]. В его составе было много греков-фанариотов, а также армян, татар, поляков. В XIX в. состав бояр пополнялся за счет продаж боярских титулов, что было солидной статьей господарского дохода. Тем не менее одной из особенностей боярства была его сравнительная немногочисленность. В XVIII в. в Молдавии насчитывалось несколько более 300 боярских семейств, составлявших примерно 0,3% населения княжества, тогда как в России, например, дворянство составляло 2,2%, а в Австрии 6,7% населения [3а]. В 1810—1812 гг. в Молдове вместе с Бессарабией числилось 500 боярских семейств (0,3% населения), а в 1828 г. в Молдове без Бессарабии их было уже 888 (или 0,4% населения) [4]. К 1849 г. число боярских семейств выросло до 2680 [5]. В Валахии в 1812 г. было 600 семейств бояр (0,5% населения), а в начале 30-х годов — 1621 семейство (также 0,5% населения) [6]. При этом нами учитывались только бояре всех трех разрядов, не включая в их число нямуров, которых в 1821 г. в Валахии было 2108 семейств [7].

При общих чертах, характерных для боярства обоих княжеств, между ними существовали и определенные различия. Молдавское боярство в большей степени занималось хозяйством в своих имениях. Это объяснялось и более благоприятными для Молдавии условиями Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., предоставившими княжеству определенные возможности для внешней торговли, частично ограничившими торговую монополию Порты, а также тем, что молдавские бояре, владея имениями в Польше (Подолия), в России (Бессарабия, Левобережье Днестра), в Австрии (Буковина), больше испытывали влияние экономических условий названных стран. Валашское же боярство не столь охотно занималось хозяйственными делами, предпочитая длительное время находиться в столице княжества и за пределами страны в период многочисленных войн. Об этом говорит и широкая продажа боярских должностей, и большое распространение системы аренды.

Сравнительная малочисленность боярства объяснялась прежде всего особой формой феодальных отношений, неразвитостью госу-

inslav

дарственного аппарата и чиновничества, отсутствием национальной регулярной армии, созданной только в начале 30-х годов XIX в., но вплоть до 60-х годов, состоявшей всего лишь из нескольких полков [8].

Боярство было самым крупным земельным собственником княжеств. По данным 1803 г. из 1711 сел Молдавского княжества (вместе с торгами) 23 принадлежали господарю, 215 монастырям, 327 боярам и 546 резешам [9]. В конце XVIII в. боярству принадлежало более половины земельных массивов княжества [10]. Причем 470 из 927 боярских сел владели 28 семейств боярской олигархии. Семья Стурдзы имела 65 сел, Балш — 60, Росетти — 57, Гики — 52. Постепенно Молдавия все более превращалась в край крупных латифундий, и этот процесс стал характерным для всего XIX в. Такой же процесс происходил и в Валахии, но в меньшей степени, хотя отдельные бояре владели крупными земельными массивами. В Валахии в 1820 г. у Гр. Брынковяну было 53 села, у Ш. Беллу — 16 [11].

Стремление бояр к расширению земельных владений стало особенно заметно после Адрианопольского мира 1829 г., уничтожившего турецкую торговую монополию и давшего значительные возможности для экспорта сельскохозяйственной продукции. К этому крупные бояре стремились уже давно. В 20-е годы между крупным и мелким боярством шла борьба, отражавшая две тенденции в развитии феодальных отношений. В результате преобладающей стала тенденция к перенесению центра тяжести феодальной эксплуатации на имения бояр. Любопытно, что если раньше бояре назывались хозяевами земель (стэпынь), то по Органическому регламенту они уже квалифицировались как собственники (проприетарь) — важный штрих в отражении положения боярства и вообще феодального класса.

Господствующее положение в княжествах занимало и духовенство. Даже в самые трудные времена турецкого господства, когда возникла угроза превращения Молдавии и Валахии в пашалыки, православие оставалось господствующей религией и мусульмане даже не имели права возведения здесь своих мечетей. К моменту создания княжеств молдавская и валашская церковь канонически зависели от охридского патриарха [12]. За влияние в княжествах ведется долгая борьба между охридскими и константинопольскими патриархами, закончившаяся в XVII в. полной победой Константинополя. Однако на определенном этапе молдавская церковь (валашская этого сделать не смогла) в середине XV — начале XVI в. приобрела автономию, хотя и не стала автокефальной. Вследствие этого молдавские митрополиты в отличие от других митрополитов Константинопольской патриархии пользовались значительной самостоятельностью, что накладывало свой отпечаток на положение молдавского духовенства в целом. В XVIII — начале XIX в., однако, в связи с господством фанариотов не только в политической, но и духовной жизни княжеств, произошло ослабление этой самостоятельности.

inslav

Кроме обычного деления духовенства на белое и черное, в княжествах на особом положении находились так называемые преклоненные монастыри, предводительствуемые греческими игуменами и являвшиеся филиалами Афонского, Иерусалимского и прочих заграничных «святых мест». Эти монастыри не подчинялись контролю государства и не зависели от местных монастырей. Господари, бояре, местное духовенство вели долгую борьбу за передачу земель преклоненных монастырей княжествам. Эта борьба закончилась временным успехом в 1822 г., после восстаний 1821 года, и султан специальным фирманом повелел изгнать греческих игуменов и передать их имущество княжествам. Это позволило заметно укрепить финансовое положение Молдовы и Валахии, но по Аккерманской конвенции 1826 г. по настоянию правительства России греческие монахи получили возмещение, и преклоненные монастыри вновь стали объектом внутренних конфликтов. Новый фирман 1827 г. вновь восстановил статус-кво (положение до 1822 г.) [13]. Владения преклоненных монастырей вновь были переданы княжествам лишь после их объединения [14]. Секуляризация земель преклоненных монастырей за значительное возмещение была осуществлена законом от 13 декабря 1863 г.

Специфичным было положение молдавского и валашского духовенства тех земель, которые были отторгнуты от княжеств и управлялись непосредственно турецкими пашами и татарскими ханами. В начале XIX в. половина Бессарабии не входила в состав Молдавского княжества, а значительные пространства земель вокруг крепостей Брэила, Дурджу, Турну — Валашского. Православное духовенство и православная церковь находились здесь в подчиненном положении. Поэтому считать его положение господствующим можно только с рядом оговорок. К середине XVII в. для этих территорий была создана особая Проиловская (Брэиловская) епархия [15] во главе с митрополитом, подчиненным непосредственно константинопольскому патриарху. За влияние над православным населением на этих землях велась между проиловским, молдавским и валашским митрополитами длительная борьба, завершившаяся в 1829 г. ликвидацией Проиловской епархии [16].

Таким образом, внутренние противоречия были характерны не только для боярства, но и для духовенства. В среде боярства шло упорное противоборство между пришлыми, преимущественно фанариотскими, боярами, и местными, между крупным боярством, средним и мелким, а также между различными группировками, ориентировавшимися на ту или иную великую державу — Россию, Австрию, Турцию, Францию. Конфликт между охридским и константинопольским патриархами перерос в борьбу между славянским и греческим течениями в княжествах. Противоречия между местным и греческим духовенством способствовали укреплению национальной идеи и национального самосознания, приобретя не только духовный, но и политический оттенок. Международный резонанс получила борьба за секуляризацию земель преклоненных монастырей и за возвращение приходов Проиловской епархии. Во

inslav

времена русско-турецких войн Россия передавала эти приходы Молдавской или Валашской митрополиям.

Церковь в княжествах была крупным земельным собственником. Ей принадлежало до 1/3 обрабатываемых земель. Изощренно эксплуатируя народные массы, духовенство накапливало колоссальные богатства, используя в своих владениях труд не только феодально зависимых, но и свободных крестьян. На землях монастырей применялся барщинный труд, монастыри получали оброк в натуральной или денежной форме, являлись также крупными ростовщиками. Вместе с тем духовенство, особенно низшее, принимало определенное участие в национально-освободительной борьбе молдавского и валашского народов, а некоторые священники во время антифеодальных восстаний даже возглавляли выступления народных масс. Духовное сословие в численном отношении даже превосходило боярство. Так, в Молдове, исключая Бессарабию, в 1826 г. было 8478 служителей белой церкви, включая не только священников, дьяконов, дьячков, но и могильщиков. Всего же монахов, мужчин и женщин, было 4500 человек [17]. Они свято блюли не только интересы церкви, но и светских феодалов в целом, оказывая значительное влияние и на внутреннюю политику княжеств. Митрополит считался вторым после господаря лицом в государственной иерархии. Представители церкви входили в состав Чрезвычайного и Обычного общего собрания. В Валахии из 43 его членов было 4 представителя церкви — митрополит и 3 епископа, причем митрополит являлся председателем как Чрезвычайного, так и Обычного собраний, что особенно подчеркивало роль церкви в государственной жизни.

В эпоху феодализма крестьянство составляло подавляющее большинство населения княжеств. Наиболее привилегированными социальными группами, занимавшими промежуточное положение между боярством и свободным крестьянством, были категории мазылов и рупташей. Мазылы являлись потомками бояр третьей и, частично, второй категорий и обладали рядом привилегий как фискального, так и юридического порядка. Их положение было законодательно определено, и поскольку звание мазыла было наследственным, то вполне можно говорить о сословии мазылов. Они имели организацию военного характера, нечто вроде русского казачества, и составляли местную стражу. Органические регламенты сохранили привилегии мазылов. Они даже получили право принимать участие в выборах представителей в Чрезвычайное собрание [18]. Как и прежде, мазылы платили даждию — годовой налог, но были освобождены от ряда других налогов и повинностей.

Спорным остается вопрос о происхождении категории рупташей. По мнению одних авторов, рупташи происходили из среды духовенства, потерявшего свои приходы и звания. Существует также мнение, что рупташи — это выходцы из различных слоев свободного населения. Как и категория мазылов, рупташи сформировались в середине XVIII в., являясь наследственной категорией, и во многом выполняли те же функции, что и мазылы, кото-

inslav

рые привлекались не только в местную стражу, но и помогали в сборе налогов, при охране границ и пр. Они обладали правом иметь слуг и батраков. Так же как и мазылы, они освобождались от ряда повинностей и платили годовой налог. В Бессарабии после 1812 г. мазылы и рупташи были приравнены к крестьянам-однодворцам, что еще раз свидетельствует о том, что эти категории, несмотря на привилегированное положение, были все-таки ближе к классу крестьян, нежели феодалов.

Мазылы и рупташи занимались виноделием, пчеловодством, шелководством, вели торговлю, но обработку земли считали для себя недостойным занятием и очень редко занимались хлебопашеством. Их число было невелико. В 1827 г. в Валахии было 2842 семьи мазылов и 3222 — рупташей [19], в Молдове в 1826 г. зафиксировано 2059 семей мазылов и 4039 — рупташей [20].

Многочисленной была категория свободных крестьян, которые в Молдавии назывались резешами, а в Валахии — мошненами. Существует несколько версий происхождения этой категории крестьян, наиболее крайними из которых являются теория происхождения резешей от древних крестьян-общинников и теория боярского происхождения резешей. В настоящее время вторая теория, снабженная довольно вескими аргументами и материалами, считается более предпочтительной [21], хотя не исключено, что некоторая часть резешей ведет свое происхождение от средневековых крестьян.

Резеши, как и мошнены, были в первой половине XIX в. свободными крестьянами-общинниками. Однако между русской общиной и общиной резешской была существенная разница. Резеши обладали правом собственности на землю и могли ее покупать и продавать. Как правило, у резешей сочеталось право собственности на свой участок с правом владения и пользования на общинные земли. Но в последнее время некоторые исследователи (П. В. Советов) приводят материалы, где право собственности распространялось даже на долю в общем владении общины. Важной особенностью резешской общины было и то, что бояре имели право вступления в нее, и это был один из путей подчинения резешского землевладения боярскому. При продаже земли, однако, правом предпочтения пользовался член общины. Им часто был бояринфеодал.

Резеши имели право использовать труд феодально зависимых крестьян. На практике это случалось не часто, причем получение продуктовой десятины или барщинный труд присваивался нередко сообща. В свою очередь, и сами резеши, разоряясь, попадали в феодально зависимое состояние.

Резешские села преимущественно располагались в горах, лесах, по границам княжеств, на севере Валахии, на западе и юге Молдовы. В былые времена они составляли основу молдавской и валашской армий и обычно свято хранили свои традиции и обычаи, оказывая значительное воздействие на остальное крестьянство, особенно на феодально зависимое, стремившееся перейти в резешское состояние. Сравнительно высокий удельный вес ре-

inslav

зешей и мошненов в среде крестьянства — от четвертой до третьей его части — был довольно стабильным и объяснялся заинтересованностью государственной власти в сохранении этой категории, первоначально как серьезной воинской силы, а затем оседлых налогоплательщиков, не заинтересованных в частой перемене места жительства. В начале XIX в. в Молдове (без Бессарабии) на долю резешей приходилось 28% всего крестьянства, в Валахии — на долю мошненов — 25%. Из них в Большой Валахии — 18,5%, в Малой — 38,6% [22]. В 1821 г. свободные крестьяне, прежде всего воины — пандуры, составляли костяк повстанческих отрядов Тудора Владимиреску.

Большинство крестьян Молдовы и Валахии относилось к различным категориям и группам феодально зависимого населения. Оно также не было однородным, характеризуясь, однако, рядом общих черт. Прежде всего нужно подчеркнуть, что феодально зависимое крестьянство, за исключением цыган, не было крепостным. Полемику по поводу крепостного права после реформ К. Маврокордата в 40-х годах XVIII в. к настоящему времени можно считать завершенной [23]. Сейчас никто не утверждает о наличии крепостного права в Молдове и Валахии в XIX в. Действительно, по закону крестьяне не были лично зависимыми от бояр, не имели бояре и судебной власти над крестьянами. Поземельная же зависимость до Органического регламента была такова, что большая часть прибавочного продукта шла не боярину-землевладельцу, а государству, т. е. прежде всего классу феодалов в целом. Крестьяне имели право перехода и право покупки земли. Конечно, всеми этими правами они на деле пользовались очень редко и, учитывая сумму обязанностей перед боярами и государством в целом, большинство феодально зависимых крестьян приближалось к положению прикрепленных к земле. После Адрианопольского мира и вступления в силу Органических регламентов правовые нормы в отношении личной, поземельной и судебной зависимости претерпели незначительные изменения. Крестьяне практически сохраняли те же права, но изменение формы феодальных отношений выразилось в ряде новых или, точнее, усилившихся старых явлений. Перенесение центра эксплуатации с налогов и повинностей на имения бояр, заметное усиление барщины и оброка при одновременном уменьшении обязанностей перед государством несомненно усилило зависимость крестьян от бояр, но это не привело, как писали некоторые авторы (А. Оцетя), ко второму закрепощению.

Примечательно, что усиление барщины и оброка с феодально зависимых крестьян, которых часто в княжествах называли барщинными крестьянами — в Валахии клэкашь, в Молдове — понташь, в Бессарабии — царанами, сопровождалось с начала 30-х годов сокращением налогообложения крестьянства, уменьшением количества податей и повинностей и введением единого налога — капитации. Существует ряд материалов о том, что феодально зависимые крестьяне пользовались правом перехода, в том числе

inslav

и в города; запрещение же перехода в города Валахии в 1842 г. полностью не приостановило этот процесс[24].

Существовало множество путей воздействия феодалов на крестьян. Одним из них было использование боярами феодальных монополий (монопольная продажа спиртного, право на рыбную ловлю, на охоту, использование водоемов, лесов и т. д.). Эти феодальные права сохранялись вплоть до 60-х годов[25] и с особой силой подчеркивали характерные черты феодального строя.

Говоря о феодально зависимых крестьянах, необходимо иметь в виду и тот факт, что они не были однородными ни по своему имущественному, ни даже социальному положению. Законодательно в рассматриваемое время крестьяне делились на три разряда: фрунташь, мижлокашь и кодашь, т. е. богатых, средних и бедных. Определение разрядности производилось прежде всего по числу голов крупного рогатого скота, имевшегося у крестьян, в соответствии с которыми и предоставлялись земельные участки. Это было проявлением ярко выраженного имущественного неравенства, которое в условиях развития капитализма постепенно превращалось и в неравенство социальное — в появление на селе кулаков, середняков, бедняков и безземельных батраков. Социальное неравенство существовало в среде феодально зависимых крестьян и в первой половине XIX в., и в этом отношении характерно существование особых категорий феодально зависимых крестьян, таких, как скутельники, послушники, бреслаши и слуги. Существование категорий типа скутельников является одной из характерных особенностей так называемого молдаво-валашского феодализма — переходного между западной и восточной формами феодальных отношений. Эти категории стали массовыми после реформ К. Маврокордата середины XVIII в. и вплоть до 30-х годов XIX., когда они были упразднены. На их долю приходилось до половины феодально зависимого крестьянства.

Скутельники и прочие освобождались от части или от всех налогов и повинностей государству и взамен этого должны были работать на феодалов. Нередко бывало так, что один крестьянин нес феодальные повинности у «своего» боярина и как скутельник — у «чужого». Но довольно часто обе обязанности совпадали, и крестьянин находился в таком случае чуть ли не в полной власти феодала. Примечательно, однако, что крестьяне нередко стремились быть связанными с одним феодалом. И хотя в данном случае их положение мало отличалось от положения крепостных, но они ограждались от произвола администрации. Количество скутельников, передававшихся боярам, зависело от знатности последних. Великие бояре получали их в большем числе, малые — в меньшем. Послушники отличались от них сначала тем, что передавались в услужение духовным феодалам, бреслаши, как категория, появившаяся в самом начале XIX в., выделялись преимущественно своей квалификацией — ремесленной или сельскохозяйственной и выполняли, как правило, особые виды работ. На поверку, однако, отличия между этими категориями в XIX в.

inslav

были незначительными или совсем их не было. Послушники могли использоваться светскими феодалами. Они даже передавались в услужение иностранным консульствам, а скутельники работали в качестве бреслашей и т. д.[26]

В Молдове в 1826 г. было 29,7 тыс. семейств скутельников[27], в Валахии в это же время насчитывалось их до 25 тыс. Кроме того, в этом княжестве до 15—20 тыс. скутельников существовали «незаконно»[28]. Их было немало и в Молдове, где в 1821 г. на 43 607 скутельников, бреслашей и слуг было 20 563 «трекуць», т. е. «незаконных»[29]. Бреслашей в Молдове в 1826 г. насчитывалось 13 038 человек, в Валахии в начале 30-х годов — 2736[30]. Таким образом, бреслашей в Валахии было в пять раз меньше, чем в Молдове, тогда как общее количество населения в этом княжестве в полтора раза превосходило население Молдовы. В свою очередь, категория послушников не получила распространения в этом княжестве, а в Валахии в начале 30-х годов их насчитывалось 32—36 тыс. человек[31].

Вопрос о сокращении или даже полной ликвидации скутельничества ставился неоднократно, но был разрешен лишь в начале 30-х годов. Институт скутельничества был ликвидирован Органическими регламентами и взамен скутельников, послушников, бреслашей, слуг бояре получали пожизненное возмещение, а также, в зависимости от числа феодально зависимых крестьян, определенное число слуг (в Молдове они назывались вольными слугами), в среднем одного — двух на 10—25 семейств крестьян. Между слугами до и после регламента были заметные отличия. После регламента в Валахии они выбирались на один год самими крестьянами, в Молдове на такой же срок они давали согласие работать на боярина. Таким образом, на смену четырех категорий феодально зависимого крестьянства пришла новая группа крестьян, состав которой менялся ежегодно. Не нужно путать слуг или вольных слуг с дворовыми, ибо, в отличие от последних, они имели свой земельный участок и во время исполнения обязанностей освобождались от барщины и оброка. Налог за них платило село[32].

На положении крепостных в княжествах находились только цыгане, численность которых и удельный вес среди населения княжеств в то время были довольно значительны. Цыган можно было продавать и покупать не только семьями, но и в одиночку. Но положение цыган также не было одинаковым.

Цыгане делились на государственных (господарских), монастырских и господских. В свою очередь, государственные цыгане подразделялись в Молдавском княжестве на урсариев (медвежатников), занимавшихся звероловством, кузнечным делом, музыкой и т. д., и лингурян (ложечников) — ремесленников, большей частью занимавшихся изготовлением деревянной посуды. Господские цыгане подразделялись на тех, кто находился в непосредственном услужении у бояр, прежде всего дворовых, и на кочующих цыган, обязанных платить оброк. В Валахии также был особый разряд цыган-аурариев, занимавшихся добычей золота и зависимых от

inslav

государства. Полностью в крепостной зависимости находились цыгане-дворовые, в отличие от остальных цыган обладавшие большей или меньшей свободой передвижения.

Статистические сведения о цыганах не отличаются полнотой и точностью. В 1815 г. в Валахии насчитывалось 23,3 тыс. семейств цыган[33], к началу 30-х годов — около 65 тыс. человек[34], из которых 20 тыс. кочевало, 13,4 тыс.— находилось в услужении у бояр, 26 тыс.— принадлежало монастырям, 4,5 тыс.— княжеству.

Освобождение цыган от крепостной зависимости происходило постепенно. В 1844 г. было провозглашено освобождение государственных и монастырских крестьян в Молдове, в 1847 г.— в Валахии. Господские цыгане освобождаются в Молдове в 1855, а в Валахии в 1856 г. Процесс этот был, однако, сопряжен с рядом сложностей. С одной стороны, не было необходимого количества земли, чтобы ею можно было наделить цыган, у последних не было инвентаря да и навыков к земледельческим работам. В тех же местах, где еще сохранились свободные земли, сами цыгане не пожелали заниматься земледелием[35]. За редким исключением, и к началу 60-х годов цыгане продолжали те же занятия, которые для них были характерны в первой половине XIX в. Существовали также и другие категории феодально зависимого населения, которые не играли существенной роли. К XIX в. как массовая категория перестали существовать лэтураши или оаспеции (гости) — обладавшие личной свободой, но не имевшие земли. Среди прочих категорий крестьян можно назвать иностранных колонистов, как массовую категорию, делившуюся на ряд групп, часто по национальному признаку. Колонистов, или, точнее, иностранных переселенцев, называли стрэинами или беженарами (иностранцы и беженцы). В Валахии их в 20-е годы насчитывалось до 17,8 тыс. семейств. Среди них отличали унгурян — переселенцев из Венгрии и Трансильвании, сырбь — сербов, булгарь — болгар и т. д. В первой половине XIX в. характерно заметное увеличение численности болгар и евреев. Первые преимущественно были заняты земледелием, хотя среди них находилось немало торговцев и ремесленников, вторые, как правило, оседали в городах и местечках, занимаясь торговлей, ремеслом, а также ростовщичеством и арендой.

Городское население не может быть отнесено к какому-то отдельному и единому структурному социальному подразделению. В городах проживали и бояре, и духовенство, и крестьяне. Более того, многие города и местечки принадлежали частным владельцам-боярам и монастырям. В Бессарабии, например, в первое время после присоединения ее к России на таком положении находились города Сороки, Бельцы, местечки Атаки, Рашково. Город Кишинев принадлежал четырем боярам[36]. Освобождение городов от боярской зависимости продолжалось в течение всего рассматриваемого периода. Сельский облик города сохраняли долгое время. По подсчетам румынских историков, в 1831 г. землепашцы составляли 48%, ремесленники и торговцы — 24,6%, слуги 15,1%, крепостные цыгане 6,4%, бояре 3,6% и духовенство 2,3% город-

inslav

ского населения. Через четырнадцать лет, согласно новой переписи, стали заметны определенные изменения в структуре городского населения. В пяти наиболее крупных городах Молдовы (Яссах, Ботошанах, Галаце, Романе и Бакэу) в 1845 г. семьи ремесленников составляли 30%, а торговцев 34% городского населения. В целом заметен и рост городского населения. Если в 1831 г. в Валахии из 2 млн. жителей на долю городского населения приходилось лишь 6,5%, то в 1864 г. из 4,5 млн. человек населения Румынии в городе проживало уже 17,6%. Отмечая рост числа ремесленников (в Молдове 1832—1847 — от 5 до 12 тыс. человек), торговцев, а также других прослоек городского населения, необходимо иметь в виду, что многие из них продолжали совмещать свои основные занятия с сельским хозяйством и это было характерным для всего XIX в.[37]

Ремесленники и торговцы княжеств создавали цехи (брясла) с обычными для них правилами — соблюдение корпоративности, борьба против конкуренции, единство производства и сбыта. Все это, как и другие консервативные цеховые традиции, препятствовали развитию буржуазных отношений. Кроме обычных цехов в княжествах существовали также «национальные цехи». Так, еще с XVIII в. в Валахии имелись цехи торговцев и ремесленников — евреев и армян. Органические регламенты, упразднившие старые цехи, способствовали закрытию и этих цехов, но вскоре они возобновили свою деятельность, но уже на новых регламентских основаниях. Цех евреев был вновь открыт в Бухаресте в 1832 г., а армянский цех в 1845 г.[38]

После принятия Органического регламента цехи претерпели определенные изменения. Они стали называться корпорациями и просуществовали до 1873 г. В Валахии ремесленники делились на два, а в Молдове на три разряда, каждый из которых уплачивал за патент бóльшую или мéньшую сумму. Купечество было разбито на три гильдии, в соответствии с размером имущества и суммой, уплачиваемой за патент. Регламент предоставлял несколько больше свободы членам цехов для самостоятельной деятельности и открыл некоторые возможности для обуржуазивания крупных ремесленников и торговцев. Однако формирование класса буржуазии по-прежнему происходило преимущественно вне цехов. Заметный толчок развитию местной буржуазии дал Адрианопольский мир. Н. Йорга, крупнейший румынский буржуазный историк, считал даже, что румынская буржуазия зародилась после 1829 г.[39] В этом отношении к нему был близок и видный буржуазный экономист Ш. Зелетин[40]. Современные исследования показывают, что развитие буржуазных элементов в Молдове и Валахии можно датировать второй половиной[41] или концом XVIII в. Условным рубежом часто называют Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г., предоставивший определенные возможности для развития экономики княжеств, особенно Молдовы, но выход княжеств из экономического упадка начался уже несколько раньше.

inslav

Источников формирования сельской и городской буржуазии было несколько. Это постепенное укрепление кулацкой прослойки в деревне, тяготившейся феодальными путами, и усиление позиций торговцев, особенно после Адрианопольского мира. Одновременно шел процесс обуржуазивания боярства, заинтересованного в увеличении собственных земельных владений и в торговле с Западом. Позднее часть боярства стала шире применять наемный труд и более прогрессивные методы возделывания земли. Выходцы из среды обуржуазивавшегося боярства возглавили основные политические общества и направления, а затем и партии, пришедшие к власти после объединения княжеств. Они же стали во главе выступления против господарской власти в период революции 1848 г. в Валахии и революционного подъема в Молдове.

Новая национальная буржуазия была преимущественно торговой, доля буржуазии промышленной, особенно на первых порах, была совершенно ничтожной. Несколько мануфактур, которые существовали в Молдове или Валахии в первой половине XIX в., мало что изменили. По существу княжества в своем развитии миновали мануфактурный этап [42]. Среди хозяев мануфактур, а затем и фабрик, было много иностранных предпринимателей, а среди представителей городской буржуазии весьма значительный процент составляют армяне, евреи и греки.

Формирование городского пролетариата шло прежде всего за счет безземельного крестьянства, переселявшегося в города. Наемный труд, спорадически использовавшийся в сельском хозяйстве, ремесле и на транспорте, становился все более заметным [43]. Но и в середине XIX в. на долю наемных рабочих приходился ничтожный процент городского населения [44]. Среди наиболее крупных предприятий, использовавших труд наемных рабочих, можно назвать мануфактуру, производившую животный жир, кожи и т. д., в Хушь (Молдова), где работало 50 наемных рабочих, фабрику по производству свечей в Галаце, основанную в 1861 г. французской фирмой, которая использовала труд 102 рабочих [45] и т. д.

В первой половине XIX в. вплоть до крестьянской реформы происходил медленный, но неуклонный рост буржуазных элементов. Новые веяния, свидетельствовавшие об обреченности феодализма, проявлялись и в городе, и в деревне. Заметно упрощалась социальная структура крестьянства, расширялись и укреплялись торгово-промышленные функции городов, свидетельствовавшие об углублении разделения труда между городом и деревней. Вследствие сближения политических и социально-экономических условий обоих княжеств создается одна из важнейших предпосылок для формирования единой румынской нации.

В княжествах в начале XIX в. господствовала переходная от восточной к западной форма феодализма с преобладанием восточных форм. На территориях, непосредственно подчинявшихся турецким пашам и буржакским ханам (южная и северная Бессарабия, районы валашского Подунавья, Добруджа), господствовал восточный феодализм [46]. После Адрианопольского мира во

inslav

всех этих районах, за исключением Добруджи, феодальные отношения начали развиваться по европейскому образцу. Таким образом, социальные различия между странами сглаживались значительно быстрее, чем экономические.

В течение всего XIX в., особенно во второй его половине, несмотря на значительные препятствия и упорное сопротивление поборников старого строя, неодолимо шел процесс перехода к капитализму.

[1] *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30-е годы XIX века). М., 1966, с. 6; *Он же.* Изменение формы феодальных отношений в Молдавии и Валахии и ее особенности (первая треть XIX в.).— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 114—125.

[2] Regulamentele organice ale Valachiei şi Moldovei. Bucureşti, 1944, p. 1—3.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 533.

[3a] История Молдавской ССР. 2-е изд. Кишинев, 1965, с. 327.

[4] Список о боярах молдавских: ЦГА МССР, ф. 1, д. 1681; ЦГИА СССР, ф. 673, оп. 1, д. 363, л. 1; *Гросул В. Я.* Крепостное право, крепостное состояние или только феодальная зависимость? — Балканский исторический сборник. Кишинев, 1968, вып. 1, с. 56.

[5] *Ungureanu Gh.* Frrămîntările social-politice premărgătoare mişcării revoluţionare din 1848 în Moldova.— Studii, 1958, N 3, p. 54.

[6] Список всем боярам Малой и Большой Валахии: ЦГА МССР, ф. 1, д. 168, л. 11—21; ЦГВИА, ф. 438, д. 574, л. 1 об.; *Гросул В. Я.* Крепостное право..., с. 57.

[7] *Adăniloaie N.* Boerii şi răscoala condusă de Tudor Vladimirescu. Bucureşti, 1956, p. 20.

[8] ЦГВИА, ф. 438, д. 648, ч. 1, отд. 1, л. 110—113.

[9] Цит. по: *Mihordea V.* Relaţiile agrare din secolul al XVIII-lea în Moldova. Bucureşti, 1968, p. 54.

[10] Ibidem, p. 67.

[11] *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах..., с. 88.

[12] *Арсений* (Стадницкий). Исследования и монографии по истории молдавской церкви. СПб., 1904, с. 13; *Iorga N.* Istoria bisericii româneşti şi a vieţii religioase a românilor. V. I. Bucureşti, 1908, p. 12, 21—22, 36, 82—83, 148.

[13] *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах..., с. 90.

[14] *Iorga N.* Op. cit., v. II. Bucureşti, 1909, p. 310.

[15] *Арсений.* Указ. соч., с. 118.

[16] *Iorga N.* Op. cit., v. II, p. 227, 360.

[17] ЦГВИА, ф. Липранди (ф. 673), оп. 1; д. 363, л. 1.

[18] Regulamentele organice..., p. 3, 23, 29—30, 195, 263.

[19] ЦГАДА, ф. 15, д. 131, доп., л. 104 об.

[20] ЦГИАЛ, ф. 673, оп. 1, д. 363, л. 1.

[21] См.: *Драгнев Д. М., Советов П. В.* Перестройка структуры землевладения в Молдавии XV—XVIII вв.— История СССР, 1968, № 1.

[22] *Otetea A.* Consideratii asupra trecerii de la feudalism la capitalism in Moldova si Tara Rominească.— Studii si materiale de istorie medie, 1960, v. IV, p. 331 (*Poni P.* Statistica răzeşilor. Bucuresti. Примечательно, что в 1912 г. в Румынии процент крестьян-резешей составлял 26,2% (*Poni P.* Statistica răzeşilor. Bucureşti. 1912, p. 2).

[23] См.: *Грекул Ф. А.* Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII в. Кишинев, 1961; *Драгнев Д. М.* К вопросу о праве перехода молдавских крестьян в середине XVII века.— Известия АН МССР. Кишинев, 1963, № 2; *Гросул В. Я.* Крепостное право...

[24] *Corfus I.* Agricultura Tării Romanesti in prima jumâtate a secolului al XIX-lea. Bucuresti, 1969, p. 108—122.

[25] *Adoniloaie N., Berindei D.* Reforma agrara din 1864. Bucureşti, 1967, p. 67.

[26] См. подробнее: *Гросул В. Я., Дмитриев П. Г., Советов П. В.* Переходные

inslav

формы феодальной эксплуатации крестьян в Молдавии XVIII — начала XIX в. (Кто такие скутельники?) — Известия АН МССР, 1967, № 2, с. 3—46.
[27] ЦГИАЛ, ф. 673, оп. 1, д. 363, л. 1.
[28] АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 425, л. 197.
[29] Цит. по: *Гросул В. Я., Дмитриев П. Г., Советов П. В.* Указ. соч., с. 132.
[30] ЦГИАЛ, ф. 673, оп. 1, д. 363, л. 1; ЦГВИА, ф. 438, д. 62, л. 9.
[31] ЦГВИА, ф. 438, д. 62, л. 9; АВПР, ф. 96, д. 7, л. 66.
[32] *Гросул В. Я.* Реформы..., с. 279—284.
[33] *Adăniloaie N.* Op. cit., p. 32.
[34] ЦГВИА, ф. 438, д. 544, л. 114 об.
[35] *Corfus I.* L'agriculture en Valachie depuis la Révolution de 1848 jusqu'à la réforme de 1864. Bucureşti, 1976, p. 94—95.
[36] *Гросул Я.* Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев, 1956, с. 119—120.
[37] Istoria Romîniei. V. III. Bucureşti, 1964, p. 959, 982—983. V. IV. Bucureşti, 1964, p. 448.
[38] *Diculescu V.* Breslele negustori şi meseriaşi în Ţara Românească. (1820—1848). Bucureşti, 1973, p. 80—82.
[39] *Jorga N.* Istoria comerţului romîneşti. Bucureşti, 1925, p. 164.
[40] *Zeletin Şt.* Burghezia română: Originea şi rolul ei istoric. Bucureşti, 1925.
[41] Istoria Romîniei. V. III, p. 585—586; Istoria Romîniei. Compendiu. Bucureşti, 1969, p. 257—259.
[42] *Boicu L.* Despre stadiul manufacturier al industriei în Moldova.— Studii şi cercetări ştiinţifice, Iaşi, 1960, f. 1.
[43] *Драгнев Д. М.* Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII — начало XIX в.). Кишинев, 1975, с. 226—269.
[44] *Boicu L.* Despre structura socială a oraşului moldovenesc la mijlocul sec. al XIX-lea.— Studii revistă de istorie. Bucureşti, 1963, N 2.
[45] Istoria Romîniei, v. IV, p. 193—195.
[46] *Гросул В. Я.* Изменение формы феодальных отношений, с. 119—120.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РУМЫНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

С. А. Мадиевский (СССР)

Переходный период от феодализма к капитализму, понимаемый в самом широком смысле слова, в каждой конкретно взятой стране можно разделить на две части. Первая — от начала генезиса капитализма (он может совпасть или не совпасть хронологически с разложением феодализма) до буржуазной политической революции или заменяющих ее реформ «сверху». Вторая — от этого рубежа до окончательной победы капиталистических отношений и утверждения их в качестве безусловно господствующих. Необходимость этой второй части определяется тем, что, как отмечалось в марксистской литературе, еще не было такой политической революции (это не значит, что ее не будет), экономический базис которой в *национальных рамках* созрел настолько, что функция победившей политической революции сводилась лишь к тому, чтобы, сняв устаревшую надстройку, «обнажить» уже совершенно сложившийся базис[1]. Для истории Дунайских княжеств

inslav

(в 1859—1861 гг. объединенных в государство, получившее затем название «Румыния») эта констатация весьма существенна.

Революция 1848 г. началась здесь при гораздо меньшей степени зрелости капиталистических отношений, чем в странах Западной Европы, меньшей даже, чем в отстававших от них странах Центральной Европы. Задача революции, пользуясь выражением А. Грамши об итальянском Рисорджименто, состояла здесь «не столько в том, чтобы освободить уже развившиеся экономические силы от устаревших юридических и политических пут, сколько в создании таких общих условий, при которых эти экономические силы могли развиваться по образцу других стран» [2]. К тому же революция эта закончилась, как известно, поражением. Основные буржуазные преобразования были осуществлены «сверху», в период с конца 50-х до второй половины 60-х годов, что наложило глубокий отпечаток на всю последующую историю страны.

Наибольшее влияние на формирование экономической и социальной структур Румынии во второй половине XIX в. оказала, бесспорно, аграрная реформа 1864 г., которая может рассматриваться в качестве рубежа между феодальной и капиталистической формациями. Однако значит ли это, что в Румынии капитализм сразу же после реформы 1864 г. стал безусловно господствующим способом производства, что реформа «завершает процесс конституирования капиталистического строя», как полагает, например, румынский историк проф. В. Мачу? [3].

На наш взгляд, нет. Думается, что в Румынии, так же, как и в России, реформы «сверху», «заменяющие» буржуазную революцию, открывают названную уже вторую часть переходного периода, продолжающуюся до превращения капиталистических отношений в безусловно господствующие. На вопрос о том, когда кончился этот период, на сегодняшний день нельзя дать всесторонне аргументированного ответа: указанный вопрос не только не был еще предметом специального исследования, но даже не ставился. Поэтому принятая нами датировка — конец XIX в.— должна рассматриваться как сугубо предварительная; она предлагается в порядке постановки вопроса.

Непосредственно по рассматриваемой теме нам известен лишь один обобщающий очерк — статья румынского исследователя М. Иосы «Классы и социальные слои Румынии в конце XIX — начале XX в.» [4]. В сжатой форме автор рассмотрел основные элементы социально-классовой структуры румынского общества на рубеже прошлого и нынешнего веков и частично — направления их эволюции в предшествующие десятилетия. Однако с некоторыми утверждениями М. Иосы трудно согласиться. Едва ли правомерно, например, прямое включение технической интеллигенции, промышленных и банковских служащих, лиц свободных профессий в состав средней буржуазии. Представляется необоснованной фактическая идентификация прослойки крупных арендаторов — посредников с помещиками (арендаторы принадлежали к другому классу). Отсутствует дифференциация крупных земле-

inslav

владельцев по социальным типам хозяйствования и соответственно указание на сравнительную динамику этих типов. И, наконец, самое главное — в оценке общественных позиций румынской буржуазии, ее конкретно-исторической социальной роли, а следовательно и в общей оценке расстановки классовых сил в стране, мы придерживаемся иной точки зрения, нежели М. Иоса и некоторые другие румынские историки[5], всячески подчеркивающие заинтересованность румынской буржуазии того времени в общественном прогрессе и даже объективную революционность ее.

С 1859 по 1899 г. население Румынии увеличилось более чем в полтора раза (с 3865 тыс. до 5957 тыс. человек)[6], в том числе городское население — более чем вдвое (с 552 тыс. до 1120 тыс. человек)[7], что свидетельствует об ускоренной урбанизации страны. Однако удельный вес городского населения продолжал оставаться невысоким (в 1859 г.— 14%, в 1899 г.— 18,8%). Конечно, роль городов как «центров экономической, политической и духовной жизни народа»[8] не измеряется лишь степенью урбанизации. Решающую роль играли происходившие в городах процессы развития производительных сил и новых, капиталистических производственных отношений, формирования классов и социальных слоев капиталистического общества. Экономическую отсталость Румынии наглядно выявляла структура самодеятельного населения: к концу XIX в. свыше 80% его было занято в сельском хозяйстве[9]. Процент занятых в этой отрасли был даже выше процента сельского населения, ибо в мелких и средних городах значительная часть жителей окраин также занималась сельским хозяйством.

На вершине пирамиды социально-классовой структуры румынского общества в начале рассматриваемого периода находился класс крупных землевладельцев — вчерашних феодалов, наиболее могущественный экономически и обладавший наивысшим социальным престижем. О численности его в это время нет точных данных; известно, однако, что в год проведения реформы (1864) в стране имелось 4510 частных землевладений площадью более чем в 100 га[10] (число владельцев — соответственно меньше). О численности помещиков в конце XIX в. можно судить по результатам налоговой переписи крупной земельной собственности, проведенной в 1902 г.: 4171 частное землевладение площадью от 100 га и более и 2381 — площадью от 50 до 100 га[11]. Однако количество собственников было опять-таки меньше количества поместий, ибо некоторым из них принадлежало по нескольку имений[12]. Среди крупных землевладельцев выделялся небольшой слой латифундистов — владельцев 1563 поместий размером свыше 500 га[13].

В десятилетия, последовавшие за аграрной реформой 1864 г., значительная часть представителей старого боярства[14], не сумев приспособиться к новым социальным условиям, разорилась и деклассировалась, пополнив главным образом так называемые средние городские слои. Другие смогли приспособиться, поскольку новые условия хозяйствования сохранили преемственность, имели

inslav

немало черт сходства со старыми (отработочная система, господствовавшая в сельском хозяйстве Румынии на всем протяжении рассматриваемого периода, сочетала в себе, как известно, черты барщинной и капиталистической систем хозяйства). Класс помещиков в большом количестве пополнялся в этот период новыми людьми — разбогатевшими выходцами из городской и сельской буржуазии (торговой, арендаторской, затем и промышленной), частных служащих (управляющие поместьями), преуспевающих чиновников, лиц свободных профессий (адвокаты) и пр. Относительно масштабов описанной «смены лиц» нет никаких количественных данных, однако по оценкам ряда видных социологов и политических деятелей того времени она была весьма радикальной[15].

При всей важности вопроса о социальном происхождении представителей того или иного класса, путях его пополнения и т. д., решающим для определения социального облика класса является, конечно, место его в определенной исторически сложившейся системе производственных отношений. С этой точки зрения следует считать, что в начале рассматриваемого периода подавляющее, а к концу его вероятное большинство крупных землевладельцев принадлежало к полуфеодальному укладу. Румынские историки, тщательно исследовавшие проблему соотношения полуфеодальных и чисто капиталистических методов в помещичьем хозяйстве, пришли к выводу, что даже в начале XX в. (1905 г.) 3/4 площади крупного землевладения обрабатывалось с помощью инвентаря и тяглового скота окрестных крестьян в условиях различных форм отработочной системы (издольный наем, отработочная или издольная аренда), в той или иной пропорции сочетавшихся друг с другом[16]. Отработочная система в наибольшей степени господствовала именно в латифундиях. Что касается среднего слоя помещиков, то они уже с начала рассматриваемого периода сочетали отработочный труд с поденным и помесячным наймом, а в хозяйствах низшего слоя последний играл еще более значительную роль[17]. На протяжении изучаемого периода пропорция между указанными формами эволюционировала в сторону увеличения роли капиталистического найма. Поскольку же большинство помещиков принадлежало к последним двум категориям (средней и низшей), то процент полуфеодалов среди помещиков в целом был меньше доли помещичьей земли, обрабатывавшейся в условиях отработочной системы хозяйства.

В большинстве случаев имения крупных землевладельцев сдавались в посредническую аренду[18], а получаемые в виде земельной ренты огромные суммы поглощались в основном паразитическим личным потреблением, осуществлявшимся не только в стране, но и за границей, где многие помещики проводили большую часть жизни. Связанный с частично пережиточным, приходящим в упадок общественно-экономическим укладом, оттесняемым и внутренне разлагаемым развитием капитализма, класс полуфеодальных помещиков постепенно сдавал занимавшиеся им в начале периода господствующие позиции.

inslav

Основную массу населения страны в рассматриваемый период составляло крестьянство. Различными своими слоями, в различной степени оно было связано со всеми существовавшими тогда в Румынии укладами: полунатуральным, полуфеодальным, мелкотоварным, капиталистическим. Имущественное расслоение крестьянства началось еще до аграрной реформы 1864 г. Реформа закрепила результаты этого процесса[19], а последующее развитие аграрных отношений привело к постепенному перерастанию имущественных различий в классовую дифференциацию. Усиление эксплуатации (рост арендной платы, процента, налогов, увеличение «ножниц цен» на сельскохозяйственную и промышленную продукцию) вело к разорению крестьянских хозяйств. В том же направлении действовал и «естественный» процесс парцеллирования. Одновременно в ходе конкуренции на рынке из крестьянской среды выделялся тонкий верхушечный слой кулаков — нарождающейся аграрной буржуазии. Результаты действия этих тенденций в известной мере характеризуют данные о распределении земельной собственности среди крестьян в конце XIX — начале XX в.: 24% крестьянских семей были уже безземельными, 23% — имели до 2 га, 36% — от 2 до 5 га, 14% — от 5 до 10 га и 3% — от 10 до 50 га земли[20]. Эти цифры говорят, что подавляющее большинство крестьян (83%) к концу рассматриваемого периода либо вообще не имело уже собственной земли, либо владело такими участками, которые сами по себе могли обеспечить лишь голодное или полуголодное существование[21].

Румынский историк В. Ливяну в коллективном труде «Аграрные отношения и крестьянские движения в Румынии 1908—1921 гг.», отмечая, что распределение земельной собственности не может служить единственным критерием при анализе классовой структуры крестьянства, полагает, однако, что «в общих чертах отсутствие земельной собственности характеризует сельскохозяйственный пролетариат, участки до 5 га — бедняцкие, от 5 до 10 га — середняцкие, а свыше 10 га — кулацкие хозяйства»[22]. Действительно, размер земельной собственности не может считаться исчерпывающим критерием классовой дифференциации крестьянства; чтобы судить о последней, необходимы данные о фактическом землепользовании (а следовательно, и о товарности хозяйств) и — главное — данные о найме рабочей силы. И те и другие, однако, для изучаемого периода отсутствуют. Привлекая в качестве дополнительного критерия расслоения данные о распределении рабочего скота, румынские исследователи И. Адам и Н. Марку и советский исследователь В. Н. Виноградов определяют численность кулацкой прослойки румынской деревни к началу XX в. в 65—70 тыс. семей (5,6% всех крестьянских хозяйств), а В. Ливяну — в 36,5 тыс. семей (2,9%). В отношении численности и удельного веса середняцких хозяйств мнения тоже расходятся: В. Ливяну дает цифры 176,5 тыс. (14%), И. Адам и Н. Марку — 120 тыс. (10%), а В. Н. Виноградов, не называя своих цифр, считает, однако, последние «сильно занижен-

inslav

ными»[23]. Но в любом случае подавляющее большинство (до 3/4) населения румынской деревни, которое публицисты того времени, вслед за М. Когэлничану, именовали «фундаментом национального дома», на рубеже XIX и XX вв. относилось уже к разрядам бедняков, сельских полупролетариев и пролетариев. Пополнение высшей и низших социальных категорий шло, как и всюду, за счет «вымывания» середняцкой прослойки, в начале периода наиболее многочисленной.

Положение трудового крестьянства было чрезвычайно тяжелым. Нехватка пахотной земли и пастбищ делала его объектом жестокой эксплуатации со стороны помещиков и крупных арендаторов. В распоряжение последних государство предоставило и средства внеэкономического принуждения[24]. Крестьян эксплуатировали также торговцы и ростовщики и, наконец, само государство (достаточно сказать, что гектар крестьянской земли в конце XIX в. облагался фиском в несколько раз тяжелее, чем гектар помещичьей[25]. Уделом крестьян было фактическое бесправие, примитивные условия жизни, темнота (неграмотность среди мужчин в конце XIX в. доходила до 80%, а среди женщин — превышала 90%), социальные болезни, укороченный срок жизни, постепенная физическая деградация. «В том, что наше крестьянство — самое последнее в Европе во всех отношениях, не может быть никакого сомнения»,— писал в начале XX в. румынский буржуазный историк Н. Иорга[26].

Что касается кулацкой прослойки румынской деревни, то она стала усиленно развиваться и консолидироваться с конца 80-х годов, чему в значительной степени способствовали правительственные меры по продаже государственных земель участками в 10 и 25 га, проведенные после крестьянского восстания 1888 г. (целью их было превратить кулачество в опору существовавших в деревне порядков). Показателем и в то же время средством усиления влияния сельской буржуазии было появление в начале 90-х годов и быстрое распространение так называемых народных банков[27]. Эти банки предоставляли кулацкой верхушке кредиты по пониженным ставкам, помогали в приобретении скота, сельскохозяйственных орудий, семян, удобрений и т. д.

В итоге названных процессов кулак к концу периода становится в селе реальной силой, третьим после помещика и арендатора и не менее безжалостным эксплуататором трудового крестьянства[28]. В его хозяйственной практике, как и у первых двух, преобладают еще кабально-ростовщические методы эксплуатации, характерные для той начальной формы капитализма, которую В. И. Ленин называл «зачаточной», «средневековой», «деревенской». Присвоение прибавочной стоимости сочеталось у эксплуататоров этого типа с изъятием части доходов непосредственного производителя способами и приемами первоначального накопления. Главным социальным противоречием в деревне продолжает, однако, оставаться противоречие между крупным землевладением, помещичьим и государственным, с одной стороны, и крестьянст-

inslav

вом в целом — с другой. Это со всей очевидностью проявилось в крестьянских волнениях и восстаниях конца 80 — 90-х годов, равно как и в самом крупном в истории страны крестьянском восстании 1907 г.[29]

Буржуазия, которая в начале рассматриваемого периода была едва признанной и весьма скромной составной частью господствующих классов, к концу его превратилась в главенствующий по экономической мощи и политическому влиянию класс румынского общества. В начале периода крупная буржуазия насчитывала всего несколько десятков владельцев мануфактур и фабрик, примерно такое же количество банкиров и коммерсантов-оптовиков и около тысячи арендаторов-посредников. Средняя буржуазия была представлена несколькими тысячами владельцев мастерских простой капиталистической кооперации, торговцев, ростовщиков и домовладельцев[30]. К концу периода буржуазия не только выросла численно, но в определенной мере изменилась структурно, консолидировалась как класс. Это явилось результатом ряда взаимосвязанных процессов, общим знаменателем которых было дальнейшее развитие и утверждение в стране капиталистических отношений.

С 1880 г., когда был создан Национальный банк Румынии, ставший остовом банковской системы страны (отделения его имелись во всех уездах), сеть банков и кредитных обществ стала непрерывно расти. Только в 90-е годы в столице и провинции было учреждено 18 новых банков[31]. Но капитал многих из них, притом наиболее крупных, в значительной или даже преобладающей части был иностранным. Поэтому следует помнить, что степень развития и экономической мощи румынской финансовой буржуазии была гораздо меньше показателей роста банковского капитала в целом.

Это же относится и к соотношению между промышленным капиталом и местной промышленной буржуазией. После принятия Румынией политики промышленного протекционизма (вехами в этом смысле явились автономный таможенный тариф 1886 г. и закон «об общих мерах с целью поддержания национальной промышленности» 1887 г.[32]) численность и значение крупной промышленной буржуазии быстро растут[33]. На рубеже XIX и XX вв. только в обрабатывающей промышленности насчитывается уже 625 «крупных» предприятий (в 1866 г. было лишь 39)[34]. Проявляет себя процесс концентрации и централизации капитала, возникают первые, еще непрочные монополистические объединения (синдикаты) в ряде отраслей промышленности (мукомольной, спиртоводочной, сахарной, бумажной, нефтяной, стекольной, цементной)[35].

Однако стремление развить современную промышленность в условиях слабости, замедленности первоначального накопления — следствия сохранения пережитков феодализма,— в условиях нехватки собственных капиталов, предпринимательского опыта и пр. привело, как и в других странах Юго-Восточной Европы, к мас-

inslav

сивному внедрению иностранного капитала. К началу XX в. удельный вес иностранных капиталовложений в румынскую промышленность значительно превысил долю местных[36]. В итоге местная промышленная буржуазия, хотя и явно выросла, к концу периода оставалась все еще относительно немногочисленной и слабой. В структуре местного капитала предпринимательский капитал в несколько раз уступал ссудному, носившему еще специфически ростовщический характер[37]. Если крупная буржуазия, по оценке Г. Пану, в начале 90-х годов насчитывала лишь несколько тысяч человек[38], то средняя (городская) была гораздо более многочисленной: по данным промышленной и патентно-налоговой статистики начала XX в. численность ее можно оценить примерно в 20 тыс. человек.

Источниками формирования промышленной буржуазии в классической модели развития капитализма являются, как известно, разложение мелких производителей и преобразование торгово-ростовщического капитала в промышленный. В условиях Румынии, однако, не менее (если не более) значительным был третий источник — вовлечение на путь капиталистического предпринимательства, прежде всего (хотя и не исключительно) в отраслях, перерабатывающих сельскохозяйственное и минеральное сырье, представителей класса помещиков. Имелся и четвертый — пополнение буржуазии за счет представителей бюрократии, которые превращали в капитал средства, накопленные в результате получения высоких законных и незаконных доходов.

Финансовая буржуазия формировалась как посредством модернизации ростовщического капитала дореформенной эпохи, так и из рядов промышленной и торговой буржуазии, помещиков, бюрократии, вкладывавших свои средства в акции учреждаемых банков. Более традиционными были пути формирования крупной и средней торговой буржуазии — «естественный отбор» в среде собственно торговцев, а на селе и пополнение за счет кулацких элементов.

В целом румынскую буржуазию рассматриваемого периода отличала значительная текучесть состава, характерная для класса, переживающего период становления. Династий — промышленных, торговых, финансовых — в этот период мы почти не видим (исключения — несколько купеческих и банкирских домов — лишь подтверждают правило).

Характерной чертой буржуазии в Румынии — как, впрочем, и в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы — была выраженная этническая гетерогенность. В составе ее было немало потомков греков, болгар, албанцев, венгров, немцев, итальянцев, армян, евреев, предки которых в разное время осели в княжествах и занимались здесь торговлей и ремеслом, ростовщичеством, владели мануфактурами, арендовали у бояр поместья, брали на откуп сбор налогов и т. д. К началу рассматриваемого периода часть этих людей была уже ассимилирована, а в ходе периода процесс ассимиляции интенсифицируется под влиянием складывания

inslav

единого национального рынка, консолидации румынской буржуазной нации, обретения Румынией государственной независимости. Однако массивный приток иностранного капитала обусловил дальнейшее пополнение местной буржуазии инонациональными элементами (до конца XIX в. частные иностранные капиталовложения осуществлялись главным образом путем основания индивидуальных фирм). Это пополнение, а также тот факт, что ассимиляция буржуа-евреев искусственно тормозилась национально-религиозной дискриминацией, поддерживали этническую гетерогенность класса буржуазии. Хотя явление, как уже отмечалось, отнюдь не представляло собой чего-либо уникального, оно широко использовалось для различного рода идеологических и политических спекуляций. Преувеличивая, абсолютизируя немногочисленность, слабость местной буржуазии, наличие в ее составе значительных инонациональных включений, влиятельные течения общественной мысли Румынии второй половины XIX — начала XX в. (жунимизм, сэмэнэторизм, попоранизм) отрицали самое существование румынской буржуазии как класса и на этой основе строили известную теорию политического и духовного развития Румынии (теорию «форм без содержания»).

Для румынской буржуазии рассматриваемого периода характерно, далее, усиленное стремление к приобретению земельной собственности. Оно мотивировалось как экономическими (рост земельной ренты), так и внеэкономическими (политические выгоды, унаследованный от феодальной эпохи более высокий социальный престиж помещика) соображениями. О масштабах этого явления нет количественных данных, но, исходя из оценок современников, которые приводились, равно как и последующих историков, масштабы были весьма значительны[39].

Особо следует подчеркнуть, что приобретая имения, новые «бояре» отнюдь не торопились вводить в них чисто капиталистическое хозяйство. В большинстве случаев они, по-видимому, предпочитали «плыть по течению», приспосабливаясь к господствовавшим в румынской деревне того времени полуфеодальным (отработочным) отношениям. Ведь и без дополнительных капиталовложений и хлопот, необходимых для перестройки хозяйства на чисто капиталистический лад, доход от имений был не ниже, чем торговая или промышленная прибыль и тем более банковский процент. В итоге для Румынии второй половины XIX в., по выражению В. Н. Виноградова, «характерен двойной процесс: не только помещики шли к капиталистическому производству (что было исторически неизбежно), но и буржуазия пятилась назад, приспосабливаясь к значительным пережиткам феодализма, сохранившимся в румынской деревне»[40].

Для социального облика румынской буржуазии рассматриваемого периода характерны боязнь предпринимательского риска, стремление в максимальной мере опираться на государственную поддержку, склонность к ростовщическому использованию капитала (проявлением последней были и вложения капитала в по-

inslav

купку или крупную посредническую аренду земли). Эти черты, конечно, объяснялись относительной слабостью класса, лишь становящегося в условиях ожесточенной конкуренции со стороны более сильного и опытного, а потому и более активного иностранного капитала. Однако в них проглядывали уже и признаки хозяйственного и социального паразитизма.

С развитием промышленности, транспорта и т. д. параллельно с развитием промышленной буржуазии развивался и рабочий класс. За период с 1859—1860 по 1901—1902 гг. численность рабочих в обрабатывающей промышленности выросла с 28 до 99 тыс. человек. Если добавить примерно 6 тыс. рабочих добывающей промышленности и 12—14 тыс. рабочих железнодорожного транспорта, общую численность промышленного пролетариата к концу XIX — началу XX в. можно определить приблизительно в 120 тыс. человек [41].

Темпы роста, как видим, были высокими, однако удельный вес по отношению ко всему населению оставался незначительным даже к концу периода (2%) [42], что отражало отставание промышленного развития страны. Тем более относится сказанное к фабрично-заводскому пролетариату, который стал усиленно формироваться лишь в последние два десятилетия XIX в., в связи с развитием промышленной революции. В обрабатывающей промышленности к концу периода он насчитывал немногим более трети занятых в ней рабочих (37 тыс. человек) [43], а в промышленности в целом — около половины (57 тыс. человек) [44]. Остальные продолжали работать на предприятиях мануфактурного типа, предприятиях типа простой капиталистической кооперации и на дому.

Пролетариат в Румынии пополнялся в основном за счет разорявшихся крестьян и ремесленников и в гораздо меньшей степени выходцами из рабочих семей. Удельный вес потомственного, кадрового пролетариата даже к концу периода был очень низок. Значительная часть рабочих в промышленности и на транспорте сохраняла еще связь с сельским хозяйством. Наконец, в составе рабочего класса имелся довольно большой отряд временных иностранных рабочих (в «крупной» обрабатывающей промышленности на 1901—1902 гг.— 17,3% общего рабочего персонала) [45].

Концентрация пролетариата в рассматриваемый период растет. На рубеже XIX и XX вв. предприятия с числом рабочих менее 50, которые составляли 70,7% общего числа предприятий «крупной» обрабатывающей промышленности, охватывали лишь 24,9% занятых в ней рабочих, в то время как предприятия с числом рабочих более 100 (13,4% всех предприятий) — соответственно 56,6% рабочих [46]. Однако в сравнении с другими, более развитыми странами концентрация была невысокой: на крупных по тогдашним мировым меркам предприятиях (с числом рабочих свыше 500) в Румынии в 1901—1902 гг. трудилось лишь 15,7% охваченных упомянутой статистикой рабочих [47]. Территориально большая часть промышленного пролетариата была сосредоточена в трех основных районах: Бухарест с окрестностями, нефтенос-

inslav

ная долина реки Праховы с центром в Плоешть и портовые города на Дунае Галац и Брэила.

Растущее аграрное перенаселение (хотя и скрытое) и обусловленное им давление резерва на активную часть наемного труда давало капиталу возможность навязывать рабочему классу самые варварские экстенсивные формы эксплуатации. Жизненный уровень пролетариата в Румынии был значительно ниже, чем в странах с более развитым капитализмом и более сильным рабочим движением. Даже в «крупной» обрабатывающей промышленности, где заработная плата рабочих была наиболее высокой, в начале XX в. она составляла в среднем 640 лей в год (250 руб. по тогдашнему курсу)[48], в то время как в Австрии — 340 руб., в Германии — 450, во Франции — 540, в Англии — 550[49] и в США — 1036 руб. в год[50]. Еще хуже было материальное положение сельскохозяйственных рабочих, которых, согласно данным переписи 1890 г., насчитывалось в несколько раз больше, чем промышленных[51]. Давление аграрного перенаселения тем более вело к существенному понижению оплаты их труда[52].

Пролетариат в Румынии, как и буржуазия, переживал во второй половине XIX в. процесс становления. Крестьяне и ремесленники, вливавшиеся в его ряды, привносили с собой мелкобуржуазные предрассудки, настроения, привычки, изживавшиеся очень медленно. Сознание отставало от объективного классового положения (не говоря уже о том, что и само положение часто оставалось еще промежуточным, двойственным). Все это очень затрудняло процесс классовой организации рабочих. Однако он шел: от считанных обществ взаимопомощи по профессиям, существовавших в начале рассматриваемого периода, до двух с лишним сотен классовых профессиональных союзов в конце 90-х годов — таковы лишь некоторые его количественные показатели. В 1893 г. на основе соединения социализма с рабочим движением возникает первая политическая партия рабочего класса Румынии[53]. Но в 1899 г. оппортунистические руководители разваливают партию. Это и волна репрессий со стороны властей приводит к временному спаду рабочего и социалистического движения. Тем не менее в классовых боях конца 80-х и в 90-е годы молодой, формирующийся румынский пролетариат утверждает себя как самая передовая сила общества, своим существованием и развитием в возрастающей мере влияющая на ход общественно-политических процессов в стране.

Весомые в количественном отношении и по социальной активности группы румынского общества составляли так называемые средние городские слои — мелкая буржуазия, интеллигенция и т. д. К мелкой буржуазии (экономически она была связана с мелкотоварным укладом) относились самостоятельные ремесленники, владельцы мелких мастерских, лавочники, владельцы мелких заведений сферы обслуживания и т. д. По некоторым сведениям, в начале 60-х годов в Румынии насчитывалось около 60 тыс. самостоятельных хозяев — ремесленников и около 30 тыс. торговцев,

inslav

в подавляющем большинстве мелких[54]. Через 40 лет, в начале XX в., первых было уже 54 тыс., а вторых — 107 тыс., в основном опять-таки мелких[55]. За этой количественной динамикой скрываются глубокие качественные изменения: независимые мелкие производители и мелкие агенты сферы распределения, сохранявшиеся как остаточное явление прежней, феодальной формации, постепенно превращаются в класс мелкой буржуазии, включенный в систему капиталистического товарного производства и обмена.

Мелкая буржуазия как класс отличалась социальной неустойчивостью. Подавляющая конкуренция со стороны крупной и средней буржуазии при отсутствии поддержки со стороны государства приводила к постепенному ее размыванию с переходом разорявшихся ремесленников и торговцев в ряды пролетариата. Вместе с тем происходил процесс вторичного нарождения мелкого производства в качестве спутника и придатка капиталистического.

Растущим, динамичным средним (не только городским) слоем была интеллигенция, в состав которой входили учителя, адвокаты, врачи, инженеры, ученые, писатели, журналисты, деятели искусства, а также часть чиновничества, офицерства и духовенства. К интеллигенции примыкало и студенчество. В начале 60-х годов в Объединенных княжествах насчитывалось примерно 6 тыс. учителей и три с лишним сотни адвокатов; к интеллигенции могла быть отнесена и некоторая (весьма небольшая) часть — 23 тыс. государственных и частных служащих и 18 тыс. священников и монахов[56]. К концу же периода интеллигенция, по оценочным прикидкам, выросла в несколько раз. Основными факторами, вызывавшими этот рост, были ускорившееся развитие производительных сил, культуры и в то же время разрастание государственного аппарата. Источниками формирования интеллигенции помимо самовоспроизводства являлись другие средние слои, господствующие классы и лишь в незначительной степени крестьянство (как правило, зажиточное).

Для румынской интеллигенции того времени характерен относительно низкий удельный вес лиц, занятых в сфере частного предпринимательства (в виде служащих, лиц свободных профессий и пр.) и весьма высокий — лиц, состоявших на государственной службе. Это придавало интеллигенции специфически чиновничий характер, накладывало отпечаток на ее психологию и поведение.

Среди служащих (эта категория частично совмещалась с интеллигенцией) также решительно преобладали государственные. Численность последних в рассматриваемый период значительно возросла (с 64 тыс. в 1871 г.[57] до 103 тыс. человек в 1901 г.[58]). Этот рост был обусловлен модернизацией и последующим разбуханием государственного аппарата; он стимулировался более высоким социальным престижем государственной службы по сравнению с другими родами деятельности, унаследованным от времен, когда занятие государственных должностей было монополией высшего сословия — боярства. Одной из причин разбухания госу-

inslav

дарственного аппарата сверх размеров, требуемых собственно управленческими потребностями господствующих классов, было стремление смягчить таким путем социальные последствия «избыточности» интеллигенции и разорения мелких хозяйчиков. Чтобы обеспечить интеграцию средних слоев в существовавшую социально-политическую систему, где они использовались в интересах буржуазно-помещичьих партий, господствующие классы предоставляли их членам или выходцам из них, по выражению В. И. Ленина, «сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки, ставящие обладателей их *над* народом»[59].

Конечно, служащие, как и интеллигенция, не представляли собой единого целого, а довольно четко дифференцировались на слои. Верхний (высшая бюрократия) смыкался с господствующими классами, средний был близок к зажиточным мелким хозяевам, а низший жил зачастую не лучше, а то и хуже наемных работников физического труда. От последних, однако, этот слой чиновничества и служащих в целом (так же как и низший слой интеллигенции) был отделен отличиями в содержании, характере и условиях труда, социальных связях, политическом статусе и т. д. Эти отличия способствовали консервации в сознании указанных слоев корпоративно-сословных предрассудков, сознательно культивировавшихся господствующими классами.

За пределами пролетариата и средних слоев оставалась довольно значительная в количественном отношении (на 1890 г., по-видимому, более 100 тыс. человек) категория домашней прислуги[60], по положению своему приближавшаяся к наиболее обездоленным слоям трудящихся. И, наконец, в самом низу пирамиды социально-классовой структуры находились городские люмпен-пролетарии и сельские пауперы — продукт разложения различных классов и социальных слоев, главным образом, конечно, трудящихся. О численности этих категорий нет статистических данных, однако их наличие и рост (в силу отмеченного уже разложения традиционных форм хозяйствования при суженном по масштабам капиталистическом развитии и в силу собственных закономерностей последнего) засвидетельствованы наблюдениями современников.

* * *

Социальная структура Румынии во второй половине XIX в., как видно из сказанного, отличалась двойственностью, текучестью, характерными для переходного периода. Включение Румынии в мировую капиталистическую систему хозяйства, с одной стороны, ускоряло процесс преобразования румынского общества в буржуазное, а с другой — из-за места, которое Румыния в этой системе заняла (поставщик дешевого сырья и продовольствия, рынок сбыта и сфера приложения капитала для более развитых стран) — замедляло и уродовало, в определенной мере способствовало консервации пережитков феодализма.

inslav

Главным итогом развития социальной структуры в рассматриваемый период было превращение буржуазии и пролетариата в основные классы румынского общества, место которых в общественном производстве делало их объективными центрами тяготения для остальных классов и социальных слоев. Но социальная структура общества — это не только классы и слои, но также их взаимосвязи, которые находят свое конечное выражение в той или иной группировке классовых сил. Конечное, поскольку непосредственно группировка эта определяется общественными позициями, а позиции — социальными интересами классов, прошедшими сквозь призму их классового сознания.

Основным содержанием переходного периода был процесс утверждения капитализма как безусловно господствующего в стране способа производства. Основным препятствием или, точнее, тормозом на этом пути были мощные пережитки феодализма. Следовательно, основной исторической задачей общественного развития являлось устранение этих пережитков. По отношению к этой задаче основной интерес большей части класса помещиков состоял в как можно более длительном сохранении пережитков феодализма и как можно более медленной эволюции в сторону чисто капиталистических методов производства (по так называемому прусскому пути). Основной интерес всего крестьянства был прямо противоположен — оно стихийно боролось за уничтожение пережитков феодализма, прежде всего помещичьего землевладения, за так называемый американский путь развития капитализма.

Сложнее однозначно определить основной интерес румынской буржуазии. Прежде всего, на протяжении значительной части изучаемого периода ее характеризовали недостаточная консолидированность, дробность, разобщенность на слои и группы с несовпадающими экономическими интересами. Крупные торговцы, прежде всего зерном — основным предметом румынского экспорта, арендаторы-посредники, ростовщики (а впоследствии банкиры), у которых были заложены помещичьи земли,— все они по тем или иным причинам были заинтересованы в сохранении помещичьего землевладения.

Что касается промышленной буржуазии, то она, казалось бы, должна была быть заинтересована в действительном высвобождении рабочих рук крестьянства и в массивном расширении внутреннего рынка,— короче, в свободном, широком развитии капитализма, немыслимом без решительной ликвидации сковывавших и тормозивших это развитие феодальных пережитков. Однако ряд обстоятельств вносил в это представление существенные коррективы. Первое — относительная слабость местной промышленной буржуазии, которая не позволила бы ей обратить резкое расширение внутреннего рынка к своей исключительной или даже преимущественной выгоде, в силу чего ведущее положение занял бы по-прежнему иностранный капитал. Второе — переплетение интересов буржуа как промышленников с интересами их как крупных, в большинстве случаев полуфеодальных землевладельцев. И, на-

inslav

конец,— последнее по счету, но не по важности — боязнь экспроприацией крупных землевладельцев подорвать «священный принцип частной собственности», которому и без того угрожал уже рост рабочего и социалистического движения [61].

Все перечисленные факторы, вместе взятые, обусловили тот факт, что «приспособление, примирение, компромисс, медлительность в движении к новому стали основными методами действий румынской буржуазии» [62]. Конечно, компромиссы как в экономической, так и в политической области отражали меняющееся в пользу буржуазии соотношение классовых сил. Достигались они не без борьбы, подчас весьма ожесточенной и, как правило, очень шумной. Однако, как справедливо заметил румынский историк Д. Хурезяну, «по отношению к основным интересам каждого из этих двух классов классовый соперник, т. е. другой класс, не принимал на вооружение политику устранения этих интересов, следовательно, не подрывал их общие интересы» [63].

Внутренняя разноречивость социальных интересов румынской буржуазии, частичное совпадение их с интересами полуфеодальных помещиков, компромиссный характер несовпадающих интересов не позволяют однозначно определить основной интерес румынской буржуазии как прогрессивный, а самое буржуазию — как силу, безоговорочно заинтересованную, хотя бы на том этапе, в социальном прогрессе. Нам кажется исторически оправданным вывод, сделанный в свое время Л. Патрашкану: «Развитие капитализма в Румынии с 1864 по 1907 г. (рубеж, до которого доведено изложение в книге.— *С. М.*) укрепило национальную буржуазию, обеспечило ей преобладание во внутренней политике, но не смогло придать ей прогрессивного, а тем более революционного характера. Эту роль румынская буржуазия перестала играть еще в 1848 г.» [64]. Тогда были заложены основы ее союза с помещиками, состоявшие в отказе от решительной ломки феодальных отношений, в принятии обеими сторонами курса на их медленное, эволюционное преобразование. Союз этот лежал в основе социально-политического режима Румынии на всем протяжении рассматриваемого периода.

Рабочий класс — наиболее передовой, единственный последовательно революционный класс румынского общества — был, естественно, заинтересован в быстрейшей, радикальной ликвидации всех пережитков феодализма как условии широкой и свободной борьбы за уничтожение последней формы эксплуатации — капиталистической.

Что касается средних слоев, то об их общем интересе нельзя говорить, поскольку у некоторой части их он сливался с интересом господствующих классов, а у большинства объективно совпадал с интересом основной массы трудящихся.

Такова была группировка классовых интересов (объективных), сложившаяся в итоге развития социальной структуры к концу рассматриваемого периода. Группировка же классовых сил существенно отличалась от нее ввиду двух важнейших обстоятельств:

inslav

1) союз рабочего класса и крестьянства, в отличие от союза буржуазии и помещиков, не стал еще реальной действительностью; 2) большинство средних слоев, в силу действия ряда объективных и субъективных факторов оставалось еще резервом господствующих классов.

[1] *Ульяновский Р. А.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской теории революционного процесса.— Нов. и новейш. ист., 1976, № 4, с. 62.
[2] *Грамши А.* Избранные произведения в трех томах. Т. III. Тюремные тетради. М., 1959, с. 311—312.
[3] *Maciu V.* Dezvoltarea capitalismului în România între 1864 şi 1878.— In: Istoria României. IV. Formarea şi consolidarea orînduirii capitaliste (1848—1878). Bucureşti, 1964, p. 442; См. также: *Idem.* De la Tudor Vladimirescu la răscoala din 1907. Craiova, 1973, p. 247, 249. По мнению В. Мачу, Румыния отличается в этом смысле от России, где аналогичный процесс «был едва закончен буржуазно-демократической революцией 1905—1906 гг.» (Ibid., p. 247).
[4] *Iosa M.* Clasele şi păturile sociale din România la sfîrşitul secolului al XIX-lea şi începutul secolului al XX-lea.— Studii, 1971, N 2, p. 289—306.
[5] *Jordache A.* Viaţa politică în România 1910—1914. Bucureşti, 1972, p. 9—10.
[6] Anuarul statistic al României. Bucureşti, 1912, p. 15.
[7] Fiii neamului de la 1859 la 1915: Statistica socială pe înţelesul tuturora de dr. I. M. Dinescu. Iaşi, 1920, p. 51; Anuarul statistic al României. Bucureşti, 1909, p. 23.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 341.
[9] Мы имеем основание сделать такое заключение на основе цифры, называемой для 1913 г.,— 88% (Relaţii agrare şi mişcări ţărăneşti în România 1908—1921. Bucureşti, 1967, p. 20).
[10] *Creangă G. D.* Proprietatea rurala în România. Bucureşti, 1907, p. XXVI şi urm.
[11] Ibid., p. XLIX.
[12] По словам крупного буржуазного исследователя истории аграрных отношений в Румынии Р. Росетти, были богачи, владевшие 10-ю, 20-ю и даже 30-ю поместьями (*Rosetti R.* Pentru ce s-au răsculat ţăranii. Bucureşti, 1907, p. 576).
[13] *Creangă G. D.* Op. cit., p. XLIX.
[14] Сословное наименование «боярин» официально утратило силу с 1858 г., когда были отменены сословные привилегии. Но в литературном и обыденном словоупотреблении оно сохранилось как синоним названия «помещик».
[15] Так, например, К. Доброджану-Геря утверждал, что «после кризиса, через который крупное землевладение прошло в 1864 г., большинство коренных бояр продало свои имения»; сейчас (в 1910 г.) «земельные собственники — бояре обычно весьма буржуазного происхождения и с очень недавними правами собственности» (*Dobrogeanu-Gherea C.* Neoiobăgia: Studiu economico-sociologic al problemei noastre agrare. Bucureşti, f. a., p. 392, 243). Аналогичных взглядов придерживались Н. Иорга (*Iorga N.* Discursul ţinut la discuţia reformelor în sedinţa Adunării deputaţilor la 9 iunie. Iaşi, 1917, p. 8—10) и Р. Росетти (*Rosetti R.* Amintiri din prima tinereţe. Bucureşti, 1927, p. 205, 241).
[16] Relaţii agrare şi mişcări ţărăneşti..., p. 42.
[17] Istoria României, IV, p. 537.
[18] В начале XX в. в аренду, как правило, двухстепенную, сдавалось свыше 60% площади имений размером более 100 га, и чем крупнее были имения, тем чаще и в более широких масштабах это происходило (подсчитано по сб.: Anuarul statistic al României. Bucureşti, 1909, p. 215, 236).
[19] Наделение бывших барщинников пахотной землей производилось по закону о реформе в зависимости от количества скота: 73 тыс. зажиточных семей получили в среднем по 5,7 га, 200 тыс. семей среднего достатка —

inslav

по 4,4 га и 134 тыс. бедных — по 2,9 га. 60 тыс. семей, не занимавшихся сельским хозяйством, инвалиды, бездетные вдовы и пр. получили лишь приусадебные участки. Положения свободных крестьян (резешей в Молдове, мошненов в Валахии), которых накануне 1864 г. насчитывалось 220—240 тыс. семей и среди которых было немало малоземельных и безземельных, реформа не коснулась (*Adăniloaie N., Berindei D.* Reforma agrară din 1864. Bucureşti, 1967, p. 343; *Adam I.* şi *Marcu N.* Studii despre dezvoltarea capitalismului în agricultura României (După reforma din 1864). Bucureşti, 1956, p. 101; История Румынии 1848—1917. М., 1971, с. 170—173).

20 *Adam I.* şi *Marcu N.* Op. cit., p. 179.

21 При рутинной технике и экстенсивном хозяйстве, с учетом довольно часто повторявшихся неурожаев прожиточный минимум для средней по численности крестьянской семьи составлял к концу рассматриваемого периода около 5 га (расчеты см. в кн.: *Виноградов В. Н.* Крестьянское восстание 1907 года в Румынии. М., 1958, с. 25).

22 Relaţii agrare şi mişcări ţărăneşti..., p. 50.

23 ***Adam I. şi Marcu N.*** Op. cit., p. 244; Relaţii agrare şi mişcări ţărăneşti..., p. 49—50; История Румынии 1848—1917, с. 328—329.

24 *Maciu V.* De la Tudor Vladimirescu la răscoala din 1907, p. 256.

25 *Corbu C., Deac A.* Mişcări şi frămîntări ţărăneşti în România la sfîrşitul secolului al XIX-lea (1889—1900). Bucureşti, 1965, p. 54—56.

26 Цит. по кн.: *Ornea Z.* Sămănătorismul. Ed. a-II, 1971, p. 219.

27 Anuarul statistic al României. Bucureşti, 1909, p. 212—213.

28 *Rosetti R.* Pentru ce s-au răsculat ţarănii, p. 588, 589.

29 *Виноградов В. Н.* Крестьянское восстание 1907 года в Румынии, с. 198—203.

30 Istoria României, IV, p. 537.

31 *Slăvescu V.* Organizaţia de credit a României. Bucureşti, 1922, p. 202.

32 Codul general al României. Ed. III. V. V. IV. Bucureşti, 1941, p. 445—447.

33 Если в период с 1866 по 1887 г. в Румынии основывалось в среднем по 8,2 фабрики ежегодно, то с 1887 по 1906 г.— по 14—18 (*Paiano N. I.* La grande industrie en Roumanie de 1866—1906. Bucarest, p. 33—34). Неудивительно, что закон 1887 г. оценивался в буржуазной литературе как «исходный пункт новой эпохи национальной буржуазии, эпохи промышленного капитализма» (*Lovinescu E.* Istoria civilizaţiei române moderne. I. Forţele revoluţionare. Bucureşti, 1925, p. 33). Следует, однако, не упускать из виду, что «насаждение» фабричной капиталистической промышленности «сверху» было связано со стихийным, органическим ростом ее «снизу» (факты об этом последнем см. в кн.: *Zane G.* Industria din România în a doua jumătate a secolului al XIX-lea: Despre stadiile premargătoare industriei mecanizate. Bucureşti, 1970).

34 Din istoricul formării şi dezvoltării clasei muncitoare din România: Pînă la primul război mondial / Sub red. N. N. Constantinescu. Bucureşti, 1959, p. 194—196.

35 *Constantinescu N. N., Axenciuc V.* Capitalismul monopolist în România. Bucureşti, 1962, p. 26.

36 Точное количественное соотношение — 4 : 1 — дает нам лишь статистика на 1916 г. (*Emilian D. St.* L'Industrie en Romanie. Bucarest, 1919, p. 54).

37 См. данные о соотношении различных видов ценных бумаг в стране на 1910 г. в кн.: *Brătianu V. I. C.* Scrieri şi cuvîntări. V. II. Bucureşti, 1938, p. 401.

38 *Panu G.* Chestiuni politice: Sufragiul universal. Bucureşti, 1893, p. 44.

39 Л. Патрашкану, например, указывает, что «чистый тип промышленника» появился в Румынии лишь после первой мировой войны. «До войны богатая буржуазия — за исключением еврейской, лишенной права владеть недвижимостью в сельской местности — имела и обширные поместья» (*Pătrăşcanu L.* Un veac de framîntări sociale 1848—1907. Bucureşti, p. 338).

40 *Виноградов В. Н.* «Чудовищная коалиция» и ее наследники: Некоторые проблемы пореформенного развития буржуазно-помещичьего строя в Румынии.— Нов. и новейш. ист., 1973, № 5, с. 44.

41 Din istoricul formării şi dezvoltării clasei muncitoare din România..., p. 135,

inslav

218, 224, 230; *Constantinescu N. N.* Inceputurile formării şi dezvoltării clasei muncitoare în România.— Anale de istorie, 1973, N 4, p. 84.

[42] Исчислено путем отнесения цифры в 120 тыс. чел. к общей численности населения Румынии на 1901 г. (см. последнюю в сб.: Anuarul statistic al României. Bucureşti, 1912, p. 15).

[43] Din istoricul formării şi dezvoltării clasei muncitoare din România..., p. 224.

[44] *Constantinescu N. N.* Inceputurile formării şi dezvoltării clasei muncitoare din România, p. 85.

[45] Din istoricul formării şi dezvoltării clasei muncitoare din România..., p. 204—209, 226.

[46] Подсчитано по данным промышленной статистики на 1901—1902 г. (Anuarul statistic al României. Bucureşti, 1909, p. 238).

[47] Ibidem.

[48] *Iosa M.* Despre dezvoltarea industriei în România la sfîrşitul secolului al XIX-lea şi începutul secolului al XX-lea.— In: Studii şi materiale de istorie modernă. V. III. Bucureşti, 1963, p. 420.

[49] *Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975, с. 162.

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 21.

[51] Din istoricul formării şi dezvoltării clasei muncitoare din România..., p. 212—217.

[52] Данные по ряду уездов см. в кн.: *Greanga G. D.* Grundbezitzverteilung und Bauernfrage in Rumänien. Zweiter und dritter (Schluss) Teil. Leipzig, 1909, p. 25.

[53] См. подробнее в кн.: *Мошану А. К.* Социалистическое движение в Румынии (середина 70-х — начало 90-х гг. XIX в.). Кишинев, 1977.

[54] *Obédénare M.-G.* La Roumanie économique d'après les données les plus récentes. Paris, 1875, p. 232; *Colescu L.* Population de la Roumanie: Resumé démographique présenté à la IX-ème session de l'Institut international statistique. Bucarest, 1903, p. 23.

[55] Anuarul statistic al României. Bucureşti, 1904, p. 221; Probleme economice, 1954, N 5, p. 119.

[56] *Colescu L.* Op. cit., p. 23.

[57] *Maiorescu T.* Insemnări zilnice. I (1855—1880). Bucureşti, 1936, p. 175.

[58] Anuarul statistic al României. Bucureşti, 1904, p. 137.

[59] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 30.

[60] 84 тыс. человек без учета данных по Ясскому и Брэильскому уездам, городам Бухарест и Фокшань, по различным причинам отсутствующих в материалах переписи населения 1890 г. (Din istoricul formării si dezvoltării clasei muncitoare din România..., p. 210—214).

[61] *Pătrăşcanu L.* Op. cit., p. 335, 338—339.

[62] *Ornea Z.* Junimismul: Contribuţii la studierea curentului. Bucuresti, 1966, p. 32.

[63] Anale de istorie, 1969, N 4, p. 170—171.

[64] *Pătrăşcanu L.* Op. cit., p. 339.

ГОРОДА И БУРЖУАЗИЯ РУМЫНИИ В XIX В.

И. Константинеску (СРР)

В Дунайских княжествах во второй половине XVIII в. феодализм уже содержал в себе зародыши своего собственного разложения. Под воздействием развития товарооборота на внутреннем рынке, в особенности проникновения продукции сельского хозяйства княжеств на мировой рынок растет товарное производство и усиливается стремление создать собственную мануфактур-

inslav

ную промышленность. Экономические преобразования первой половины XIX в. вызвали глубокие сдвиги в социальной структуре. Феодальное право землевладения, освобожденное от сервитутов, преобразуется в буржуазное право собственности. Отношения между землевладельцами и производителями перестраиваются на новых основах, отличных от тех, на которых строились отношения феодального порабощения; место внеэкономического принуждения начинают занимать договорные отношения, которые устанавливаются на основе соглашения; исчезают оброк и барщина, а аграрная реформа 1864 г. наделяет крестьян землей.

Экономика Дунайских княжеств имела преимущественно аграрный характер. Для социальной структуры Валахии и Молдовы этого периода характерно наличие двух основных классов — бояр и крестьян. Торговцы и ремесленники в силу своей малочисленности и отсутствия экономической базы не могли еще сформироваться как класс буржуазии.

Бояре были крупными землевладельцами и в то же время им принадлежало политическое верховенство в государстве. По данным переписи, проведенной в Молдове в 1803 г., более 54% всех сел находилось в боярских владениях (половина этих сел располагалась в вотчинах, принадлежавших всего лишь 28 семействам), на монастырских землях было 12,55% сел и около 32% — на землях свободных крестьян из резешских общин. Со времен Константина Маврокордата (1739 г.) закон знает лишь служилых бояр. Этим объясняется тот факт, что по материалам переписей 30-х годов XIX в. в Молдове существовали бояре, которые не имели вотчин, и в то же время были землевладельцы, не носившие боярского титула (некоторые из них располагали 2—3-мя вотчинами). Крупное боярство делилось на несколько категорий или рангов. Потомки неслужилых бояр первого ранга именовались нямурами и не платили бира (государственного налога); потомки бояр второго ранга назывались мазылами и облагались налогом, который устанавливался по взаимному соглашению.

Бояре в зависимости от их места в феодальной иерархии пользовались целым рядом привилегий — освобождались от бира, получали льготы по косвенным налогам (составлявшим личные доходы князя), а иногда и полностью или частично освобождались от их уплаты, получали таможенные льготы и т. д. Вплоть до 40-х годов XIX в. бояре, занимавшие государственные должности помимо вознаграждения и иных выгод приобретали привилегию обращать в свою пользу, в зависимости от ранга, доходы от эксплуатации определенного количества крестьян, полностью или частично освобожденных от казенных повинностей и именовавшихся скутельниками. Скутельники набирались по соглашению из числа бирников (налогоплательщиков) или привозились из-за границы и должны были взамен освобождения от налога в пользу государства (в Молдове — лишь от части налога) отрабатывать в имениях бояр от 24 до 100 дней в году, либо платить им определенную сумму. Бояре, которые были в то же время собственниками вот-

inslav

чин, имели также право на использование определенного числа крестьян, освобожденных от казенных повинностей или части этих повинностей и носивших наименование послушников (в Валахии) и бреслашей (в Молдове), которых они набирали из числа бирников в своих собственных вотчинах. Подобно скутельникам, по соглашению с владельцем земли они брали на себя те же обязательства — отработочные, денежные, натуральные (в форме сельскохозяйственных продуктов или ремесленных изделий). В Молдове, где владельцы вотчин в большей степени, нежели в Валахии, сами занимались обработкой крупных земельных участков, они сумели добиться не только привилегии иметь скутельников и бреслашей, но и права использовать также другую категорию жителей, освобожденных от каких бы то ни было налоговых обложений или казенных повинностей, которые именовались слугами и которые, как и скутельники, взамен обязывались заниматься сельскохозяйственными работами, служить в администрации вотчины или договаривались с землевладельцем о выплате ему определенных сумм. Злоупотребляя этими привилегиями, бояре помимо законно переданных им лиц (а крупный боярин мог иметь на этих основаниях до 150 человек), незаконно использовали в своих личных интересах сотни жителей, иногда целые села, лишая тем самым казну причитающихся ей податей. В результате непрерывно возраставшие налоги и трудовые повинности все более тяжелым бременем ложились на плечи остальных крестьян. Аналогичными привилегиями пользовалось высшее духовенство и монастыри, входившие составной частью в правящий класс. Эта привилегия, считавшаяся одной из самых важных, после введения Органических регламентов 1831—1832 гг. была по фискальным соображениям отменена.

Как землевладелец, боярин обязан был выделять живущим в его вотчинах крестьянам земельный надел, но за это он мог требовать с них ежегодно двенадцать барщинных дней, которые должны были отрабатываться с использованием крестьянских сельскохозяйственных орудий. Со временем к этим дням добавились еще два неоплачиваемых дня — на починку мельниц, хозяйственных построек, на ремонт плотин и очистку прудов и т. д., один день — на различные перевозки по распоряжению землевладельца, а также оброк со всех видов сельскохозяйственных культур и изделий народных промыслов, предназначенных для продажи, подношения к праздникам и т. д. К концу XVIII в. бояре устанавливают также монопольное право на содержание корчмы и мельницы, на эксплуатацию леса, а со временем укрепляют и свое право на землю, стремясь превратить его в полное право собственности, в ущерб праву пользования крестьян, живущих на боярских и монастырских землях.

Молдавские бояре жили в основном в имениях и управляли своими владениями с помощью аппарата, который начинает становиться наемным. Валашские бояре в большинстве вынуждены были переселяться в столицу княжества. Поэтому, как правило,

inslav

они сдавали свои имения в аренду, либо довольствовались взиманием денежных податей с жителей своих вотчин.

Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг., в результате контактов с франкофилами из числа русских и австрийских офицеров, заметно усиливается французское влияние, начало которому в Дунайских княжествах было положено фанариотами. «Европеизация» боярства порождает глубокие изменения во всем его образе жизни. Чрезмерная роскошь и карточная игра расшатывали бюджет бояр и отрывали их от хозяйственной деятельности. Источником крупных доходов были государственные должности. Налоговая и административная системы, отличавшиеся взяточничеством и злоупотреблениями, помогали господствующему классу накапливать огромные состояния, которые растрачивались на развлечения и излишества. Этим и объясняется, почему основной статьей импорта были предметы роскоши — экипажи, драгоценности, тонкие сукна французского, немецкого и английского происхождения и т. д.

Однако «европеизация» боярства, его приобщение к западным нравам имело и свою положительную сторону — вело к улучшению системы образования, к тому, что культура стала приобретать светский характер, в княжества начали проникать идеи просветительства. Все более вовлекаясь в отношения обмена и погоню за барышами, боярство становилось, при отсутствии буржуазии, носителем новых идей и реформ, на пути которых вставало господство османов и феодальные порядки. «Европеизированные» бояре требовали свободы торговли, превращения крепостей Джурджу, Брэила и других в открытые порты, создания торгового флота, права на открытие рудников, шахт и фабрик, которые охранялись бы с помощью протекционистской системы, отмены привилегий иностранцам, перехода земель, принадлежавших «преклоненным» монастырям, в собственность государства за определенный выкуп. Эта программа должна была открыть широкие перспективы для капиталистического развития. Однако наряду с этим крупное боярство требовало сохранения феодальных привилегий: освобождения от налогов, исключительного права на занятие высоких государственных должностей и, следовательно, отстранения привезенных фанариотами греков и, в конечном счете, отмены самой фанариотской системы. Все эти требования были разрешены после Адрианопольского мира.

Монастыри владели огромными земельными угодьями, которые были получены ими в дар от бояр и князей и расширены затем за счет покупок. Взамен даров, освобождения от налогов или денежных вспомоществований, они брали на себя содержание школ, больниц, богаделен и т. д. Со временем часть монастырей стала монастырями «преклоненными» святым местам Иерусалима и патриархии Константинополя, Антиохии и Александрии. Их настоятелями были игумены-греки. Имущество этих монастырей находилось под контролем духовенства этих «святых мест»,

inslav

что означало по сути дела утечку за границу значительных богатств.

Будучи владельцами земли, высшее духовенство и монастыри пользовались теми же правами, что и светские феодалы: правом на барщину, оброк, на феодальные монополии, привилегией использовать на сельскохозяйственных работах и для домашних нужд лиц, освобожденных от налоговых обязательств (скутельников и послушников). Духовная среда страдала той же болезнью, что и светское общество: взяточничеством, злоупотреблениями, невежеством. Назначение на высшие духовные должности можно было купить так же, как и боярские титулы или государственные посты. Игумены монастырей нередко становились обычными арендаторами, которые брали в аренду монастырские поместья взамен ежегодной арендной платы. Архиереи собирали сборы со священнослужителей за посвящение в сан, поэтому их доходы росли одновременно с безмерным ростом численности священников. Условия жизни сельских священников мало чем отличались от условий жизни крестьян. Они не владели имениями, но были освобождены от оброка, барщины и от податей в казну, выплачивая лишь духовный бир.

Города в Валахии и Молдове стали развиваться поздно и развитие их шло медленно; они были скорее потребляющими, чем производящими центрами. Лишь после Органических регламентов 1831—1832 гг. начинается более интенсивное капиталистическое становление городов. Оттоманское господство тормозило экономическое развитие Дунайских княжеств по капиталистическому пути. Режим капитуляций, установленный в княжествах с учреждением иностранных консульств и использовавшийся турецким правительством для предоставления свободы иностранным купцам, привозившим товары из индустриально развитых стран, а также турецкая монополия на вывоз основных сельскохозяйственных продуктов, осуществлявшаяся через посланных Портой купцов, лишали княжества торговой и промышленной буржуазии. Хаотичная денежная система усиливала неустойчивость сделок, подрывала кредиты и сдерживала инвестиции. Крупные купцы, банкиры, ростовщики, ремесленники были иностранцами, находившимися под покровительством иностранных консульств, прежде всего австрийского.

В деревенской жизни особое место занимали села свободных крестьян, являвшихся полными собственниками своих земельных участков. Эти села назывались резешскими в Молдове и мощненскими в Валахии. Все жители сельской общины обрабатывали землю совместно. В принципе они могли выйти из общины, но практически редко это делали, ибо определение выделяемой им части было делом сложным. Их нельзя приравнивать к другим категориям землевладельцев, поскольку они не пользовались теми их привилегиями, о которых говорилось выше. Что же касается налогового режима, то в этом отношении положение их было сход-

inslav

но с положением безземельных крестьян, так как они платили бир и все виды податей и должны были нести казенные повинности подобно зависимым крестьянам. Но значительной прослойке крестьян-землевладельцев, особенно наиболее состоятельным из них, удавалось выбраться из крестьянского сословия и посредством приобретения титулов мазылов, нямуров и др. добиться перехода в низшие слои боярства. Именно они в период разложения феодализма превращались в промежуточную прослойку полубуржуазного характера. Под тяжестью податей, давивших на общинных крестьян, многие из них вынуждены были продавать землю; тем не менее к 30-м годам XIX в. свободные крестьяне еще продолжали владеть почти $^1/_3$ земли и образовывали наиболее компактный социальный слой в горных местностях. Поскольку природные условия не позволяли здесь расширять производство зерна, они занимались скотоводством, лесоразработками, что значительно больше вовлекало их в товарооборот. Живя в пограничных с Австрией районах, они вели довольно обширную внешнюю торговлю. Все это может служить объяснением, почему наряду с либеральным боярством и формирующейся буржуазией, свободные крестьяне играли большую роль в антиосманской и антифеодальной борьбе.

Большинство населения княжеств составляли безземельные крестьяне. Они имели право наследственного и неотчуждаемого пользования участком земли, размеры которого вплоть до Органических регламентов не ограничивались. Эту землю они обрабатывали, добывая тем самым пропитание для семьи, корм для скота, средства для уплаты податей владельцу имения и тяжелых налогов в пользу государства и князя, а также определенное количество продуктов для покрытия обязательства княжеств по поставке зерна Порте. За право пользования пахотной землей и проживание на территории имения крестьянин должен был отрабатывать 12 барщинных дней со своими орудиями на полях хозяина или платить ему оброк за предоставленную землю, должен был трудиться на починке хозяйственных построек и сооружений в вотчинах, совершать перевозки зерна, дров и т. д., должен был преподносить дары по случаю праздников и проч. В Молдове, где землевладельцы были шире вовлечены в товарное производство и в большей степени занимались хозяйством, трудовые повинности крестьян были значительно выше. Начиная с 1766 г. вводится определенная норма (нарт) для различных работ по барщине, что приводит к увеличению количества дней на принудительные неоплачиваемые работы, достигавших, по оценкам современников, от 18 до 56 дней в году. Органические регламенты расширили применение барщинного труда и в Валахии, а это свидетельствует о том, что после Адрианопольского мира землевладельцы усиливают товарное производство и нуждаются в рабочей силе. После Органических регламентов система барщинного труда отходит на второй план, все более пробивает себе дорогу договорная система и наемный труд.

inslav

К концу XVIII в. зависимое крестьянство начинает терять право пользования лесами и прудами и значительно урезывается его право пользования пастбищами и лугами. Хотя эти крестьяне и не были в личной зависимости от хозяина вотчины (такая зависимость была отменена в середине XVIII в.), но из-за запрета по налоговым мотивам на право перехода, безземельное крестьянство практически находилось в реальной зависимости от вотчинника. Отношения между зависимыми крестьянами и владельцами имений регламентировались центральной властью посредством специальных господарских грамот, а затем Органическими регламентами. Несмотря на то, что последние модернизировали румынское общество в целом ряде областей (юстиции, администрации, налоговой системы и т. д.) и претендовали на введение принципа взаимности и в отношения между землевладельцами и крестьянами, они, однако, стали орудием самой жестокой из всех известных к тому времени форм эксплуатации. Сократив право пользования барщинных крестьян землей и открыв свободу договорной системе на дополнительные земельные участки, Органические регламенты и последующие законы, определявшие договорные отношения между крестьянами и хозяевами земли, приводили в конечном итоге к замене отношений феодального порабощения и внеэкономического принуждения жестоким экономическим принуждением, обусловленным отсутствием земли у крестьян. Аграрная реформа 1864 г. вместе с наделением крестьян землей ликвидировала и феодальную зависимость, оброк и барщину.

Однако самой жестокой формой эксплуатации крестьян в данный период была эксплуатация посредством налогов, которая в равной мере обременяла и свободных крестьян, владевших землей, и барщинных. Ко всякого рода прямым и косвенным налогам добавлялись принудительные работы по ремонту дорог, мостов, крепостей, обязательные перевозки на большие расстояния, принудительная продажа зерна в целях удовлетворения все возрастающих требований Порты. Не будучи в состоянии выносить тяжесть этих повинностей, нередко разоряющих экономическую основу крестьянского хозяйства, крестьяне прибегали к различным формам протеста, начиная от побегов, кончая восстаниями, которые подрывали основы феодального и способствовали переходу к капиталистическому строю.

Constantiniu F. Relațiile agrare din Țara Românească în secolul al XVIII-lea. București, 1972.
Filitti I. C. Clasele sociale în trecutul românesc. București, 1925.
Giurescu C. C. Contribuții la studiul originilor și dezvoltării burgheziei române pînă la 1848. București, 1972.
Iorga N. Istoria românilor. V. VII, Reformatorii. București, 1939.
Istoria Românei. V. III. București, 1964.
Mihordea V. Relațiile agrare în secolul al XVIII-lea în Moldova. București 1968.

inslav

Oţetea A. Consideraţii asupra trecerii de la feudalism la capitalism în Moldova şi Ţara Românească.— În: Studii şi materiale de istorie medie. V. IV. Bucureşti, 1960, p. 307—390.
Oţetea A. Tudor Vladimirescu şi revoluţia de la 1821. Bucureşti, 1971, p. 78—95.
Papacostea S. Oltenia sub stăpînirea austriacă (1718—1739). Bucureşti, 1971, p. 141—219, 230—237.
Pătrăşcanu L. Începuturile capitalismului în cele trei principate române.— Viaţa Românească, 1937, N 8—9.
Pătrăşcanu L. Un veac frămîntări sociale (1821—1907). Ed. 3-a. Bucureşti, 1969.
Rosetti R. Pămîntul, sătenii si stăpînii în Moldova. Bucureşti, 1907, p. 299—395.

СОСЛОВИЯ И КЛАССЫ БОЛГАРСКОГО ОБЩЕСТВА В XVIII—XIX ВЕКАХ

Ст. Димитров (НРБ)

Проблема складывания социальной структуры общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму исключительно трудна для разрешения и в то же время чрезвычайно важна, ибо анализ социальной базы общества приближает нас к раскрытию его внутренней структуры, от характеристики которой находится в прямой зависимости ответ на целый ряд вопросов политического, административно-управленческого и культурного порядка.

Сложность проблемы усугубляется тем обстоятельством, что исследование охватывает географически целостную, но весьма разнообразную в социально-экономическом аспекте территорию. В нем представлены различные варианты развития феодализма с наличием целого ряда переходных от одного к другому моментов, создающих значительные трудности при выработке общей модели общества. Помимо того объектом исследования является период перехода от одной общественной формации к другой, в рамках которого явления и процессы отличались своей изменчивостью и незавершенностью. Для успешного изучения этих процессов и явлений приемлемы методы как количественного, так и структурного анализа, историко-генетические и другие методы, позволяющие точнее проследить особенности исчезновения прежних классовых и социальных групп, перелома в природе социальных функций данной группы, сословия или класса.

* * *

Общественные классы и социальные группы каждого общества не возникают из ничего и не являются чем-либо совершенно новым. Они формируются, так сказать, из наличного старого материала, представляемого предшествующим человеческим обществом. Как бы нами ни подчеркивался революционный характер перехода от одной общественной формации к другой, мы должны

inslav

учитывать преемственность в развитии общества как в области производительных сил, так и в его социальной структуре. Для правильного раскрытия процесса формирования элементов новой социальной структуры, новых социальных групп необходимо изучение исходных данных, т. е. структуры предшествующей формации.

В Болгарии османское вторжение привело не только к ликвидации политического господства болгарских феодалов, но и их уничтожению. Некоторая часть из них погибла еще в ходе завоевания. Другая была вынуждена искать спасения в Валахии, Венгрии и других странах. Однако значительная часть феодалов перешла на службу к завоевателям и в течение XIV—XV вв. слилась с османским господствующим классом. Последнее относится в особенности к феодалам тех болгарских царств и княжеств, где установление османской политической власти совершалось в итоге более или менее продолжительного переходного периода вассальной зависимости. Признав османский сюзеренитет и продолжая управлять своими владениями как вассалы, они были обязаны сражаться и действительно сражались на стороне султанов во главе своего войска и подчиненных им более мелких феодалов (воевод, кефалий и т. п.). После смерти таких вассалов их владения управлялись санджак-беями. Но находившиеся в них средние и мелкие феодалы в большинстве случаев продолжали управлять своими селами, собирать полагающиеся им подати с зависимых крестьян, участвовали в войнах под знаменами санджак-беев и постепенно ассимилировались господствующим османским классом, отличавшимся очень значительной этнической пестротой. Некоторые из таких феодалов вскоре меняли и свою религию, однако значительная часть оставалась христианами в продолжение многих десятилетий, образуя известную нам категорию спахиев-христиан [1].

Все это было не только болгарским, но и общебалканским явлением. Наиболее старой сохранившейся описью османских феодальных владений является регистр санджака Арванид (в Южной Албании) 1432 г. Из него явствует, что почти полстолетия спустя после установления османской власти $^1/_3$ поименованных в регистре спахиев были все еще христианами, спахиям-христианам наследовали их сыновья, во многих случаях тоже христиане [2].

Наиболее старой описью феодальных владений в современных границах Болгарии может быть назван отрывок регистра 1444—1445 гг., охватывающий границы нахий Знеполе и Висока. В этом отрывке записаны 32 спахия, из которых 8, т. е. $^1/_4$, все еще были христианами, несмотря на истекшие почти шесть десятилетий со времени завоевания этих областей османами [3]. Значительным было и число спахиев-христиан и в сохранившихся до нашего времени описях Видинского санджака середины XV в. [4] В регистре спахиев Никопольского санджака 1479 г. около $^1/_{10}$ всего числа спахиев были христианами [5]. Действительно, их лены были уже весьма незначительны, что свидетельствует о неблагоприятном

inslav

к ним отношении. С начала XVI в. спахии-христиане уже почти не встречаются. Именно тогда процесс перерождения прежнего балканского класса феодалов в османский, отчуждения болгарских феодалов от православного болгарского народа надо считать завершенным. Болгарскими по происхождению феодалами в этот период можно было бы считать болгар-магометан, сохранявших свой язык, основные черты общеболгарского быта и некоторые элементы болгарского обычного права. Но в целом и они были носителями мусульманского, а не болгарского самосознания и это свидетельствовало насколько глубоким было в сознании средневекового человека чувство культовой принадлежности, вытеснявшее самосознание этническое. Совершенно очевидно, что и о таких болгарах-мусульманах нельзя говорить как о представителях болгарского класса феодалов: они стали нераздельной частью класса османских феодалов. Таким образом, болгарское общество в эпоху османского владычества превратилось в общество без «своего» класса феодалов. Это обстоятельство оказало влияние на процесс формирования его социальной структуры в XVIII и XIX вв., в эпоху разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений.

В науке установлено наличие в Болгарии XVI и XVII вв. достаточно развитых товарно-денежных отношений. Несколько лет назад даже возник спор о степени распространения в это время денежной и натуральной форм феодальной ренты. Ссылаясь на османские описи ленных владений, исчислявших все доходы спахиев в денежных единицах, В. Мутафчиева отстаивала мнение о преобладании уже в этот период денежной ренты[6]. Оказалось, что канун-наме (законники) о рынках существовали не только в больших городах, таких как Никополь, София, Пловдив, Варна, но и в менее значительных — Ямболе, Провадии, Айтосе и других[7]. В них подробно регламентировались налоги на различные виды товаров, привозимых для продажи на городские рынки, притом упоминалось как о товарах сельскохозяйственного происхождения, так и о ремесленных изделиях, что свидетельствует об определенном уровне ремесленного производства. Исследования Н. Тодорова, Б. Цветковой и других авторов показали значительное развитие товарного производства в балканских городах в XVI—XVII вв.[8]

На сравнительно высоком уровне находилась и торговля. Известны оживленные торговые связи Болгарии с Юго-Восточной Европой, с Трансильванией, австрийскими и османскими провинциями Венгрии, с Польшей. Однако наиболее видную роль в балканской торговле того времени играли итальянские города-республики и Дубровник. Колонии дубровницких торговцев обосновались в Софии, Видине, Русе, Тырново, Шумене и других городах.

В особенности вырос ростовщический капитал, сферой деятельности которого были откупы государственных налогов. Централизованное османское государство не располагало достаточным штатом податных чиновников и было вынуждено давать на откуп

inslav

взимание поголовного налога, авариза, бедель и нузула и других государственных налогов, а также и эксплуатацию султанских и государственных земельных владений, оформленных в так называемые мукатаа. Суммы арендного откупа иногда исчислялись миллионами акче[9]. И если откуп поголовного налога (джизие) был монополией откупщиков-мусульман, то во всех остальных финансовых сферах находили место и капиталы христианских подданных Порты. Особенно широкое поле деятельности открывалось перед болгарскими торговцами и откупщиками в сборе натуральных налогов со скота, в поставках овец для нужд столицы и армии.

Однако, как известно, торговый и ростовщический капитал не является выражением капиталистических отношений, а лишь предпосылкой для их возникновения.

Крестьянство как класс-сословие было неоднородным. В XVI в. по признаку присвоения феодальной ренты в нем различалось несколько групп. Начнем с обрабатывавших земли тимариотов и заимов спахийских крестьян, эксплуатация которых осуществлялась обычно их непосредственным господином. В качестве второй группы обособлялись государственные и султанские крестьяне, прикрепленные к государственным землям, султанским и визирским хасам, или выполнявшие специальные обязанности в пользу государства — войнугане, стражники, охранявшие горные перевалы, корабельные гребцы и т. п. Их эксплуатация осуществлялась исключительно центральной властью, предоставлявшей непосредственный сбор налогов своим чиновникам (эминам и воеводам) или откупщикам (мюлтезимам). На третье место следует поставить вакуфских крестьян, обрабатывавших земли различных религиозных и благотворительных учреждений непосредственно или путем сдачи в аренду. В то же время все три группы крестьян эксплуатировались и государством путем обложения налогами — поголовным аваризом и другими.

Соотношение между различными группами крестьян не оставалось постоянным. В течение последних десятилетий XV и в первой половине XVI в. значительно возросло количество вакуфского крестьянства за счет спахийских и государственных крестьян. Со второй половины XVI в. и далее все более увеличивалось число государственных и султанских земель, а вместе с ними и количество соответствующей группы крестьянства. С упадком роли спахийского войска государство систематически отнимало спахийские лены и причисляло их к государственным землям (мукатаа и хазине) или к султанским хасам (хавас- и хумайюн). Процесс этот охватил всю империю, а не только болгарские земли. Опубликованные проверочные списки спахиев XVII—XVIII вв. показывают насколько резко уменьшилась их численность. Согласно описям Айни Али, отражающим состояние тимарского войска в XVI в., в Румелии насчитывалось 6377 тимаров и зеаметов, а по данным регистра проверки спахиев 1605—1606 гг. их оказалось 4596[10], т. е. на 28% меньше. Во всем Видинском санджаке не осталось ни одного тимара или зеамета, а вся земля была пре-

inslav

вращена в государственные, султанские и визирские хасы. В поисках средств для регулярной выплаты жалованья взбунтовавшимся янычарам Ахмед III одним росчерком пера уничтожил в начале XVIII в. 2168 тимаров и зеаметов в Эрзурумском вилайете, присоединив их к султанским хасам[11]. В канун-наме спахиев, изданных в конце XVIII в. Селимом III, предусматривалось изъятие малодоходных тимаров и зеаметов в пользу фиска и отменялась их передача новым тимариотам. Созданной этим султаном «Казне новых доходов», предназначенной для содержания формирующегося по европейскому образцу войска, были переданы 3575 тимаров и зеаметов, из коих в санджаке Никополя — 31, в санджаке Силистрия — 42, в санджаке Кюстендил — 68, в санджаке Паша — 74 и т. д.[12]. К 30-м годам XIX в. при ликвидации спахийского войска и его присоединении к регулярной армии во всей Румелии насчитывалось немногим более тысячи тимаров и зеаметов. В большинстве округов (каза) вообще не было ленов.

С превращением в XVIII в. огромных масс крестьянства в государственных и султанских крестьян теряли свое значение и нормы крепостного права. Однако формально крепостное законодательство XV—XVI вв. не было отменено даже в начале XIX в. Сохранился документ второго десятилетия XIX в., в котором один из вакуфов настаивал на поимке и возвращении бежавших из вакуфских земель крестьян, ссылаясь на законодательство времен Сулеймана I, и великим визирством было действительно издано распоряжение о поимке беглецов[13]. Следует иметь в виду, что законами Селима I и Сулеймана I предусматривался налог чифт-бозан (разрушение парной запряжки), который был обязан уплатить своему спахию крестьянин, решивший оставить тимар и перейти к другому хозяину или в город[14]. Вначале эта сумма была довольно значительной, однако после XVII в. ее размеры не увеличивались соразмерно с обесценкой османской монеты. Вследствие этого налог чифт-бозан в XVIII в. не представлял никакой преграды для крестьян, решивших оставить свои села и своих спахиев.

Более существенное значение имело, однако, прикрепление к государственной податной единице, так называемым хане (букв. домам). Последние объединяли по нескольку хозяйств, несущих совместно ответственность за своевременную уплату государственных налогов. Из-за системы круговой поруки сами крестьяне были заинтересованы в предотвращении возможного бегства своих односельчан. Сохранилась и сельская община, необходимая османскому государству, в качестве органа, коллективно ответственного за своевременную выплату государственных налогов и поддержание административного порядка в селе. Состояние сельской общины в XV—XIX вв. обстоятельно рассмотрено в работах Л. Марковой и Е. Грозданoвой, поэтому нет нужды подробно излагать этот вопрос[15]. Общины обычно возглавлялись наиболее зажиточными крестьянами, именовавшимися стареями, старейшинами, кметами, кнезами, коджабашиями, чорбаджиями и т. д. Подоб-

inslav

ную организацию имели и христианские кварталы в городах до XVIII в.

Существование сельской общины, однако, отнюдь не было выражением однородности ее членов в имущественном отношении. В соответствии с положениями османской феодальной системы обрабатываемая земля — поля, луга, виноградники и сады были в частном владении отдельных крестьян, а в пользовании общины находились пастбища, водные источники, дороги и значительная часть лесов. Крестьянин был обладателем документа — тапу (от греч. топос — место), удостоверявшего его право на частное владение земельным участком. Эта земля наследовалась безвозмездно сыновьями крестьянина, вследствие чего получило распространение название «баштина» (букв. отеческая, отцовская), нашедшее место и в османских законодательных актах. Собственником земли считалось государство, но никто не имел права отнять землю у обрабатывавшего ее крестьянина, имевшего к тому же тапу на право ее владения. Естественно, что таков был юридический закон, неоднократно нарушавшийся на практике, но все же норма оставалась нормой. Покупка и продажа земли крестьянами была обычным явлением в XVI—XVII вв., не говоря уже о более позднем времени.

Частное владение землей создавало условия для имущественного расслоения крестьянства. Весьма убедительные данные об этом представляют нам источники конца XVII и XVIII в. Здесь я имею в виду списки плательщиков поголовного налога. Согласно нормам мусульманского религиозного права, поголовный налог взимался с немусульман в соответствии с их имущественным состоянием. В последнем десятилетии XVIII в. этот налог превратился в поголовный из подворного, что вызвало необходимость составления поименных списков плательщиков с разделением их на три категории: высшую (аля), среднюю (эвсат) и низшую (една). Эти списки не являются правовой фиксацией, а отражают реальное социальное расслоение болгарского населения. Данные регистра Тырновской казы, к сожалению, не сохранившегося полностью, опубликованы и проанализированы. Из сохранившихся описей 55 населенных пунктов извлечены данные о 5514 налогоплательщиках. К наиболее состоятельным, к высшей категории в них причислены всего 306 налогоплательщиков, что составляет 5,5% общего их числа. Из них 232 жили в поселках городского и полугородского типа, как Габрово, Дряново, Трявна, Елена и Арбанаси, в больших селах, как Лясковец, Беброво, Килифарево и Горна-Оряховица. В 33 селах не отмечено ни одного лица, принадлежавшего к высшей категории. К средней группе причислено 1559 человек, или 28,3% зарегистрированных налогоплательщиков, а остальные 3649 человек, или 66,2%, отнесены к категории бедных налогоплательщиков [16].

Ту же пеструю картину дают нам и некоторые списки вакуфских крестьян начала XVIII в. Так, например, в селе Кяфир-Хаджи (ныне Благунци, Хасковского округа) зарегистрировано

inslav

31 хозяйство. Из них 5 обладали до 5 га обрабатываемой земли и виноградников, 9 владели от 5,1 до 10 га, 11 владели от 10,1 до 20 га и 6 хозяйств владели от 20,1 до 30 га [17]. Принимая во внимание, что согласно османскому законодательству обычным, нормальным сельским владением, т. е. чифтом, или одной баштиной, считались 7 га плодородной, 10—12 га средней и 150 га слабоплодородной земли, можно заключить, что в селах были крестьяне, не владевшие полной баштиной, а наряду с ними и такие, которые владели двумя-тремя баштинами.

Близ г. Адрианополя находилось с. Караагач, где преобладало более мелкое землевладение, но бо́льший удельный вес составляли виноградники и сады — это были хозяйства более интенсивного характера. Из 53 хозяйств этого села 40 владели до 5 га обрабатываемой земли, 7 владели от 5,1 до 10 га, 5 хозяйств владели от 10,1 до 20 га и лишь один человек — Асен сын Косты (в регистр он вписан под именем Хасан ага — сын Косты) владел 52 га земли, из которых часть занимал сад и 3 га виноградники. Расслоение сельского населения давало возможность образования крупных по тогдашним масштабам земельных владений, которые не могли существовать без использования наемного труда [18].

Существование богатых крестьян среди болгар-христиан не должно заслонять того факта, что крупное землевладение в Османской империи было монополией мусульманского населения страны — турок-османов, принявших ислам болгар и других балканских народов. Мусульманский элемент, в частности, янычары, занимал господствующее положение и в торговле зерновыми продуктами. Существовавший режим государственных монополий запрещал покупку и вывоз зерновых продуктов до передачи государству полностью определенного их количества, предназначавшегося для нужд войска и столичного населения. Эти продукты продавались государству по установленным низким ценам. Привилегированное положение янычар в османском обществе и их фактическая безнаказанность позволяли им пренебрегать государственными ограничениями и государственной монополией, нарушения которых торговцами-христианами каралось со всей строгостью законов.

* * *

В XVIII в. вся эта система оказалась вовлеченной в сферу формировавшегося европейского капиталистического рынка с его новыми закономерностями и новыми требованиями, предъявляемыми хозяйствам всех европейских стран. Процесс зарождения и развития капитализма в Восточной и Юго-Восточной Европе не может быть правильно понят при его рассмотрении в отрыве от оформлявшегося общеевропейского капиталистического рынка. Капиталистическое хозяйство по своей имманентной сущности было экспансивным хозяйством, вовлекавшим в свою сферу все новые и новые страны в качестве рынков сбыта продукции капи-

inslav

талистической мануфактуры или как источники сырья. Оно создает новые эталоны экономической деятельности уже только тем фактом, что осуществляет ее на базе более высокой производительности труда. Страны, вовлеченные в сферу общеевропейского капиталистического рынка, были поставлены перед дилеммой: или принять эти новые формы хозяйственной деятельности или интенсифицировать производство доступными им феодальными способами эксплуатации, заняв в капиталистической системе подчиненное место поставщиков сырья и потребителей изделий капиталистической промышленности.

В различных странах процесс приспособления экономики к требованиям общеевропейского капиталистического рынка получал своеобразные формы, но его общее содержание сводилось к увеличению продукции в целях удовлетворения потребностей капиталистического рынка. Класс феодалов реагировал на увеличение спроса на сельскохозяйственные товары своими методами и средствами, имевшими в конечном счете целью увеличение натуральной продукции, превращаемой в товар и реализуемой на рынке. В некоторых странах было осуществлено своего рода «второе издание» крепостного права, о котором говорил Ф. Энгельс. При этом увеличивалась натуральная и отработочная рента, сопровождаемая тенденцией увеличения помещичьих земель за счет общинных и крестьянских.

В Османской империи формирование капиталистического рынка шло в нескольких направлениях. Прежде всего оно выразилось в изменении характера торговли и значительной части торговой прослойки. Если до второй половины XVII в. главенствующее место в торговле принадлежало итальянским городам, Дубровнику, Франции, Трансильвании и Польше, то с конца XVII в. пальма первенства в торговле перешла в руки Англии, Франции и Голландии, а в первой половине XVIII в. особое значение приобрели торговые пути в Австрию и Саксонию. Дубровницкие колонии приходили в упадок и исчезали. Новыми контрагентами стали капиталистические страны или страны с развитым мануфактурным производством. Они уже не интересовались восточными пряностями и левантийскими изделиями из шелка, а предъявляли спрос на шелк-сырец, необработанный хлопок, шерсть, кожи, зерновые продукты и на другое сырье. Во всех этих странах они создавали мощные «восточные компании» торговцев, ставившие своей задачей расширение и усиление связей с рынками Османской империи, включая и ее балканские провинции.

На втором месте надо поставить ускоренно создаваемое крупное частное землевладение. Османским феодальным законодательством Селима I и Сулеймана I не допускалось превышение тимариотами собственной запашки свыше размеров одного «райетского чифтлика», т. е. в соответствии с качеством почвы 7, 10 или 13—15 га [19]. Еще в XVII в. начинают создаваться крупные хозяйства мусульман, янычар вокруг городов, на рынках которых могла найти сбыт сельскохозяйственная продукция. В конце XVIII в.

inslav

этот процесс становился все более массовым. Подобные хозяйства также назывались чифтликами, однако это были крупные товарные хозяйства и их наименование далеко не соответствовало содержанию термина «чифтлик», употреблявшемуся в османском законодательстве XV—XVI вв. Вопреки предписанию законов, крестьяне изгонялись из земельных участков и насильственно лишались владельческих прав на них; захватывались общинные земли. Прикрепленные к данному чифтлику крестьяне переводились на оброк (становились кисимджиями), вынуждались обрабатывать землю исполу (испольщики) или за вознаграждение натурой (момци).

Новые чифтлики, т. е. крупные частные феодальные хозяйства, создавались массово в южных областях Балканского полуострова — во Фракии, Эгейской равнине, Македонии, Фессалии, в низменностях Албании и других районах, где существовали благоприятные условия для выращивания хлопка, риса, тутовых деревьев и связанного с их культурой производства шелка-сырца, маслин для выработки оливкового масла (зехтина), производства вина и т. п. Чифтликские отношения имели место и в западных районах Болгарии, а также в Сербии и Боснии, находившихся в непосредственной близости от западных рынков.

Чифтлики создавались путем прямого или косвенного насилия, посредством ростовщического закабаления целых сел и иными способами, причем не столько спахиями, сколько людьми, принадлежавшими к янычарскому корпусу (из местных гарнизонов или лиц, получивших янычарские билеты), управителями султанских и государственных хасов, пашами эйялетов, кадиями и иными влиятельными людьми [20].

Изменялась и экономическая база османского господствующего класса. Его опорой становились не тимариоты и заимы с полагающейся им десятиной, получаемой с крестьян, а собственники крупных частных землевладений. В их руках оказались денежные средства, сельскохозяйственные товары, стада скота, кормовые запасы, обширные дворцы-крепости. Они имели возможность содержать собственную многочисленную дружину, частные вооруженные отряды для того, чтобы силой присваивать чужие земли, чифтлики, села, целые казы и санджаки, умножая этим богатство и усиливая власть своих повелителей. Занимающийся изучением истории Албании и Эпира конца XVIII и начала XIX в. Г. Л. Арш приводит данные, согласно которым в руках известного Али паши Тепелены к этому времени оказалось 800—900 чифтликов [21]. Опираясь на это богатство, этот знаменитый отступник вышел из подчинения султанской власти и объявил себя независимым владетелем, с которым османская Порта вела борьбу многие годы. Не меньшую славу самостоятельного правителя приобрел и Осман Пазванд-Оглу Видинский, владевший свыше 200 селами-чифтликами [22]. В Эгейской низменности Исмаилом Сирозли были оставлены наследникам по меньшей мере 40 сел-чифтликов, и не удивительно, что он оказался одним из главных действующих лиц в

inslav

феодальных мятежах конца XVIII — начала XIX в. В городе Русе Исмаил Трестеникли взял в аренду 73 тимара и зеамета в санджаках Силистра и Никополя с номинальным доходом 463932 акчет, за которые вносил в государственную казну всего 500 грошей откупа[23]. Кроме того, ему принадлежали обширные чифтлики, используя доходы с которых он стремился захватить власть над придунайской частью Болгарии, оспаривая ее у Пазванд-Оглу. Его наследник Мустафа Байрактар, как известно, лишил престола султана Мустафу IV, возвел на османский трон Махмуда II, а сам смог занять пост великого визиря[24]. В Анатолии могучие Чапаны, Осман-заде и некоторые другие также владели сотнями сел и располагали средствами, позволявшими им содержать многотысячное войско, с помощью которого они захватывали целые эйялеты.

Рядом с этими крупными владетелями существовали десятки и сотни более мелких фигур, богатство и власть которых не выходили за пределы казы или нахии. Это были известные в истории Турции аяны. В сущности так называемая феодальная анархия в Румелии конца XVIII — начала XIX в. по своему содержанию была борьбой за власть, в которой частновладельческая аристократия стремилась к захвату в свои руки власти на местах и в центре, основным источником мощи которой были феодальные имущества и чифтлики.

Исключительно широкое развитие в горных районах Балканского полуострова приобрело торговое скотоводство, в особенности овцеводство (в Болгарии, Греции, Албании), свиноводство (в Сербии). В Родопах, Средне-горе, Восточной Старой планине и других местах появились люди, владевшие стадами в тысячи овец. Для их откорма и эксплуатации использовался труд десятков овчаров — наемных или зависимых от них мелких скотоводов. Именно к скотоводству и торговле скотом были преимущественно устремлены интересы предпринимателей-христиан. Их огромные стада в летние месяцы паслись на высокогорных пастбищах, а зимой находили подножный корм в теплых равнинах Фракии, Эгейских областей и т. д.[25] Торговля шерстью, кожами и молочными продуктами не была строго регламентирована османским государством и давала бóльший простор предпринимательской деятельности. Шерсть оказалась весьма нужным сырьем для европейских капиталистических мануфактур, а также для расширяющегося текстильного производства в болгарских городах. Вывоз необработанной и обработанной кожи оказался важной статьей дохода в торговом обмене на европейских рынках, а необработанная кожа в значительном количестве нашла спрос и употребление в местном ремесленном производстве. В торговле скотом преуспевали торговцы-христиане, так называемые джелепы, снабжавшие мясом столицу и османскую армию.

Наступили серьезные изменения и в структуре землевладения в Болгарии, как и в других балканских землях. Обособились целые районы, выращивавшие новые технические культуры — хло-

inslav

нок, табак, тутовые деревья, виноградные лозы, оливки и другие, имевшие спрос на рынке.

На базе этих изменений и расширявшихся связей с европейскими рынками формировалась новая торговая прослойка, получившая в конце XVIII в. юридическое оформление. Для нее был создан статус так называемых европейских торговцев, которые получали султанские бераты, дававшие им право свободного передвижения в пределах империи. Это были лица, тесно связанные с европейскими рынками. Образовалось множество мелких торговых обществ или содружеств, ведущих торговлю со странами Центральной и Западной Европы. Опубликованная греческим историком П. Энепекидисом опись, в которой перечислялись имена торговцев-османских подданных в Вене в 1766 г., содержит весьма интересные данные в этом направлении. Только из одного небольшого местечка Банско, Разлогского района в австрийской столице имелись конторы четырех содружеств торговцев. Шесть таких содружеств были созданы торговцами из города Мелника (у южных склонов Пирина), наряду с содружествами, образованными выходцами из ряда городов Северной Болгарии, а также из Фракии, Албании, Фессалии, Эпира и т. д.[26] Торговая их деятельность обычно характеризовалась словами: «привозить хлопок, получая... флоринами» (т. е. австрийской монетой). Обычно в Вене находился лишь один из членов содружества, а остальные были заняты покупкой хлопка и других товаров, подготовкой их доставки караванами в Вену, Чехию и Саксонию. Эти торговцы пользовались известными привилегиями и льготами в Австрии, а в особенности, в Саксонии и Пруссии, что способствовало открытию их контор в саксонских и прусских городах. Из эгейских портов хлопок, шерсть и другое сырье вывозились во Францию, Голландию и Англию. Саксонские мануфактуры в Плауэне, Лейпциге и других городах перерабатывали балканский хлопок. В дрезденском архиве хранится множество документов, из которых становится очевидным значение, придававшееся саксонскими курфюрстами доставкам балканского хлопка[27].

Оформляется фигура торговца-организатора, создававшего целую сеть закупщиков, которые охватывали обширные районы. В то время как торговцы хлопком имели своими контрагентами преимущественно крупных производителей хлопка, закупщиками привлекались и вовлекались в рыночные отношения мелкие сельские хозяйства, у которых они закупали скот, кожи, шелковичные коконы и другое сырье.

Так на базе вовлечения в сферу европейского капиталистического рынка Балкан и, в частности, Болгарии, в последней сложилась первая социальная группа буржуазного типа — торговая прослойка. В полном цикле капиталистического производства деньги — товар — деньги она заняла не слишком почетное место поставщика сырья, однако ее деятельность способствовала дальнейшему преобразованию балканского хозяйства. Торговля была теперь не простым обменом товарами, а подчинялась капитали-

inslav

стическому воспроизводству, что привело к определенным переменам в экономике османских владений на Балканах. Сравнивая русскую и английскую торговлю в Индии, К. Маркс особо подчеркивал роль английской капиталистической торговли в процессе преобразования традиционной индийской экономики[28]. Первые мануфактуры капиталистического типа в Болгарии не случайно были связаны именно с первичной обработкой шелка, подготавливая его к экспорту.

Торговая буржуазия оказалась передовым отрядом болгарской буржуазии эпохи национального возрождения как и вообще всей балканской буржуазии. Именно она с ее широкими международными связями и созданным благосостоянием заложила основы балканского просвещения XVIII—XIX вв. Крупные торговцы сделались меценатами, открывавшими и содержавшими на свои средства новые школы, типографии, субсидировавшими издания книг и т. п. Они были носителями нового буржуазного национального сознания. Не случайно мною были упомянуты Банско и Мелник, эти два местечка у подножия Пирина с большим числом «венских компаний» в XVIII в. На вопрос, откуда родом один из этих торговцев, писарем был записан ответ: «Из Разлога в царстве Болгарии», иными словами, для этого торговца ушедшее в прошлое государственное устройство Болгарии не было чем-то незнакомым и неизвестным[29]. Нет ничего удивительного в том, что именно Разлог дал Болгарии Паисия Хилендарского, начертавшего в своей «Истории славеноболгарской» целостную программу и задачи болгарской национальной пропаганды.

Капиталистические мануфактуры и фабрики создавались в Болгарии крайне медленными темпами. Крайняя неуверенность в будущем дне, существовавшая в Османской империи и особенно ощущавшаяся ее христианскими подданными, задерживала превращение денежных накоплений в капитал. Одним из источников пополнения государственного бюджета оказалась конфискация имущества богатых мусульман и немусульман. Отыскивался повод к обвинению того или иного обладавшего богатством лица в антигосударственной деятельности, что влекло за собой смертную казнь и конфискацию всего его имущества.

В особенности легко строились обвинения в «измене» болгар, греков, армян и других христиан, действительно стремившихся к освобождению от османского гнета. Создатель первой капиталистической мануфактуры — шелкокрутильной фабрики в Габрово торговец Хаджи Христо Рачков покончил жизнь самоубийством в 1821 г. под угрозой лишения свободы и конфискации имущества, вызванных поддержкой им греческой революционной организации «Филика Этерия»[30].

В 1827 г. был казнен крупный торговец, мануфактурист и политический деятель Димитраки Хаджи Тошев из Врацы[31]. В период бунтов кирджалиев и междоусобиц аянов в конце XVIII — начале XIX в. десятки и сотни торговцев были вынуждены искать безопасности для своих капиталов в Валахии, в австрийских вла-

inslav

дениях или в России. Возникают значительные колонии болгарских торговцев в Бухаресте, Крайове, Брашове, а отдельные из них появляются в Москве и в новом русском портовом городе на Черном море — Одессе. Во второй четверти XIX в. много болгарских торговцев устраивают свои конторы в Стамбуле, где были более благоприятные условия для безопасности и торговой деятельности, чем в провинции.

Вопреки всем трудностям процесс создания предприятий капиталистического типа продвигался вперед. Первые такие предприятия с более широким использованием механизации и наемного труда были созданы в XVIII в. в сравнительно новых отраслях производства, не включенных в регламентационную практику Османского государства. Это были шелкопрядильные мастерские, предприятия для первичной очистки хлопка и его подготовки к экспорту, скотоводство и переработка его продуктов. Эти предприятия имели более или менее сезонный характер. Более существенное значение имело создание мануфактурных предприятий в текстильной промышленности и кожевенном производстве — в этих старых и широко развитых ремесленных отраслях. Цеховые организации (эснафы), игравшие крупную роль в жизни болгарских городов в XVIII—XIX вв., не препятствовали превращению главных цеховых мастеров в предпринимателей капиталистического типа и в организаторов капиталистических мануфактур [32].

С ликвидацией феодальной анархии во втором десятилетии XIX в. была осуществлена бóльшая безопасность передвижения, открывшая для изделий болгарской ремесленной промышленности обширные рынки Анатолии и арабского Востока. Крупным потребителем шерстяных тканей стала созданная в 1826 г. регулярная турецкая армия. Расширившийся рынок содействовал росту ремесленного производства и оформлению типа торговца — организатора массового производства. Именно такие торговцы-предприниматели скупали изделия мелких самостоятельных или зависящих от них ремесленников и караванными путями отправляли их на рынки Малой Азии или Константинополя. Из среды этих людей, какими нередко оказывались сами цеховые старшины, выходили организаторы крупных, разбросанных повсюду мануфактур и первых фабрик [33].

Первая текстильная фабрика в Османской империи была построена в 1834 г. в Сливене предпринимателем Добри Желязковым. Однако вскоре на нее наложило руку государство, расширившее ее и оставившее Добри Желязкова в качестве главного мастера фабрики. Текстильная фабрика шерстяных тканей была открыта близ Пловдива в 40-х годах прошлого столетия известным семейством Гюмюшгердановых. Михаил Гюмюшгердан был в то же время и организатором обширной, разбросанной повсюду мануфактуры, охватившей множество населенных пунктов в Средних Родопах и в Средне-Горе [34]. Однако количество настоящих фабрик, индустриальных предприятий с механизированными орудиями труда и механической движущей силой в Болгарии до ее осво-

inslav

бождения было весьма незначительно. Начинают работать текстильные фабрики Гюзелева в Карлово, Калпазанова в Габрово и др. По подсчетам К. Косева, исследовавшего возникновение капиталистических предприятий в Болгарии того времени, действительно фабричных заведений в ней было всего 11[35]. Эта констатация отнюдь не может привести к выводу, что в Болгарии произошел индустриальный переворот. Ее промышленность продолжала сохранять свой мелкотоварный, ремесленный и мануфактурный характер. Торговая буржуазия оставалась передовым отрядом болгарской буржуазии.

При данном уровне промышленного развития трудно говорить и о формировании в Болгарии рабочего класса. Действительно, в 60—70-х годах минувшего столетия наблюдается упадок ремесленного производства, разоряемого из-за усиления ввоза индустриальных товаров из капиталистических стран. Османским правительством была установлена пошлина на импорт в размере 3% стоимости товаров и утроенная по сравнению с ней пошлина на экспорт, что было в полном противоречии с интересами промышленного развития империи. В стране имелась значительная прослойка безземельных крестьян и разорившихся ремесленников, т. е. намечалось начало формирования пролетариата. Значительное развитие получили отхожие промыслы — поиски средств существования за пределами Турции — в Валахии, Венгрии и в крупных городах самой империи. Вследствие слабого промышленно-индустриального строительства этот пролетариат, однако, не превратился в рабочий класс. По подсчетам К. Косева, количество фабричных наемных рабочих было весьма незначительным — всего 1264 человека[36]. А лишь только в Дунайском вилайете, согласно данным переписи населения и имуществ 1869 г., насчитывалось 24 504 ремесленных мастерских. В них было занято ремесленным производством значительное число учеников и подмастерьев, причем их общее количество превышало число наемных фабричных рабочих, рабочих и служащих вновь выстроенных железных дорог, портовых сооружений и т. п.

Мелкое ремесленное товарное производство оказалось весьма устойчивым. Доходы ремесленников уменьшались, снижался их жизненный уровень, однако они продолжали трудиться в своих мастерских. Как социальная группа, мелкие ремесленники в течение всего периода свободного капиталистического развития Болгарии, образовывали многочисленный слой мелкой городской буржуазии.

Слаборазвитым новым капиталистическим формам соответствовала и недостаточность капиталистического кредита. Попытка Мидхата-паши в 60-х годах XIX в. создать современные кредитные учреждения посредством так называемых земледельческих касс не увенчалась успехом и не смогла вытеснить ростовщичество как основную форму кредита в тогдашнем обществе[37—38]. Однако самое существование ростовщичества являлось показателем неразвитости капиталистических форм.

inslav

В связи с изучением особенностей буржуазного развития в болгарской историографии ставился весьма специфический вопрос о характере так называемого чорбаджийства. Сперва преобладал взгляд на чорбаджиев как на феодальный элемент, возникший на основе османской феодальной системы и обслуживавший эту систему в Болгарии. Позднее академиком Д. Косевым была выдвинута точка зрения на чорбаджиев как на продукт развития капиталистических отношений в самом болгарском обществе, в котором они составляли наиболее значительный буржуазный слой[39]. Этот тезис поддерживался преобладающей частью болгарских историков. В последнее время в результате нового обследования документального материала академиком Х. Христовым была выдвинута гипотеза о том, что чорбаджийство не классовая категория, а административная социальная группа, связанная с самоуправлением болгарских сельских и городских общин в XVIII и XIX вв. и созданными в 30-х годах XIX в. административными советами (меджлисами) в селах, казах и санджаках[40].

Однако трудно представить себе чорбаджиев как единую социально-классовую группу. Среди них встречаются богатые торговцы, организаторы мануфактур, цеховые мастера и обыкновенные ремесленники, бакалейщики, ростовщики, зажиточные крестьяне и середняки. Самый термин «чорбаджий» заимствован из янычарской иерархии. «Чорбаджиями» именовались начальники янычарских орт — наиболее крупных подразделений янычарского корпуса. «Чорбаджием» был командир, живший вместе с янычарами в казармах, знавший их нужды и желания и выполнявший приказания янычарского аги, поддерживавший порядок в казармах. С течением времени это наименование переносится и на христиан — первых людей в селе, сельских старейшин так называемых «кнезов» (сельских старост) и кметов. Ему сопутствовало и еще одно турецкое наименование — «коджабашии» (от «коджа баш» — старая, почтенная, большая голова).

Болгарские общины обычно возглавлялись наиболее зажиточными жителями сел или городов. Они отвечали за общественный порядок в пределах данной территории, за своевременную выплату государственных налогов и податей и ангарию (барщину), представляли и защищали свою общину в возникавших спорах с властями и другими общинами. Те же обязанности выполнялись и чорбаджиями — членами административных советов. Например, таким чорбаджием был крупный тырновский торговец и владелец фабрики Стефан Карагезов, несомненно принадлежавший к верхушке болгарской буржуазии.

Однако среди чорбаджиев могут быть названы и обыкновенные крестьяне. В 1850 г. в Видинском санджаке взбунтовались безземельные крестьяне. О своих требованиях они сообщили сербскому князю и русскому императору. Обращение к сербскому князю было подписано представителями 118 сел — кнезами и чорбаджиями. Например, от с. Раковица подписался кнез Дано Георгов, чорбаджи Вылко Иванов и Тошо Моцов; от села Турчин — кнез Ни-

inslav

кола Стоянов и чорбаджи Тошо Нинов и т. п.[41] Отсюда вытекает, что даже в «чифтлигарских» селах существовали чорбаджии, которые ни в коем случае не являлись феодалами, не принадлежали к верхушке крупной буржуазии, а были простыми крестьянами, подвергавшимися двойной эксплуатации, платившими подати османскому государству и оброк феодалам-землевладельцам.

Попытавшись представить чорбаджиев как единую социально-классовую категорию, мы тотчас же натолкнемся на непреодолимые трудности. Известная часть чорбаджиев всегда останется за пределами данной им характеристики. Если считать их наростом на разлагающейся османской феодальной системе, станет необъяснимым присутствие среди них крупных торговцев-капиталистов, мануфактуристов и фабрикантов. Если же согласиться с тем, что они представляют собой верхушку болгарской буржуазии определенной эпохи, окажется необходимым причислить к этой группе десятки и сотни средних и зажиточных крестьян. Отсюда вытекает, что о чорбаджийстве нельзя говорить как о единой социально-классовой группе, ибо в эту категорию входили люди с различной классовой характеристикой. Общим для них являлось то, что они всегда были наиболее богатыми людьми данного населенного пункта или района. Ведь в маленьких и бедных селах и небогатые люди могли казаться богатыми своим односельчанам и стать кнезами и чорбаджиями.

* * *

Крестьянство становится классом капиталистического общества параллельно со своим освобождением от феодальных норм и повинностей, с вовлечением в сферу капиталистического рынка. Капитализм не зарождался в селе и в сельском хозяйстве. Село — объект капитализма и последний бастион феодализма. Разрушение всех остатков феодальных отношений в селе и в сельском хозяйстве капиталистическим рынком не представлялось обязательным условием для господства капитализма в обществе. Напротив, в большинстве стран устанавливались симбиозные формы, иногда весьма уродливые, но порожденные именно воздействием капиталистического рынка на феодальную сельскую экономику. И в наше время в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки наблюдается сосуществование развитого капитализма с феодальными и полуфеодальными формами сельского хозяйства.

В первые десятилетия XIX в. османское государство ускоряет вытеснение спахиев из сел. В ряде районов доходы с тимаров и зеаметов начинают собираться государственными органами. Спахийские имущества переходят в управление местных воевод; последние сами или через своих уполномоченных собирают доходы с соответствующих ленов и вручают их спахиям. Такая система привела к сосредоточению доходов со всех этих земель в руках государства.

1826 год был отмечен разгромом янычарского корпуса и созданием регулярной обученной армии. Спахии также оказались вклю-

inslav

ченными в нее как подразделение конницы и были обязаны являться на военное обучение. Это заставляло всех спахиев передавать свои тимары в управление государства. Ежегодно составлялись так называемые забт-наме или шарт-наме (договорные записи), па основании которых управлением спахийских ленов и взиманием приходов с приписанных к ним крестьян занимались воеводы или правители соответствующих каз. Последние вручали спахиям чистый доход с ленов с вычетом расходов по сбору податей. Обязанности крестьян не изменялись. Однако связи спахиев с крестьянством были в корне нарушены. Государство посредством своих органов выходило на передний план в качестве непосредственного и неприкрытого феодального эксплуататора в деревне, вопреки тому, что спахии и владельцы маликяне и мукатаа продолжали считаться собственниками своих ленов.

Этот порядок сохранился до начала 40-х годов. После провозглашения в 1839 г. хатти-шерифа, возвестившего о реформах в империи, было приступлено к окончательному уничтожению ленно-спахийских владений. Были предприняты меры для установления реальных доходов каждого тимара, зеамета, маликяне или мукатаа по причине того, что в бератах, предоставлявших право владения этими землями, указывались номинальные доходы, основывавшиеся на описях этих владений XVI—XVII вв. Специальные комиссии во всякой казе во главе с правителем описывали получаемые с ленов натуральные доходы, исчисляли их стоимость в деньгах, прибавляли к ним поступления от денежных налогов и таким образом определяли реальный доход данного ленного владения. На основании полученных результатов устанавливались ежегодные пенсии-ренты спахиям и владельцам маликяне и мукатаа, лишавшимся своих ленов, причем государство брало в собственные руки эксплуатацию приписанных к ним крестьян. Все подати, собиравшиеся до этого времени спахиями, должны были в неизменяемом виде выплачиваться государству [42].

В 20-х годах было создано особое министерство вакуфов, с помощью которого государство усилило свой контроль над вакуфскими землями, составлявшими значительную часть земельного фонда империи. В 50—60-х годах режим эксплуатации вакуфских крестьян был уравнен с режимом в отношении всей сельской массы. Специальными постановлениями были ликвидированы и различные группы крестьян, выполнявших разного рода государственные обязанности, какими являлись войнугане, дервентджии (охранявшие горные перевалы), сокольники, мартолозы и др.

Эти реформы ликвидировали феодальную пестроту крестьянства и превратили его в единую по своему юридическому положению социальную категорию — государственных крестьян. Они были лично свободными и пользовались правом беспрепятственного передвижения, приведшего к усилению внутренней и внешней миграции. Но в соответствии с нормами существующего феодального права каждый крестьянин, оставлявший необработанной данную ему землю и не извлекавший из нее доходов в течение

inslav

трех лет, терял право владения ею. По этой причине миграция охватывала преимущественно безземельных крестьян, ничего не терявших при переселении с одного места на другое.

50—60-е годы прошлого столетия были для Турции временем относительного внутреннего умиротворения. Крестьяне спускались с гор в равнинные местности, где имелись свободные государственные земли. Законом допускалась обработка целинных государственных земель при условии регулярной выплаты десятины с земледельческих продуктов, причем после десятилетнего использования обрабатываемой земли крестьянин приобретал и документ (тапию) на владение ею. Происходило освоение обширных пустующих земель, хотя и медленно, по причине отсутствия у переселяющихся безземельных крестьян необходимого инвентаря и скота для обработки целинных земель.

Крестьяне должны были платить государству десятину и все другие подати, выплачиваемые раньше спахиям и мюлтезимам (арендаторам). Общий характер эксплуатации крестьян коллективным феодалом — государством оставался прежним. Реформы податной системы 50—70-х годов не коснулись десятины и не представляли угрозы для основ феодальной эксплуатации. Облагалась не земля, а получаемые с нее продукты. С увеличением производства пропорционально увеличивались и налоги на него. Это, разумеется, не стимулировало интенсификацию сельского хозяйства и капиталовложения в него. Протесты масс болгарского крестьянства в последние годы османского владычества были направлены не против норм владения землей, а преимущественно против форм феодальной эксплуатации, против сопровождавших сбор десятины произвола и грабежа.

Существовала и другая прослойка крестьянского населения — живущие в частных феодальных владениях чифтликчийские или чифлигарские крестьяне. Реформы 30—40-х годов не коснулись чифтликов, баштин и вообще земель, которыми владели на основании тапу. Например, крестьяне сотен сел в Кюстендильском и Видинском округах и некоторых других районах не были владельцами обрабатываемой ими земли, так как последняя находилась в руках так называемых чифтлик-сахиби, хозяев чифтликов. В 50—70-х годах чифтликское землевладение охватывало около 10—15% всего количества болгарских крестьян [43].

Чифтликские крестьяне не были лично зависимы от землевладельца. Юридически они были свободны и имели право свободного передвижения. Их зависимость была обычно экономической, обусловленной их задолженностью землевладельцу-ростовщику или использованием принадлежащего ему сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота. Формально крестьянин имел возможность оставить землю и землевладельца и перейти в другое место, однако вместе с этим он терял дом, хозяйственные постройки и т. п. На новом месте он был вынужден снова обзаводиться хозяйством или же пойти к новому землевладельцу [44].

inslav

После реформ 30-х годов чифтлигарские крестьяне оказались в условиях двойной эксплуатации. Они должны были выплачивать на общем основании десятину государству, а земельную ренту (денежную, натуральную или трудовую) чифтликчию-землевладельцу. Крестьяне были вынуждены вести борьбу за земельные участки, приобретшую в некоторых районах острую форму, переставшую в открытые массовые вооруженные восстания против двойной эксплуатации, против османского господства вообще. Выступления крестьян в 30—40-х годах Порте удалось подавить. Однако в северо-западной части Болгарии в результате массового восстания 1850 г., имевшего целью получение областью автономии, чифтлигарское землевладение было упразднено, а земля за соответствующий выкуп передана во владение крестьянам[45].

Дальнейшее развитие торговли и связей с капиталистической Европой оказало значительное воздействие на социальные процессы в болгарской деревне. Особенно важное значение имела отмена монополии государства на торговлю зерновыми продуктами (1838 г.), после чего экспортная торговля зерном и сырьевыми сельскохозяйственными продуктами быстро увеличила свой объем. И если чифтлики до известной поры удовлетворяли спрос капиталистического рынка, то во второй четверти XIX в. они не были в состоянии обеспечить дальнейший рост производительности труда. В них земля давалась для обработки мелким безземельным или малоземельным крестьянам, изнемогавшим от нищеты и не бывшим в состоянии внедрить в земледелие более производительную технику. Во второй половине XIX в. чифтликское землевладение переживало кризис. Непривыкшие к хозяйственно-организационной деятельности османские землевладельцы не были в состоянии приспособиться к новым экономическим условиям и внедрить интенсивные методы в своих имениях. В 60—70-е годы такие попытки предпринимались, однако усилия в этом направлении известного реформатора Митхад-паши остались почти безрезультатными. Лишь в отдельных случаях болгарам — арендаторам чифтликов удавалось организовать крупные земледельческие хозяйства на чисто капиталистических началах, но они, обычно, существовали недолго[46]. Значительное число крупных хозяйств-чифтликов распалось, в особенности в Дунайской низине и во Фракии, а их земли были распроданы. Так в газете «Дунав» в 1866—1875 гг. появились объявления о продаже 23 чифтликов в Северной Болгарии[47].

Социальная дифференциация крестьянства, даже среди чифтлигарских крестьян в северо-западной части Болгарии, углублялась. В 1840 г. была проведена подробная перепись сел в Белоградчикской нахии, где крестьяне не владели обрабатываемой землей и последняя принадлежала различным османским владельцам, проживавшим в Видине, Белоградчике или Ломе[48]. Но и в этих селах имелась прослойка сельской буржуазии, выделялись лица, занимавшиеся торговым скотоводством, имевшие мельницы, валяльни, небольшие заведения для перегонки спиртных продуктов

inslav

и др. Они располагали несколькими парами тяглового скота и засевали значительные пространства земли, реализуя свою товарную продукцию на рынке [49]. Характерно, что одним из их существенных требований во время восстания 1850 г. была отмена внутренних пошлинных сборов и освобождение торговли сельскохозяйственными продуктами от налогов на местных рынках.

Материалы описей сельского населения и земель в Дунайском вилайете в 60-х годах и особенно в 70-х годах дают достаточно пеструю картину тогдашнего села. Следует иметь в виду, что это были первые описи такого рода, составленные османской администрацией вилайета, вследствие чего в них было допущено много неточностей. Кроме того, крестьяне скрывали часть своих земель. Лишь в начале 70-х годов был введен налог на собственность, поземельный налог, начался переход к буржуазному принципу обложения. Сохранившиеся описи сел северо-восточной части Болгарии свидетельствуют о глубоком социальном расслоении крестьянства. В то время как в Добрудже преобладало относительно более крупное землевладение, в северо-восточной части Болгарии крестьяне — болгары и турки — владели в среднем вдвое меньшим количеством земли. Данные относительно 9500 хозяйств Шуменской, Провадийской, Новопазарской, Русенской и Тырновской каз свидетельствуют, что 29,5% их не владели никакими землями или владели до 3 га, т. е. их хозяева были в сущности сельскохозяйственными пролетариями. В то же время 4% крестьянских хозяйств владели более 20 га каждое. Такое количество не мог обрабатывать один владелец без помощи постоянных или сезонных наемных рабочих [50].

Анализ данных описей добрудженских каз Хаджиоглу, Пазарджик (нынешний г. Толбухин), Йемшенли и Баба-Даг показывает, что из 6906 хозяйств, о которых сохранились сведения, 1639, или почти 24%, не владели землей или же располагали до 5 га. При наличии более экстенсивного земледелия 5 га в этом относительно засушливом районе с трудом могли обеспечить пропитание одной средней семьи. Наряду с этим 740 хозяйств владели 20—30 га, а 807 хозяйств, или 11,7% общего их числа, владели более 30 га. Их хозяева имели 40% всех зарегистрированных в описи земель во всех трех казах [51]. В таких крупных хозяйствах находили средства к существованию большое количество безземельных и малоземельных их односельчан, а также много пришлых из других областей постоянных и сезонных рабочих [52]. Государственные крестьяне, составлявшие преобладающее число сельского населения, оказались в противоречивом положении. Как целое они продолжали быть объектом эксплуатации османским феодальным государством, облагавшим их феодальной десятиной и обременявшим различного рода характерными сословными повинностями, сопровождаемыми вопиющим национальным неравенством. Одновременно в среде крестьянства наблюдались процессы, типичные для развития капитализма в странах с преобладающей парцеллярной земельной собственностью, выразившиеся в возникновении сель-

inslav

ской буржуазии, сосредоточившей в своих руках торговое земледелие и скотоводство и располагавшей трудом безземельных и малоземельных крестьян.

Одним из важных результатов буржуазного развития явилось образование прослойки болгарской интеллигенции. В условиях отсутствия национального государства она не могла получить доступа к государственной службе и находилась на содержании болгарских общин. В своем большинстве она состояла из учителей и служителей культа преимущественно православного вероисповедания наряду с немногочисленными книгопродавцами, издателями, сотрудниками газет и служащими в различных компаниях и фирмах. В результате активной деятельности болгарская интеллигенция овладела руководством идеологической и культурной жизнью своей нации. В итоге длительной борьбы она вытеснила духовенство в области просвещения, культуры и науки и создала буржуазно-национальную по форме и содержанию систему образования, избавила церковь от опеки чужеземной Константинопольской патриархии и подчинила ее руководству и целям болгарской буржуазной нации [53]. Более подробно данный вопрос освещается в следующей статье, написанной Н. Драговой.

* * *

Обобщая изложенные выше соображения и факты, можно прийти к заключению, что коренные структурные изменения в османской феодальной системе и в болгарском обществе пришлись именно на XVIII и первую половину XIX в. Под воздействием европейского капиталистического рынка менялся облик экономики и в балканских владениях Османской империи. Ленная система феодализма была окончательно вытеснена частным феодальным землевладением, чифтликами, или мелким сельским землевладением государственных крестьян, составлявших преобладающую часть болгарского крестьянства. Чифтлики были товарными хозяйствами, применявшими, однако, с незначительными исключениями до середины XIX в. феодальные и полуфеодальные методы эксплуатации земли. Потенциальные возможности развития в них капитализма по так называемому прусскому пути в указанный период осуществлялись чрезвычайно трудно. Их владельцев следует рассматривать как слой феодального общества, постепенно и частично обуржуазивавшийся под воздействием общего торжества капитализма в тогдашней Европе и развития капиталистических форм в городах Османской империи.

Ведущим фактором, укреплявшим феодальные отношения в селе, было османское государство, после ликвидации ленных владений взявшее в свои руки непосредственную эксплуатацию всего крестьянства и сохранившее при этом почти целиком феодальные формы ренты — налога («десятина» и другие повинности), присущие восточному типу феодализма и тормозившие развитие капиталистического предпринимательства в области земледелия

inslav

И владельцы чифтликов и само османское государство были чуженациональными, поэтому борьба против них сливалась с общим потоком движения за национальное освобождение.

Лишенное «своего» феодального класса в XV—XVI вв., болгарское общество не выделило такового класса и в XVIII—XIX столетиях. О болгарских феодалах можно говорить в определенном смысле лишь имея в виду болгар-мусульман в Родопах.

Противоречива и характеристика крестьянства XIX в., этого основного класса-сословия феодального общества. Реформы второй четверти XIX в. положили конец феодальной пестроте крестьянского сословия. Как целое, оно эксплуатировалось феодальными способами османским государством, и в большей степени все еще продолжало быть классом феодального общества. Вместе с тем в нем оформились слой сельской буржуазии и слой сельскохозяйственного пролетариата. Слабое развитие капиталистической промышленности не было в состоянии включить в производство безземельный и пролетаризированный крестьянский элемент. Усилилась миграция, благоприятные условия для которой предоставляла личная свобода крестьян, если абстрагироваться от жестокого национального гнета.

Известная часть болгарских крестьян, чифтлигары, подвергались двойной эксплуатации: феодального государства и чифтликчиев, причем чифтлигаров едва ли можно считать социальным слоем капиталистического общества.

Наиболее рано возникшим классом буржуазного болгарского общества оказалась торговая буржуазия, выделившая из своей среды к концу XVIII в. торговцев — организаторов производства, выполнявших хозяйственно-организаторские функции, свойственные капиталистическому классу.

К этому классу следует отнести, разумеется, и крупных мануфактуристов, вышедших из рядов цеховой верхушки в городах. Именно из среды торговой буржуазии и цеховой верхушки происходили и создатели фабричных предприятий в Болгарии, хотя и очень малочисленные в период до освобождения.

Крупных торговцев внутренних областей империи или эмигрантских колоний в Валахии, России и других странах, создателей мануфактур, рассеянных и централизованных, и малочисленных фабрикантов надо считать прослойкой крупной болгарской буржуазии. Понятие «крупная» — относительно: «крупная» в условиях Османской империи, в которой ко всем другим причинам, препятствовавшим капиталистическому накоплению и преуспеянию в 60—70-х годах XIX в., прибавлялось и то зависимое от западных держав положение, в котором оказывалась Османская империя в то время.

Недостаточное развитие новых капиталистических форм обусловливало сохранение многочисленной прослойки мелких и средних торговцев и ремесленников в болгарских городах, остававшейся далеко не гомогенной. Ее образовывали торговцы, посредничавшие между местными производителями и крупными торговцами

inslav

в Константинополе, портовых городах, Валахии и Одессе, владельцы больших мастерских, эксплуатировавшие отчасти труд мелких ремесленников. Это была тонкая прослойка средней буржуазии.

Связанными со старыми, докапиталистическими отношениями оставались ростовщики, откупщики налогов. Не будучи феодалами, они создавали свое благосостояние, используя существующие в Османской империи докапиталистические формы экономики. Вследствие этого они прекратили свое существование — откупщики непосредственно после уничтожения османской государственной власти в освобожденных областях Болгарии, а ростовщики — с исчезновением мелкого хозяйства и возникновением и развитием современного капиталистического кредита.

По своей сложной и противоречивой социальной структуре болгарское общество того времени может быть охарактеризовано как общество переходного типа[54]. Для его свободного развития и превращения в буржуазное было необходимо освобождение от феодальной оболочки, в которую оно было заключено, избавление от политико-правового и социально-экономического господства османского государства и гнета землевладельцев-чифтликчиев. Эта проблема была решена сто лет назад и оплачена кровью тысяч сынов русского, болгарского и румынского народов.

[1] *Inalcik H.* Od Stefana Dusana do Osmanskog carstva.— In: Prilozi za orijentalnu filologiju i istoriju jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom. T. III—IV. Sarajevo, 1953; *Цветкова Б.* Новые данные о христианах-спахиях на Балканском полуострове в период турецкого господства.— Византийский временник, 1958, т. 13, с. 184—197.

[2] *Inalcik H.* Hicri 1835-tarihli Suret-i Defter-i Sancak-i Arvanid, Ankara, 1954.

[3] Извори за българската история. Т. XII / Под ред. на Н. Тодоров и Б. Недков. София, 1966, с. 355—388.

[4] *Лукач Д.* Видин и видинският санджак през 15—16 век. Документи от архивите на Цариград и Анкара, София, 1975, с. 59 и сл.

[5] Извори за българската история..., т. XII, с. 161—298.

[6] *Мутафчиева В.* Феодалната рента присвоявана от ленния държателя в Османската империя с оглед на българските земи през XV—XVI в.— Известия на Института за българска история, София, 1957, т. 7, с. 163—200.

[7] *Цветкова Б.* Проучвания на градското стопанство през XV—XVI век, София, 1972, с. 136 и сл.

[8] *Тодоров Н.* Балканският град през XV—XIX в. София, 1972, с. 97—125; *Цветкова Б.* Към въпроса за пазарните и пристанищни такси и мита в някои български градове през XVI в.— Известия на Института за история. София, 1963, т. XIII, с. 214—260.

[9] *Мутафчиева В.* Откупуването на държавните приходи в Османската империя през XV—XVI в. и развитието на стоковопаричните отношения.— Исторически преглед, 1960, кн. 1, с. 40—74; Към въпроса за състава и облика на османската феодална класа през XV—XVI в.— Исторически преглед, 1961, кн. 6, с. 48—80.

[10] *Mutafcieva V., Dimitrov S.* Sur L'état du systhéme des Timars des XVIIe—XVIIIe ss., Sofia, 1968, p. 13.

[11] *Димитров Стр.* За политиката на османската върхушка спрямо спахийството през втората половина на XVIII в.— Исторически преглед, 1961, кн. 6, с. 48—60.

[12] *Mutafcieva V., Dimitrov S.* Op. cit., p. 45.

[13] *Димитров Стр.* За аграрните отношения в България през XVII—XVIII в.— В кн.: Паисий Хилендарски и неговата епоха. София, 1962, с. 158—159.

inslav

[14] *Гълъбов Г. Д.* Турски извори за историята на правото в българските земи, т. I, София, 1961, с. 99, 146—249.
[15] *Маркова Л. В.* Сельская община у болгар XIX в.— Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. 62. Славянский этнографический сборник. М., 1960; *Грозданова Ел.* Българските старейшини и османската данъчна система.— Векове, 1972, кн. 5, с. 14—24; Българската община като кредитирана страна в лихварските операции през XV—XVIII в.— Исторически преглед, 1974, кн. 3, с. 61—70; *Христов Хр.* Българските общини през Възраждането. София, 1973; *Грозданова Ел.* Българската селска община през XV—XVIII век. София, 1979.
[16] *Димитров Стр.* и *Стойков Р.* Социалната диференциация сред селячеството в Търновско към края на XVII и началото на XVIII в.— Известия на Института за история, София, 1964, т. 14—15, с. 187—190.
[17] Народна библиотека Кирил и Методи. София, Ор. отд., ф. 79 (Одрин), а. е. 1393.
[18] *Димитров Стр.* За аграрните отношения в България..., с. 135—136.
[19] *Гълъбов Г. Д.* Указ. соч., с. 48, 49.
[20] *Гандев Хр.* Зараждане на капиталистически отношения в чифтлишкото стопанство на Северозападна България през XVIII в. София, 1962, с. 16 и сл.; *Христов Хр.* Аграрните отношения в Македония през XIX в. и началото на XX в., София, 1964; *Он же.* Аграрният въпрос в българската национална революция, София, 1976, с. 113—143.
[21] *Арш Г. Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в., М., 1963.
[22] *Попов Л. И.* Принос към изучаването на миналото на българското отечество.— Сборник за народни умотворения, т. XXIV, с. 6.
[23] *Mutafcieva V., Dimitrov S.* Op. cit., p. 48 pass.
[24] *Миллер А. Ф.* Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в., М.; Л., 1947.
[25] *Ослеков Л.* Копривщица: Юбилеен сборник по миналото на Копривщица. Т. I. София, 1926, с. 486; *Кесяков Хр.* Вълко и Стоян Тодорови Чалъкови. София, 1935; *Несторов Ю. Н.* Град Котел. София, 1933; *Дечов Б.* Среднородопското овчарство.— Сборник на народни умотворения. Т. XXIV, София, 1907.
[26] *Enepekidis P.* Griechische Handelsgesellschaften und Kaufleute im Wien aus dem Jahre 1766 (Ein Konscriptionsbuch). Thessalonike, 1959, p. 6 pass.
[27] Staatsarchiv-Dresden, Landesregierung, Loc. 3047.— Die im Vorschlag gebrachte Baumwollen Handel, 1731.
[28] *Маркс К.* Капитал. Т. III. М., 1954, с. 345.
[29] *Enepekidis P.* Op. cit., p. 14 pass.
[30] *Цончев П.* Из общественото и културното минало на Габрово. София, 1934, с. 611 и сл.
[31] История на град Враца. Т. I. София, 1976, с. 197—198.
[32] *Тодоров Н.* За някои промени в характера на цеховата организация у нас през XVIII и първата половина на XIX в.— Исторически преглед, 1958, кн. 4, с. 44—76.
[33] *Он же.* Зарождение капиталистических отношений в текстильном производстве Болгарии в первой половине XIX в.— Краткие сообщения / Ин-т славяновед. М., 1958, т. XXIII, с. 74—87; *Он же.* К развитию мануфактуры в Болгарии во второй четверти XIX века. Учен. зап. / Ин-т славяновед. М., 1958, т. XVI, с. 109—150.
[34] *Он же.* Балканският град..., с. 230—295.
[35] *Косев К.* За капиталистическото развитие на българските земи през 60-те и 70-те години на XIX в. София, 1958, с. 127.
[36] Там же, с. 130.
[37–38] *Тодорова М.* Общополезните каси на Мидхат паша: Исторически въпроси за класите и класовите отношения в България през Възраждането.— Исторически преглед, г. VII (1949—1950), кн. 4—5.
[39] *Косев Д.* Класовите отношения в България през Възраждането.— Исторически преглед, г. VII, кн. 4—5.
[40] *Христов Хр.* Към въпроса за класите и класовите отношения в българското общество през Възраждането (Произход, социална принадлежност и

inslav

роля на чорбаджиите).— Известия на Института за история. София, 1964, т. XXI, с. 51—85.

[41] *Димитров Стр.* Въстанието от 1850 г. в България. София, 1972, с. 69 и сл.

[42] *Он же.* Към въпроса за отменяването на ленноспахийската система в нашите земи.— Исторически преглед, 1956, кн. 6.

[43] *Гандев Хр.* Турски извори за аграрната история на България през Възраждането: Проблеми на българското възраждане, София, 1976, с. 461—469; *Христов Хр.* Аграрният въпрос в българската национална революция..., с. 159—188.

[44] *Милкова Ф.* Поземлената собственост в българските земи през XIX век. София, 1969, с. 220—237.

[45] *Милетич Л.* Един документ от първото време на Танзимата.— Сборник за народни умотворения. София, 1898, т. XV; *Косев Д.* Въстанието на селяните в Северозападна България през 1850 г. и неговите причини.— Исторически прегдел, г. VI (1945—1950), кн. 4—5; *Дамянов С.* Ломският край през Възраждането. София, 1967.

[46] *Христов Хр.* Аграрният въпрос в българската национална революция..., с. 143—155, 157, 161.

[47] *Димитров Стр.* Чифлишкото стопанство през 50—70-е години на XIX век.— Исторически преглед, 1955, кн. 2, с. 32.

[48] *Гълъбов Г. Д.* За основните начала на поземлената собственост в Османската империя и специално в България под турско владичество.— Годишник на Софийския университет, Историко-филологически факултет, т. 43, с. 66 и сл.

[49] *Димитров Стр.* Село Чупрене през XIX в. (до Освобождението).— Сборник в памет на академик Михаил Димитров. София, 1974, с. 28—29.

[50] *Он же.* За класовото разслоение сред селяните в Североизточна България през 70-те години на XIX в.— Известия на Института за история. София, 1960, т. 8, с. 264.

[51] Там же, с. 208—231.

[52] *Тодоров Н.* Балканският град..., с 348—361.

[53] *Ников П.* Възраждане на българския народ; Църковнонационални борби и постижения. София, 1971; *Боршуков Г.* История на българската журналистика. София, 1976; *Маркова З.* Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976; *Чакъров Н.* и *Атанасов Ж.* История на образованието и педагогическата мисъл в България. София, 1962, с. 145—151, 160 и др.

[54] *Христов Хр.* Аграрният въпрос в българската национална революция..., с. 197 и сл.

БОЛГАРСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Н. Драгова (НРБ)

Возникновение в болгарском обществе интеллигенции относится к XVIII в. Ее идейное формирование тесно связано с национальным развитием и поэтому болгарская интеллигенция в эпоху национального возрождения не отвергала древнеболгарскую традицию, не провозглашала своего отделения от нее, а наоборот — поддерживала с ней многообразные связи.

Главная особенность болгарского национального возрождения — это отсутствие какой-либо единой национальной системы учреждений, с помощью которых могла бы реализоваться интеллектуальная деятельность в тех или иных ее проявлениях. Интеллектуаль-

inslav

ная жизнь болгарского народа, находившегося под иноземным владычеством, сначала осуществлялась как бы отдельными звеньями: в училищах, книгоиздании, журналистике. Появление творческой интеллегенции — писателей, художников, композиторов, театральных деятелей — это явление более позднего времени. Не сразу развернулась и деятельность болгарской интеллигенции в юриспруденции, медицине, фармакологии. Малочисленным оставался на протяжении длительного периода состав технической интеллигенции, причем все ее представители были воспитанниками иностранных учебных заведений.

Сказывалось отсутствие чрезвычайно необходимых координационных факторов, т. к. культурные центры болгарского возрождения сложились вне страны и были разбросаны на большом пространстве: от Вены и Лейпцига до Петербурга, Москвы, Одессы и Харькова. Роль своеобразных координаторов играли фактически периодические издания и книгопечатные объединения, выпускавшие литературу на болгарском языке.

Болгарское возрождение — процесс, который длился более 100 лет. В нем были периоды, различающиеся по задачам, поставленным перед национальным движением, по политическим программам и по соотношению классовых сил. Но на протяжении всего этого времени один признак оставался господствующим и неизменным: формирование интеллигенции определялось национальным движением, а национальное движение возглавлялось интеллигенцией. Особое место в самосознании болгарского интеллигента занимает чувство долга по отношению к национальному движению. Зачастую другие общественные функции провозглашаются второстепенными. Они не признаются чем-то формирующим поведение интеллигента; ценность, моральный кредит, внутренний импульс связывается только с исполнением долга по отношению к национальному развитию.

Когда в Румынии, например, создавался болгарский любительский театр у болгарских эмигрантов и переселенцев, спектакли всегда организовывались во имя какого-либо общеполезного дела: для помощи учителю или голодающим, на строительство болгарской церкви и т. п. Ни режиссер, ни автор пьесы, написанной по поручению любительского театрального коллектива, ни актеры, ни художники и другие, никто из участников спектаклей не получал вознаграждения. В то же время болгарская публика и болгарские театры общались с румынскими труппами, для которых театр был уже профессией и коммерческим предприятием. В условиях развивающейся национально-освободительной борьбы болгарский театр не приносил доходов. Не только в чисто духовной, но и в материальной сфере он служил только общеполезной деятельности. В представлениях прогрессивной интеллигенции тех лет каждый новый культурный институт получал право на жизнь и на поддержку тогда только, когда докажет, что существует для общенародной пользы, а не для доходов отдельных лиц. В подтверждение этого можно привести обильный материал из дискуссий об

inslav

основании и развитии Болгарского литературного общества в Браилове (конец 60-х — начало 70-х годов XIX в.) — учреждении, которое похоже на сегодняшнюю Академию наук. В болгарских условиях интеллектуальная сфера до самого освобождения остается для передовых людей областью жертвенности, долга, высокого гражданского и патриотического сознания, тогда как получение доходов разрешается общественной моралью только с хозяйственных предприятий.

Другой особенностью болгарской возрожденческой интеллигенции стало то, что она создавалась и существовала в условиях недостаточно устойчивой регламентации ее социального положения. Существовали регламентированные права и обязанности ряда профессий: монашества, церковной иерархии, учителей. Во второй половине XIX в. в Константинополе, где велась длительная борьба за осуществление многих культурных начинаний болгар, права профессий, связанных с умственным трудом, были регламентированы. Полными гражданскими правами, аналогичными существовавшим в то время в других государствах, пользовалась лишь болгарская интеллигенция, обосновавшаяся в культурных центрах России и других европейских странах.

Однако зачастую эти права не были реальными или, по крайней мере, не отличались устойчивостью. В Османской империи они не имели твердого обеспечения в законодательстве, а в эмигрантских и переселенческих центрах — им не хватало материальных средств. Полную нестабильность мы наблюдаем иногда даже в традиционных институтах, например, в церковной иерархии. Длительное время в условиях Османской империи оказались ликвидированными те социальные гарантии, которые были не только утверждены юридическими документами Порты и Константинопольской патриархии, но и практически закреплены в многовековой деятельности фанариотского духовенства в болгарских землях. Это можно подтвердить рядом страниц из «Автобиографии» Софрония Врачанского — одного из немногих болгар, занимавшего высокий церковный пост епископа в конце XVIII — начале XIX в. Анархия, волнения, разбой кирджалий не давали ему возможности воспользоваться ни одним из прав, даже не обеспечивали ему защиты личной безопасности. Еще большую нестабильность положения дают обобщенные данные о духовенстве иных рангов. Примером в этом отношении может служить судьба Неофита Бозвели.

Гораздо хуже обстояло дело с профессиями, появившимися позднее. Наиболее распространенной и наиболее уважаемой являлась учительская профессия. В первой половине XIX в. учителя должны были иметь какое-либо второе занятие, которое бы обеспечивало им средства к существованию, потому что жалованья не хватало даже для пропитания. Новые условия создались для учителей в 50-е годы XIX в., когда развитие национального движения значительно подняло престиж образования и выдвинуло школу на первый план национального процесса. В это время учителями

inslav

стали более квалифицированные лица, обучавшиеся за границей. Им назначалось вознаграждение, достаточное для прожиточного минимума. Но этот подъем длился недолго. После Крымской войны развивается конфликт между учителями и руководителями национальных общин — чорбаджиями. В результате учителя снова оказываются в низших социальных категориях. Письма учителя Ботю к Найдену Герову дают нам точные данные об этом процессе. Ботю воспитывался в России и был одним из наиболее подготовленных болгарских возрожденческих учителей, о котором с похвалой отозвался после посещения Калофера В. И. Григорович, к которому шли учиться из дальних краев. Даскал Ботю в начале своей учительской карьеры получал 9000 грошей жалованья, а в конце — только 3000. Материальные трудности заставляли его думать о второй профессии и искать нового места для преподавания. Многие из возрожденческих учителей имели в качестве второй профессии переплетное дело, книгопечатание, книжную торговлю или торговлю иными товарами; некоторые имели наследственную собственность и имущество.

Нестабильность социального статута интеллигенции до освобождения Болгарии поддерживалась тем, что в течение всего периода национального возрождения болгарское общество лишь вырабатывало истинные критерии умственного труда. Этот труд оценивался еще не по своей особенной духовной сущности, по степени подготовки, квалификации, а главным образом по объему вложенных физических усилий и по условиям труда, которые казались более легкими, чем работа в сельском хозяйстве.

Мы видим, насколько сложны и противоречивы процессы, которые формируют болгарскую возрожденческую интеллигенцию. Но их своеобразный характер обязывает нас изучать эти процессы еще более внимательно, потому что в тогдашнем обществе интеллигенция представляла собой явление нового типа и главное — она становилась двигателем национально-освободительного движения. Яркая дифференцированность политических программ в 60-е и 70-е годы XIX в. недвусмысленно указывает на обусловленность социальной роли отдельных представителей тогдашней интеллигенции теми классовыми связями, которые они имели.

За два десятилетия до освобождения болгарская интеллигенция выражала в сравнительно чистом виде идеологические программы различных общественных классов, тогда как сами эти классы не были еще четко очерчены, ибо социальные отношения весьма сильно трансформировались тем, что страна входила в состав Османской империи, где болгарское возрожденческое общество развивалось в условиях национального угнетения. Отчасти поэтому болгарская интеллигенция отражала в своих идеологических и культурных программах не только опыт своего народа, своей нации, но в определенной мере и опыт международного освободительного движения. Юристы из молодой болгарской буржуазии получили юридическое образование в развитых капиталистических странах и формировали свое профессиональное сознание на евро-

inslav

пейском материале. Таким же был механизм обучения и воспитания ученых, журналистов, переводчиков, историков, литераторов и других. С другой стороны, идеологи борющихся народных масс и зарождающегося пролетариата достигали вершин социального прозрения. Программа, выдвинутая Христо Ботевым в 1871 г., отражает влияние революционного опыта Парижской коммуны, отражает формирование идеологии классового интернационалистического типа. Таким образом, болгарская интеллигенция в 60-е и 70-е годы, выступая в качестве обособленной социальной прослойки, продвигается далеко вперед в формировании идеологии и самосознания не только в национальном, но и в интернациональном смысле.

Третьей особенностью, которая характеризует не только идеологию, пристрастие и активность, но и профессиональный уровень болгарской интеллигенции в период национального возрождения, является то, что в рассматриваемую эпоху она была двуязычной. Каждый интеллигент владел, кроме болгарского, еще одним, а то и несколькими языками. Большинство болгарских интеллигентов имели европейский уровень образованности: П. Берон, Ив. Селиминский, В. Ненович, В. Априлов, Найден Геров, Добри Чинтулов, Г. Раковский, Райно Попович, Неофит Бозвели, Иларион Макариопольский, Гавриил Крыстевич, Григор Пырличев, Добри Войников, Любен Каравелов, Васил Друмев, Нешо Бончев, Марин Дринов, Христо Ботев и другие.

Но творческое самовыражение болгарской возрожденческой интеллигенции не могло соответствовать европейским меркам, ибо осуществлялось в рамках интенсивного национального развития. Интеллигент должен был перестраиваться, переводя вывезенные из-за границы представления в национальные образы. Интенсификация интеллектуальной жизни под влиянием национального возрождения обусловливала относительно широкие возможности участия общества в духовном развитии. В этом смысле можно говорить о существовании двух взаимодействующих структур, в одной из которых формируется отдельный болгарский интеллигент, а другую составляет среда, в которой осуществляется затем его интеллектуальная деятельность. В 20-е годы XIX в. П. Берон на болгарском языке писал букварь и составлял хрестоматию для младших школьников, а на французском языке создавал многотомную «Славянскую философию», развивая на конкретном материале важнейшие положения физических, естественных, нравственных явлений, пытаясь решить вопросы бытия в их взаимодействии и единстве. Доктор Пикколо писал свои драмы на греческом языке, на греческом же написан труд о поэтике Атанаса Богориди, внука Софрония Врачанского.

Таким образом, главной особенностью процесса создания болгарской интеллигенции представляется ее зависимость от участия народных масс в этом процессе, от степени их подготовленности, от условий, содействовавших внутренней консолидации национального развития. И если во многих областях этот процесс в пе-

inslav

риод болгарского возрождения не достигал европейского уровня, то по массовости и по демократичности он не уступал такого рода процессам в других странах Юго-Восточной Европы. Именно поэтому и возрожденческая интеллигенция приобрела материальную силу в национально-освободительном движении.

Представляется, что динамику развития болгарского национального возрождения можно уподобить процессу ритмических пульсаций. Сначала шло приобщение болгар к источникам духовной интеллектуальной жизни; далее — открытие самобытности, опора на традиции уже на новом, более высоком уровне. Традиционные черты активизировались тем более, чем успешнее шел процесс приобщения к нему народных масс и их воспитания.

Мы указали лишь на главные особенности развития болгарской интеллигенции XVIII—XIX вв. Очень важно не игнорировать их и не забывать при конкретно-исторических исследованиях. Преувеличенное внимание к специфическим чертам тех или иных интеллектуальных групп приводит некоторых зарубежных ученых к попыткам искусственно раздробить единую болгарскую интеллигенцию на ряд обособленных «школ». Так, например, румынская болгаристка Елена Сюпюр выдвинула мысль о существовании «бухарестской школы» болгарской эмиграции в болгарской интеллектуальной жизни, более того — о «румынской школе» в среде болгарской эмигрантской интеллигенции 70-х годов XIX в.

Применять понятие «школа» к процессу развития болгарской возрожденческой интеллигенции не представляется обоснованным по следующим причинам: 1. Интеллектуальная деятельность болгар, как было показано выше, формировалась в тесной связи с национальным движением. Это являлось определяющим и давало важнейший критерий полезности и своевременности различных инициатив. 2. Отдельными культурными центрами вне Болгарии являлись: Новый Афон, Сремски-Карловци, Вена, Будапешт, Брашов, Кишинев, Одесса, Константинополь, Бухарест, Браилов, Москва, Белград, Нови-Сад. Их формирование относилось к определенному времени, а длительность их существования зависела от этапа и задач национального движения. Их культурные достижения быстро становились достоянием всего национального процесса и составляли его определенный этап. 3. Деятели отдельных центров очень часто меняли свое местожительство и формы деятельности с учетом задач болгарского национального движения, а не из-за условий в данной стране. Условия жизни не накладывали решающего отпечатка на их деятельность. Например, В. Априлов воспитывался в Брашове, а развивал общественную деятельность в Одессе. Петр Берон воспитывался в Бухаресте, а работал в Брашове. Г. Раковский воспитывался в Константинополе, Афинах, два года жил во Франции, а как активный деятель проявил себя в Браилове, Константинополе, Белграде, Одессе, Нови-Саде, Бухаресте. К какому центру и к какой школе мы можем отнести его деятельность? И самый тонкий анализ не сможет определить черты, привитые одним определенным центром. И вообще какой

inslav

новый аспект может получить его деятельность в свете того обстоятельства, работает ли он среди болгарской эмиграции в сербском или румынском княжествах, в Австрийской или Российской империи?! То же характерно и для других идеологов национально-освободительного движения.

В известном смысле собственный профиль имел Московский кружок болгарских студентов в 60-е годы XIX в. Но их духовные поиски остаются целиком в русле проблем болгарского национально-освободительного движения и вскоре они сливаются с остальными более активными общественно-политическими центрами. Именно по этим причинам и болгарская общественная деятельность вне страны находилась в русле общенациональной деятельности. Например, Добри Чинтулов в середине XIX в. прожил 10 лет в Одессе, затем стал учителем в Болгарии и революционным болгарским поэтом. В. Друмев, получивший высшее образование в России, кандидат богословия, в 70-е годы стал в Браилове деятелем Болгарского литературного общества, драматургом и театральным деятелем, а позднее был назначен епископом в Болгарии. Добри Войников после долголетнего пребывания в Браиле выдвинулся как основоположник болгарского театра, а позднее был учителем и театральным деятелем в Шумене.

ГРЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В 30—50-Х ГОДАХ XIX В.

К. И. Логачев (СССР)

Для Греции переход от феодализма к капитализму — это длительный период истории, начавшийся еще во второй половине XVIII века, а завершившийся уже в наше столетие. Период этот, среди всего прочего, характеризуется радикальными изменениями в социальной структуре новогреческого общества. Необходимой предпосылкой для осмысления всех этих изменений является анализ социальной структуры новогреческого общества на отдельных этапах периода, о котором идет речь.

Ниже будет рассмотрена социальная структура, которой в 1830—1862 гг. обладала имевшая государственную независимость часть формирующейся греческой нации. Иными словами, речь пойдет о социальной структуре новогреческого государства в первые три с небольшим десятилетия его существования, в эпоху, называемую «каподистриевско-оттоновской» (по имени двух глав этого государства — правителя И. Каподистрии и короля Оттона).

Как известно, идея греческой революции 1821 г. (в результате которой на Балканах появилось первое формально полностью независимое от османов национальное государство) зародилась в греческих торговых колониях и была итогом экономического и идеологического развития греческой торговой буржуазии. Но шла революция в конкретных условиях Османской империи, где антиосманское выступление греков было вызвано не только начавшим-

inslav

ся развитием капиталистических отношений, но и развитием внутриимперского феодального сепаратизма. Именно поэтому, в частности, антитурецкая война в Греции сопровождалась гражданской войной, нередко принимавшей характер феодальной междоусобицы.

Конечным итогом революции 1821 г. и антитурецкой войны оказалось не самостоятельно достигнутое общенациональное освобождение греков, а дипломатическое соглашение тогдашних ведущих европейских держав и Турции об отделении от нее южной части Балканского полуострова, сопровождавшееся соглашением тех же держав, по которому в этой части Балкан создавалось нечто, получившее громкое название «королевства».

Суть программы, выдвигавшейся греческой торговой буржуазией при начале антитурецкой борьбы, сводилась к полному освобождению всех греков от османского ига, созданию независимого греческого государства и обеспечению наиболее благоприятных условий для капиталистического его развития. Так можно понять смысл обнародованных в 1822 г. греческой декларации независимости и первой греческой конституции, которая, провозглашая основные свободы и равенство всех перед законом, открывая всем доступ к государственным должностям и гарантируя собственность [1], была типичной буржуазной конституцией. Уже историки XIX в. отметили большое сходство греческой конституции 1822 г. с конституцией французской Директории [2]. Однако после создания первого балканского королевства греческой торговой буржуазии не удалось ни самой захватить в нем государственную власть, ни поставить себе на службу его правителей. То, что окончательно сформировалось на юге Балканского полуострова в начале 1830-х годов, клеймилось в XIX в. самым страшным для буржуа словом — «банкрот» [3]. Крайне далеки были от буржуазного идеала процветающей Греции те картины, которые представали перед посещавшими эту страну в каподистриевско-оттоновскую эпоху иностранцами: «Даже из Афин нет еще дорог, нет мостов, нет фабрик для производства самых необходимых вещей; ...финансы расстроены, администрация самая жалкая, только и слышишь, что о разбойниках!» [4].

Общее состояние каподистриевско-оттоновской Греции и тем самым основные особенности ее социальной структуры определяли главным образом факторы, не содействовавшие, а препятствовавшие капиталистическому развитию этого государства.

Важнейшими из таких факторов были факторы экономико-географические. Территорию Греции в 1830—1862 гг. составляли, за немногими исключениями, едва ли не самые малоплодородные и хозяйственно слаборазвитые из тех областей Балкан, население которых считалось в подавляющем своем большинстве греческим. Составившие Грецию в 1830 г. области были практически опустошены, ибо они были главной ареной «двойной» войны — антитурецкой и гражданской. Военные действия нанесли громадный ущерб торговому флоту, зачаточному промышленному производ-

inslav

ству, плантациям экспортных сельскохозяйственных культур, гаваням, населенным пунктам. Во время войны погибла значительная часть городских и сельских жителей[5]. Еще до 1830 г. начал возникать большой государственный долг Греции странам-гарантам и отдельным английским капиталистам[6]. В стране практически не было дорог[7] — она представляла собой конгломерат изолированных районов.

Не меньше было и политических факторов, препятствовавших капиталистическому развитию Греции в 1830—1862 гг. Державы-гаранты, воспользовавшись тем, что греки, будучи не в состоянии освободиться от османов сами, еще в ходе антитурецкой войны обратились к Европе за помощью[8], не упускали возможности активно влиять на внутриполитическую жизнь нового государства. Влияние же это приводило прежде всего к подавлению в Греции прогрессивных национальных буржуазных тенденций, так как державы-гаранты поддерживали сначала олигархический режим Каподистрии, а затем абсолютистский режим Оттона, мало поколебленный революцией 1843 г. Правительства каподистриевско-оттоновской эпохи делали крайне мало для развития греческой торговли и промышленности; более того, отдельными своими действиями эти правительства прямо препятствовали развитию национальной экономики. Так, Каподистрия делал ставку на землевладельцев[9], а Оттон утвердил архаичную систему налогов (при которой основной налог, например, взимался в виде натуральной десятины) и препятствовавшую развитию внешней торговли систему таможенных сборов[10]. Кроме того, Оттон 3 февраля 1844 г. издал закон, ограничивавший возможности гражданской активности населения королевства цензом оседлости и местом рождения[11]. Внутриполитическая жизнь страны в 1830—1860-е годы характеризовалась нестабильностью, вызывавшейся как борьбой за власть различных греческих политических группировок («партий»), так и конкуренцией держав-гарантов в Восточном Средиземноморье, причем оба эти фактора были тесно взаимосвязаны: каждая греческая «партия» опиралась не на те или иные классы в Греции, а на ту или иную из конкурирующих держав-гарантов, каждая держава-гарант проводила в Греции свое влияние через ту или иную «партию». Ни правительство Каподистрии, ни правительства Оттона не были в состоянии обеспечить в Греции общественный порядок, и типичным явлением для этой страны в 1830—1860-х годах было широкое распространение бандитизма и пиратства, причем бандиты и пираты могли становиться и агентами «партий».

Экономико-географические факторы, о которых шла речь, намного увеличивали потребность в материальных и финансовых ресурсах для капиталистического развития страны. Экономисты первой половины XIX в. считали, что развиваться Греция сможет только благодаря «иностранным деньгам»[12]. Но указанные политические факторы делали Грецию негарантированным и невыгодным для эмигрантской греческой и западноевропейской буржуазии

inslav

местом приложения капитала[13]. Поэтому, в частности, в Грецию после 1830 г. не захотела переселяться богатая буржуазия греческих колоний[14].

В итоге индустриально Греция в 1830—1862 гг. практически не развивалась и единственным видом производства, который лишь в очень отдаленной степени приближался к промышленному производству, здесь было судостроение[15]. Греция в каподистриевско-оттоновскую эпоху — это страна без мануфактур[16], страна, во внешнеторговом балансе которой импорт, в большей своей части промышленный, обычно более чем в два раза превышал исключительно сельскохозяйственный экспорт[17].

Всем этим объясняется такая фундаментальная черта социальной структуры греческого общества в 1830—1862 гг., как отсутствие в Греции промышленной буржуазии и промышленного пролетариата.

Буржуазия Греции 1830—1862 гг.— это почти исключительно средняя или мелкая торговая и судовладельческая буржуазия. В 1838 г. верхушка торгово-финансовой буржуазии составляла 276 человек, оптовые торговцы — 6090 человек, розничные торговцы — 12 196 человек (соответственно примерно 0,1%, 2,6% и 5,1% активного светского мужского населения страны)[18]. Торговец и судовладелец очень часто совмещались в одном лице, поскольку в Греции в 1830—1860-е годы торговля, особенно внешняя, могла осуществляться почти исключительно морем[19].

Наличие торгово-судовладельческой буржуазии подразумевало, естественно, наличие наемных работников, используемых при постройке судов и при морских перевозках. В 1838 г. в Греции моряков было 13 679 человек (приблизительно 6% активного светского мужского населения страны)[20].

Торгово-судовладельческая буржуазия и необходимые для ее существования наемные работники — вместе с «околобуржуазной» прослойкой, участвующей в торговых операциях и включающей торговых служащих, агентов, посредников, начали формироваться еще в конце XVIII — начале XIX в., т. е. до образования нового греческого государства. Антиосманско-гражданская война нанесла большой ущерб торговцам и судовладельцам, сократила число строителей судов и матросов. Но после 1830 г. торгово-судовладельческая буржуазия вновь начинает усиливаться. Лучшим свидетельством ее усиления в 1830—1860-е годы является рост численности греческих торговых судов: если в 1830 г. их было около 1000, то к 1865 г. это число увеличилось в пять раз[21]. Соответственно возрастало и число наемных работников, используемых при постройке судов и морских перевозках. По данным конца 1860-х годов море давало средства к существованию для более чем 30 тысяч греческих семей[22].

Основным производительным классом Греции в 1830—1862 гг. оставалось, как и в предшествующий период истории составивших Грецию территорий, крестьянство. В 1838 г. земледелием (без владения землей) занималось 95 069 человек, скотоводством —

inslav

27 366 человек (соответственно около 42% и 14% активного светского мужского населения страны), а кроме того 45 234 человека (приблизительно 20% активного светского мужского населения страны) квалифицировались как мелкие землевладельцы, которые, естественно, также могли сами заниматься земледелием [23].

В Турецкой империи земля сначала была объявлена собственностью султана, а затем стала переходить в собственность местных феодалов (среди которых были не только турки, но и греки). В 1821 г., при начале антитурецкой войны, Эпидаврская ассамблея объявила все принадлежащие туркам земли греческой национальной собственностью [24]. В ходе антитурецкой войны шел самовольный захват греками земель, объявленных принадлежащими государству. После завершения войны началось урегулирование вопросов, связанных с землевладением. Были признаны права на землю части землепользователей, в 1835—1840 гг. были наделены землей немногим более 7000 человек (в том числе фалангисты) [25], но большую часть земли государство оставило за собой, став таким образом, крупнейшим землевладельцем на юге Балканского полуострова [26]. По данным начала 1840-х годов, соотношение государственной и находящейся в частном владении земли составляло в Греции приблизительно 5 : 2, причем большая часть земли и в государственном, и в частном секторе не обрабатывалась [27]. По данным 1838 г., крупных землевладельцев в Греции было 2755 человек, мелких, как уже говорилось,— 45 234 человека (соответственно около 1,3% и 20% активного светского мужского населения страны) [28].

Крестьянин-производитель работал либо на клочке собственной земли, либо на арендованном у государства или у более крупного землевладельца участке, либо на государственной земле за узуфрукт [29]. Греческий крестьянин значительно больше, чем торговец или судовладелец, испытывал на себе влияние неблагоприятных для экономического развития Греции факторов, действовавших в 1830—1862 гг. Достаточно отметить, что в 1840-е годы одна пара быков (основной тягловой силы в стране) приходилась на четыре крестьянских хозяйства [30]. Поэтому греческое сельскохозяйственное производство в 1830—1860-е годы продолжало оставаться крайне примитивным и в значительной степени натуральным [31]. В рассматриваемый период в Греции не создавалось крупных хозяйств капиталистического типа ни государством, ни лицами, владевшими достаточным для этого количеством земли. Государственная земля и относительно крупные земельные участки, составлявшие частную собственность, использовались главным образом для раздачи в мелкую аренду.

К производителям в Греции 1830—1860-х годов следует отнести и ремесленников, которых в 1838 г. было 15 343 человека (приблизительно 7% активного светского мужского населения страны) [32].

Торгово-судовладельческая буржуазия, наемные работники (судостроители и моряки), крестьяне (земледельцы, пастухи и рыбаки) и ремесленники составляли костяк социальной структуры

inslav

каподистриевско-оттоновской Греции. Интересно отметить, что в середине XIX в. были попытки ассоциировать этот костяк с костяком национальной структуры страны, т. е. торговцев, судовладельцев, судостроителей, моряков и рыбаков с греками, оседлых земледельцев — с албанцами и кочевников-скотоводов — с влахами [33].

Характеристика социальной структуры Греции 1830—1860-х годов будет, разумеется, не полной, если ограничиться одним костяком этой структуры. Необходимо, поэтому, остановиться и на таких компонентах последней, как армия, белое духовенство и монашество, интеллигенция и администрация.

В ходе антитурецкой войны на территориях, составивших впоследствии новогреческое государство, приматами, капитанами и первыми греческими правительствами были созданы многочисленные вооруженные отряды. Некоторые воинские подразделения были созданы при Каподистрии. Однако в 1833 г. все существовавшие в Греции воинские формирования были распущены и началось создание новой регулярной армии. Первоначально основу этой армии составляли баварские воинские подразделения, прибывшие в Грецию для обеспечения Оттону занятия престола [34]. В 1832—1835 гг. число иностранцев в греческой армии составило 5410 человек, но почти все они позднее страну покинули [35]. Процесс полной ренационализации регулярной греческой армии завершился после революции 1843 г.

Офицерский корпус греческой армии был непропорционально велик. В середине 1850-х годов в армии, насчитывавшей 8500 человек, был 1071 офицер [36]. Никаких сословных или имущественных ограничений для продвижения в офицеры в Греции не было [37], и поэтому греческий офицерский корпус мог становиться постепенно главной опорой национальной буржуазии.

Белое духовенство и монашество насчитывало в Греции в 1838 г. 4645 человек (приблизительно 0,6% всего населения страны) [38]. Значение белого духовенства и монашества в жизни каподистриевско-оттоновской Греции определялось как традиционным положением, которое белое духовенство и особенно монашество занимали в греческом обществе (греки в период османского господства видели в своей религии защиту от полной ассимиляции с завоевателями, глава православной церкви — Константинопольский патриарх — был в Турецкой империи главой румского миллета и греческим этнархом), так и общим состоянием грамотности в стране после освобождения от турок (в 1838 г. число грамотных в Греции составляло менее 5% всего населения [39]). Однако влияние белого духовенства и монашества на население независимого греческого государства было ослаблено учреждением контролируемого королем-католиком синодального управления (в результате чего церковь полностью подчинялась светской власти) и выходом греческой церкви из юрисдикции константинопольского патриарха [40], а также целым рядом других обстоятельств (например, закрытием в 1834 г. на территории Греции почти 3/4 монастырей) [41].

inslav

Следует отметить, что греческое белое духовенство и монашество являлись в первой половине XIX в. в известной степени идеологическим противником национальной буржуазии, ибо идеология последней формировалась под очень сильным влиянием западноевропейской буржуазной идеологии, принципиально неприемлемой для греческого православия. Именно поэтому, например, находились в конфликте с греческой церковью крупнейший греческий буржуазный идеолог начала XIX в., «учитель нации» А. Кораис и его ученик Ф. Каирис[42]. Но греческое белое духовенство и монашество в известном отношении оказывались союзником национальной буржуазии, когда речь шла о внешнеполитической программе последней. Национальная буржуазия поддерживала мегалоидеатизм, являвшийся с 1844 г. основой внешнеполитической программы Греции, а мегалоидеатизм не мог оставить равнодушной церковь благодаря ее давним эллинизаторским традициям.

Интеллигенция Греции 1830—1860-х годов была неоднородной по источникам своего формирования. Она складывалась в основном из трех групп: фанариотской интеллигенции, прослойки, существовавшей в среде греческого белого духовенства и монашества, и буржуазной интеллигенции греческой диаспоры. После 1830 г. в независимую Грецию из-за границы переселились как большинство ученых фанариотов, так и большинство буржуазных интеллигентов[43]. Но если первым удалось захватить господство в интеллектуальной жизни страны, то вторые были вынуждены играть в 1830—1860-е годы лишь второстепенную роль[44].

В 1838 г. в Греции на 833 611 человек населения приходилось 676 представителей интеллигенции (110 юристов, 208 врачей и 358 учителей)[45]. Но в дальнейшем количество лиц умственного труда в Греции намного превысило реальный спрос на них. Причиной этого была повышенная тяга к овладению профессиями, связанными с умственным трудом, характерная для каподистриевско-оттоновского времени. Эта тяга стимулировалась бесплатностью образования на всех ступенях (включая образование в открытом в 1837 г. в Афинах университете) и провозглашением начального образования обязательным[46]. Чрезмерный рост интеллигенции в каподистриевско-оттоновское время вызывал такие явления общественной жизни Греции 1830—1860-х годов, как рост числа газет, возникновение различного рода гуманитарных обществ и т. д.

Разочарование в создавшемся новом греческом государстве на протяжении первых трех десятилетий его существования, недовольство тем, что Европа, после бурной вспышки филэллинизма 1820-х годов, охладела к Греции, сделали основными чертами интеллектуальной жизни страны в каподистриевско-оттоновское время стремление уйти от действительности, обращенность духовных интересов в национальное прошлое, антизападничество. Характерно, что первый социальный роман, посвященный современности, увидел свет в Греции лишь в 1855 г.[47]

Государственный аппарат каподистриевско-оттоновской Греции в целом не был классовым органом национальной буржуазии.

inslav

Верхушку государственного аппарата в 1830—1862 гг. составляли, помимо прибывших в страну вместе с Оттоном баварцев, греки, обладавшие административными навыками, приобретенными еще до создания новогреческого государства в результате службы в турецких административных органах — либо центральных (в которых сотрудничали фанариоты), либо местных (в которых были заняты главы греческих самоуправлявшихся общин). В условиях проводившейся и Каподистрией, и Оттоном централизации власти, уничтожения местной автономии и борьбы с сепаратистскими тенденциями для бывших фанариотов и бывших глав греческих общин стремление завладеть государственными должностями стало единственным средством сохранения своей значимости в греческом обществе.

Число государственных чиновников в Греции в 1838 г. более чем вдвое превышало число представителей умственного труда[48].

Дополнением к перечисленным выше «легальным» компонентам социальной структуры общества в новогреческом государстве 1830—1860 гг. был игравший заметную роль в жизни Греции этих лет «иллегальный» компонент социальной структуры — ушедшие в горы остатки вооруженных отрядов, участвовавших в антитурецкой войне, основным занятием которых был бандитизм. Проблемы, порождавшиеся деятельностью вооруженных банд, были одними из острых проблем каподистриевско-оттоновской Греции.

Как можно видеть из сделанного обзора социальной структуры общества в Греции в 1830—1862 гг., наибольший «динамизм» отмечается в поверхностных, надстроечных компонентах этой структуры, гораздо менее значительный — у буржуазии, и наименее выраженный — у основных производительных классов. Социальная структура Греции 1830—1860-х годов свидетельствует о том, что первые три десятилетия существования новогреческого государства были в целом временем определенного социально-экономического застоя, замедления процесса перехода от феодализма к капитализму. Это объясняется тем, что несмотря на создание в Греции «буржуазноподобных» надстроечных институтов (во многом копирующих надстроечные институты активно развивавшихся буржуазных наций Западной Европы), новое греческое государство носило в целом антибуржуазный характер[49]. Это объясняется также и положением каподистриевско-оттоновской Греции в общеевропейской системе, где первое балканское королевство было страной, границы которой были установлены, игнорируя этнический принцип, и которая в экономическом отношении функционировала как сырьевой придаток и морской извозчик ведущих европейских держав, а в политическом отношении оказывалась по существу балканским протекторатом последних.

[1] Текст конституции 1822 г. см.: *Maurer G. L. v.* Das Griechische Volk in öffentlicher, kirchlicher und privatrechtlicher Beziehung vor und nach dem Freiheitskampfe bis zum 31. Juli 1834. III. Heidelberg, 1835, S. 13—21.

[2] *Sergeant L.* New Greece. London, Paris and New York, s. a., p. 390—391.

inslav

[3] *About E.* La Grèce contemporaine. Paris, 1854, p. 308; *Sergeant L.* Op. cit., p. 35, 364.
[4] Журнал Министерства народного просвещения. 1857, XCV, N 2, с. 133.
[5] *About E.* Op. cit., p. 41; *Prokesch-Osten A. F. v.* Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche im Jahre 1821 und der Gründung des Hellenischen Königreiches. VI. Wien, 1867, S. 224—226.
[6] *About E.* Op. cit., p. 331—343.
[7] *Cammerer A. A.* Historisch-statistisch-topographische Beschreibung des Königreiches Griechenland nach dem gegenwärtigen Bestande. Kempten, 1834, S. 81; *Strong F.* Greece as a Kingdom, or a Statistical Description of that Country, from the Arrival of King Otho, in 1833, down to the Present Time. London, 1842, p. 33.
[8] *Prokesch-Osten A. F.* Op. cit., IV. Wien, 1867, S. 175—176.
[9] *Strong F.* Op. cit., p. 102;*Mendelssohn Bartholdy K.* Geschichte Griechenlands von der Eroberung Konstantinopels durch die Türken im Jahre 1453 bis auf unsere Tage. II. Leipzig, 1874, S. 70—71.
[10] *Strong F.* Op. cit., p. 121—122, 194; *About E.* Op. cit., p. 309, 315.
[11] *Leconte C.* Etude économique de la Grèce, de sa position actuelle, de son avenir. Paris, 1847, p. 451—452; *About E.* Op. cit., p. 67—69.
[12] *Zentner F. v.* Das Königreich Griechenland in Hinsicht auf Industrie und Agrikultur. Augsburg, 1844, S. 5.
[13] Ibid., S. 6.
[14] *Sergeant L.* Op. cit., p. 384.
[15] *Leconte C.* Op. cit., p. 125.
[16] *Cammerer A. A.* Op. cit., S. 77; *About E.* Op. cit., p. 116.
[17] *Cammerer A. A.* Op. cit., S. 80—81; *Strong F.* Op. cit., p. 125—127; *About E.* Op. cit., p. 117.
[18] *Strong F.* Op. cit., p. 187.
[19] *Cammerer A. A.* Op. cit., S. 79—80; *About E.* Op. cit., p. 179.
[20] *Strong F.* Op. cit., p. 187.
[21] *Sergeant L.* Op. cit., p. 146.
[22] Ibid., p. 151.
[23] *Strong F.* Op. cit., p. 187.
[24] Ibid., p. 219.
[25] Ibid., p. 220, 262.
[26] *Leconte C.* Op. cit., p. 117—125; *About E.* Op. cit., p. 316.
[27] *Strong F.* Op. cit., p. 3.
[28] Ibid., p. 187.
[29] *About E.* Op. cit., p. 316—317.
[30] *Strong F.* Op. cit., p. 163.
[31] Ibid., p. 170.
[32] Ibid., p. 187.
[33] *About E.* Op. cit., p. 72.
[34] *Strong F.* Op. cit., p. 254; *Leconte C.* Op. cit., p. 155.
[35] *Strong F.* Op. cit., p. 257, 280—281.
[36] *About E.* Op. cit., p. 253.
[37] *Strong F.* Op. cit., p. 268.
[38] *Ibid.*, p. 392.
[39] Ibidem.
[40] *Maurer G. L.* Op. cit., S. 249—260.
[41] *Strong F.* Op. cit., p. 360.
[42] Δημαρᾶς Κ. Θ., Ἱστορία τῆς νεοελληνικῆς λογοτεκνίας ἀπὸ τὶς πρῶτες ρίζες ὡς τὴν ἐποχή μας. 5η ἔκδ., Ἴκαρος, 1972, σ. 205—205, 210.
[43] *Idem.* Op. cit., p. 244—245, 272.
[44] Idem. Op. cit., p. 271, 299.
[45] *Strong F.* Op. cit., p. 6, 187, 392.
[46] *Maurer G. L. v.* Op. cit., S. 266—283; *About E.* Op. cit., p. 260; *Moraitinis P. A.* La Grèce telle qu'elle est. Paris, 1877, p. 81—84.
[47] Δημαρᾶς Κ. Θ. Op. cit., p. 329.
[48] *Strong F.* Op. cit., p. 187, 392.
[49] *Leconte C.* Op. cit., p. 346—347.

inslav

IV. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В МАСШТАБАХ ВСЕГО АРЕАЛА

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Л. А. Обушенкова (СССР)

Методологические аспекты данной проблемы связаны прежде всего с определением начального и конечного этапа эволюции.

Крестьянство как класс было типичным явлением феодального общества, имевшим строго фиксированный юридический статус. Таким образом, исходный момент эволюции — это крестьянство как единый феодальный класс.

В условиях развитого капитализма крестьянство — это социальная общность более широкого порядка, чем единый класс. «*Поскольку* в нашей деревне,— говорил о России начала XX в. В. И. Ленин,— крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, *постольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую)» [1]. Это итог, и между начальным и заключительным этапом лежит длительный переходный период, характеризующийся процессом дифференциации, капиталистической эволюции крестьянства.

Содержание процесса эволюции заключалось, во-первых, в выделении сельской буржуазии, что было результатом процесса дифференциации крестьянства. При изучении этого процесса необходимо определить начальные моменты, его интенсивность на разных этапах исторического развития. Важно проследить внутреннюю логику развития этого слоя, поскольку в условиях общей недостаточной дифференциации деревни в Центральной и Юго-Восточной Европе сельская буржуазия в течение всего рассматриваемого периода может быть выделена как самостоятельный слой, но слой, составляющий неотъемлемую часть крестьянства. Необходимо сделать попытку более четко определить социально-классовую сущность этого слоя, исходя из ленинского определения классов, т. е. учитывая его место в системе общественного производства, отношение к средствам производства. Ускорение процессу выделения слоя сельской буржуазии дали аграрные реформы и вместе с ними вовлечение деревни в товарно-денежные отношения.

Во-вторых, процесс эволюции крестьянства выражается в выделении слоя наемных рабочих, что было результатом процесса обезземеливания крестьянства. Здесь важно определить время по-

inslav

явления первых групп наемных сельскохозяйственных рабочих (с наделом либо без надела), интенсивность этого процесса, его соответствие определенным этапам исторического развития каждой конкретной страны, в частности аграрным реформам. Конкретные исследования социальной структуры деревни первой половины XIX в. показали большой удельный вес слоя малоземельных и безземельных крестьян во многих странах данного региона. Однако слабая интенсивность процессов капиталистического развития в Центральной и Юго-Восточной Европе как бы консервировала этот слой. Он очень долго не мог превратиться в слой сельскохозяйственных рабочих в современном смысле этого слова, т. е. слой свободных наемных рабочих, связанных с работодателем только отношениями найма и увольнения. Он остался неотъемлемой составной частью крестьянства, и задача историка состоит в том, чтобы проследить медленное, непоследовательное высвобождение этого слоя безземельных тружеников деревни из пут феодальной зависимости, от кабальных условий аренды, от невозможности уйти в город, определить степень развитости национального рынка труда. Тем не менее появление и развитие этого довольно обширного слоя в деревне, его внутренняя динамика, постепенное, но неуклонное освобождение от полуфеодальных форм зависимости говорят о том, что это одна из форм капиталистической эволюции крестьянства.

Несмотря на исключительную важность в процессе капиталистической эволюции крестьянства двух вышеуказанных процессов так называемого раскрестьянивания крестьянства, наибольшее внимание историка должен привлекать процесс медленной эволюции основной части крестьянства, крестьянства в узком смысле этого слова. Этот слой крестьянства, который в начале XX в. В. И. Ленин относил к мелкой буржуазии, во всех странах данного региона на протяжении всего XIX и в начале XX в. остается довольно однородной с социальной точки зрения массой. Изучая конкретно-исторические формы эволюции этой части крестьянства, важно установить степень товарности крестьянского производства, степень втянутости крестьянских хозяйств в рыночные отношения. Затем — характер отношения к земле и его изменения (от феодального держания до частной собственности на землю). И, наконец, эволюцию феодальной ренты в капиталистическую аренду, изменение различных форм зависимости крестьянина от крупного землевладельца (частного или государства).

В тех странах (большинство стран рассматриваемого региона относится именно к данному типу), где развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождалось очень медленной, постепенной заменой феодальных приемов эксплуатации капиталистическими, где надолго сохранились докапиталистические формы зависимости, там крестьянство, даже несмотря на достаточно далеко зашедший процесс расслоения, продолжало оставаться классом, но классом не капиталистической, а старой, предшествующей капитализму феодальной общественно-экономической формации. В связи

inslav

с этим можно привести слова В. И. Ленина о русском крестьянстве в канун революции 1905 г.: «*Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения,— *постольку* «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества» [2].

Как класс, крестьянство в целом выступало и в таких странах (как, например, Франция), в которых феодально-помещичьи хозяйства были уничтожны буржуазными революциями, но внутри крестьянства еще не произошло глубокого социального расслоения и сельскохозяйственные производители представляли собой слой более или менее однородных тружеников земли [3].

Чем дальше и глубже развивался капитализм, подчиняя и перестраивая сельское хозяйство, тем неумолимее действовали законы конкуренции со всеми вытекающими отсюда последствиями: разорением и пролетаризацией массы мелких производителей, обогащением небольшой верхушки крупных сельских хозяев, усилением экономического неравенства среди сельского населения. Этот процесс привел к распадению крестьянства на три классово различных слоя: сельских капиталистов, сельский пролетариат (и полупролетариат) и сельскую мелкую буржуазию. Причем, основная масса крестьянства — это мелкая буржуазия, ведущая товарное хозяйство. В. И. Ленин указывал: «Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, вот два признака, составляющие понятие „мелкого буржуа“... Сюда подходит таким образом и крестьянин, и кустарь. Обычно этот слой объединяют термином „крестьянство“» [4].

Существует еще одна проблема эволюции крестьянства. Класс — это социально-экономическая общность. Процесс разложения крестьянства как класса может зайти уже далеко, но продолжает сохраняться социально-психологическая или социально-политическая общность. В условиях капитализма крестьянство — это классово неоднородная социальная общность, но у различных его составных частей сохраняются общие точки соприкосновения, общие сопереживания. И крестьянство, как социальная общность, сохраняет общие интересы. Эта социально-психологическая общность характеризовала крестьянство Центральной и Юго-Восточной Европы в конце XVIII—XIX в.

Итак, два отправных момента в анализе капиталистической эволюции крестьянства: крестьянство, как единый класс феодального общества, и как классово неоднородная социальная общность буржуазного общества. Следовательно, социальная история в переходный от феодализма к капитализму период — это не только история дифференциации крестьянства, выделение из его среды пролетарских и буржуазных слоев, это еще и капиталистическая эволюция основной части крестьянства, превращение ее в слой мелкотоварных производителей, в часть класса мелкой буржуазии, в сельскую мелкую буржуазию.

И, наконец, проблема: крестьянство и исторический процесс в период национально-освободительных движений, ибо в эпоху

inslav

перехода от феодализма к капитализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы национально-освободительная борьба была одной из характерных особенностей исторического процесса. Важно проследить активное поведение различных групп крестьянства и крестьянства в целом в исторических процессах, т. е. не только активное участие в некрестьянских, в частности в национальных движениях, но и его активное воздействие на сознательную постановку задач освободительной борьбы. Несомненный интерес представляет вопрос о том, в какой мере позиция крестьянства влияла на идеологию и программы освободительного движения, на его формы, темпы, массовость и результаты. Особого внимания заслуживает слабее всего изученный аспект — поведение наименее дифференцированной части крестьянства, крестьянства в узком смысле этого слова, ведущего мелкотоварное хозяйство на своей земле. Любое освободительное движение, социальное или национальное, приобретало наиболее последовательный буржуазный характер в тем бóльшей степени, чем оно полнее учитывало интересы наименее зажиточной части крестьянства.

Задача данного раздела сводится к постановке некоторых проблем капиталистической эволюции крестьянства, определяемых спецификой переходного периода. Это общая характеристика классовой дифференциации крестьянства в странах данного региона, затем — характеристика отдельных социальных групп крестьянства и процессов их эволюции, наконец проблемы отношения различных слоев крестьянства к национально-освободительному движению.

Начнем с характеристики процессов классовой дифференциации крестьянства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Темпы и особенности этого процесса во многом определялись особенностями исторического развития аграрных отношений в странах к востоку от Эльбы (в Чехии, Польше, на землях Венгерского королевства), так называемым вторым изданием крепостного права. Особенности развития аграрного строя балканских стран (Болгарии, Сербии, Румынии) обусловливались господством турецких средневековых форм землевладения. И в том, и в другом случае период разложения феодальных производственных отношений наступил намного позднее, чем в странах Западной Европы: его начало датируется второй половиной XVIII — началом XIX в. Земельные реформы второй половины XVIII в. в Австрийской империи (с 1781 г. лично свободные крестьяне в Чехии, Моравии, немного позднее, с 1785 г.— в Штирии, Каринтии, Крайне, Венгрии), формальная отмена крепостного права в Валахии и Молдове в середине XVIII в., закрепленная Органическими регламентами 1831—1832 гг., введенный в 1807 г. на землях Княжества Варшавского кодекс Наполеона пробили брешь в системе феодально-крепостнических отношений, формально отменив крепостную зависимость крестьянства и ускорив переход от натуральных к денежным повинностям. Это, в свою очередь, послужило толчком к развитию процесса имущественной дифференциации крестьянства.

inslav

Особенностью всех аграрных законодательств второй половины XVIII — начала XIX в., освобождавших крестьян от крепостной зависимости от помещика или государства, было сохранение права собственности на землю за помещиком и государством и лишение права крестьян на их бывшие земельные держания. Оставаясь на прежнем участке земли, за право ее обработки крестьянин вынужден был расплачиваться с помещиком на диктуемых им условиях, и в подавляющем большинстве случаев это была барщина. Таким образом сохранялись старые, феодальные отношения между помещиком и крестьянином. Тем не менее реформы были первым шагом по пути превращения крестьянства из феодального класса в новую социальную общность.

Темпы процесса дифференциации крестьянства были неодинаковые и во многом зависели от степени проникновения в крестьянские хозяйства товарно-денежных отношений (например, более быстрые в чешской и словенской деревне, чем в словацкой; на польских землях под властью Пруссии, чем в Галиции и т. п.). Различны были темпы, но сам процесс дифференциации крестьянства протекал более или менее однородно. Отслаивалась зажиточная, самая малочисленная часть крестьянства: корчмари, мельники, торговцы-скупщики и поставщики сырья, скототорговцы и т. п. Постепенно росла численность крестьян — собственников земельных наделов, а также крестьян, применяющих наемный труд, владеющих значительными участками земли.

Лишь небольшая группа чешских крестьян (так называемые либертины), выкупали свои повинности у помещика. Остальные, в том числе и зажиточные крестьяне, пользовались землей за выполнение определенных барщинных повинностей. В 40-х годах XIX в. в Чехии зажиточные крестьяне-седлаки применяли в своих хозяйствах наемный труд, основой товарной продукции их хозяйств было зерно. По обеспеченности тягловой силой и орудиями труда, степени эксплуатации наемных работников седлаки нередко превосходили помещиков. В канун революции 1848 г. в чешской деревне насчитывалось 15—20% зажиточных крестьян [5].

Собственниками земли в Королевстве Польском была незначительная часть крестьян (окупники, эмфитевты, колонисты и олендры), составлявшая в 1827 г. 10% крестьянского населения страны [6]. Эта категория крестьянства ближе всего подошла к капиталистической категории сельских производителей. Их дальнейшая капиталистическая эволюция определялась укреплением связей с рынком и в отдельных случаях переходом к использованию наемного труда. Переходной категорией крестьян-несобственников, арендовавших земли у помещиков на условиях выплаты денежной ренты (чинша), были чиншевики. Их численность постоянно возрастала. Переход от отработок к чиншу означал, в условиях развития товарно-денежных отношений, постепенный переход к капиталистической форме хозяйства. Чиншевые отношения еще не являлись настоящей капиталистической арендой с денежной платой, которая была бы формой процента на земель-

inslav

ный капитал, но это не было и феодальным крестьянским держанием. После 1807 г. чиншевые отношения представляли собой передачу на срок капиталистической собственности. Чинш, близкий по форме к денежной феодальной ренте, по сути приближался к арендной плате. Капиталистическая эволюция чиншевиков обусловливалась либо превращением существующих условий аренды в капиталистическую аренду, либо выкупом земли и превращением в мелких товаропроизводителей — собственников. Наиболее зажиточные чиншевики и барщинные крестьяне в Королевстве Польском, как и чешские седлаки, применяли наемный труд. Число лиц, работавших по найму, постоянно увеличивалось. Число батраков в Королевстве Польском с 1827 по 1859 г. возросло в 2,4 раза [7].

Процесс выделения зажиточной верхушки из общей массы крестьян характерен в первой половине XIX в. и для крестьянства менее развитых в экономическом отношении земель Центральной и Юго-Восточной Европы. В Словении — это кметы с полным наделом, в Галиции — зажиточные крестьяне-кметы, нанимавшие крестьян для отработки их феодальных повинностей помещику.

Одним из показателей развития крестьянства по капиталистическому пути был процесс его обезземеливания, что хотя и очень медленно, но вело к использованию наемного труда в помещичьих имениях и крестьянских хозяйствах, к образованию сельскохозяйственного полупролетариата и пролетариата. Увеличивается численность безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств: выробников и халупников в Королевстве Польском, подруг в Чешских землях, кайжар и гостачей — в словенских, поденщиков — в словацких. К середине XIX в. безземельные и малоземельные крестьянские хозяйства составляли 68% в Галиции [8], 60% в Венгрии [9], значительную часть в Крайне [10], от 50 до 70% в Чехии [11], в 1820 г. только 1/5 часть крестьянских хозяйств в Словакии имела полный надел [12], в хорватской деревне в третьей четверти XIX в. сохранялась масса мелких и средних крестьянских хозяйств [13].

В Королевстве Польском в канун реформы 36,8% крестьянского населения составляли безземельные крестьяне [14]. Еще до аграрной реформы весьма значительной была степень дифференциации польских крестьян и концентрация земель в руках небольшой группы крестьян. Так, на долю хозяйств до 3-х моргов, составлявших 18% всех хозяйств, приходилось всего 1,8% всей земли; хозяйства от 3-х до 9-ти моргов составляли 21% (7,7% земли), а свыше 30-ти моргов — 9% хозяйств, имеющих 35% всей земли [15].

Темпы развития капиталистических отношений в деревне после аграрной реформы определялись общим уровнем экономического развития страны, в частности степенью проникновения капитализма в промышленность. В социальном плане воздействие развития промышленности на деревню имело несколько аспектов. Развитая или растущая промышленность нуждалась в наемных рабочих Эта потребность направляла отток безземельных крестьян в го-

inslav

рода и фабричные поселки, способствовала выделению устойчивого слоя пролетариата и слоя сезонных рабочих — полупролетариата. Потребность таких отраслей промышленности, как текстильная, винокуренная и сахароваренная, в сельскохозяйственном сырье и полуфабрикатах открывала широкие возможности для обогащения зажиточной верхушки крестьянства, способствовала превращению их из представителей мелкой буржуазии в среднюю и в отдельных случаях в крупную. Наличие промышленно развитого города воздействовало также и на увеличение товарности хозяйств основной массы сельскохозяйственных производителей, связанной с обработкой земли и животноводством. Урбанизация и связанное с этим повышение спроса на хлеб заставляли основную массу крестьянских хозяйств переходить к товарному производству, подчиняли их интересы внутреннему рынку.

Развитие несельскохозяйственного производства в Чешских землях после реформы 1848 г. создавало благоприятные условия для экономического развития деревни. Часть крестьян, чьи хозяйства специализировались на разведении сахарной свеклы, хмеля и других технических культур, обогащалась, продавая свою продукцию хозяевам винокуренных и сахароваренных заводов. В результате ряды сельской буржуазии пополнялись в большей степени за счет обогащения крестьян, чем за счет помещиков [16].

Быстрые темпы развития капитализма во всех отраслях экономики ускорили процесс классовой дифференциации чешской деревни. К концу XIX в. более 68% крестьян владели нищенскими участками до 2-х га. Категория малоземельных крестьян быстро увеличивалась. Во второй половине XIX в. 36% населения, занятого в сельском хозяйстве (в том числе крестьяне, арендующие землю), временно либо постоянно использовали наемный труд. Все возрастающая категория сельскохозяйственных рабочих отличалась большой подвижностью. Произошли изменения в группе зажиточного крестьянства. Если до реформы богатым считался седлак, владевший земельным участком до 17 га, то во второй половине XIX в. богатый крестьянин владел 50 и более га земли [17].

Процесс дифференциации крестьянства в Королевстве Польском, хотя и тормозился длительным отсутствием аграрного законодательства, неуклонно шел вперед под воздействием развертывающегося промышленного переворота. Реформа 1864 г. дала ускорение этому процессу. К концу 80-х годов кулацкие крестьянские хозяйства в среднем свыше 40 моргов каждое, т. е. 6,7% крестьянского населения, владели 20% всей крестьянской земли [18].

Особенностью социального развития пореформенной польской деревни было ее осереднячивание. К началу XX в. хозяйства размером от 5 до 10 га составляли 33% [19]. Капиталистическое расслоение деревни наиболее быстрыми темпами шло на польских землях, захваченных Пруссией. К началу XX в. там образовалась небольшая группа богатых крестьянских хозяйств, владеющих значительной частью земель. В 1907 г. в Великой Польше хозяйства

inslav

размером от 10 до 50 га (18%) занимали 33,1% общей земельной площади[20].

Аграрные реформы 1840—1860-х годов ускорили процесс дифференциации крестьянства стран Центральной Европы. Из общей массы крестьянства выделялись безземельные и малоземельные крестьяне и крестьянская верхушка. В 70-х годах XIX в. богатые крестьяне Трансильвании и Баната составляли 4% всего крестьянского населения[21]. К концу века они обрабатывали 70% всех земель, сданных в аренду помещиками[22]. В Словакии в 70—90-х годах XIX в. беднейшие крестьяне составляли почти половину крестьянских хозяйств[23].

Ограниченный характер аграрных реформ, сохранение полуфеодальных пережитков в аграрных отношениях, сравнительно низкий экономический уровень развития большинства стран Центральной Европы являлись тормозящим фактором и для формирования социального облика деревни. Процесс дифференциации крестьянства шел замедленным путем. Так, в венгерской части Австрийской империи за выкуп отменялись повинности только урбариальных крестьян, а для тех крестьян, которые владели землей на основе договоров с помещиками, повинности сохранялись. Кроме того, на этих землях надолго затянулось проведение комасации и сегрегации, что вело к обеднению широких крестьянских масс, но задерживало их классовую дифференциацию. Наряду с развитием отношений буржуазных в деревне сохраняются и полуфеодальные отношения. В Воеводине крестьяне, державшие помещичью землю на основе договоров, продолжали выполнять барщинные повинности. Часть крестьян оставалась испольщиками. Договоры о найме часто носили не буржуазный, а полуфеодальный характер, когда его условием были отработки или частично плата натурой[24]. До аграрной реформы 1864 г. сохранилась барщина в Королевстве Польском. Новые аграрные отношения, регулируемые императорскими указами 1853 и 1857 гг. в Австрийской империи, восстановили большую часть монопольных прав помещика, в частности виноградниками крестьяне продолжали пользоваться на основе феодальной аренды[25]. Раздел задруг в Хорватии, Славонии и Военной Границе стал возможен лишь с начала 70-х годов.

Ускорился процесс дифференциации крестьянства на румынских землях, где росли пролетарские и непролетарские слои в деревне. В начале XX в. 85% крестьян вынуждены были искать постороннего заработка[26]. Так же, как и в странах Центральной Европы, в румынской деревне продолжали сохраняться феодальные пережитки. В частности, наряду с денежной формой аренды существовали отработочная и издольная[27]. Крестьянское восстание 1907 г. вызвало к жизни аграрные реформы 1908—1910 гг. По своим социальным последствиям восстание румынских крестьян имело то же значение, что и революция 1905 г. в России, ускорило развитие капиталистических отношений в деревне. В. И. Ленин заметил по этому поводу: «Восстание крестьян в Румынии в 1907 г.

inslav

(весной) сыграло подобную же роль для улучшения их положения, как в 1905—1907 революция в России»[28].

Слабое развитие промышленности являлось одной из причин консервации черт феодальной структуры деревни. Безземельные и малоземельные крестьяне не могли окончательно порвать с деревней, либо оставались на положении сельскохозяйственных батраков, получающих за свой труд и денежную, и натуральную плату, либо становились сезонными рабочими, либо вынуждены были эмигрировать. На сезонные работы в другие земли уезжали крестьяне из Словении и польских земель, Трансильвании и Баната. В течение последних трех десятилетий XIX в. более 300 тыс. словацких крестьян переселились в центральные районы Венгрии. Наряду с заморской эмиграцией словаков (подавляющее большинство которой составили крестьяне) за этот период родные места вынуждены были покинуть полмиллиона жителей[29].

В Сербии и Болгарии верховным феодальным собственником земли было османское государство. Турецкие феодалы-спахии, а затем и владельцы поместий-чифликов в Болгарии занимали второстепенное место. Свержение турецкого ига в результате вооруженной борьбы и аграрных переворотов означало ликвидацию феодальной системы землевладения[30]. Но крестьянство Болгарии, так же, например, как во Франции сразу после Великой французской революции, продолжало оставаться недифференцированным классом.

После ликвидации турецкой спахийской аграрной системы в Сербии в результате Второго сербского восстания в 1815 г. Сербия стала страной преимущественно мелкобуржуазной, где крестьянство являлось свободным собственником земли. Основная линия классового деления в деревне проходила между сельской буржуазией, главным образом скототорговцами, и беднейшим крестьянством. Однако общая экономическая отсталость, быстрая смена социальных отношений в деревне, весьма слабое развитие отечественной промышленности привели к тому, что социальная дифференциация сербского крестьянства завершилась не скоро[31].

Болгария освободилась от турецкой зависимости значительно позднее Сербии, в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда процесс расслоения крестьянского населения уже начался, но был еще весьма незначительным. Кроме того, хотя аграрный переворот и привел к ликвидации феодальных форм землевладения, Тырновская конституция 1879 г. не оформила законодательным путем всех его результатов[32]. По аграрным законодательствам 80-х годов крестьяне обязаны были выплачивать за землю выкуп, что вело к обезземеливанию широкого слоя крестьян и длительному сохранению аренды земли исполу. Тем не менее болгарская деревня встала на путь капиталистического развития. Главной фигурой в деревне становится кулак. К началу XX в. остатки помещичьего землевладения были полностью уничтожены.

В целом капиталистическая эволюция крестьянства в сербском и болгарском государствах после их освобождения от турецкого

inslav

ига протекала более быстрыми темпами, чем в странах Центральной Европы, где сохранилось помещичье землевладение. Но при этом необходимо учитывать то обстоятельство, что аграрная реформа во многих странах Центральной Европы была осуществлена гораздо ранее, чем, например, в Болгарии. Кроме того тормозящим фактором на пути быстрой социальной эволюции сербской и болгарской деревни была общая социально-экономическая отсталость этих стран.

Интенсивность и степень капиталистической эволюции крестьянства стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму находились в прямой связи с активностью крестьянства в национально-освободительном движении.

Говоря об отношении крестьянства к национально-освободительному движению, следует иметь в виду два аспекта: национальную принадлежность помещичьего класса и степень развития капитализма в деревне. В дореформенный период в массе своей крестьянство было равнодушно к национальному вопросу. Всегда были конкретные поводы участия крестьянства в движении, иногда внешне не связанные с самим движением (например, доверие к данному помещику, священнику), как это было во время польского национально-освободительного восстания 1794 г. Чаще крестьяне участвовали в национально-освободительной борьбе при условии достижения ими реальных результатов: освобождения от феодальной повинности, наделения землей и т. п. И, напротив, крестьяне отказывались поддержать национальные выступления с участием помещиков, так как последние отказывались дать им землю, или потому, что от правительства получали определенные льготы.

Кроме того, любые законодательные акты, облегчавшие положение крестьян и исходившие от правительства, порождали у крестьян монархические настроения. Большое влияние на формирование национального чувства крестьян в конце XVIII в. оказывала политика правительства по крестьянскому вопросу. В глазах крестьян Галиции австрийские монархи выступали защитниками их интересов в борьбе против помещиков. Среди крестьянских масс распространяется чувство связи с господствующей династией, а затем и с государством, несмотря на чуждый язык и иную этническую принадлежность. Так, польские крестьяне на землях, отошедших в результате первого раздела к Австрии, после реформ Марии Терезии и Иосифа II стали проникаться монархическими настроениями.

Польский исследователь Ю. Хлебовчик приводит любопытное высказывание анонимного автора одного из проектов возврата Галиции в состав Речи Посполитой в период Четырехлетнего сейма. Он считал, что достигнуть этого возможно лишь с помощью Турции, поскольку только угроза османского нашествия может предотвратить вооруженное выступление крестьян против польских войск, ибо преобразования в австрийской деревне породили

inslav

ненависть крестьян к польским панам[33]. Отсутствие какой-либо связи между польским государством и крестьянами в XVII и XVIII вв. составляло специфически польскую черту в отличие от положения в соседних Австрии и Пруссии[34]. Некоторые современники — представители господствующего класса — понимали это. Польские просветители конца XVIII в. — сторонники укрепления национальной независимости — активно выступали против жестокостей крепостного права. Г. Коллонтай в 1790 г. писал о том, что предоставление крестьянам личной свободы поможет приобщить их к интересам государства. Реформаторы настаивали на ликвидации личной зависимости крестьян, обосновывая ее необходимость, в частности, и интересами обороны страны от внешней угрозы[35]. Польские крестьяне сражались в армии Т. Костюшки во время национально-освободительного восстания 1794 г., но приходили в ее отряды вместе с помещиком. Повстанческие власти в Поланецком универсале обещали сражающимся послабления в выполнении барщинных повинностей. Однако отказ от соблюдения положений универсала привел к массовому уходу крестья из отрядов.

Во время национально-освободительного восстания 1830 г. в Королевстве Польском отношение крестьян к повстанцам определялось позицией последних. Во многих местах крестьяне вначале добровольно вступали в те повстанческие отряды, чьи предводители обещали им землю после победы либо отмену барщины, и отошли от восстания, когда стало ясно, что эти обещания не будут выполнены[36].

Весной 1848 г. в Трансильвании крестьянство выступило как единый класс против властей и помещиков: за отмену барщины, церковной десятины, за возврат захваченных помещиками пахотных земель, пастбищ и лесов, против предоставления прав и преимуществ одним дворянам. Крестьяне отказывались записываться в революционную армию, требуя, чтобы сначала им дали землю. Но в отрядах Юзефа Бема, выступавших под демократическими лозунгами, они сражались[37].

На отношение крестьянства к национальному вопросу и национально-освободительному движению оказывало влияние наличие или отсутствие национального класса землевладельцев. В таких странах, как Польша и Венгрия, где национально-освободительная борьба возглавлялась «своими» помещиками, крестьяне отказывались сражаться за господские интересы. Классовая, эксплуататорская позиция повстанцев-помещиков, их нежелание решить аграрный вопрос демократическим путем обусловливали отказ крестьян от активного участия в вооруженной национально-освободительной борьбе. Наиболее последовательные демократические лидеры национального движения извлекали правильные выводы из подобных ситуаций. Так, например, переломным моментом в истории польского национального движения стало восстание 1830 г., после поражения которого сложилось демократическое крыло, учитывавшее и интересы крестьян.

inslav

В случае, когда помещики или государство, как верховный собственник земли, были инонациональными, классовые выступления крестьян за землю смыкались с национальным или национально-освободительным движениями, как это было во время антитурецких восстаний или в Словакии в 1831 г., когда антифеодальное выступление крестьянства заставило руководителей национального движения обратить внимание на аграрный вопрос.

С другой стороны, религиозная принадлежность или общая с крестьянами национальность землевладельца в условиях наличия острых национальных противоречий приводили к затушевыванию остроты классовых противоречий. Например, крестьянское славянское население мусульманского вероисповедания в Боснии и Герцеговине, которое так же, как и православное крестьянство, страдало от феодального гнета османов, но пользовалось некоторыми привилегиями, в периоды подъема освободительной борьбы болгарского, сербского и хорватского народов против турок превращалось в опору турецких властей[38]. Во время освободительной борьбы болгарского народа в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. большая часть мусульманского крестьянского населения Северной и Южной Болгарии под влиянием антиболгарской пропаганды турецких военных и административных властей, а также религиозного фанатизма оставляла родные места и бежала вместе с турецкими властями[39].

После проведения аграрных реформ, по мере ускорения капиталистической эволюции крестьянства, выделения из общей массы сельского населения буржуазных элементов эти последние включаются в национальное движение городской буржуазии. Так, во второй половине XIX в. в национальное движение включаются чешские седлаки, в таборах конца 60-х — начала 70-х годов принимают участие словенские крестьяне, богатые крестьяне Воеводины и т. п. В тех местах, где, как в Галиции или Словакии, процесс классовой дифференциации крестьянства был замедленным, крестьяне долго не поддерживали национальных лозунгов. Об интересе к национальному вопросу основной массы крестьянства можно говорить лишь применительно ко времени образования массовых национальных крестьянских партий, в основном в начале XX в.

По мере развития капиталистических отношений в деревне растет антагонизм в среде крестьянства. В начале 70-х годов XIX в. домкаржи, сельская беднота, выступают против засилья богатых седлаков в общинном самоуправлении[40], происходят столкновения из-за отказа зажиточных крестьян отбывать воинскую повинность, борьба за право аренды помещичьих и государственных земель и т. п.[41]

В зависимости от своеобразия экономического развития тех или иных земель, и в частности аграрных отношений, меняется само содержание крестьянского вопроса. В конце XIX в. в более развитой Чехии вопрос о земле по-прежнему оставался актуальным для значительной части сельского населения — мелких арен-

inslav

даторов и сельскохозяйственных рабочих с той разницей, что последние в большей степени связывали свое положение с борьбой за увеличение заработков. Для крестьян, имеющих землю, самой важной стала проблема кредитов, ибо новые способы хозяйствования требовали бо́льших капиталовложений, нежели ранее [42]. В Словакии в последней четверти XIX в. преобладающая часть крестьянского населения была непосредственно заинтересована в земле. Причем, чем мельче были крестьянские хозяйства, тем выше оказывался процент словацкого населения. Зажиточными землевладельцами были венгры, немцы и украинцы [43].

Было бы интересно проследить отношение основной массы крестьянства к национальному вопросу не только в дореформенный, но и в послереформенный период, так как любое освободительное движение, социальное или национальное, приобретало последовательно буржуазный характер в тем большей степени, чем полнее оно учитывало интересы наименее зажиточных слоев крестьянства.

Стоит обратить внимание еще на одну особенность социального поведения крестьянства стран Центральной и Юго-Восточной Европы в национально-освободительном движении. Медленное развитие капитализма в сельском хозяйстве польских и австро-венгерских земель, длительное сохранение помещичьего землевладения или многих форм полукрепостнической эксплуатации крестьянства в балканских странах приводили к тому, что и в конце XIX — начале XX в. различные слои крестьянства в борьбе против помещиков и государства, как и раньше, выступали в единстве.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 312.
[2] Там же.
[3] Политическая экономия современного монополистического капитализма. 2-е изд. Т. 2. М., 1975, с. 229.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 413.
[5] *Алексашкина Л. Н.* Социально-экономическое расслоение чешского крестьянства накануне революции 1848—1849 гг.— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974, с. 54.
[6] *Grabski W.* Historia wsi w Polsce. Warszawa, 1926, s. 301.
[7] *Костюшко И. И.* Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском. М., 1962, с. 21.
[8] Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в.— 1849 г. М., 1980, с. 99.
[9] Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М., 1981, с. 73.
[10] Национально-освободительное движение славянских народов Австрийской империи, с. 195.
[11] *Алексашкина Л. Н.* Социально-экономическое расслоение..., с. 54.
[12] Национально-освободительное движение..., с. 219.
[13] Там же, с. 199.
[14] *Leskiewiczowa J.* W wościanie.— In: Przemiany społeczne w Królestwie Polskim 1815—1864. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1979, s. 70.
[15] *Костюшко И. И.* Крестьянская реформа..., с. 34.
[16] *Romanów-Bobińska K.* Kwestia chłopska na ziemiach czeskich i słowackich w XIX i na początku XX wieku.— In: Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. T. XIII. Warszawa, 1977, s. 48.

inslav

[17] *Romanów-Bobińska K.* Kwestia chłopska..., s. 50.
[18] История Польши, Т. II. М., 1955, с. 191.
[19] Polska w rozwoju dziejowym. Warszawa, 1966. s. 184.
[20] Там же, с. 184.
[21] История Румынии 1848—1917. М., 1971, с. 267.
[22] История Румынии..., с. 268.
[23] *Romanów-Bobińska K.* Kwestia chłopska..., s. 52.
[24] Национально-освободительное движение..., с. 207.
[25] Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма, с. 95.
[26] История Румынии..., с. 322.
[27] Там же, с. 323.
[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 72.
[29] *Romanów-Bobińska K.* Kwestia chłopska..., s. 52.
[30] *Христов Х.* Аграрният въпрос в българската национална революция. София, 1976, с. 42.
[31] *Наумов Е. П.* К истории социальных отношений в Сербии в 30—50-е годы XIX в.— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время, с. 45.
[32] *Левинтов Н. Г.* Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 гг. В кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953, с. 200.
[33] *Chlebowczyk J.* Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX wieku). Warszawa — Kraków, 1975, s. 89.
[34] *Crzybowski K.* Rzeczy odległe a bliskie. Warszawa, 1969, s. 131.
[35] *Szenic S.* Większy niż król ten książe. Cz. I, Warszawa, s. 161.
[36] См.: *Дьяков В. А., Зайцев В. М., Обушенкова Л. А.* Социальный состав участников польского восстания 1830—1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи).— В кн.: Историко-социологические исследования. М., 1970, с. 19—168.
[37] История Румынии..., с. 80, 84.
[38] *Фрейдзон В. И.* Некоторые черты формирования наций в многонациональной Австрийской империи.— В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
[39] *Христо Х.* Аграрният въпрос..., с. 19.
[40] Освободительное движение народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма.
[41] *Алексашкина Л. Н.* Социально-экономическое расслоение..., с. 57, 58.
[42] *Romanów-Bobińska K.* Kwestia chłopska..., s. 51.
[43] Ibidem.

ПРОЦЕСС РАЗЛОЖЕНИЯ ДВОРЯНСТВА И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А. С. Мыльников, В. А. Якубский (СССР)

В исследованиях социальных структур эпохи перехода от феодализма к капитализму народов Центральной и Юго-Восточной Европы (XVIII — первая половина XIX в.) вопрос о роли дворянства имеет весьма существенное значение. Как в буржуазной, так и в современной марксистской историографии отдельных стран, прежде всего в польской, венгерской, чехословацкой исторической науке существуют определенные тенденции его изучения. Тем не менее нельзя сказать, чтобы проблема социально-по-

inslav

литических последствий разложения дворянства в названном регионе была полностью исследована. Сказываются и некоторые стереотипные, не основанные на реальном анализе фактического материала представления, смысл которых заключается в одностороннем негативном отношении к социальной и политической позиции дворянства, которое недифференцированно рассматривается как «класс-сословие». Такой подход порой заметен даже в отношении польской шляхты, чья значительная роль в национально-освободительном движении общеизвестна.

Немало неясных или спорных вопросов возникает и при обращении к истории дворянства других земель, например — чешских. Обычно подчеркивается упадок политического значения шляхты в Чехии и Моравии после их присоединения в 1620—1627 гг. к землям Габсбургов, утрата сеймами реального значения, фактическое исчезновение национально мыслящего дворянства и т. п. При этом многие вопросы остаются в литературе без ответа: например, каков был характер шляхетской фронды в Чешских землях против многих акций венского правительства?, каковы причины поддержки частью «денационализованной» шляхты лозунгов «земского» патриотизма?

В последнее время советские историки начали сравнительно-историческое изучение проблемы дворянства Центральной и Юго-Восточной Европы. В этом же направлении ведутся работы польскими и венгерскими историками. Думается, что комплексный сравнительно-исторический подход будет полезным и в исследовании процессов структурной эволюции дворянства и связанных с этим изменений в его социальной и политической роли.

Обобщение и анализ накопленных к настоящему времени фактов тесно связан с общим состоянием изученности проблемы. В ряде случаев исследования, проводившиеся на материалах истории отдельных стран, не носят достаточно систематического характера и оказываются несопоставимыми. Те аспекты, которые в рамках истории одних стран более или менее разработаны, на материалах других стран едва только намечены. Поэтому основанные на них наблюдения и выводы нельзя считать ни исчерпывающими, ни окончательными.

Процесс формирования в Центральной и Юго-Восточной Европе наций как этносоциальных общностей шел в двух основных вариантах — в условиях так называемых «полных» и «неполных» социальных структур, причем между ними могли существовать переходные, промежуточные формы. Первый тип этнонационального развития был представлен поляками, венграми, хорватами, у которых к моменту начала складывания нации имелся «свой» господствующий класс, т. е. национально мыслившее дворянство, принимавшее непосредственное участие в национально-освободительном движении и игравшее в нем определенную роль. При втором типе этнонационального развития (сюда в целом относились остальные западные и южные славяне, а также, по-видимому, влахи Трансильвании и Баната, тогда как в Молдавии и

inslav

Валахии положение было иным) господствующий феодальный класс был либо инонациональным по происхождению, либо почти полностью утратившим национальные черты. Поэтому он не играл сколько-нибудь значительной роли в освободительных движениях «своих» народов, если, конечно, не касаться отдельных исключений, лишь подтверждавших общее правило. Достаточно, например, напомнить горькие слова Й. Юнгмана, который в начале XIX в., указывая на пропасть, отделявшую местную шляхту от широких масс чешского народа, писал о дворянстве: «Народ зато знает, за кого оно себя выдает: за иноземцев, и тем менее его любит, чем менее любим им». Не случайно для позиции прогрессивных сил эпохи чешского национального возрождения характерной стала антидворянская ориентация [1].

Типологические различия, существовавшие между двумя основными вариантами этнонационального развития, оказывали непосредственное воздействие на характер и особенности социальных и политических последствий процесса разложения дворянства в Центральной и Юго-Восточной Европе эпохи перехода от феодализма к капитализму.

Рассматривая развитие в условиях «неполных» социальных структур, остановимся сначала на дворянстве Чешских земель — наиболее экономически развитой в тот период части Австрийской монархии. По средневековой традиции феодалы здесь подразделялись на три привилегированных сословия. Первое сословие — прелаты включало в свой состав представителей высшей католической иерархии. Второе сословие — панство включало высшую земельную аристократию, обладавшую поместьями в Чехии, Моравии и сохранившейся за Габсбургами после прусско-австрийских войн середины XVIII в. части Силезии. Третье сословие — рыцари состояло из мелкопоместного среднего и низшего дворянства.

После разгрома восстания сословий 1618—1620 гг. в социальном и этническом составе дворянства Чешских земель произошли значительные перемены — при формальном сохранении структуры добелогорского периода. Замешанные в восстании дворяне были изгнаны (либо бежали сами), лишены всех прав, их имения конфискованы. Больше всего пострадало рыцарство. Затем репрессии захватили ту часть дворянства, которая осталась верна протестантизму. Конфискованные земли перешли к приверженцам Габсбургов. В Чехию из соседних стран переселилось много дворянских родов, что повлекло за собой значительные изменения в этническом составе феодалов [2]. Такие знатные роды, как Траутсмандорфы, Букуа, Галассы, Шпорки, Гаррахи, Мансфельды и др. образовали группу «нового» дворянства, в известной мере противостоящую старым родам чешского происхождения, лояльным по отношению к австрийским правящим кругам — Лобковицам, Коловратам, Кинским, Вальдштейнам и др. [3]. Но только с середины XVIII в. стали преобладать семьи иностранного происхождения. Так, в середине XVIII в. в собственно Чехии на 58 местных дворянских, хотя и онемеченных в целом, семей приходилось 95 пришлых ро-

inslav

дов. В Моравии 70 пришлых родов приходилось на 48 местных. Одной из важных особенностей Чешских земель была малочисленность дворянства относительно остального населения. Так, в середине XVIII в. на 2,2 млн. населения собственно Чехии приходилось всего 300 семей, обладавших правами дворянства[4].

Соперничество между «новыми» и «старыми» родами носило откровенно внутрисословный характер и в первой половине XVIII в. было в значительной степени преодолено. Представители тех и других добились высокого положения как в администрации Чешских земель, так и в общеимперском плане. В результате в первой половине XIX в. дворянство Чешских земель приобрело космополитический, австронемецкий характер. Принадлежавшие им земли располагались не только в Чехии, Моравии и Силезии, но и в других районах Австрийской империи. Такие магнаты, как Кауницы, Коловраты или Ауэрспеги, с таким же успехом могли именоваться чешскими или моравско-силезскими дворянами, как и дворянами словенскими или австрийскими. По местоположению своих владений чешским дворянином считал себя и всесильный канцлер Меттерних.

Более ощутимой была внутренняя социальная дифференциация дворянства. Концентрация земель в руках аристократии, стимулируемая соответствующей политикой Вены, резко ослабила позиции мелкопоместной шляхты — рыцарства. К 1650 г., т. е. сразу после окончания Тридцатилетней войны, крупное дворянство состояло здесь приблизительно из 85 семей, причем 25 семей в Чехии и 8 семей в Моравии были возведены в панское сословие на протяжении предшествующих тридцати лет. Одновременно количество рыцарских семей резко сократилось — с 900 в 1557 г. до 238 к исходу XVII в. В последующие десятилетия этот процесс проходил более усиленными темпами. В Моравии рыцарских родов насчитывалось немногим более 70[5].

Таким образом, усиление земельной аристократии сопровождалось разорением остальных групп дворянства, что в конце концов привело к почти полному исчезновению среднего дворянства и к незначительной роли дворянства мелкого. Эта ситуация имела далеко идущие социальные и политические последствия. Когда в XVIII в. под влиянием обострения кризиса феодального хозяйства часть дворянства стала втягиваться в товарно-денежные отношения, на практике это оказались именно аристократические роды. На протяжении почти столетия, до рубежа XVIII—XIX вв., именно знатные дворяне-предприниматели определяли социальное лицо возникавших в Чешских землях мануфактур. Среди их владельцев мы встречаем семьи Вальдштейнов, Кинских, Хамаров, Блюменгов и других аристократов из числа и «нового» и «старого» дворянства. Наоборот, остатки среднего и мелкого дворянства преимущественно цеплялись за свои сословные права — привилегии. Роль их в предпринимательской деятельности оказалась ничтожной[6].

Сходное во многом положение было и в других землях Австрий-

inslav

ской империи, хотя, разумеется, здесь существовали и свои особенности. Так, в Словении дворянство было по происхождению в основном австронемецким и итальянским. Но с точки зрения своей сословной замкнутости оно не было столь регламентировано как дворянство Чешских земель. На протяжении нескольких десятилетий конца XVIII — начала XIX в. многие местные помещики разорились, а их имения попали в руки лиц недворянского происхождения. Среди них было немало бывших торговцев, откупщиков и т. д., оказавшихся допущенными в ряды дворянства. В Словакии, входившей в состав Венгерского королевства, земельная знать была мадьяризирована и считала себя принадлежащей к «венгерской политической нации». Правда, в горных комитатах сохранялось еще мелкое дворянство словацкого происхождения. Его влияние было незначительным. Но именно из его рядов во времена словацкого национального возрождения вышла часть патриотически настроенной интеллигенции. Сложным был состав дворянства в Трансильвании, где преобладали мадьярские и немецкие феодалы, представленные в местном государственном собрании. Собственно же влашское дворянство в нем, составляя в XVIII в. до 2% населения, самостоятельной роли не играло.

Положение и роль дворянства там, где формирование наций происходило при наличии так называемых полных социальных структур, были во многом иными. Сказанное особенно наглядно прослеживается на примере Польши.

Несмотря на то, что в Речи Посполитой сословное членение дворянства не утвердилось (хотя в XIII—XIV вв. и намечалось), политики — вопреки юридической теории, не признававшей правовых перегородок между рыцарством и знатью — исходили из фактической обособленности этих двух категорий. Когда говорили и писали о шляхте, верхушка не подразумевалась. Общепринятое представление широко отразилось в публицистике второй половины XVIII в., где для сторонников реформ магнат обычно был олицетворением пороков. Общеизвестна инвектива Ст. Сташица в 21-й главе его «Предостережений Польше»: «Лишь от господства магнатов гибель Польше... Кто на сеймиках учит гражданина измене, вероломству, подлости и насилиям? Магнаты» [8].

Противопоставление: «магнаты — шляхта» в литературе эпохи Просвещения постоянно подчеркивалось и нередко преувеличивалось. Гораздо менее экспонировалось, но играло значительную роль, разделение самой шляхты на ряд имущественных, можно даже сказать — социальных групп.

Среди небывало многочисленной, в конце XVIII в. составлявшей до 10% всего населения, польской шляхты меньше всего было помещиков: около 4% всего дворянства. Категория эта была внутренне неоднородна. Она объединяла владельца десятка деревень и обладателя всего лишь одного — двух кметских дворов. Около 40% дворянства падало на долю так называемой загоновой (загродовой) шляхты, у которой не было своих крепостных и которая в хозяйственном отношении часто не отличалась от надельных

inslav

крестьян-кметей. Прочие шляхтичи — а они составляли более половины сословия (около 55%) — это непоссесионаты, т. е. те, у кого не было земли. Сюда попадала «заставная шляхта». Ее представители владели землей (обычно — клочками земли), но отдавали ее в аренду. Иные непоссесионаты подразделялись на шляхту чиншевую (те же загоновцы, но работавшие на арендованных полях), бруковую (перебравшуюся в город) и служебную, которая искала себе пропитания на службе у помещиков, особенно — магнатов.

По поводу последней Енджей Китович (1727—1804), известный бытописатель времен Августа III, говорил: «Шляхта и простонародье, служащие разным большим и малым панам, по праву могли бы называться сословием, отличным от прочих сословий, поскольку в правлении Августа таковых слуг было великое множество. Не было такого шляхтича — владельца одной деревеньки, что не держал бы какого-либо дворского. А это название — дворской — в широком смысле означало каждого слугу. В понимании же более узком означало оно лишь почетных слуг шляхетского состояния либо тех плебеев, а то и крепостных, которые, привесив к боку саблю, выдавали себя за шляхтича или которых за шляхтича выдавал господин»[9]. Наблюдение Китовича, актуальное не только для трех десятилетий правления Августа III, затрагивает два существенных момента.

Во-первых, дворянское сословие Речи Посполитой — как и Венгерского королевства — в период позднего феодализма продолжало пополняться плебеями. Замыкание шляхты, возведение формальной сословной преграды между дворянином и мужиком произошло довольно поздно. Тревожная военная обстановка на восточных и юго-восточных рубежах способствовала сохранению промежуточных групп. Она же заставляла признавать — хотя бы с известными ограничениями — права дворянства за некоторыми из них. Многочисленность же шляхты, помноженная на генеалогическую путаницу и на внутренние неурядицы, которыми изобиловал исход феодализма, облегчали проникновение в ряды «благородного сословия» сотен и сотен самозванцев. Дорогу к дворянским привилегиям такому самозванцу часто прокладывали деньги, демонстрируя свою силу в обществе, где внешне нерушимо сохранялись принципы «дворянской республики». В итоге происходило, так сказать, перенаполнение сословия, с чем в XIX в. столкнулся бюрократический аппарат Российской и Австрийской империй. Лишь бюрократия периода позднего абсолютизма со своими строго формализированными мерками смогла покончить с сохранявшейся столетиями некоторой сословной аморфностью (русское самодержавие при этом выбросило за пределы привилегированного сословия чуть ли не 5/6 всей шляхты).

Во-вторых, парадный фасад шляхетского эгалитаризма прикрывал глубокие трещины, разрывавшие единое дворянское сословие. Хотя магнаты щеголяли своим панибратством с мелкой шляхтой (особенно при выборах послов на сейм, когда магнат, заботясь

inslav

о голосах избирателей-дворян, должен был им всячески потакать — о чем красочно рассказывает Станислав Август), современники воспринимали демонстрации шляхетского равенства и братства с изрядной долей скептицизма. Непоссесионаты же выпадали из рядов полноправной шляхты даже формально. Наметившуюся ранее тенденцию к этому закрепила Конституция 3 мая 1791 г., лишив шляхетскую голоту права участия в сеймиках. Ограничение (предусмотревшее, что приобретение земского имения сразу возвращает дворянину все привилегии) таким образом вводило имущественный ценз. По своей сути оно было буржуазным и шло рука об руку с предусмотренной той же Конституцией 3 мая нобилитацией богатой и просвещенной части мещанства.

Существование широкого, многотысячного слоя дворянства, который прямо не эксплуатировал крепостных крестьян и либо получал свою долю централизованной феодальной ренты, либо вовсе не имел доступа к этой ренте, заслуживает под углом зрения нашей темы всяческого внимания. Стратификация польского дворянства, о которой шла речь,— наследие феодальной эпохи. Отчасти она была результатом консервации чуть ли не изначальных структур: загоновая шляхта, сконцентрированная в Мазовии, Подляшье, на Люблинщине, ведет начало от эпохи активной колонизации. Отчасти тут действовало имущественное и следующее за ним социальное расслоение. XVIII век его подтолкнул. В хозяйственно более развитых великопольских землях практически не осталось загоновой шляхты. В прошлом довольно здесь многочисленная, она исчезла ко времени формирования капиталистического уклада.

В XIX в. перестройка дворянства ускоряется. Наиболее интенсивно она идет в Царстве Польском. Представители родовитого дворянства вливаются в среду формирующейся буржуазии, что рельефно показано в трудах Колодзейчика[10]. Немало шляхтичей окажется и в шеренгах рабочего класса.

Социальное положение дворянства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы непосредственно было связано с его политической ролью, а она, в частности, в процессе формирования и развития национально-освободительных движений, отнюдь не была однозначна. Наиболее значительную роль сыграло дворянство в Польше и Венгрии, т. е. там, где консолидация наций происходила в обстановке так называемых полных социальных структур.

При сложности внутренней структуры польского дворянства естественно стремление историков, не ограничиваясь суммарным определением «шляхетское движение», выявить отличия в политических позициях отдельных слоев. Какие силы внутри дворянского сословия определили облик борьбы за реформы во второй половине XVIII в., а затем, когда была удушена Конституция 3 мая, подняли первое национально-освободительное восстание? Среди видных деятелей реформационного лагеря — плебей Станислав Стащиц, небогатый помещик Тадеуш Костюшко, магнат Станислав Понятовский и т. д. Примеры нетрудно множить, но для твердых выводов их недостаточно. Статистический подход затруд-

inslav

нен. Нехватает материалов, да и статус людей менялся. Мелкий шляхтич Гуго Коллонтай стал не только великим коронным подканцлером, но и богатым землевладельцем, что не помешало ему возглавить левое крыло реформаторов, а затем — повстанцев. Тот же вопрос — и почти такие же трудности возникают при обращении к истории польского восстания 1830—1831 гг.

На первый взгляд, вполне логично записать революционные события и второй половины XVIII в. и первой трети XIX в. на счет мелкой, даже деклассированной шляхты. Многие современники были склонны к этому.

Знаменита раздраженная формула Николая I (начертанная летом 1831 г., когда Комитет министров колебался, подлежит ли секвестру имущество тех мятежных дворян, что лишены дворянской собственности): «Дворяне в губерниях западных суть те, кои имеют поместья, или служив, получили чины, но шляхта есть тот сброд людей, который доискивается дворянства, не имея на то ни права, ни документов, шатается без занятий или находится в услужении и составляет класс самый вредный и развращенный»[11]. В развитие монаршей идеи Правительственный указ (ПСЗ, т. 6, № 4689), лишив права именоваться дворянами тех, кто не доказал своего дворянского происхождения, провозгласил: «Состояние многочисленного сословия шляхты, неопределенность прав и повинностей ее и смешение дворян, доказавших свое сословие, и лиц, не представивших подобных доказательств, давно уже обращали внимание правительства. События же последнего времени показали, что вторые из этих лиц по недостатку оседлости и по образу жизни многих из них наиболее склонны к восстаниям и преступным действиям против законных властей».

Разумеется, с противоположным знаком, но то же выдвижение на первый план в борьбе за освобождение и за внутренние преобразования именно мелкой и пауперизированной шляхты характерно для прогрессивной польской публицистики первой половины прошлого века. Этот взгляд вошел в историографию XX в. Однако дальнейшие исследования заставили внести коррективы. То, что среди реформаторов и среди повстанцев было много неимущих дворян, сомнению не подлежит. Но пришлось усомниться в том, были ли они двигателем событий. А. Зайончковский и другие ученые убедительно показали, что с бóльшим основанием эту роль надо приписать средней шляхте[12].

Отметим, что такая точка зрения опирается, помимо прочего, на суждения самих политиков эпохи Просвещения. Очевидно, не напрасно Коллонтай стремился убрать из политической жизни мелкую шляхту — не только непоссесионатов, но и мелких землевладельцев, видя в ней «орудия своего и всеобщего несчастья». В сеймах, по его мнению, должны участвовать лишь те, у кого не менее семи с половиной влук земли или кто ежегодно платит не менее пяти тысяч злотых налога. Готовя свой проект, Коллонтай руководствовался трезвым расчетом, а для успокоения ущемляемой им шляхетской массы подслащивал пилюлю: освобожденный

inslav

от публичных забот шляхтич посвятит себя умножению имущества и так ему будет легче приобрести нужный земельный ценз, тогда он обеспечит своим детям надлежащее образование и сам вернется к публичной жизни [13].

Если восстание 1830 — 1831 гг. еще очень близко типологически движению второй половины XVIII в., то постепенно шляхетское революционное движение демократизировалось — вехами тут выступают восстания 1846 — 1848 и 1863 гг. Заслуги в выяснении этого процесса во многом принадлежат советским славистам. Не пересказывая хорошо известных выводов, к которым пришли В. А. Дьяков, И. С. Миллер и другие исследователи [14], хотелось бы подчеркнуть, что смещение центра тяжести в национально-освободительной и революционной борьбе протекало сложно. Пауперизированная, деклассированная польская шляхта функционально соответствовала русским разночинцам. Аналогии так и напрашиваются, но они должны учитывать польскую специфику.

Статистические подсчеты — каков вес неимущих слоев среди шляхты, какая часть среди участников революционных организаций и среди повстанцев была шляхтой только по званию, и примеры подлинного демократизма среди тех же шляхтичей не в силах заслонить того факта, что шляхетская идеология живуча. Как во времена Т. Костюшки, так и во времена Я. Домбровского, да и позже, на шляхетском сословии (включая сюда тех его членов, которых николаевская администрация поверстала в граждан, т. е. в горожан и в однодворцев) лежал груз старых шляхетских представлений. Крепче всего они были в среде мелкой захолустной шляхты. Сарматская традиция, в том числе вера в дворянскую исключительность, настолько глубоко укоренилась в умах мелких шляхтичей, что перешла в XX в. Самой консервативной частью шляхетского сословия (юридически давно не существующего) осталась загоновая шляхта, по-прежнему сосредоточенная в Мазовии и Подляшье и в иных повятах, численно превосходившая там крестьян. Межвоенные этнографические экспедиции застали еще довольно строгое следование сословным предрассудкам. Даже после второй мировой войны они исчезли не сразу и не везде [15].

Мы более подробно остановились на ситуации в Польше. То, что можно было наблюдать в Венгерском королевстве, во многом ее напоминает. При общей многочисленности дворянства, которое в середине XIX в. составляло до 3,8% населения (в Трансильвании — до 3,4%), лидером национально-освободительного движения становится среднее дворянство [16]. Характерной чертой экономического развития Венгерского королевства явилось то, что в первой половине XIX в. задачи капиталистического преобразования экономики решались именно дворянством, крупным и средним в первую очередь.

Вплоть до 1848 г. венгерские дворяне обладали рядом прав — привилегий и использовали их в интересах антигабсбургской борьбы. К этим правам относились, в частности, свобода от налогов.

inslav

неприкосновенность личности, монополия на занятие высших государственных и административных должностей. Дворяне избирали местные (комитатские) и высший органы управления — государственные собрания. Собственно, именно государственное собрание, которое юридически являлось совещательным органом при короле (т. е. австрийском императоре, назначавшем своего наместника — палатина) в глазах венгерского дворянства было символом незыблемости его прав. Ф. Энгельс с полным основанием подчеркивал: «В период с 1830 по 1848 г. в одной только Венгрии была более деятельная политическая жизнь, чем во всей Германии, и феодальные формы старой венгерской конституции были лучше использованы в интересах демократии, чем современные формы южногерманских конституций» [17].

Сословные представительные учреждения, ключевые позиции в которых принадлежали феодалам, в рассматриваемый период существовали, кроме Венгерского королевства, в Хорватии — Славонии (сабор в Загребе, в котором, кроме дворянства, заседали представители духовенства и королевских городов), а также — с известными оговорками — в Королевстве Польском с 1815 по 1831 г. Под влиянием освободительного движения венское правительство восстановило в 1817 г. сословную конституцию 1775 г., на основании которой возобновилась деятельность сословного галицийского сейма. Внутренней автономией на правах вассальных княжеств в рамках Оттоманской империи пользовались после Адрианопольского мира 1829 г. Валахия, Молдавия и Сербия. По большей части это были народы, этнонациональное развитие которых проходило в условиях «полных» социальных структур. Наоборот, у народов с «неполными» структурами органы сословного представительства или внутренней автономии отсутствовали. Более того, у большей их части (словенцы, словаки, воеводинские сербы, украинцы Восточной Галиции и Закарпатья, влахи Трансильвании и Баната) не было даже административного единства коренной территории.

Чешские земли в известной мере занимали двойственное положение. С одной стороны, подавляющая масса местного дворянства была, как мы видели, инонациональной по происхождению и образу жизни. И в этом смысле этнонациональная эволюция здесь развивалась в условиях «неполных» социальных структур (т. е. была типологически близкой аналогичным процессам у народов, находившихся в сходном положении). Но, с другой стороны, земли чешской короны сохранили и после их включения в систему Дунайской монархии свою прежнюю сословно-государственную структуру, включая местные — чешский, моравский и силезский — сеймы [18]. Таким образом, если с социальной точки зрения Чешские земли относились к типу «неполных» структур, то с государственно-правовой точки зрения, хотя бы и формально, приближались к тому, что имело место в Польше или Венгрии.

До сих пор отмеченное обстоятельство в историографии должной оценки не получило. Между тем нельзя останавливаться на простой его констатации и игнорировать сам факт сохранения

inslav

механизма сословной автономии, сколь бы призрачной она ни была. Ведь несмотря на бессилие земских сеймов (а может быть, как раз поэтому), феодалы ревностно следили за соблюдением центральной властью тех немногих политических привилегий, которыми обладали.

Инонациональное дворянство Чешских земель не хуже онемеченных чешских родов поняло те выгоды, которые несло за собой сохранение местных сеймов — здесь социальный интерес брал перевес над всеми прочими соображениями. Первыми в роли застрельщиков выступили моравские дворяне, в рядах которых, как указывалось, процент аристократии иноземного происхождения был очень велик. Уже в 1686 г. они добились права учреждения сословного комитета как постоянного органа земского сейма, в обязанности которого входило ведение текущих дел в перерыве между сессиями. В Чехии подобный орган, символизировавший непрерывность осуществления автономных прав шляхты, был образован в 1714 г. Не менее ревностно за свои сословные права боролись рыцари, хотя реальное значение средней и мелкой шляхты, как указывалось выше, по мере упрочения позиций земельной аристократии катастрофически падало.

Вообще, как можно заключить из анализа политической ситуации в XVIII в., между дворянством Чешских земель и венским правительством существовала как бы негласная договоренность относительно взаимного баланса: дворянство до тех пор и постольку поддерживало конкретные шаги центрального правительства, пока последнее не угрожало отнятием сеймовых привилегий. Эпизод с избранием в 1741 г. на чешский престол после смерти Карла VI баварского курфюрста или конфликт между шляхтой и Иосифом II в 1780-е годы, когда император пытался провести курс на административную централизацию своих земель, достаточно наглядно иллюстрирует сказанное.

Нечто подобное, хотя во много раз более значительное, происходило в период политического противостояния венгерского дворянства и Габсбургов в конце XVIII — начале XIX в. Дворянство Чешских земель и дворянство Венгерского королевства, при всех существенных различиях между ними, одинаково ревностно выступали против централизаторских попыток Вены в последние годы жизни Иосифа II и в период краткого правления Леопольда II в 1790—1792 гг.[19]

Но и позднее сеймы в Чешских землях время от времени давали знать о себе. В связи с общим подъемом чешского национально-освободительного движения в 30—40-х годах XIX в. представителями шляхты был выдвинут лозунг исторического государственного права, а Л. Тун оказывается среди тех, кто участвовал в создании концепции австрославизма. В 1840-х годах по инициативе панского сословия чешский сейм сделал попытку расширить свои полномочия. Лидер сеймовой оппозиции Б. Дейм выступил как защитник исторических прав чешского дворянства. В 1845 г. была даже отправлена делегация в Вену, ей поручалось изложить перед

inslav

придворной канцелярией сословные требования. Когда же требования были отвергнуты, Б. Дейм объявил о создании специального комитета для защиты привилегий дворянства. А в 1847 г., в преддверии революционных событий, он провозгласил право чешских сословий на избрание нового короля в случае пресечения династии и на вотирование налогов. Хотя эта демагогическая акция не произвела особого впечатления на австрийские власти, она по-своему свидетельствовала о нарастании политического кризиса в империи [20].

Заметим, что подобные действия не были изолированным явлением. Многие представители дворянства в Чешских землях на протяжении всего XVIII в., а еще чаще — в первой половине XIX в. выступали с поддержкой лозунгов национальной культуры. К числу наиболее значительных шагов в этой области можно отнести образование в 1818 г. в Праге чешского Национального музея или избрание чешским сеймом Ф. Палацкого как официального историографа. Впрочем, факты эти достаточно известны и справедливо квалифицированы историками как проявления земского патриотизма. Важно, однако, подчеркнуть, что это были именно внешние проявления более глубинных настроений и помыслов местного дворянства, которое стремилось отстоять, удержать феодальные государственно-правовые привилегии, сохранившиеся в виде сеймового устройства.

В самом деле, дворянство Чешских земель, фрондируя против центральной власти, было далеко не только от позитивной общенациональной оппозиции (в том числе выходящей за рамки собственно чешского, моравского и силезского сословных представительств), но и от реальной поддержки чешского национально-освободительного движения. И то, что дворянство было инонациональным, не мешало ему, руководствуясь классовыми, эгоистическими соображениями, использовать механизм сеймового устройства, доставшийся от предыдущей и во многом не имевшей к нему прямого отношения (вспомним, например, существенные перемены в этническом составе дворянства Чешских земель после Тридцатилетней войны) эпохи. Но, выявляя субъективные корни такой позиции, было бы неверным сбрасывать со счетов ее объективное общественное воздействие, в частности символическое значение сеймов как олицетворения в глазах народа традиций независимости.

Дворянство, как класс феодального общества, хотя уже и находившийся в эпоху перехода от феодализма к капитализму в состоянии разложения и перестройки, обладало и желало обладать социальными и политическими привилегиями как неразрывным целым. Ограничение одной из этих привилегий выглядело как ущемление интересов дворянства в целом. Поэтому вопрос о социальных и политических правах-привилегиях дворянства и в эту эпоху следует рассматривать в комплексе, как выражение его коренных классовых интересов.

Анализ социально-политических последствий эволюции дворянства Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода

inslav

от феодализма к капитализму позволяет наметить ряд общих выводов, которые следовало бы иметь в виду при дальнейшем комплексном и сравнительном исследовании проблемы.

Во-первых, о зависимости социально-экономической и политической роли дворянства от типологии этнонационального развития соответствующих народов. Позиции дворянства при том или ином варианте этого развития были весьма различны. Поэтому феномен шляхетской революционности в польских землях или прогрессивную роль среднего мадьярского дворянства в годы «движения за реформы» с точки зрения объективных последствий нельзя сопоставлять с позицией «земского», инонационального дворянства по отношению к чешскому, словацкому, словенскому и другим освободительным движениям, отразившим процессы перерастания феодальных народностей в нации в условиях «неполных» социальных и политических структур. В то же время связь позиции и активности дворянства с фактом наличия или отсутствия у тех или иных народов органов сословного представительства или внутренней автономии заслуживает дальнейшего рассмотрения. В частности, следовало бы под этим углом зрения проанализировать черты сходства и различия в позиции влашского дворянства Трансильвании и Баната в пределах Австрийской империи и дворянства вассальных княжеств Порты — Молдавии и Валахии.

Во-вторых, о положении дворянства в системе социального, культурно-политического и этнического развития эпохи. Рассматривая преимущественно трансформацию дворянства в контексте процессов формирования наций у угнетенных народов Центральной и Юго-Восточной Европы и отмечая имевшие место при этом типологические различия, нельзя абстрагироваться от двоякого рода связей. С одной стороны, это своего рода внутренние связи в рамках структуры данной формировавшейся нации. Они проявлялись, в частности, в характере приспособления дворянства к менявшейся ситуации и в его отношении к остальным классам и социальным группам эпохи перехода от феодализма к капитализму: обуржуазивание части дворянства, распадение и гибель отдельных его слоев или их «врастание» в иные классы. С другой стороны, это взаимозависимость от этносоциального развития соседних территорий, своего рода внешние структурные связи. Показателен в этом смысле пример дворянства Австрийской империи, связанного между собой не только политическими, но и чисто хозяйственными интересами, включая нахождение поместий одних и тех же родов в разных, преимущественно западных, землях империи. Интенсивность подобных связей накладывала отпечаток на степень «патриотизма» или космополитичности дворянства, а следовательно и на степень его лояльности к центральной власти и на роль в соответствующих национально-освободительных движениях. Собственно, величины эти оказывались в обратной друг от друга зависимости и отвечали каждому из намеченных выше типов этнонационального развития. Поэтому, например, польское или мадьярское (и мадьяризованное) дворянство ощущало себя пре-

inslav

имущественно польским или венгерским (концепция «политической нации»), тогда как инонациональное дворянство в Чехии, Моравии, Словении и т. д., наоборот, рассматривало себя как интегрированную часть австронемецкого общества. Во многом сходное положение существовало в среде дворянства Венгерского королевства, если, например, сравнить мадьяризированное дворянство в словацких землях с позицией национально мыслившего дворянства Хорватии (хотя на определенных условиях последнее и шло на сотрудничество с венгерским господствующим классом). Оно стояло в определенных отношениях и к правящим кругам многонациональных государств, в состав которых те или иные земли входили.

Анализ социальных и политических последствий эволюции дворянства в рассматриваемый период свидетельствует о неправомерности традиционно безоговорочных оценок, применяемых к дворянству данной эпохи как к единому классу-сословию. Разложение феодальных устоев и втягивание части дворянства в товарно-денежные, буржуазные по сути, отношения приводили к усилению дифференциации дворянства, внутри которого к тому же со времен классического феодализма имелись прослойки, стоящие на классовом пограничье либо лишь формально принадлежащие к господствующему классу. Старые и новые группы деклассированного дворянства в перспективе включались в структуру буржуазного общества — проникали в среду крупной и мелкой буржуазии, еще чаще — в ряды профессионального офицерства, чиновничества, интеллигенции; какая-то часть былого дворянства находила себе место в рядах предпролетариата и пролетариата. Так было не только в Польше или Венгрии, где этот процесс протекал наиболее отчетливо, но и в разных формах наблюдалось в чешских, словацких, словенских землях, у влахов и т. п.

В этой связи уместно затронуть вопрос, возникший при обсуждении проблем общей типологии феодализма. В ходе их обсуждения Л. Б. Алаев сделал попытку раскрыть различия в эволюции социальных структур периода феодализма в Европе и в Азии. «Если для феодальной Европы,— пишет он,— было характерно постепенное упрощение социальной структуры, все более полное совпадение сословных групп с классовыми, вызревание классов-сословий, то на Востоке наблюдался обратный процесс — усложнение социальной структуры, все больший разрыв между статусным и экономическим положением индивида и группы» [21]. Приведенные выше наблюдения позволяют утверждать, что такой вывод учитывает лишь особенности развития стран Западной Европы. Что касается Центральной и Юго-Восточной Европы, то там исторический процесс имел свои специфические черты, весьма отчетливо проявившиеся в судьбах дворянства.

[1] *Мыльников А. С.* Йозеф Юнгман и его время. М., 1973, с. 83.
[2] *Mika A.* K národnostním poměrům v Čechách po třicetileté válce.— Československý časopis historický, 1976, N 4, s. 543—548.

inslav

[3] Proměny feudalní třídy v pozdním feudalismu. Praha, 1976, s. 269.
[4] *Placht O.* Lidnatost a společenska skladba českého státu v 16—18 st. Praha, 1957, s. 222—233.
[5] Ibid., s. 217, 225. Из данных, собранных Ф. Палацким при участии В. Томека, видно, например, что в Чехии около 1750 г. было 693 помещика, владевших 1601 имением, тогда как в 1843 г. число помещиков сократилось до 187, а имений — до 932 (*Polišensky J.* Revoluce a kontrarevoluce v Rakoušku 1848. Praha, 1975, s. 95).
[6] *Mainuš F.* Prvni manufaktury na Moravě.— Časopis Matice moravské, 1954, N 1, s. 57—68; *Klima A.* Manufakturni obdobi v Čechách. Praha, 1955; *Benedikt H.* Die Anfänge der Industrie in Mähren.— Donauraum, 1957, N 1, s. 38; *Myl'nikov A. S.* Vznik národně osvicenské ideologie v českých zemích 18. století. Prameny národního obrození. Praha, 1974, s. 46—48.
[7] *Arató E.* Der Ungarische Nationalismus und die nichtungarische Völker. 1780—1825.— Annales Universitatis Budapestiensis. Sectio historica. T. 8, 1966, S. 71—113.
[8] *Сташиц Ст.* Избранное / Перев. с польск. М., 1957, с. 242.
[9] *Kitowicz J.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa, 1970, s. 397.
[10] *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim (1815—1850). Warszawa, 1957, s. 182 i nast.
[11] Цит. по кн.: *Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 2, ч. 1. СПб., 1902, с. 63.
[12] *Zajączkowski A.* Główne elementy kultury szlacheckiej w Polsce: Ideologia a struktury spoleczne. Wroc'aw, 1961, s. 96—97.
[13] *Kołłątaj H.* Listy anonima i prawa polityczne narodu polskiego. Warszawa, 1954, s. 295, 300.
[14] См.: *Дьяков В. А.* Состояние и задачи изучения русско-польского революционного сотрудничества в допролетарский период.— В кн.: Связи революционеров России и Польши в XIX — начале XX в. М., 1968; *Миллер И. С.* О толковании ленинского термина «шляхетское освободительное движени».— В кн.: Ленин и Польша: Проблемы, контакты, отклики. М., 1970; *Дьяков В. А., Зайцев В. М., Обушенкова Л. А.* Социальный состав участников польского восстания 1830—1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи).— В кн.: Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран). М., 1970, и др.
[15] *Bernacka M.* Wsie drobnoszlacheckie na Mazowszu i Podlasiu. Wroc'aw, 1966, s. 157, 218.
[16] История Венгрии. Т. 2. М., 1972, с. 61.
[17] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 181.
[18] *Vaněček V.* Die letzten hundert Jahre der Landesstände in Böhmen.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1966, N 1, S. 9—17.
[19] *Kutnář F.* Předehra velkého Leopoldovského sněmu r. 1790.— Československý časopis historický, 1968, N 5, s. 669—685.
[20] *Мыльников А. С.* Некоторые вопросы государства и права Чехии в XVIII — первой половине XIX в.— Вестник Ленинградского университета. № 5, Серия экономики, философии и права. 1960, вып. 1, с. 148—153.
[21] *Алаев Л. Б.* К типологии феодализма на Востоке.— Народы Азии и Африки, 1977, № 4, с. 78.

inslav

ИСТОЧНИКИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ГЕНЕЗИС БУРЖУАЗИИ

К. П. Гогина (СССР)

Проблема генезиса класса буржуазии занимает важное место в изучении процессов трансформации социальной структуры общества у различных народов в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Большой интерес в этом отношении представляют страны Центральной и Юго-Восточной Европы, которые можно рассматривать как целостный ареал с общим типом основных закономерностей возникновения и развития капитализма и с общим характером деформаций этого процесса.

Важнейшим исходным моментом характеристики экономико-социальных процессов развития этого ареала является имевшее здесь место значительное хронологическое опоздание начала генезиса капитализма по сравнению со странами Западной Европы. Большинство входивших в него стран вступили на путь капиталистического развития тогда, когда в других европейских странах уже победил капитализм, а формировавшийся мировой капиталистический рынок втягивал в орбиту своего влияния самые отдаленные области Европейского континента, ускоряя процессы их капиталистического развития, но в то же время деформируя и трансформируя не только их экономическое, но и социальное развитие.

Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, вышедшая на международную арену буржуазия под страхом гибели заставляет «все нации принять буржуазный способ производства» [1]. Мировой рынок становится основным регулятором международного разделения труда. При этом политика промышленно развитых стран Европы была направлена на то, чтобы превратить «периферийные», отстававшие в своем развитии страны и области в свои аграрно-сырьевые придатки, что неизбежно приводило к изменению в них процесса генезиса капитализма.

Именно таким объектом воздействия западноевропейского промышленного капитализма стали в XVIII—XIX вв. рассматриваемые нами страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Отдаленность их от магистральных торговых путей и центров европейской торговли, преимущественно аграрный характер экономики, политическое господство феодальных монархических режимов обусловили хроническую экономическую отсталость рассматриваемого ареала от общеевропейского уровня. Причем это отставание не только не преодолевалось, но и искусственно сохранялось с помощью проводившейся ведущими капиталистическими странами политики цен на сельскохозяйственную продукцию на мировом рынке, тормозившей экономический и социальный прогресс стран Центральной и особенно Юго-Восточной Европы.

Все это накладывало соответствующий отпечаток на развитие капитализма в этих странах, определяя его динамику и формы,

inslav

а также изменения в социальной структуре и политической надстройке.

Определенное влияние на формы и темпы развития социально-экономических процессов оказывал и гетерогенный состав населения в рассматриваемых странах. Подчиненное в национально-политическом отношении положение большинства народов Центральной и Юго-Восточной Европы нашло непосредственное отражение в особенностях формирования класса буржуазии в каждом государственно-политическом объединении, куда эти народы входили, и на территории тех областей, где они проживали.

Определенное воздействие на процессы экономического и социального развития этих народов оказывала также географическая среда, причем ее влияние было тем меньшим, чем выше была степень капиталистического развития. Все это усиливало неравномерность развития капитализма в отдельных странах и областях и, разумеется, влияло на форму общественных отношений, которые там складывались. В результате неравномерного развития капитализма ареал Центральной и Юго-Восточной Европы в экономико-социальном аспекте был чрезвычайно пестрым, с различным уровнем и характером развития входивших в его состав народов.

Исходя из особенностей и уровня экономического, социального и политического развития отдельных стран рассматриваемого ареала, последний можно разделить условно на два региона: стран Центральной и стран Юго-Восточной Европы.

Центральноевропейский регион охватывал те страны и области, в которых существовал тип феодализма с последующим характерным для него «вторым изданием крепостничества», как негативной реакции на генезис капитализма в западноевропейских странах. Предпосылки капитализма в этом регионе складывались на основе разложения этих позднефеодальных экономических и социальных отношений.

В этот регион следует включить все области и народы, которые входили в состав многонациональной габсбургской монархии, а также Польшу и румынские земли, которые типологически к ним близки.

Регион Юго-Восточной Европы охватывает те страны и народы Балканского полуострова, которые в период перехода от феодализма к капитализму входили в состав Османской империи и социально-экономическое развитие которых проходило в условиях разложения «восточного типа» феодализма со всеми присущими ему чертами и особенностями (Болгария, Албания, Сербия, Босния и Герцеговина, Черногория, а отчасти и Греция).

Генезис класса буржуазии является одним из объективно необходимых факторов перехода от феодализма к капитализму. Как же проходил этот процесс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы?

Связанные с этим вопросы изучены еще недостаточно. Посвященная им литература далеко не исчерпала ни возможностей

inslav

конкретного исследования, ни задач их марксистского теоретического обобщения. Основываясь на существующих конкретных исследованиях процесса генезиса капитализма и складывания социальных структур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, мы попытаемся хотя бы частично выявить как общие закономерности, так и специфические особенности формирования буржуазии как класса в рассматриваемых регионах.

Как известно, общие закономерности генезиса буржуазии исследовались и выявлялись на примере таких стран, как Англия, Нидерланды, Франция. Эти экономически высокоразвитые государства Европы к концу XVIII — началу XIX в. далеко опережали другие страны Европейского континента, в том числе и страны Центральной и Юго-Восточной Европы.

К. Маркс в работе «Нищета философии» выделяет две фазы в истории развития европейской буржуазии: «...в первой... она складывается в класс в условиях господства феодализма и абсолютной монархии; во второй, уже сложившись в класс, она ниспровергает феодализм и монархию, чтобы из старого общества создать общество буржуазное» [2]. Эти две фазы можно выделить и в рассматриваемом нами ареале, несмотря на то, что процесс генезиса буржуазии, проходивший здесь с значительным опозданием, имел существенные отклонения и особенности, обусловленные своеобразием исторического развития входивших в него стран и народов.

Так, для народов центральноевропейского региона рубежом между двумя фазами развития буржуазии можно считать революцию 1848—1849 г. (Австрия, Чехия, Словения, Венгрия, Хорватия) и буржуазные реформы 60-х годов XIX в. (Польша, Румыния). У многих народов Юго-Восточной Европы, находившихся под владычеством Османской империи, таким рубежом стало время освобождения от османского господства (Болгария, Босния и Герцеговина и др.).

Таким образом, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы период, когда развитие капитализма и связанный с ним генезис класса буржуазии проходили в рамках феодального строя и его политической надстройки, затянулся вплоть до 40—70-х годов XIX в. В этом состоит одна из особенностей процесса развития здесь класса буржуазии, отличавшегося длительностью, незавершенностью, противоречивостью и взаимопроникновением социальных прослоек и групп, отражавших в социальном плане «пестрый хаос переходных форм» экономической сферы.

На генезисе класса буржуазии здесь отразился также неравномерный характер развития капитализма, что проявилось в асинхронности появления буржуазных элементов в социальной структуре, различной интенсивности их развития и в различиях внутренней структуры формирующегося буржуазного общества. Интенсивность и темпы складывания класса буржуазии находились в прямой зависимости от проникновения в экономику той или иной страны капиталистического способа производства.

inslav

Процесс формирования буржуазии в Центральной и Юго-Восточной Европе в целом шел тем же магистральным путем, который уже оставила позади буржуазия основных европейских стран. Однако тот факт, что входившие в ареал страны и народы вступили на путь капиталистического развития со значительным опозданием и стали объектом воздействия европейского капиталистического рынка, накладывал соответствующий отпечаток на процесс генезиса буржуазии.

В силу этих обстоятельств, а также из-за преимущественно аграрного направления в экономике большинства рассматриваемых стран и народов (промышленное производство было относительно развитым только в Нижней Австрии и Чешских землях), торгово-ростовщическая буржуазия, которая и в западноевропейских странах на начальном этапе их капиталистического развития составляла большую прослойку формирующегося класса буржуазии, здесь приобрела особенно внушительные размеры и длительное время была самой многочисленной, а иногда почти единственной категорией класса буржуазии.

Одновременно, как это отмечал Ф. Энгельс в своем анализе развития буржуазии в Германии [3], экономическая сила этой буржуазии, сравнительно с западноевропейской, была весьма незначительной.

Генезис класса буржуазии в Центральной и Юго-Восточной Европе, как и везде, был обусловлен особенностями экономического и политического развития каждой из стран и прежде всего уровнем развития капитализма. Поэтому последние можно условно разбить на две группы: страны и области, которые на начальном этапе капитализма отличались более высоким уровнем и более благоприятными условиями развития промышленного производства (чешские, австрийские и отчасти словенские земли) и области преимущественно аграрного характера (Венгрия, словацкие, хорватские, сербские, румынские земли, Польша).

Особенно сложным и противоречивым был процесс формирования буржуазии у народов, входивших в состав многонациональной габсбургской монархии. Следует отметить, что вхождение преимущественно аграрных, слаборазвитых в промышленном отношении областей в одно государство с областями, где промышленность была более развита, на первом этапе развития капитализма ускоряло у них темпы общественных и социальных сдвигов, однако в дальнейшем послужило фактором, тормозившим не только экономическое развитие этих областей, но и складывание в них буржуазного общества, процессы формирования класса буржуазии. К тому же следует учитывать, что эти процессы протекали в условиях этнической неоднородности населения при национально-политическом неполноправии подавляющей массы коренного населения этих областей (чехов, словенцев, словаков, хорватов, сербов и т. д.).

Следствием этого было исключительное положение австронемецкой (отчасти и итальянской) буржуазии, занявшей ключевые

inslav

позиции в экономике, и в первую очередь в промышленном производстве империи.

Австронемецкая буржуазия, особенно на начальном этапе, имела весьма пестрый этнический состав. В нее входили не только выходцы из других областей монархии (Чехии, Моравии и др.), но в значительной мере и пришельцы из германских государств, а также из Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Италии, которые в дальнейшем ассимилировались. Определенную и второстепенную со временем часть ее составляли евреи[4].

Этническая гетерогенность была характерной чертой формирования также польской и румынской буржуазии. В Польше это были евреи и отчасти немцы[5], в Румынии — ассимилировавшиеся к 60-м годам XIX в. греки, болгары, албанцы, немцы, итальянцы, армяне и евреи.

Источники комплектования буржуазии в рассматриваемых странах в основном были те же, что и в развитых странах Западной Европы. Отличия заключались в количественном соотношении составных частей, обусловленном хронологическим отставанием этих процессов и наличием уже сформировавшейся и победившей буржуазии в западноевропейских странах. Это были разбогатевшие мещане городов, выходцы из дворянства, вставшие на путь развития доходного земледелия, торговли и промышленного предпринимательства, единичные представители цехо-ремесленных элементов. Так, у истоков формирования австронемецкой буржуазии, начало которого относится еще к концу XVII — началу XVIII в. стояли крупные купцы, владельцы перевалочных складов, лица, разбогатевшие на займах и ссудах государственной казне и аристократии, владельцы меняльных лавок и т. п. Это была социальная категория, сложившаяся в недрах позднефеодального общества, превращение которой в класс буржуазии происходило довольно долго.

В других областях рассматриваемого ареала начало формирования буржуазии относится хронологически к более позднему времени. В соответствии с этим частично изменились и источники комплектования буржуазии. Так, в Королевстве Польском это были преимущественно городские торговцы (купечество), часть шляхты, отчасти ремесленники[6]. То же можно наблюдать в Молдавии и Валахии, где начало генезиса буржуазии исследователи относят к периоду после Адрианопольского мира 1829 г. и связывают с крупными ремесленниками и торговцами, обуржуазивавшимся боярством и появлением прослойки зажиточного крестьянства.

На начальном этапе формирования буржуазии наиболее ее многочисленную часть составляет торговая буржуазия, разбогатевшая на экспорте зерна, скота, шерсти и другой сельскохозяйственной продукции на европейский рынок.

На рубеже XVIII—XIX вв. в промышленно развитых областях Австрийской империи начинается складывание промышленной буржуазии. Отдельные представители ее встречались в Австрийской империи еще на стадии развития мануфактуры, однако толь-

inslav

ко с началом промышленного переворота она начинает оформляться в особую категорию.

Передовым ее отрядом стала австронемецкая буржуазия. Она возникла на базе промышленного потенциала тех областей империи (прежде всего Нижней Австрии с Веной, Чехии, Моравии и Силезии), которые уже на стадии позднего феодализма располагали необходимыми ресурсами промышленного и сельскохозяйственного сырья, рабочей силы и сравнительно развитой обрабатывающей промышленностью (в первую очередь текстильной). Источниками рекрутации австронемецкой промышленной буржуазии стали торговцы-факторы, мещанские владельцы мануфактур и в очень незначительной степени цеховые мастера-ремесленники, выделившиеся благодаря своим способностям к изобретению и организации промышленного производства [7].

Опираясь на экономический потенциал чешских и австрийских земель, австронемецкая буржуазия приступила к налаживанию машинного производства (начало XIX в.), внедрению паровых двигателей в промышленность, а затем и к созданию фабрично-заводской промышленности. Возвышению ее в немалой степени способствовала таможенно-экономическая политика феодально-абсолютистского государства, предоставившего в распоряжение австронемецкой буржуазии рынок и ресурсы всей обширной империи.

Почти одновременно и в тесной связи с этим развивается процесс формирования австронемецкой финансовой буржуазии. У его истоков стояла фигура банкира, который часто одновременно являлся и торговцем. Владельцы таких частных банков и торговых фирм (знаменитые династии Фризов, Геймюллеров и др.) со временем не только стали финансировать промышленность, но и непосредственно вкладывали капиталы в промышленные и транспортные предприятия, становясь таким образом заинтересованными и в капиталистической прибыли. Так, например, одно из самых крупных металлургических предприятий в Чехии в г. Витковице было построено в 30-е годы XIX в. банкиром Соломоном Ротшильдом.

В силу своей финансово-экономической мощи австронемецкая буржуазия захватила ключевые позиции в промышленном производстве всех областей империи, серьезно затормозив в большинстве из них развитие национальной промышленной буржуазии.

Процессы формирования промышленной и финансовой буржуазии в Польше и Румынии не имели столь четко выраженного характера, как в Австрийской империи, и начали развиваться с значительным опозданием, лишь со второй половины XIX в. Так, в Румынии в 60-е годы насчитывалось лишь несколько десятков владельцев мануфактур и фабрик, банкиров и крупных торговцев-оптовиков. Существенным препятствием для развития национальной буржуазии стало здесь проникновение и внедрение в промышленное производство страны иностранного капитала. Развитие румынской промышленной и финансовой буржуазии усилилось лишь

inslav

после введения в конце 80-х годов XIX в. политики протекционизма [8].

Одной из характерных особенностей становления буржуазии в центральноевропейском регионе следует считать то обстоятельство, что наряду с австронемецкой буржуазией в областях, входивших в Австрийскую империю, возникает и начинает развиваться национальная буржуазия (чешская, словенская, венгерская, словацкая, хорватская, сербская и т. д.). Это было итогом процесса социальной дифференциации, начавшегося еще в конце XVIII в. Национальная буржуазия стала складываться как класс мелких собственников и состояла из городской и сельской буржуазии. В нее входили ремесленники, торговцы, ростовщики, сельские старосты, мельники, зажиточные крестьяне и т. д. Наиболее характерной чертой национальной буржуазии стала связь с сельским хозяйством и внутренней торговлей. Это была в основном средняя и мелкая буржуазия, экономически гораздо более слабая, чем австронемецкая.

Наряду с общими чертами формирование национальной буржуазии у разных народов имело определенные особенности. Так, у чехов к середине XIX в. в связи с начавшимся промышленным переворотом определенных успехов достиг процесс формирования национальной промышленной буржуазии. Сфера деятельности этой буржуазии длительное время, почти до конца XIX в., ограничивалась переработкой продукции сельского хозяйства (сахароварение, пивоварение, мукомольная), но ей удалось занять определенные позиции в сельскохозяйственном машиностроении и производстве оборудования для пищевой промышленности. Чешская промышленная буржуазия значительно укрепила свои позиции в 60—70-е годы XIX в., хотя сфера ее деятельности вплоть до конца века так и ограничивалась указанными выше отраслями производства. Составной частью чешской национальной буржуазии становится немногочисленная, но влиятельная группа финансовой буржуазии, представлявшей чешские кредитные учреждения (сберегательные и ссудные кассы, Живностенский банк) [9]. В текстильной, горнодобывающей, металлургической, стекольной промышленности Чешских земель безраздельно продолжала господствовать австронемецкая буржуазия.

В XIX в. возникает национальная промышленная буржуазия в Словении. У истоков ее также была сельская буржуазия, связанная с торговлей. Однако ей удалось добиться гораздо меньших успехов, чем чешской. Попытки наиболее богатых словенских торговцев вкладывать капитал в промышленное производство наталкивались на упорное сопротивление австронемецкой промышленной и финансовой буржуазии, а также иностранного капитала. Вплоть до конца XIX в. словенская промышленная буржуазия была немногочисленной и слабой [10].

На развитие национальной буржуазии у венгров, словаков, хорватов, сербов существенно влияло экономическое и политическое положение Венгерского королевства, являвшегося аграрно-

inslav

сырьевой базой империи и рынком сбыта промышленных товаров собственно австрийских и чешских областей. Наиболее характерной особенностью формирования национальной буржуазии у венгров и хорватов был процесс обуржуазивания среднего дворянства, которое наряду с отдельными представителями купечества активно участвовало в создании национальных промышленных предприятий. Это явление отметил в 1847 г. Ф. Энгельс: «В Венгрии феодалы все больше и больше превращаются в оптовых торговцев зерном, шерстью и скотом, и их выступления в сейме носят последовательно буржуазный характер» [11].

В результате подавления революции 1848—1849 гг. и восстановления абсолютистского режима капиталистическое развитие Венгрии оказалось всецело подчиненным потребностям общеимперского рынка и интересам крупной австронемецкой буржуазии. Уничтожение таможенных границ между австрийской частью монархии и Венгрией нанесло сокрушительный удар по экономически слабой венгерской промышленной буржуазии: уже в 50-е годы прекратило существование большое количество предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, прежде всего текстильной [12]. В 1844 г. по инициативе Л. Кошута было учреждено «Общество защиты отечественной промышленности», сыгравшее важную роль в создании национальных венгерских предприятий. Единственной отраслью венгерской промышленности, выдержавшей конкуренцию австронемецкой буржуазии, была мукомольная, уже в 60-е годы мука венгерского помола завоевала всеобщее признание на мировых рынках.

В стадии формирования находилась в первой половине XIX в. сербская торговая буржуазия. Она играла заметную роль в экономической жизни Венгерского королевства. В Хорватии и Словении в первой половине XIX в. еще не сложился достаточно влиятельный слой национальной буржуазии. Отдельные представители ее были связаны в первую очередь с торговлей и мелкими промыслами. Не только мелкие, но и многие средние и крупные торговцы зависели от австрийских и иностранных фирм. Вообще особенностью национальных групп буржуазии было численное преобладание мелкой буржуазии, как городской, так и сельской, связанной с мелким ремесленным производством и розничной торговлей. Вплоть до середины XIX в. эта типичная для данного ареала буржуазная прослойка представляла собой нечто среднее между городским мещанством феодальной эпохи и мелкой буржуазией эпохи капитализма, с ее филистерской приниженностью и поглощенностью повседневными житейскими делами. Она была представлена владельцами мелких мастерских, мелкими торговцами, ремесленниками.

В целом слой мелкой буржуазии отличался повышенной социальной неустойчивостью. С развитием капитализма и ростом конкуренции со стороны крупной и средней буржуазии шел процесс его разложения и пролетаризации мелкобуржуазных слоев. В то же время, несмотря на разорение значительной части город-

inslav

ских ремесленников, численность этого слоя не уменьшалась, а даже возрастала количественно и усиливалась экономически, так как процессы индустриализации и урбанизации вели к росту значения мелкого производства и услуг.

Значительная роль мелкой буржуазии придавала рождавшемуся здесь буржуазному обществу ярко выраженный мелкобуржуазный характер, который проявлялся как в образе жизни слоев, втягивавшихся в буржуазные отношения, так и в господствующей системе духовных ценностей.

Генезис класса буржуазии в Юго-Восточной Европе также во многом определялся особенностями экономического развития и политического положения стран Балканского полуострова в XVIII—XIX вв. Он был непосредственно связан с переменами, которые произошли в экономике этих стран в связи с процессом разложения «восточного типа» феодализма в Османской империи, в состав которой входило большинство этих областей, а также с воздействием европейского капиталистического рынка, для которого эти страны служили важным поставщиком сырьевых ресурсов и продовольствия.

Воздействие европейского капиталистического рынка проявилось здесь гораздо более сильно, чем в странах Центральной Европы, и во многом явилось причиной длительной экономической отсталости балканских стран в период капитализма.

Класс буржуазии, формировавшийся в странах Балканского полуострова, носил почти исключительно торговый характер. В Сербии, Болгарии, Греции, Боснии и Герцеговине торговая буржуазия на протяжении всего XIX века была главной и преобладающей частью этого класса.

В отличие от большинства стран центральноевропейского региона, также входивших в состав многонационального государства, где основные позиции в экономике заняла буржуазия господствующей нации — австронемецкая буржуазия, в странах Балканского полуострова буржуазия с самого начала развивается как буржуазия национальная (болгарская, сербская, боснийская, греческая), разумеется с наличием определенного числа представителей других национальностей (евреев, армян и др.).

Впрочем, в отдельных балканских странах и областях имелись свои особенности, обусловленные внутренней спецификой их развития. Так, в Греции, первой сбросившей османское иго на Балканах, наряду с торговой буржуазией сложилась также буржуазия судовладельческая, в основном средняя и мелкая.

В Болгарии торговая буржуазия уже в конце XVIII — начале XIX в. выделяет из своей среды торговцев-организаторов производства с развитой системой закупщиков, охватывавших целые сельские районы и скупавших у крестьян скот, кожи, шелковые коконы и другое сырье. К середине XIX в. в Болгарии начинает формироваться тонкая прослойка промышленной буржуазии в лице владельцев мануфактур, а затем и фабрик по первичной переработке сельскохозяйственного сырья для подготовки его к экспорту.

inslav

Создаются предприятия мануфактурного типа и в текстильном и кожевенном производстве. Здесь (а также отчасти и в Боснии-Герцеговине), в отличие от стран Центральной Европы, одним из важнейших источников комплектования промышленной буржуазии стали цеховые организации — «эснафы», которые не чинили препятствий превращению цеховых старшин и мастеров в предпринимателей капиталистического типа.

В 40—60-е годы XIX в. в результате социальной дифференциации крестьянства в Болгарии появляется прослойка сельской буржуазии, связанной с производством товарного зерна, торговлей скотом, занимавшейся помолом зерна, перегонкой спирта и т. д. Наряду с этим идет процесс обуржуазивания крупных помещиков — чифтликчиев.

Медленные темпы развития капитализма в Болгарии обусловили сохранение в течение всего периода капитализма большого числа мелких торговцев и ремесленников, образовавших многочисленный слой мелкой буржуазии.

Слабое развитие капиталистических форм производства предопределило здесь длительное сохранение ростовщичества как основной формы кредита и ростовщиков — как специфической буржуазной прослойки, связанной с докапиталистическими формами отношений.

В Боснии и Герцеговине генезис буржуазии также был связан с торговой буржуазией. Однако в силу особых условий развития этой страны, лежавшей на перекрестке торговых путей между Западом и Востоком, здесь формируется слой крупной торговой буржуазии, сосредоточившей в своих руках оптовую (Сараево) и комиссионную (Мостар) торговлю с западными странами и Австрией.

Однако наиболее распространенным типом торговой буржуазии здесь был мелкий торговец-перекупщик. В середине XIX в. здесь появляются первые мануфактуры, а в 60-е годы XIX в. прослеживаются зачатки промышленной буржуазии.

Общие процессы формирования класса буржуазии в странах Юго-Восточной Европы нашли отражение и в развитии Черногории, где к концу XIX в. на основе господствующего слоя — старейшин складывается, хотя и более медленно, прослойка торгово-ростовщической буржуазии, а после 80-х годов XIX в. появляются первые промышленные предприятия и кредитные заведения.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать, что процесс формирования буржуазии в рассмотренных нами областях Центральной и Юго-Восточной Европы обусловливался не только внутренними факторами, но и воздействием уже существующего мирового капиталистического рынка, который деформировал в той или иной мере социально-экономическое и государственно-политическое развитие каждой из стран. Существенные различия в уровне развития отдельных частей, разнородность самой буржуазии, находящейся еще на стадии далеко не завершившегося процесса формирования, связь с дворянством, преобладание мелкой

inslav

буржуазии — вот наиболее характерные особенности для стран рассматриваемого ареала.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 428.
[2] Там же, с. 183.
[3] Там же, с. 46—47.
[4] *Mentchl J.* Österreichisches Industrieunternehmentum im 19. Jahrhundert.— Österreich in Geschichte. Wien, 1969, S. 293.
[5] *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burzuazji w Królestwie Polskim (1815—1856). Warszawa, 1957, s. 170—171.
[6] Ibidem.
[7] Die Habsburgermonarchie 1848—1918. Bd. I. Die wirtschaftliche Entwicklung. Wien, 1973, S. 250—253.
[8] История Румынии 1848—1917. М., 1971.
[9] *Urban O.* Kapitalismus a česká společnost. Praha, 1978.
[10] *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978.
[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 468.
[12] История Венгрии, т. II, М., 1972, с. 217—218.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Рышарда Чепулис-Растенис (ПНР)

На основе современных исследований складывается гипотеза, что интеллигенция как социологическая категория выполняла в европейских условиях функции двоякого рода. Одну из этих функций можно было сокращенно определить как социальную, вторую же — как национальную. В первом случае можно было бы говорить о роли интеллигенции как составной части общества, т. е. о ее отношении к высшим и низшим его слоям, о ее воздействии на существующую систему внутренней градации общества, наконец, о ее участии в социальных преобразованиях страны[1]; во втором — о роли интеллигенции в процессе пробуждения или развития национального самосознания[2]. Эта вторая функция развилась особенно ярко и приобрела большое значение в истории таких наций, которые в докапиталистический период еще не создали свои собственные политические и культурные учреждения, либо таких, которые, утратив государственную самостоятельность, вынуждены были совершать чрезвычайные усилия, чтобы сохранить и культивировать свое уже развившееся ранее национальное самосознание под владычеством чужих государственных организмов.

Упомянутые здесь две области не исчерпывают, разумеется, всех сфер общественной жизни, на которых отразилась деятельность интеллигенции; особенно не следует упускать из поля зрения ее роль в создании идей и моделей поведения, роль, особенно четко обозначившуюся в Польше и России. Как нам представляется, именно участие интеллигенции в социальных и национальных преобразованиях определяло значение и границы ее влияния

inslav

в других областях, и поэтому стоит прежде всего проанализировать историю интеллигенции в аспекте этих ее двух основных функций, сокращенно названных нами «социальной» и «национальной».

Уже более ста лет интеллигенция как социальная категория часто привлекает внимание как публицистики, так и историографии в Польше и России [3]. Вероятно, в связи с этим возникло общепринятое убеждение, что лишь в этих странах работники умственного труда составили особую социальную группу. Однако исследования последних лет показали, что такие взгляды не вполне соответствуют исторической действительности. О. В. Мюллер, который исследовал историю понятия «интеллигенция» в европейской общественно-политической литературе, отметил, что в социологическом значении это понятие функционировало в первой половине XIX в. в Западной Европе, что в социальной истории Франции и Германии уже тогда была замечена групповая обособленность образованных людей, источником существования которых являлся умственный труд, что именно там были высказаны первые мнения об этой группе и даны общие оценки, в которых ей, в частности, приписывалась склонность к бунтарским идеям и к элитаризму [4], что, кстати, будет впоследствии повторяться в провозглашаемых с позиций консерватизма характеристиках польской и русской интеллигенции.

Факт, что во Франции и в Германии употреблялось понятие «интеллигенция», относимое к определенной группе, и что об этой группе высказывались обобщающие суждения, несомненно свидетельствует о том, что уже тогда она представляла собой в этих странах особую социальную категорию. С другой стороны, во второй половине XIX в. понятие «интеллигенция» постепенно перестало появляться в работах, предметом которых были социальные отношения в Западной Европе, и в то же время начало выступать в общественно-политической литературе Польши и России, где приобрело необыкновенную популярность, не утраченную и по сей день [5]. Из этого напрашивается вывод, что само формирование интеллигенции как обособленной группы принадлежало к явлениям, имевшим место во всей Европе, в то время как отличительным признаком интеллигенции Польши и России было то, что эта обособленность сохранялась в течение длительного времени.

Несомненно, общей базой обособления интеллигенции в странах Европы были капиталистические преобразования, которые, стимулируя общественное разделение труда и общий прогресс цивилизации, породили как предложение, так и спрос на квалифицированный умственный труд. Вторым важным фактором, способствующим обособлению интеллигенции, был процесс распада сословной структуры и возникновение вместо нее функциональной стратификации общества, где подобного рода квалификации и источники дохода могли создать определенную групповую общность, которая не могла появиться при феодальном строе, при котором связи внутри группы определялись принадлежностью к одному и тому же сословию. Если Гегель определял интеллигенцию по при-

inslav

знаку ее занятий чиновничьим умственным трудом, а В. Г. Риль — в соответствии с критерием наличия образования и отсутствия собственности[6], то оба эти принципа выделения, хотя и не идентичные, могли быть применены лишь к обществам, в которых сословная стратификация уже утратила свою обязательность.

Таким образом, интеллигенция являлась социально-экономическим продуктом капиталистических преобразований, становясь в то же время активным фактором этих преобразований, подрывающим изнутри — самим фактом своего существования — сословную структуру общества. Вероятно поэтому ее групповая обособленность была раньше отмечена в Западной Европе, где, как известно, раньше развились экономические и общественные структуры капитализма, и, естественно, интеллигенция была позднее расценена как особая социальная категория в странах, для которых было характерно более позднее развитие капитализма.

Как нам кажется, исчезновение в дальнейшем из лексики западноевропейских языков группового понятия «интеллигенция» отражало фактическую утрату этой группой во второй половине XIX в. ее обособленности. Экономическое развитие этих стран и сопутствующее ему экономическое расслоение работников умственного труда приводили к тому, что более обеспеченная их часть сливалась с высшими и средними слоями буржуазии, в то время как менее обеспеченные представители профессиональной интеллигенции сливались с мелкобуржуазной средой. Способный инженер, известный врач или адвокат мог, благодаря своим высоким доходам, быстро стать пайщиком крупного предприятия либо владельцем значительного недвижимого имущества, что сближало его в экономическом плане с буржуазией. Если же в своих экономических контактах с буржуазией он не наталкивался на сколько-нибудь существенные барьеры в аспекте культуры, то входил в круги ее представителей в плане общественной и «светской» жизни, утрачивая при этом свою интеллигентскую специфику. В свою очередь, имел место также подобный процесс сближения между менее обеспеченными кругами интеллигенции и мещанства. Такая утрата специфики интеллигенции как группы была возможна в странах, где по крайней мере часть работников умственного труда имела шансы на высокие доходы и где по крайней мере часть буржуазии по уровню образования и культурных интересов приближалась к интеллигенции. В Вене в середине XIX в. вошло в употребление даже новое выражение, в котором отразился этот процесс взаимного сближения интеллигенции и буржуазии, а именно: для определения одновременно обоих этих слоев общества начал употребляться термин «bezitz und bildung»[7] («собственность плюс образование»). Это можно рассматривать как подтверждение факта, что собственность и образование стали атрибутом единой общественной среды, состоящей из обеспеченной интеллигенции и образованной буржуазии.

Подобный процесс слияния высших слоев интеллигенции и буржуазии находит свое подтверждение в результатах исследований

inslav

А. Домара, касающихся французского общества[8]. Также и в Пруссии представители свободных профессий вращались в кругах буржуазии, а если чиновники в этом государстве составляли некую особую категорию, то она имела скорее характер в сильной степени иерархической профессиональной корпорации, верхушка которой нередко состояла из помещиков[9].

Таким образом, в экономически развитых странах интеллигенция, улучшая свое материальное положение, переставала функционировать как особая категория стратификации общества; она утрачивала в обществе самостоятельную роль, которую играла во времена Июльской монархии во Франции или в период Весны Народов в немецких странах.

Здесь стоит отметить, что на этой территории не нашла четкого проявления вторая функция интеллигенции, выше условно названная нами функцией «национальной». Народы Западной Европы, особенно после объединения Германии и Италии, развивали свою культурную и политическую жизнь, управляемые своими собственными государственными учреждениями. В таких условиях роль интеллигенции в созидании национальной культуры и организации политической жизни не была особо заметной, ибо сводилась лишь к выполнению своих профессиональных обязанностей; эта роль не требовала жертв, не вызывала репрессий иноземной власти, не представляла собой какой-то чрезвычайной миссии, а выглядела одной из сфер в общественном разделении труда.

Более всего к модели, распространенной на Западе, приближалось, как нам представляется, положение чешской интеллигенции. В этой стране работники умственного труда составляли весьма многочисленную и высококвалифицированную группу профессионалов, обслуживающих промышленность, средства сообщения и сельское хозяйство[10]. Работа в имеющих важное значение секторах экономики страны обеспечивала им выгодное материальное положение и в то же время давала возможность профессиональных контактов с представителями промышленности, финансов и торговли. В свою очередь, чешская буржуазия, не отягощенная пережитками феодализма, представляла собой, вероятно, настолько притягательную и емкую сферу общества, что могла привлечь к себе и ассимилировать интеллигенцию. Главные черты чешской культуры, носящие на себе следы влияния сословия мещан, подтверждают, как нам кажется, гипотезу о том, что на чешской почве интеллигенция не создала особую социально-культурную сферу, а также то, что между нею и буржуазией не было ни существенных противоречий, ни сколько-нибудь значительной дистанции.

Особую главу в историю чешского общества интеллигенция вписала благодаря своей борьбе за национальное возрождение. Как известно, чешский народ в результате длительных религиозно-династических войн лишился собственной государственности и элиты своего общества. Немногочисленные представители чешской аристократии находились под влиянием немецкой культуры, поддерживая связи не столько национальные — с низшими слоями

inslav

своей собственной этнической группы, сколько сословные — с венской аристократией. Национальная самобытность чехов (в особенности же язык) сохранялась в основном в низших сферах общества. По мере развития капитализма участие народных масс в экономической жизни страны увеличивалось, тем самым увеличивалось значение чешского языка и возрастало чувство национальной самобытности. В то же время вследствие общего прогресса просвещения и цивилизации росло число учителей, журналистов, представителей искусства и науки, которые, происходя из народа, сохранили с ним чувство языковой и культурной общности. Все ярче проявляющаяся потребность в идентификации в плане культуры вызвала к жизни их труд по кодификации чешского языка, по исследованиям прошлого своего народа и популяризации чешского искусства. Процесс кристаллизации чешской самобытности в области культуры, начало которому положила интеллигенция в начале XIX в., имел своим следствием оживленную политическую деятельность, направленную на введение чешского языка в школах и учреждениях. Это движение нашло моральную и материальную поддержку у чешской буржуазии и шляхты, однако главным его вдохновителем и организатором была интеллигенция. В этом смысле чешская интеллигенция, хотя она и не создала отдельного общественного слоя, все же сыграла самостоятельную роль в процессе развития и консолидации чешской нации.

В аграрных странах, таких, как Словакия, Румыния, Болгария, Сербия и Хорватия, следствием слабых темпов развития промышленности и урбанизации в первой половине XIX в. был факт, что еще не проявился большой спрос на кадры работников умственного труда, в особенности потому, что правительственная администрация лишь в малой степени допускала местное население к работе в своих учреждениях. В связи с этим интеллигенция в этих странах сформировалась относительно поздно и состояла прежде всего из немногочисленных групп священников, учителей и писателей. Так, например, в Словакии, где имела место полная мадьяризация школ и учреждений, в 1918 г., когда организовывалась словацкая школа, налицо имелось всего 20 учителей-словаков[11]. В Болгарии, подчиненной турецким властям, первая — одноклассная — болгарская школа была организована лишь в 1835 г., а первое училище для учителей и священников — в 1850 г. в Пловдиве[12]. В Молдавии и Валахии кадры румынской администрации начали формироваться после русско-турецкой войны 1828—1829 гг.[13] Однако в Трансильвании румынское население, как и другие народности в пределах так называемой «короны св. Стефана», подвергалось сильной мадьяризации, что существенно тормозило рост местной интеллигенции.

Венгрия, добившаяся автономии в результате многолетней борьбы с венским централизмом, организовала свой собственный административный и школьный аппарат, в котором получили работу многие венгерские чиновники и учителя. Однако дальнейшее развитие интеллигенции и реализация ее собственных профессио-

inslav

нальных и социальных чаяний в значительной степени тормозились венгерской шляхтой и помещиками, которые вели борьбу за собственную государственность, добившись значительного успеха в 1867 г., и в течение всего XIX в. сохраняли привилегированное положение в венгерском обществе[14].

Таким образом мы обнаруживаем, что в восточных частях габсбургской монархии, а также в соседних районах Балканского полуострова профессиональная интеллигенция не сформировала настолько своеобразной общественно-культурной сферы, чтобы можно было говорить о создании ею самобытного элемента социальной стратификации. Между тем отдельные профессиональные группы интеллигенции, в первую очередь писатели, учителя и ученые, оказали в этой части Европы серьезное влияние на национально-освободительное движение.

Болгары, сербы, хорваты, румыны и словаки, как и чехи, не имели образованной политической элиты общества; традиции их национальной самобытности сохранились прежде всего в недрах народных масс. Как и в Чехии, хотя и с некоторым опозданием, в этих странах имела место эмансипация народных масс и развивались их культурные потребности. Из этих кругов постепенно вырастала немногочисленная группа образованных людей, которые, вполне понимая необходимость идентификации с культурой своего этноса, начали печатать первые книги и периодические издания на понятном ему языке и приступили к изучению его прошлого и исторических памятников.

Пионерские усилия писателей и ученых в поисках исторических традиций и создания собственных канонов культуры несомненно ускоряли процесс консолидации соответствующих этносов и кристаллизацию их стремлений к независимости. Те же писатели и ученые нередко становились организаторами национально-освободительного движения. Интеллигенция брала на себя руководящую роль в движении, направленном на национальное возрождение, хотя и не представляла собой четко обособленного слоя общества.

Пожалуй, наиболее резко выделялся тот слой, который составляли работники умственного труда, в польском и русском обществе. На польских землях и в России, несмотря на развитие капиталистического хозяйства, в течение относительно длительного времени сохранялся сословный общественный строй, при котором аристократы и помещики занимали командные позиции в обществе, блокируя тем самым приобщение к политической, культурной и общественной жизни других слоев и классов. В то же время, в результате прогресса цивилизации, а также разрастания правительственной администрации, в этих странах росло число работников умственного труда, из которых так же, как и в Западной Европе, начала формироваться особая социальная группа.

Однако при существовавших в Польше и России системах резких сословных границ интеллигенция занимала специфическое положение. То, что источником существования интеллигенции был

inslav

труд, сближало ее с трудящимися массами, в то время как уровень образования, общественных и культурных запросов приближал ее к помещичьей среде, отделенной от народа многовековыми привилегиями. Таким образом, работники умственного труда, образуя особую социальную группу, становились промежуточным слоем, прослойкой, своеобразным помостом, связующим звеном между сословной элитой и остальными группами населения, все еще пребывающими в феодальной изоляции и лишенными перспективы социального развития. Стоит при этом упомянуть, что в обеих этих странах область умственного труда давала одну из немногих возможностей выдвижения, вследствие чего именно к этому виду труда стремились честолюбивые и способные представители различных кругов общества. Интеллигенция была открытой группой, присоединению к которой не препятствовали ни сословные, ни имущественные барьеры. В то же время она четко выделялась своей самобытностью на фоне существующей системы социальных градаций внутри общества [15].

Столь же специфическими, иными нежели в Западной Европе путями складывались взаимоотношения между интеллигенцией и буржуазией. Низкие заработки работников умственного труда, обусловленные слабыми темпами экономического развития Польши и России, создавали здесь высокий барьер между буржуазией и интеллигенцией. С другой стороны, интеллигенция значительно превышала буржуазию в области образования и культурных запросов. Варшавский банкир Эпштейн пренебрежительно относился к редактору Людвику Энике, давая ему почувствовать свое превосходство в материальном отношении. В свою очередь, варшавские литераторы, приглашенные другим варшавским богачом Неваховичем, зло высмеивали его вульгарное поведение и грубые вкусы [16].

Эти барьеры: экономический — со стороны буржуазии, и культурный — со стороны интеллигенции почти не подвергались нивелировке (как это имело место на Западе), и поэтому польская и русская интеллигенция сохранили свою самобытность в течение всего периода господства капиталистического строя. Интеллигенция как группа людей, владеющих квалификациями для выполнения умственного труда, была жизненно заинтересована в экономическом и культурном развитии своей страны. Ускорение преобразований в этих областях зависело в свою очередь от демократизации общественной системы, а прежде всего — от эмансипации народных масс. Поэтому в кругах интеллигенции преобладали люди демократического толка, поэтому также чаще всего из этих именно кругов происходили идеологи и сторонники прогрессивных реформ и борьбы за социальную справедливость [17].

Не рассматривая здесь подробно ни идеологическую, ни политическую деятельность польской и русской интеллигенции, стоило бы однако отметить, что особенно широкое распространение в ее кругах демократических идей и норм поведения выросло на почве общности интересов этой прослойки, что в результате

inslav

увеличивало сознание ее внутренней сплоченности, а также четко обрисовывало ее облик — именно как группы — в глазах представителей других слоев общества.

Оказывается, что эти представления об интеллигенции, независимо от того, имели ли они положительную или отрицательную окраску, всегда заключали в себе предпосылку, что она представляет собой группу, действующую в направлении разрешения проблем, касающихся всего общества. Распространение и укрепление таких надежд и чаяний, адресованных интеллигенции, в какой-то степени обязывало представителей этой группы к активной общественной деятельности и усиливало в ее кругах убеждение в том, что необходимы соответствующие модели и нормы поведения.

Этот общий механизм выделения интеллигенции в более сильной степени действовал на польских землях. Как известно, польский народ, имевший многовековую традицию государственности, в конце XVIII в. оказался во власти трех чуждых ему правительств. Первоначально организаторами национально-освободительной борьбы были представители помещичьего класса, который в течение столетий держал в своих руках власть и считал себя выразителем общенародных интересов. Однако патриотизм этого класса был ограничен его сословными интересами, в том смысле, что он не стремился мобилизовать народные массы на борьбу за независимость из страха перед ее чрезмерной радикализацией. Однако следовавшие один за другим провалы и поражения шляхетских заговоров и восстаний наглядно показали, что без расширения социальной базы этого движения шансы на его успех минимальны. В этой ситуации среда работников умственного труда, которые были не менее заинтересованы в том, чтобы вновь обрести национальную свободу и собственную государственность, а в то же время не боялись эмансипации народных масс, начала овладевать инициативой организации борьбы за независимость.

В кругах интеллигенции была сформулирована программа объединения освободительной борьбы с демократизацией общественного строя; из ее среды вышли многие борцы за осуществление этой программы. Не меньшее участие интеллигенция принимала и в других формах патриотической деятельности, в особенности в развитии и распространении достижений национальной культуры[18]. Эта область деятельности была особенно близка интеллигенции как поле творческой работы для деятелей музыки, литературы и изобразительного искусства, а также как комплекс культурных ценностей, которые могли восприниматься и распространяться прежде всего образованными работниками умственного труда. Особый пиетизм по отношению к национальным традициям и народному творчеству, проявлявшийся в XIX в. представителями романтизма и усилившийся на польских землях в результате существовавших здесь условий политического рабства, увеличивал тем самым престиж прослойки, которая была главным автором, носителем и «потребителем» этого творчества. Как дальнейшее следствие вышеизложенного, образ жизни и мышления, иерархии

inslav

ценностей, принятые в этой группе, а также типичные для нее решения тех или иных проблем становились моделями, которые принимали за образец другие слои общества и которые определили собой ряд существенных черт общенациональной культуры [19].

Таков генезис феномена, которым стало не наблюдаемое в других странах выдвижение в обществе польской интеллигенции. Феномен этот заключался в том, что группа работников умственного труда, в известном смысле внутренне дифференцированная, относительно немногочисленная (около 1% занятых профессиональным трудом в середине XIX в.) и не располагавшая сколько-нибудь значительными материальными ценностями, благодаря своей выдающейся роли в развитии национальной культуры и активному участию в патриотической деятельности, а также вследствие близких контактов с другими сферами польского общества смогла в определенной мере стать выразительницей общенародных стремлений, решающей наиболее насущные проблемы нации, лишенной собственной государственности.

Следует признать, что характеристика интеллигенции различных стран Европы представлена нами здесь лишь вкратце, так как при современном состоянии исследований трудно было бы шире осветить специфические условия развития интеллигенции, а также ее характерные черты в каждой из этих стран.

Несмотря на это, анализ социальной и национальной функций интеллигенции на примере нескольких стран позволяет говорить о существовании в этом плане определенных закономерностей.

Можно с вероятностью утверждать, что группа работников умственного труда начинает выделяться в особую общественную категорию в связи с развитием капитализма и организацией государственной администрации нового типа. Если, однако, свободное развитие капиталистических отношений относительно быстро нивелирует своеобразие этой группы, то замедленные темпы капиталистических преобразований также не способствуют самостоятельному развитию этой общественной категории в странах, где местные работники умственного труда не допускаются к работе в государственных учреждениях. Однако же в странах, находившихся под иноземным господством, немногочисленные группы интеллигенции вели пионерскую деятельность в области развития культуры и национального самосознания, что в результате, хотя и не превратило их в особый элемент структуры общества, все же дало им возможность играть самостоятельную роль в качестве вдохновителей национального возрождения.

Иначе формируется интеллигенция в странах с замедленными темпами капиталистического развития, которым, как правило, сопутствует расширение бюрократического аппарата местной администрации. В таких странах работники умственного труда, имея бóльшие возможности получить работу, создают благодаря этому более многочисленную группу, а уровень их образования и более широкие горизонты общественного сознания приводят к тому, что они резко отличаются как от привилегированных слоев общества,

inslav

так и от непросвещенных народных масс. В таких странах, как Польша и Россия, группа работников умственного труда образует, таким образом, особую социальную категорию, которая, не вмещаясь в рамки системы сословных отношений, опосредствованно подрывает ее принципы и устойчивость. Еще четче вырисовывается особое положение интеллигенции там, где, являясь своеобразной социальной категорией, разрывающей изнутри сословную структуру общества, она в то же время берет на себя руководящую роль в борьбе за национальную независимость. Наложение друг на друга обеих этих функций — общественной и национальной — приводит, как это было в Польше, к тому, что интеллигенция становится в общественном мнении, а в значительной степени также и в действительности, силой, которая во многом определяет судьбы и культурный облик нации.

[1] *Czepulis-Rastenis R.* «Klassa umys'owa»: Inteligencja Królestwa Polskiego (1832—1862). Warszawa, 1973.
[2] *Chlebowczyk J.* Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.). Warszawa — Kraków, 1975.
[3] *Szwarcówna R.* Dyskusja na temat inteligencji polskiej.— Przegląd Socjologiczny, 1947, t. IX, s. 282—288; Kądzielski. Z dyskusji nad inteligencją.— Tamże, 1959, t. XIII, nr. 2, s. 115—121; *Wójcik Z.* Rozwój pojęcia inteligencji. Wroc'aw, 1962; Литература, относящаяся к русской интеллигенции, приводится в книгах: *Штранге М. М.*, Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965; *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.
[4] *Müller O. W.* Intelligencija: Untersuchungen zur Geschichte eines politisches Schlagwortes. Frankfurt, 1971.
[5] *Hass L.* Inteligencja: pojęcie i fakt.— Kwartalnik Historyczny, 1972, N 3, s. 666—678.
[6] *Müller O. W.* Intelligencija..; *Riehl W. H.* Die Naturgeschichte des deutschen Volkes. Frankfurt, 1849.
[7] *Wereszycki H.* Historia Austrii. Wroc'aw, 1972, s. 208.
[8] *Daumard A.* La bourgeoisie parisiènne de 1815—1848. Paris, 1963.
[9] Ibidem.
[10] *Heck R., Orzechowski M.* Historia Czechos'owacji. Wroc'aw, 1969.
[11] Ibid., s. 340.
[12] *Wasilewski T.* Historia Bułgarii. Wroc'aw, 1970, s. 159.
[13] *Demel J.* Historia Rumunii. Warszawa, 1970, s. 272.
[14] *Felczak W.* Historia Węgier. Wroc'aw, 1966.
[15] *Штранге М. М.* Указ. соч.; *Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. соч.; *Czepulis-Rastenis R.* Op. cit.
[16] *Jenike L.* Ze wspomnień, T. I. Warszawa, 1909; *Dmochowski F. S.* Wspomnienia od 1806 do 1830 roku. Warszawa, 1959.
[17] *Kanczałoski D.* L'intelligentsia avant la Révolution.— Revue des Études Slaves, 1960, v. XXXVII, s. 119—155; The Russian Intelligentsia. New Jork, 1961; *Brower D. R.* Fathers, Sons and Grandfathers: Social Origins of Radical Intellectuals in Nineteenth Century Russia.— Journal of Social History, 1969, v. II.
[18] *Czepulis-Rastenis R.* Op. sit.
[19] *Kamionka-Straszakowa J.* Nasz naród jak lawa: Studia z literatury i obyczaju doby romantyzmu Warszawa, 1974; Полемика с отдельными положениями этой книги: *Czepulis-Rastenis R.* Pamiętnik Literacki, 1975, T. LXVI, N 4, s. 229—239; *Czepulis-Rastenis R.* Wzór osobowy inteligenta polskiego (1841—1862).— Kwartalnik Historyczny, 1976, N 4, s. 798—821.

inslav

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В. А. Дьяков, И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон (СССР)

Сосредоточенный в книге фактический материал о социальном развитии стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму сначала был рассмотрен на страноведческом уровне, а затем подвергся сравнительно-историческому анализу по каждому из основных классов (сословий) переходного периода. В первом разделе книги освещены относящиеся к проблеме теоретические вопросы, высказан ряд соображений о методологии и методике исследования. Настало время, опираясь на все это, подвести итоги сказанному, попытаться выявить общие закономерности для всего исследуемого ареала и указать специфические черты отдельных его частей, сопоставить переходный период в регионе с аналогичными процессами за пределами специально рассмотренных территорий.

Между Центральной и Юго-Восточной Европой в эпоху перехода от феодализма к капитализму имелись существенные различия. Но при всем том общие черты отличали их в совокупности от Западной Европы. Это прежде всего — значительно более позднее начало развития капитализма на подавляющем большинстве территорий Центральной Европы и на всем Балканском полуострове, а также, на ранних этапах,— более медленное развитие социальной структуры буржуазного общества даже там, где зачатки ее появились примерно одновременно с западными странами (в собственно Австрии). Весь ареал Центральной и Юго-Восточной Европы, в особенности с XVIII в., с начала промышленного переворота в Англии, в большей или меньшей степени испытывал давление конкуренции иностранной промышленности. Это в разной мере сказывалось на формировании здесь классов буржуазного общества. Далее, во всем ареале сохранялось господство феодальных отношений и феодального класса в течение более или менее значительной части XIX в. Следствием этого было длительное сохранение соответствующей политической надстройки — абсолютистских многонациональных государств, основанных на угнетении целого ряда народов. Ни в коей степени не следует упускать из виду весьма глубокие различия между ними; тем не менее, хотя социальная структура Австрийской империи обусловила возможность перехода к конституционной монархии в 1848—1867 гг., а структура Османской империи такой возможности не давала, демократические преобразования в Австро-Венгрии завершены не были и национальный гнет сохранился в обоих государствах, при этом в Австрии и Турции он весьма различался как по классовому содержанию, так и по методам осуществления.

inslav

Говоря о Центральной и Юго-Восточной Европе как особом ареале, мы также имеем в виду размах национально-освободительных движений во всем этом территориальном комплексе, значительное сходство идейных принципов освободительных движений — антифеодальную и национально-освободительную идеологию народов в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Таким образом, выделение указанного ареала в эпоху перехода от феодализма к капитализму основано на существенных взаимосвязанных явлениях базисного и надстроечного характера.

Хронологические рамки процесса перехода от феодализма к капитализму в рассматриваемых странах, при всех различиях в конкретном развитии этих стран (о чем будет сказано ниже), близки друг другу. Начало кризиса феодализма в восточной части Центральной Европы, как и в Юго-Восточной Европе, можно датировать второй половиной — последней третью XVIII в. Временная стабилизация новой, капиталистической (помещичье-буржуазной) социальной структуры в первом регионе относится к третьей четверти XIX в.; ликвидация османского господства на обширных территориях Юго-Востока Европы произошла в 1878 г. При этом следует иметь в виду как освобождение Болгарии русской армией, так и утверждение полной государственной независимости Сербии, Черногории и Румынии. Австро-венгерская оккупация Боснии и Герцеговины также вовлекла эти провинции в социально-экономические отношения другого типа.

Кардинальной проблемой для выяснения различных типов конкретного хода эволюции социальной структуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы является, с одной стороны, определение параметров этого процесса для ареала в целом, т. е. характеристик, отличающих изучаемый нами ареал от других групп стран, а с другой — установление существенных различий между регионами — Центральной и Юго-Восточной Европой. Прежде всего надо внести следующее уточнение: в сущности мы имеем в виду не Центральную Европу вообще, а ее восточную часть, которая удачно обозначается по-немецки термином Ostmitteleuropa, а по-английски East Central Europe. Само выделение регионов необходимо потому, что в каждом случае имеется в виду комплекс территорий со сходной (несмотря на немалые различия) социальной структурой в эпоху позднего феодализма и однотипными по их внутреннему содержанию и близкими хронологически тенденциями и процессами эволюции этой структуры в дальнейшем. Что касается востока Центральной Европы (сделав указанную оговорку, мы по традиции в дальнейшем называем этот регион Центральной Европой), то эта полоса включала немецкие территории к востоку от Эльбы, польские земли в составе трех монархий (Австрии, Пруссии и России) и Австрийскую империю в целом (за исключением захваченных австрийцами североитальянских областей — Ломбардии и Венето). К этому же региону можно отнести Дунайские княжества, находившиеся в вассальной зависи-

inslav

мости от Порты, но по своей социальной структуре существенно несхожие с остальными османскими владениями в Европе.

Своеобразными в отношении социальной структуры областями этого региона были Военная граница Австрийской империи, а также отдельные области и районы, не знавшие помещичьего землевладения (часть австрийских альпийских земель, Заксенланд в Трансильвании, дистрикты и колонизуемые территории Венгерского королевства). Их наличие, однако, не меняло общей картины социальных отношений в Центральной Европе, более того, тенденции развития большинства этих районов и вся их общественная жизнь полностью определялись господствующей в Австрийской империи феодально-крепостнической системой.

Пределы региона Юго-Восточной Европы в последние десятилетия XVIII в. в основном совпадали с границами европейских владений Османской империи, иначе говоря, с комплексом стран Балканского полуострова. Исключение составляли как в XVIII в., так и позднее, прибрежные районы Адриатики, вплоть до наполеоновских войн находившиеся под властью Венеции или входившие в состав Дубровницкой республики. После Венского конгресса они были присоединены к владениям Габсбургов как провинция (королевство) Далмация. По своеобразию социальной структуры Далмация была весьма близка прибрежным районам Истрии и Приморья, также вошедшим в состав Австрии. Основой социальных отношений в земледелии этих приморских районов являлся так называемый колонат, наследственная феодальная аренда, причем землевладельческая знать — итальянская, итальянизированная и славянская (в Дубровнике) проживала в приморских городах. Другой характерной чертой местного общества исстари было наличие богатой торгово-судовладельческой буржуазии и массы судостроителей и моряков, нанимавшихся на работу. При всех отличиях от классических для Центральной Европы феодальных отношений средиземноморские районы по социальной структуре были ближе странам этого региона, чем соседним османским владениям.

Если в конце XVIII в. на Балканском полуострове одна только Черногория фактически находилась вне османской власти (не считая венецианских и дубровницких владений), то с 30-х годов XIX в. в Юго-Восточной Европе существовали две разные в отношении типов социального строя части: 1) области под османским феодальным игом и 2) наряду с Черногорией — независимая Греция и автономная Сербия. Таким образом, несовпадение содержания понятий «Балканы», «Юго-Восточная Европа» и «европейские владения Османской империи» возросло. Но только в 1878 г. с освобождением Болгарии и оккупацией австрийцами Боснии и Герцеговины позиции Османской империи на Балканах оказались окончательно подорванными.

Характерной чертой региона Юго-Восточной Европы в XIX в. была исключительная пестрота социальной структуры. В этом отношении между собой различались не только территории, находившиеся под османским господством до 1878 г. (например, Бол-

inslav

гария и Босния), но и страны, ранее сбросившие его (Сербия, Греция, Черногория) [1].

Опять-таки при всех различиях между отдельными территориями основным и общим для социальной структуры Центральной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму был феодально-крепостнический строй, господство помещичьего землевладения, наличие более или менее значительного собственно барского, помещичьего хозяйства. Формирование социальной структуры буржуазного общества здесь началось и происходило в недрах феодализма, причем в период кризиса феодализма и наличия буржуазного уклада проводившиеся сверху реформы, не устраняя устоев феодального строя, способствовали расширению возможности для развития капитализма (пример такой политики — деятельность Иосифа II в Австрии). Важно отметить, что в силу характера социально-экономической эволюции региона, ликвидация феодализма, хотя она являлась здесь результатом разных факторов, во всех случаях была осуществлена путем реформ, проведенных господствующими классами. Это предопределило крайнюю умеренность преобразований, сохранение крупнейших остатков феодальной структуры, постепенное, тянувшееся десятилетиями вытеснение их структурой капиталистической, сохранение позиций крупных полуфеодальных землевладельцев во всей жизни общества (хотя по прочности и длительности это влияние в отдельных частях региона было различным). Таким образом, феодальное общество превращалось в помещичье-буржуазное медленно и, главное, под знаком неукоснительного соблюдения экономических и политических интересов абсолютистского государства и класса помещиков. В этой ситуации обуржуазивающийся помещик стал одной из центральных фигур социальной структуры всего центральноевропейского региона. В условиях, когда национальная буржуазия (польская, венгерская, румынская, хорватская) была относительно слабой, ее функции в значительной степени осуществляли помещики, постепенно становившиеся частью класса капиталистов. Для Центральной Европы особенно верно наблюдение В. И. Ленина, что в эпоху перехода от феодализма к капитализму в разных странах буржуазия была представлена «различными слоями *имущих* товаропроизводителей...» [2].

Однако «представляя буржуазию» в значительной части Центральной Европы, либеральный помещик оставался дворянином-землевладельцем и его либерализм поэтому был особенно ограниченным в социальном отношении, особенно враждебным интересам крестьянской массы. Иной вопрос — его позиция в национально-политической сфере: так, противоречия между Габсбургами и венгерским либеральным дворянством, имевшие глубокие экономические причины, революционизировали это дворянство в 30—40-х годах XIX в. Революционным в национально-политической сфере в 1830—1831 гг. являлось польское консервативное (по своим социальным принципам) дворянство, а тем более прогрессивные силы шляхты.

inslav

Важной чертой социальной эволюции Центральной Европы было нарастание (с XVIII и в течение всего XIX в.) темпа формирования основных классов буржуазного общества — пролетариата и буржуазии, что являлось следствием промышленного подъема ряда областей, особенно во второй половине XIX в. Последнее обстоятельство приводило к созданию значительных торгово-промышленных центров, хозяйственной специализации районов, развитию внутреннего рынка. Два взаимосвязанных процесса — формирование рынков многонациональных государств (с интенсификацией их связей с международным рынком) и рынков областных (в определенной степени — национальных, как это было в Чешских землях) — в социальной сфере, а в связи с ней и в политике, воплощались в различных интересах слоев и классов складывающегося буржуазного общества. Центростремительные социально-экономические интересы здесь противостояли центробежным. Это предопределило значительную устойчивость даже такого многонационального государства, как габсбургская монархия, несмотря на то, что ей были присущи острые социальные и национальные противоречия.

Иную картину представляла Юго-Восточная Европа, Балканский регион, большую часть которого вплоть до 1878 г., как отмечалось, составляли европейские владения Османской империи. В этих владениях постепенно (к XVIII — первой половине XIX в.) сформировались различавшиеся между собой общественные структуры. Формально османское государство в лице султана повсеместно являлось верховным собственником земли. При классической османской военно-ленной системе землевладелец (сипахи, спахий) имел право на феодальные повинности в качестве воина султанской армии. Крестьянин мог освободиться от зависимости от спахия, продав (с его разрешения) участок, новый владелец которого принимал на себя все феодальные повинности. После ликвидации спахийского войска (1832—1834 гг.) на некоторых территориях (к ним принадлежала часть придунайских районов Болгарии) помещичьего землевладения либо не было, либо оно не занимало значительной площади, и основным феодальным эксплуататором крестьянства (путем разных поборов, обязательных работ и др.) выступало государство.

Но в обширных областях полуострова уже с XVII в. и особенно интенсивно в XVIII в., в связи с развитием товарно-денежных отношений и в условиях феодальной анархии, войн и эпидемий, ареной которых стали Балканы, земли, населенные крестьянами, и многочисленные пустующие территории захватывали «сильные люди», которые фактически все более укрепляли свое право собственности на эту землю, создавая здесь так называемые чифтлики,— частные (не связанные с несением военной службы) феодальные владения различных размеров. При этом собственное хозяйство феодала было небольшим, крестьяне в своей массе были обязаны нести отработочную и натуральные повинности, тяжесть которых на протяжении интересующего нас периода системати-

inslav

чески возрастала. Этот процесс создания чифтликов (читлученье) охватил Пелопоннес, Эпир, Фессалию, отчасти Северную, в бо́льшей мере Южную Болгарию, Боснию и т. д. Хотя после отмены в середине XIX в. барщины, наем работников в помещичьем хозяйстве несколько расширился, свидетельств о сколько-нибудь широком применении в чифтликах наемного труда не имеется; господствующими оставались феодальные формы эксплуатации. В третьей четверти XIX в. все более усиливаются признаки упадка чифтликчийского землевладения, задолженность и разорение части феодалов, переход некоторых чифтликов в руки торгово-ростовщической буржуазии и крестьян разных национальностей; одновременно серьезные удары помещикам наносили массовые крестьянские восстания.

Наконец, необходимо выделить области, где в османскую эпоху сохранился местный господствующий класс феодалов-землевладельцев. Таковы Албания, Босния и Герцеговина (где феодальный класс принял ислам), ряд областей Греции, в особенности Пелопоннес. Здесь крупные феодалы — соответственно албанцы, славяне и греки — в XVIII в., а там, где сохранилось османское господство, и позднее (в Боснии и Герцеговине до 1851 г.) формально или фактически являлись носителями административных функций, передававшихся по наследству. Наличие местного мусульманского (нетурецкого) господствующего класса обусловило своеобразные формы выступлений автономистского характера в XIX в.— вооруженную борьбу мусульманского населения во главе с феодалами против политики центрального имперского правительства (восстания югославян-мусульман в Боснии и Герцеговине, албанская Призренская лига). Боснийские крестьяне — христиане по вероисповеданию (православные и католики) — находились в феодальной зависимости (кметство) от мусульманских помещиков (беги, аги), тогда как почти вся масса крестьян-мусульман (примерно 1/3 населения) была свободной от кметства.

В отличие от стран Центральной Европы, в европейских владениях Османской империи феодальный порядок вообще не давал необходимых гарантий для развития буржуазной социальной структуры,— не обеспечивал необходимой для этого неприкосновенности частной собственности[3]. В последние десятилетия XVIII в. здесь бушевала феодальная анархия, крупнейшие феодалы набирали собственные войска и фактически превращались в непослушных вассалов султана, хозяйничали отряды разбойников, грабивших и убивавших сельское население (христиан и мусульман) и, случалось, поступавших на службу к феодалам; в шайки разбойников нередко превращались вооруженные отряды правительства. Население, спасаясь от насилий, покидало родные места, уходило «под защиту» феодалов, переселялось за границу.

В определенной мере положение изменилось в период танзимата, турецких реформ 30—50-х годов XIX в., но лишь для городской буржуазии, христианского и мусульманского купечества, тогда как крестьянство по-прежнему оставалось объектом беско-

inslav

нечных беззаконий, насилий и грабежей со стороны феодалов, солдат, чиновников, откупщиков и сборщиков налогов, а нередко и обычных преступников. Необеспеченным оставалось не только имущество, но и жизнь крестьянина. В Центральной Европе в XVIII—XIX вв., как до, так и после устранения основ феодализма, происходил процесс так называемого первоначального накопления; это было условием формирования капиталистического способа производства. В османских же владениях обезземеливание крестьянства, принимавшее особенно грубые, невыносимые формы, не вело в сколько-нибудь существенных масштабах к капитализму, но лишь к пауперизации, нищете масс.

Крестьянство все более убеждалось в том, что только борьба против всей системы Османской империи может дать выход. В отличие от Центральной Европы, где оказалось возможным устранение основ феодального строя без достижения национальной независимости, а крестьянские массы нередко вступали в сложные коллизии с национальным движением, на Балканах классовая борьба крестьянства против феодальной эксплуатации все более непосредственно сливалась с борьбой за национальную независимость.

Другим отличием от Центральной Европы было тяготение значительных слоев торговой буржуазии разных угнетенных национальностей Юго-Восточной Европы (в особенности греков и сербов) к крупным торгово-промышленным центрам и рынкам, находившимся вне пределов Османской империи. Это создавало дополнительную заинтересованность этой части купечества в создании независимых государств. Однако для большой части болгарской буржуазии и торговцев некоторых других глубинных районов полуострова основным был рынок Османской империи. С возникновением Греческого и Сербского государств экономические связи освобожденных стран с Западной и Центральной Европой еще более усилились.

Немаловажным обстоятельством, содержавшим формирование социальной структуры буржуазного общества в европейских владениях султана было то, что Порта не защищала «свою» зарождавшуюся промышленную буржуазию разных национальностей от иностранной торговли. Как отмечено выше, конкуренция мануфактур и в особенности фабричной индустрии западных стран постоянно давила на формировавшуюся в XVIII—XIX вв. промышленную буржуазию всего ареала Центральной и Юго-Восточной Европы. Австрия и Пруссия (как и Россия) стремились создать для своей молодой промышленности благоприятные условия, ослабляя иностранную конкуренцию системой таможенных заградительных тарифов, но Порта, вынужденная пойти на режим капитуляций, лишила местную промышленность почвы, на которой она могла взрасти, а вместе с ней сложиться и буржуазный уклад — социальная структура буржуазного общества. Слабые зародыши мануфактурного производства на Балканах в XIX в. не стали основой перехода к машинной индустрии, тогда как традиционное ремесло

inslav

в 50—70-х годах XIX в. уже оказалось под ударами конкуренции иностранных изделий.

Кстати, и в странах, освободившихся от власти Османской империи,— в Греции, Румынии, Сербии, а позднее и Болгарии, проблема защиты отечественной промышленности оставалась одной из первостепенных. Но в условиях национальной самостоятельности ее решение во многом зависело от степени влияния промышленной буржуазии на государственную политику.

Все сказанное выше свидетельствует, что переход от феодализма к капитализму в Балканском регионе имел весьма специфический характер. Ростки капиталистических производственных отношений и буржуазной социальной структуры в условиях османского господства здесь были столь скромными, что вряд ли есть основания говорить о «переходе», т. е. о глубоком и мощном процессе формирования буржуазного уклада в недрах феодализма. Экспроприации крестьян и накопление капитала в руках буржуазии не приводили непосредственно к капиталистическому производству в значительном масштабе. При этом мы не упускаем из виду широкого распространения товарно-денежных отношений и наличия элементов капиталистической экономики в областях Балканского полуострова, находившихся под османским господством в первые три четверти XIX в. Эти элементы несомненно уже оказывали давление на чрезвычайно узкие рамки, которые ставились буржуазной социальной структуре феодальным строем Османской империи. Они являлись одной из причин танзимата. Тем не менее, углубление кризиса османского феодализма в третьей четверти XIX в., по-видимому, было вызвано не столько зародышами буржуазной структуры, сколько невыносимым положением масс крестьян и ремесленников. Экономические и социальные позиции последних как мелких производителей были подорваны в такой степени, что это вызвало массовые народно-освободительные восстания в Болгарии, Боснии и Герцеговине в 70-х годах XIX в. Это означает, что старая феодальная структура разрушалась, создание же новой, буржуазной, при существовавшем режиме оказывалось невозможным.

Данная социальная ситуация побуждала значительную часть национальной буржуазии (греческой, сербской, болгарской), центры сосредоточения которой возникали вне пределов Османской империи, занимать непримиримую позицию в отношении османского государства. Но существенное различие в положении между болгарской буржуазией, с одной стороны, греческой и сербской — с другой, заключалось в том, что с 30-х годов XIX в. греки и сербы боролись за завершение освобождения национальной территории, тогда как болгары — еще только за учреждение национальной государственности. Народные восстания, действия партизанских отрядов в совокупности с войнами иностранных государств против Османской империи (или же только надежда на враждебную Порте политику держав, прежде всего России) — таков, в общем и целом стратегический план указанных кругов бур-

inslav

жуазии в борьбе за национальное освобождение. Эта политическая концепция господствовала в национальных движениях до появления на Балканах революционной демократии в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в.

Подлинное создание социальной структуры буржуазного общества происходило в Юго-Восточной Европе по мере возникновения самостоятельных национальных государств — процесса, являвшегося результатом как героической борьбы народов, так и военных поражений Османской империи. При этом, конечно, следует учитывать, что в Болгарии элементы этой структуры к моменту освобождения получили большее развитие, чем в других странах. Данное обстоятельство было связано с тем, что ликвидация османского гнета над отдельными областями Балканского полуострова, а вместе с ним и феодального строя, произошли в разное время. Наконец, отметим, что даже смена одного угнетения другим — оккупация Боснии и Герцеговины австро-венгерской монархией и тем самым их включение в экономическую систему буржуазно-помещичьего центральноевропейского государства — привела к значительному ускорению формирования здесь буржуазии и пролетариата.

Оценивая ситуацию во Франции накануне революции 1789 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, во-первых, подчеркивали, что «буржуазия была тем классом, который *действительно* стоял во главе движения», а во-вторых, указывали на отсутствие у небуржуазных слоев города, в том числе у пролетариата, сколько-нибудь существенных самостоятельных интересов, в результате чего, например, «*весь французский терроризм* был не чем иным, как *плебейским способом* разделаться с *врагами буржуазии*» [4].

Страны, расположенные «к востоку от Эльбы», переживали соответствующую переломную эпоху в иное время и в иных исторических условиях. Социальное содержание перелома, осуществившегося в большинстве стран Центральной Европы в 1848 г., если брать его в общей форме, было тем же самым, но расстановка классовых сил, размах революционной борьбы и ее конкретные результаты отличались от французской модели.

Весьма ярко этот тип перелома осуществился в Австрийской империи, причем далеко не одинаково в разных ее областях. Более развитые в социально-экономическом отношении области — часть австронемецких земель, в особенности Нижняя Австрия, а также Чехия и Моравия, накануне 1848 г. находились на более высокой ступени, чем Франция перед 1789 г. Франция в XVIII в. переживала мануфактурную стадию, тогда как в Австрии после наполеоновских войн происходил промышленный переворот и формировались классы промышленной буржуазии и фабрично-заводского пролетариата. Несмотря на идеологическую и организационную незрелость, пролетариат Вены в 1848 г. (в особенности в августе) уже вышел за узкие рамки борьбы только за буржуазные интересы. Австрийская буржуазия в 1848 г. несравненно больше, чем французская в XVIII в., страшилась народных масс,

inslav

хотя в большей мере пролетариата Западной Европы, чем австрийского. В то же время ввиду процесса обуржуазивания части австронемецкого дворянства австрийская буржуазия, многими нитями связанная с помещиками, при глубоком различии классовых интересов с феодальными силами, все же не выступала во главе всего «третьего сословия» против аристократии и двора столь прямо, как это было во Франции в XVIII в. Поэтому австрийская буржуазия (как и прусская) в 1848 г. в конечном счете предала революцию.

Расстановка социальных сил в значительной части региона Центральной Европы была иной. Восточные и южные области Австрийской империи к моменту буржуазной революции были весьма отсталыми: ряд районов самой Австрии и большая часть Венгерского королевства по существу не пережили «мануфактурного периода». В производстве здесь господствовало ремесло, местная буржуазия была немногочисленной, почти исключительно торгово-ростовщической и землевладельческой. Буржуазная верхушка была немецкой, в значительной степени оторванной от местного общественного движения.

В итоге в Центральной Европе феодализм сопротивлялся долго, и после его падения сохранились полуфеодальные отношения в социально-экономической сфере, что сказалось как на политической надстройке, так и в области идеологии.

Что касается Юго-Восточной Европы, то специфика ликвидации феодального строя здесь состояла в том, что в момент этой ликвидации (т. е. при создании национальных государств — Греции, Сербии, Болгарии) уровень производительных сил был крайне низким, а буржуазный уклад в лучшем случае лишь формировался (его не было в Сербии и Черногории в начале XIX в.), т. е. классов буржуазного общества либо вообще еще не было, либо они находились в начальной стадии формирования (Болгария). Дунайские княжества как автономные национальные государства, сохранявшие феодальный строй, существовали в составе Османской империи после русско-турецкой войны 1828—1829 гг., а с 1859—1861 гг.— как объединенное, но также зависимое от Порты, Румынское государство. Здесь была осуществлена крестьянская реформа, ликвидировавшая основы феодального строя. Если учесть, что процесс развития и в дальнейшем встречался с затруднениями, связанными, в частности, с господством на национальных рынках иностранных товаров, о чем говорилось выше, становится понятным, почему на Балканах проявлялись тенденции возрождения полуфеодальных методов эксплуатации в земледелии, а в ряде районов долго сохранялись полупатриархальные отношения.

Дворянство и духовенство, как сословия феодального общества, аналогичные французским, существовали и в странах Центральной Европы; на Юго-Востоке специфика их структуры и общественного положения была весьма значительной. Термином «третье сословие» для данного региона обычно не пользуются, но соот-

inslav

ветствующие социальные группы здесь существовали: крестьяне ремесленники, купцы, а на стадии капиталистического уклада в недрах феодального строя зародились буржуазия и пролетариат. Но по удельному весу каждой из этих групп, их соотношению друг с другом страны Центральной и Юго-Восточной Европы весьма серьезно отличались как друг от друга, так и от стран Запада.

Важная специфическая черта рассматриваемого региона заключалась в том, что в этническом отношении население его (и даже отдельных областей) отличалось большой пестротой, что существовавшие здесь крупные государства были многонациональными. Национальные взаимоотношения накладывали свой отпечаток на социальную структуру и, наоборот, социальные противоречия отражались на национальном самосознании и общественном движении каждого народа.

Поэтому, исследуя социальную структуру общества в ареале Центральной и Юго-Восточной Европы, необходимо выявлять не только характерные в этом отношении черты той или иной территории (провинции, области), но и отдельных этнических общностей. Так, например, в социальной структуре Чехии и Моравии в эпоху позднего феодализма господствовали крупные землевладельцы, а общая численность дворянского сословия была невелика; для структуры же Венгерского королевства характерно наличие наряду с магнатами многочисленного среднего и мелкого дворянства, а для Галиции — массы мелкой шляхты. На различных территориях численность, состав и общественное влияние дворянства были далеко не одинаковыми. И не только потому, что существенный отпечаток на его структуру накладывало более или менее длительное иноземное господство, но и потому, что существовали различия в уровне исторического развития, унаследованных от прошлого чертах общественного устройства. В одних случаях (Польша, Венгрия, Хорватия, Дунайские княжества) крупные феодальные землевладельцы не только обладали большим экономическим весом и более или менее значительным политическим опытом, но с точки зрения национальной не отличалось от основной массы населения. В других случаях дворянство в этническом смысле было чужеродным элементом, который либо целиком противостоял национальному движению (турецкие феодалы в Сербии, венгерские помещики в Словакии и Закарпатье, польские в восточной Галиции и т. д.), либо мог сотрудничать с этим движением лишь в очень ограниченных рамках «провинциального» («земельного») патриотизма (например, немецкие помещики в Чехии и совсем в небольшой мере в Словении).

Таким образом, исследование было бы недостаточным без учета того, что в Словакии и Чехии дворянство было немецким, в Венгрии и Трансильвании — мадьярским, в Галиции — польским. Этот момент существенно влиял не только на политическое положение различных национальностей и на условия развития их культуры, но и на особенности процесса формирования социальной структуры буржуазного общества (классов буржуазии и про-

inslav

летариата) в рамках того или иного этноса, т. е. в конечном счете на формирование нации вообще. Например, Австрия в целом эволюционировала в сторону капитализма, но эта эволюция по-разному происходила у австрийских немцев и словенцев: в первом случае национальная буржуазия формировалась как в результате обуржуазивания дворянства и превращения средневекового купечества в торгово-промышленную и банковскую буржуазию, так и «снизу» — путем выделения буржуазных, капиталистических элементов из среды мелких торговцев, ремесленников, крестьян; во втором случае (т. е. у словенцев) — только «снизу». То же можно сказать о чехах. Все это, конечно, не могло не сказаться на темпе интересующего нас процесса и на самой структуре класса буржуазии разных национальностей.

Что касается формирования национального самосознания, процесса непосредственно связанного со становлением классов буржуазии и пролетариата (мы не касаемся здесь иных важных обстоятельств), то и здесь существенное значение приобретала у одних народов обуржуазившаяся часть среднего, а также деклассирующаяся прослойка мелкого и неимущего дворянства, тогда как у других на первый план выдвигались иные слои — прежде всего формирующаяся национальная интеллигенция, взаимодействовавшая с местной буржуазией (на первых порах — мелкой) и оппозиционными группами духовенства.

Сказанное дает основание выделить типологически различные категории народов в зависимости от наличия или отсутствия феодального господствующего класса в эпоху позднего феодализма (иногда первую группу называют народами с «полной» социальной структурой феодального общества, вторую — с «неполной»).

Церковь как институт, как и на Западе, составляла часть феодальной системы. Однако были здесь и существенные отличия. Во-первых, в некоторых из стран Центральной и Юго-Восточной Европы она либо вообще не имела крупных земельных владений, либо утратила значительную их часть к началу изучаемого периода. Во-вторых, на состав и позиции духовенства оказывали большое влияние те сложные национальные и религиозные коллизии, которые существовали в изучаемом ареале. Существенными во всех случаях являются вопросы: во-первых, идет ли речь о духовенстве господствовавшей, привилегированной церкви (католической в монархии Габсбургов, мусульманской в Османской империи) или лишь терпимой, во-вторых, о высшем, среднем или низшем духовенстве, в-третьих, о духовенстве, которое принадлежало к народности, имевшей свой полнокровный феодальный господствующий класс (т. е. крупное, среднее и мелкое дворянство) или не имевшей его. Последнее обстоятельство влияло на состав высшего и среднего клира и, нередко, на его позицию в общественном, в частности в национальном, движении. В изучаемый период происходила относительно быстрая «демократизация» низшего и отчасти среднего духовенства, получавшего пополнение не только за счет неимущего дворянства, но и из крестьян и мещанства, что,

inslav

конечно, наложило отпечаток на идеологию и деятельность соответствующих групп духовенства.

Различия в конкретной роли духовенства в тех или иных обстоятельствах можно показать на примере православного духовенства в Австрийской империи и на Балканах. В Венгрии, являясь крупным феодальным землевладельцем и до второй половины 60-х годов XIX в. пользуясь не только определенной автономией, но и духовной властью над всем православным населением австрийской монархии, высшая сербская иерархия как правило выступала в качестве верного оплота режима, хотя и стремилась лояльно «представлять» перед правящими кругами национальные интересы. В XVIII в. она противостояла католической пропаганде и попыткам насаждения унии и тем самым способствовала сохранению этнической самобытности сербского народа[5]. Иным было положение православной церкви в Османской империи. После ликвидации Печской патриархии (1766 г.) и Орхидской архиепископии (1767 г.) высшие иерархи назначались Константинопольской патриархией из числа греков-фанариотов. Эти «пастыри» не только сотрудничали с османской властью, но и являлись злейшими противниками просвещения славянских народов на родном языке (в Болгарии, Боснии и т. д.). В среде же среднего и низшего духовенства зрели освободительные тенденции. В этих условиях борьба болгар за национальную церковь стала необходимой частью освободительного движения, а успех в этой борьбе способствовал ускорению процесса формирования болгарского национального самосознания.

Позиция тех или иных представителей духовенства в национально-политической области определялась множеством конкретных обстоятельств. В некоторых случаях принадлежность к духовенству при этом вообще не играла существенной роли, в других — национальные и религиозные интересы переплетались, но обычно при этом решающую роль в конечном счете играли интересы какого-либо основного класса общества[6].

Важным элементом социальной структуры общества на рассматриваемом этапе было крестьянство, которое в странах Центральной и Юго-Восточной Европы составляло от 4/5 до 9/10 населения. В Центральной Европе по мере разложения феодально-крепостнического строя и развития капиталистических отношений все более и более углублялась дифференциация крестьянства, из среды которого, с одной стороны, выделялись сельские богатеи, а с другой — возрастающее число безземельных крестьян. В то время как на одних территориях наемный труд все шире применялся не только помещиками, но и сельской буржуазией, для других территорий, расположенных в восточной части рассматриваемого региона, характерным было вплоть до 1848 г. сохранение и даже упрочнение барщинных методов ведения помещичьего хозяйства (например, Дунайские княжества, Галиция, Закарпатье и Буковина). Несмотря на разные формы эксплуатации, на все возрастающую имущественную дифференциацию, крестьянство на

inslav

протяжении почти всего изучаемого периода еще ощущало себя и воспринималось извне как единое целое.

О процессе усиления феодальной эксплуатации на Балканах частично уже говорилось (чифтлученье и рост барщины до середины XIX в.). Другой, приобретавшей все более существенное значение формой эксплуатации крестьянства здесь становились государственные налоги, систематический рост которых отмечается в XIX в., особенно в период ограниченных буржуазных реформ в Османской империи (танзимата), когда налоги в совокупности с системой откупов и вопиющими беззакониями сборщиков налогов доводили крестьянство до нищенского положения.

В рассматриваемый период крестьяне были темными, забитыми, неорганизованными, их политическое сознание стояло на низком уровне. Однако именно антифеодальная борьба крестьянства, его стихийные выступления против помещичьего гнета и эксплуатации со стороны феодально-абсолютистского государства явились в конечном итоге основной движущей силой тех перемен, которые назревали и совершались в социально-экономической и в идейно-политической сферах. Конкретные требования крестьянства и его представления об идеальном общественном устройстве формулировались крестьянскими вожаками, а затем входили в социально-политическую программу наиболее радикальных общественных течений, прежде всего революционно-демократического. Но и все остальные течения, даже консервативные, не могли не учитывать позицию крестьянства, как в программе, так и в тактике. Что касается национальных движений, то на территориях к востоку от Эльбы и к югу от Дуная они были тесно связаны с социальными конфликтами, т. е. с борьбой против феодального строя, в том числе с антифеодальными выступлениями крестьянства. Особенно это было заметно там, где феодальный класс был инонационального происхождения, хотя это справедливо и в других случаях. В османских владениях борьба за национальное освобождение непосредственно выражалась в классовых выступлениях крестьянства.

С формальной точки зрения крестьянское движение не совпадало с национальным, национальные лозунги зачастую (особенно в Центральной Европе) отсутствовали в крестьянских программах, а этническое самосознание большинства крестьян было еще неопределенным. Тем не менее исследование процесса консолидации наций, изучение национальных движений немыслимо в отрыве от борьбы крестьянства против феодального гнета или пережитков крепостничества.

На смену крестьянскому классу — сословию феодального общества пришел класс крестьян в обществе капиталистическом. Отмечая их генетическую близость, нельзя забывать о тех весьма существенных качествах, которые приобретает крестьянство в капиталистических условиях. В 1913 г. В. И. Ленин указывал: «Так называемый «трудовой» крестьянин есть на самом деле *мелкий хозяйчик* или мелкий буржуа, который почти всегда — либо нанимается на чужую работу, либо сам нанимает...» [7]. Экономический

inslav

аспект поставленного вопроса В. И. Ленин тесно увязывал с его идейно-политическим аспектом, говоря: «Трудовой» крестьянин, будучи мелким хозяйчиком, колеблется и в политике между хозяевами и рабочими, между буржуазией и пролетариатом» [8].

Говоря о социальных категориях, унаследованных от феодальной стадии развития, следует остановиться на сословии ремесленников и на городских низах. В отличие от Западной Европы на территориях изучаемого ареала горожане составляли небольшой процент населения. В Центральной Европе в старых цехах во многих случаях преобладали инонациональные элементы, что накладывало отпечаток на внутрицеховые взаимоотношения и на характер борьбы нецехового, в том числе сельского ремесла против сословной регламентации. Среди мелких торговцев, прислуги и других социальных групп, относимых к городским низам, были выходцы из разных сословий; инонациональные элементы были представлены и здесь, хотя, как правило, в значительно меньшей доле, чем среди ремесленников.

На протяжении изучаемой эпохи сословная структура феодального общества в Центральной Европе сменялась буржуазной или (поначалу) мелкобуржуазной структурой, в которой социальная градация определялась прежде всего имущественным положением. Крестьянство из феодального сословия превращается в класс буржуазного общества; из дворянского сословия выделяется класс помещиков, остальная же часть этого сословия в Центральной Европе после 1848 г., а в Боснии и Герцеговине, оккупированных Австро-Венгрией, после 1878 г. становится базой и как бы строительным материалом для других звеньев новой социальной структуры. Но самое важное состоит не в этой трансформации, а в возникновении и в выходе на арену общественно-политической жизни двух основных классов капиталистического общества — рабочего класса и буржуазии. Надо сказать, что именно здесь существенно отразилось то отставание в темпах социально-экономического развития, которое было характерно в той или иной мере для всех стран рассматриваемого ареала.

Часть буржуазии, особенно промышленной, была инонациональной по своему происхождению (немецкой и еврейской в Польше и Венгрии, немецкой в Чехии, немецкой и итальянской в Словении, итальянской в приморских районах хорватских и словенских земель, немецкой и венгерской в Словакии и Трансильвании, греческой и армянской в Болгарии, Валахии и Молдове и т. д.). Национальная буржуазия, формировавшаяся за счет выходцев из зажиточных крестьян, ремесленников и дворянства, с трудом отвоевывала себе место в торговле (где она преуспевала больше, чем в промышленности) и предпринимательстве, медленно приобретала вес в общественной жизни. В Центральной Европе крупная буржуазия в целом своими экономическими интересами, как мы отмечали, была связана с дворянством и охотно прибегала к феодальным формам эксплуатации. Поэтому даже там, где успела сложиться более или менее влиятельная национальная буржуазия,

inslav

она нередко выступала на политической арене не самостоятельно, а в союзе с теми или иными прослойками феодального класса, а после 1848 г.— с помещиками.

Сходство и различие интересов дворянства и буржуазии в условиях Центральной Европы, диалектика их взаимоотношений — вопрос очень важный для изучаемой нами проблемы. К этому вопросу В. И. Ленин обращался неоднократно. Так в 1912 г. он писал: «Широкого круга в народе буржуазия никогда не может составить. Политически сильной она может быть и является таковой в целом ряде капиталистических стран,— только не в Пруссии, только не в России. Здесь ее поразительное, чудовищное, почти невероятное политическое бессилие вполне объясняется тем, что эта буржуазия гораздо больше боится революции, чем реакции» [9]. Однако, подчеркивая невозможность серьезных столкновений такой буржуазии с помещиками, В. И. Ленин предостерегал от недооценки тех различий, которые между ними имеются. «Из этого не следует, конечно,— писал он,— что либеральная буржуазия составляет вместе с поместным землевладением «одну реакционную массу», что конфликты первой со вторым не играют никакой роли в политике, что они не могут давать повода к демократическому движению, что эти конфликты позволительно игнорировать» [10]. Это обстоятельство приобретало особое значение, когда буржуазия угнетенной нации противостояла помещикам нации господствующей.

Если же говорить о типичной расстановке сил накануне буржуазной революции в Центральной Европе, то она характеризовалась наличием трех основных общественно-политических сил. Одной из них был правительственный лагерь, выражавший интересы дворянского класса в целом и видевший в буржуазных реформах, хотя и неизбежные, но вынужденные уступки. Этому лагерю противостояла радикальная (революционная) демократия или иные группы, являвшиеся выразителем чаяний трудящихся и значительных слоев мелкой буржуазии и добивавшейся коренной перестройки общества в интересах народа. Наряду с этими силами существовала более или менее значительная либеральная оппозиция, которая по мере осуществления реформ сближалась с правительственным лагерем, но никогда не сливалась с ним. Отвечая на вопрос о том, почему такая ситуация сохранялась многие десятилетия, В. И. Ленин писал: «Потому, что не решены еще те объективные задачи исторического развития [...] которые составляют содержание демократических преобразований и демократических переворотов везде и повсюду, от Франции 1789 года до Китая 1911 года» [11].

Эти слова правомерно распространить на многие из рассматриваемых нами стран в соответствующую эпоху их истории (в Центральной Европе — после 1848 г.). На Балканах в борьбе против османского феодализма молодая национальная (в основном торговая) буржуазия, концентрировавшаяся как на территории национальных государств, так и в Османской империи и в эмиграции,

inslav

формулировала национально-освободительную идеологию и стремилась распространить ее в крестьянской среде, способствовать превращению крестьянских восстаний в политически осознанное движение за независимость. Но при этом в борьбе против феодально-абсолютистского строя и национального угнетения позиции буржуазии и крестьянских масс существенно различались. Буржуазия искала контактов с феодалами, если рассчитывала таким способом добиться успеха в деле создания национального государства. Коренные интересы крестьянства, главной силы освободительной борьбы, буржуазия при этом была готова отодвинуть на задний план (мы имеем в виду, например, попытки официальной Сербии и сербской буржуазии, впрочем безуспешные, договориться с югославянскими мусульманскими феодалами в Боснии и Герцеговине в 50—60-х годах XIX в.).

После создания национальных государств на Балканах особенно значительным в социальной структуре был удельный вес землевладельческой, аграрной буржуазии, сплошь и рядом применявшей полуфеодальные методы ведения хозяйства. Это вело к быстрому усилению буржуазного консерватизма. Другой основой этого консерватизма была эксплуатация национальной буржуазией массы крестьян путем ростовщичества. Все это подчас создавало возможность возникновения широкого крестьянского движения под антикапиталистическими лозунгами (Болгария).

Исходным «материалом» для формирования рабочего класса послужили работники прежних централизованных и рассеянных мануфактур, ремесленники и надомные работники. В восточной части Центральной Европы среди рабочих значительным был удельный вес инонационального элемента. По мере развития капитализма основным источником пополнения рядов пролетариата постепенно становится крестьянство, в результате чего процент представителей коренной нации в рабочей среде неуклонно растет. Хотя данный круг вопросов изучен слабо, имеющиеся материалы не оставляют сомнений в том, что процесс формирования рабочего класса на протяжении рассматриваемого периода в регионе Центральной Европы в большинстве случаев был далек от завершения, а местами только начинался, тогда как в Юго-Восточной Европе формирование пролетариата почти повсюду началось лишь в последние десятилетия XIX в.

Интеллектуальные силы, обслуживающие духовные потребности общества, существовали и на предшествующих этапах исторического развития, но только при переходе к капитализму эта общественная группа начала быстро возрастать и оформляться в особую социальную прослойку — интеллигенцию, занявшую весьма заметное место в общественной структуре. Пополнялась она в той или иной мере выходцами из всех сословий разлагающейся феодальной системы, в том числе податных сословий. Результатом этого явился не одинаковый по темпам, но повсеместный и неуклонный процесс демократизации интеллигенции. Хотя интеллигенция каждой из стран включала в свой состав и постепенно

inslav

ассимилировала инонациональные элементы, эта прослойка формировалась и развивалась прежде всего на национальной основе.

В странах с развитым национальным дворянством, например, в Польше и Венгрии, ведущая роль в формировании интеллигенции принадлежала выходцам из этого сословия, у словаков на первых порах выходцам из мелкого дворянства (земан) и духовенства, тогда как у чехов, словенцев, сербов, болгар, западных украинцев, румын Венгрии и Трансильвании на раннем этапе преимущественно из духовенства; резервом же, в одних случаях весьма значительным (особенно у чехов), в других — сравнительно небольшим, являлись выходцы из зажиточного крестьянства, мещан и ремесленников. Будучи продуктом развития капиталистических отношений, выделяясь своей образованностью, а также жизненной заинтересованностью в сплочении нации и в скорейшей ликвидации феодально-крепостнического строя, интеллигенция самим ходом событий выдвигалась в руководство национальным движением. Венгерский социолог Т. Хусар, указывая в качестве отличительной черты исторического процесса в Восточной Европе (Россия, Польша, Венгрия) выделение и обособление интеллигенции от сословий, подчеркивает факт осознания ею в Польше и Венгрии своей национальной миссии [12]. При этом интеллигенция объективно отражала не только и даже не столько свои собственные интересы, сколько, как правило, интересы буржуазии и обуржуазившихся слоев дворянства (там где оно имелось).

В 90-х годах прошлого века, в ходе острых дискуссий с идеологами народничества В. И. Ленин неоднократно касался вопроса о положении интеллигенции в обществе, о ее месте в общественной жизни, доказывая, что в России, как и в других странах, передовая, либеральная, «демократическая» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной. Он писал, в частности: «Бессословность» нимало не исключает классового происхождения идей интеллигенции. Всегда и везде буржуазия восставала против феодализма во имя бессословности [...] Всегда и везде буржуазия выступала против отживших сословных рамок и других средневековых учреждений во имя всего «народа», классовые противоречия внутри которого были еще не развиты, и она была, как на Западе, так и в России права, так как критикуемые учреждения стесняли действительно *всех*. Как только сословности в России нанесен был решительный удар (1861), — тотчас же стал обнаруживаться антагонизм внутри «народа», а наряду с этим и в силу этого антагонизм внутри бессословной интеллигенции между либералами и народниками...» [13].

Идеология бессословной интеллигенции периода перехода от феодализма к капитализму была буржуазной по своему характеру и истокам. Однако из этого вовсе не следует, что можно ставить знак равенства между буржуазией и интеллигенцией, когда речь идет о происхождении данной социальной прослойки, ее имущественном положении, собственных материальных интересах, месте в общественной жизни и т. д. «...Интеллигенция, — заявил В. И. Ле-

inslav

нин в 1903 г.,— потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»[14]. Если интеллигенция рассматриваемой эпохи, взятая в качестве единой социальной прослойки, отражала главным образом интересы буржуазии, то отдельные ее представители становились выразителями чаяний других классов, в том числе пролетариата и крестьянства. У интеллигенции в целом и у отдельных ее отрядов были также определенные корпоративные интересы, которые накладывали свой отпечаток на соответствующие идейно-политические доктрины. Все это необходимо учитывать, исследуя вопросы, связанные с происхождением и исторической ролью интеллигенции, изменявшейся в ходе смены одной формации другой.

Изучение проблем, связанных с интеллигенцией вообще, и ее история в эпоху перехода от феодализма к капитализму, ставит перед исследователями ряд важных и сложных вопросов. Это подтверждают появившиеся за последние годы содержательные монографии[15]. До сих пор существуют, например, разногласия даже в определении самого понятия «интеллигенция». К числу спорных и нерешенных вопросов относятся также: объективные признаки и время складывания интеллигенции как социальной прослойки буржуазного общества; критерии, на основе которых следует относить к интеллигенции представителей той или иной общественной группы, например, духовенства, чиновничества, офицеров; соотношение социальных, национальных и идейно-политических критериев при определении роли и места интеллигенции в жизни общества.

Признавая теоретически, что интеллигенция не просто сумма образованных людей, имеющихся в данном обществе, а определенная социальная прослойка, тем не менее из нее делают иногда необоснованные изъятия, исключая либо инонациональные элементы, либо разбогатевших лиц, либо тех, кто не стоит на достаточно прогрессивных, как кажется тому или иному историку, идейно-политических позициях. Предпочитая видеть интеллигенцию только «национальной», только «демократической» и только «передовой», исследователь упрощает историческую действительность, произвольно снимая заключенные в ней реальные противоречия. Тем самым обедняется внутреннее развитие интеллигенции, а ученый практически отказывается от изучения сложных интеграционных процессов (социальных, национальных, идеологических), без которых не было бы этой прослойки как социальной общности.

Таковы общие закономерности и специфика социальной эволюции Центральной и Юго-Восточной Европы. Конкретные условия перехода от феодализма к капитализму для всего рассматриваемого ареала, для составлявших его регионов, для отдельных стран и народов сложились по-разному как в смысле уровня социально-экономического развития, так и характера самих феодальных от-

inslav

ношений. Поэтому по-разному совершался и сам переход, например, в более передовых в социально-экономическом отношении Чешских землях (с их относительно многочисленным рабочим классом) и в восточной части габсбургской монархии, у народов с национальным феодальным господствующим классом (мадьяры, поляки, румыны Дунайских княжеств, частично хорваты) и без него, у народов с более значительной торговой буржуазией (греки, сербы) и без нее, у народов под австрийской (или прусской) властью, и на Балканах, под османским игом, наконец у народов, территория которых входила в состав и Австрии и Турции (сербы, в меньшей мере хорваты). Опираясь на собранный в книге материал, мы попытались выделить группы стран и народов, у которых в общем закономерном процессе перехода от феодализма к капитализму видна более или менее значительная специфика.

Что касается Австрийской империи, где, как говорилось, переход от феодализма к капитализму явился результатом неудавшейся буржуазно-демократической революции и последовавших за нею и вызванных ею реформ «сверху», то здесь после ликвидации устоев феодализма в 1848 г. общество в целом переживало затянувшийся кризис, связанный с условиями перестройки социальной структуры: основы прежней, феодальной структуры были подорваны и ее разрушение быстро прогрессировало, тогда как создание новой, капиталистической структуры в большой части империи (исключение составляли часть австронемецких и Чешские земли) происходило с затруднениями. Смена распадающихся, в своем большинстве разоряющихся, бывших классов-сословий новыми классами — пролетариатом и буржуазией — в большей части габсбургской монархии происходила медленно. Огромная масса крестьян и большинство среднего и мелкого дворянства пауперизировались. В среде буржуазии преобладали ростовщики и торговцы, в среде трудящихся — полуразоренные мелкие производители.

Отдельные области и национальные территории выходили из этого кризиса в разные сроки, но, по-видимому, в общем и целом в восточной и южной частях Австро-Венгерской монархии перестройка структуры продолжалась до 80—90-х годов XIX в., когда здесь (при сохранении полуфеодальных остатков) утвердился капитализм и под воздействием промышленного переворота ускорилось развитие буржуазной экономики и классов буржуазного общества.

В балканских странах, за исключением ряда областей, оставшихся в составе Османской империи до 1912 г., ликвидация османского феодализма в XIX в. явилась результатом народных восстаний (национальных революций) и войн. Однако и здесь формирование структуры капиталистического общества затянулось на ряд десятилетий. Как отмечалось, на особенностях этого процесса сказалось время освобождения той или иной страны от османского гнета. Небезынтересно обратить внимание также на то обстоятельство, что указанный процесс одержал значительные успехи одновременно в Сербии и Болгарии (в начале XX в.), несмотря на то,

inslav

что освобождение этих стран от османского феодализма разделяла большая временна́я дистанция. Этот факт можно объяснить общими условиями социально-экономического развития региона, крайне низким уровнем производительных сил балканских стран в XIX в. и весьма неблагоприятным воздействием господства иностранной промышленности на рынках Балканского полуострова.

Специфика ареала Центральной и Юго-Восточной Европы окажется еще большей, если сравнить его социальное развитие в переходный период с процессами перехода от феодализма к капитализму не только в Западной Европе, но и в странах Азии, Африки или на Американском континенте. Однако несмотря на все различия, существенные закономерности были общими, едиными по основному своему содержанию. Конкретный материал, приведенный в книге, снова подтверждает марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях, которое дает ключ к овладению этим материалом и его научной интерпретации.

[1] Достойно внимания, что Черногорию, где не было феодального строя, в отношении социальной структуры многое сближало с соседними горными районами и «племенами» Герцеговины. Как и в Черногории, здесь — однако в условиях османского феодализма — выделялась руководящая племенная знать, все более занимавшаяся торговлей и игравшая большую роль в руководстве вооруженной борьбой против Османской империи. О своеобразных проблемах социального развития Сербии, освободившейся от османского феодализма, см. статью Е. П. Наумова в данной книге.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

[3] Об этом см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 33.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 114.

[5] Случалось также, что в кризисных политических ситуациях высшие иерархи готовы были покинуть колеблющееся здание монархии Габсбургов (таково содержание проекта «славяно-сербского царства» Сербского митрополита С. Стратимировича, представленного им русскому правительству в 1804 г. Автор проекта, консерватор по социальным воззрениям, выступал как наследник традиций былой сербской государственности).

[6] Характерен пример хорватского епископа Й.-Ю. Штросмайера, идеи которого о сближении и даже о слиянии католической и православной церкви у югославян и, возможно, о создании автономной югославянской церкви в 60-х годах XIX в. являлись компонентом общей югославистской концепции хорватского национального движения, выражавшей настроения либеральной буржуазии.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 233.

[8] Там же.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 371—372.

[10] Там же, с. 86.

[11] Там же, с. 171.

[12] *Huszar T.* Fejezetek az ertelmesig történetebol. Budapest, 1977, 17 l.

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 443.

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

[15] *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; *Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Praha, 1968; *Czepulis-Rastenis R.* «Klassa umysłowa»: Inteligencja Królestwa Polskiego 1832—1862. Warszawa, 1973; *Hučko J.* Socialne složenie a povod slovenskej inteligencie. Bratislava, 1974; *Chałasiński J.* Przeszłość i przys'ość inteligencji polskiej. Warszawa, 1958; *Huszár T.* Fejezetek az értelmesig történetébol. Budapest, 1977.

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 5

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ИСТОРИОГРАФИЯ

В. А. Дьяков (СССР). О методологии изучения классово-антагонистических формаций и переходных периодов между ними 7

С. Калябиньский (ПНР). Опыт исследования социальной структуры польского общества в XIX в. 27

В. Р. Лейкина-Свирская (СССР). Формирование и историческая роль интеллигенции как исследовательская проблема (историографический обзор) 44

II. СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Я. Лескевичова (ПНР). Социальная структура общества в Королевстве Польском (1815—1864) 55

А. С. Мыльников (СССР). Социальная структура общества в Чешских землях 68

Ян Шолта (ГДР). Серболужицкое крестьянство в период перехода от феодализма к капитализму 86

К. Вёрёш (ВНР). Венгерское общество в первой половине XIX в. 94

П. Ханак (ВНР). Особенности социальных отношений в венгерском обществе второй половины XIX в. 105

А. Шпис (ЧССР). Основные черты социального развития Словакии в конце XVIII — первой половине XIX в. 125

III. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

М. Гросс (СФРЮ). Общественно-экономическое развитие Хорватии во второй половине XIX в. 137

И. В. Чуркина (СССР). Социальная структура Словении в XIX в. 155

В. И. Фрейдзон (СССР). Эволюция социального строя Воеводины в XIX в.— начале XX в. 166

Е. П. Наумов (СССР). Развитие социальной структуры в Сербии (конец XVIII и первая половина XIX в.) 184

Н. И. Хитрова (СССР). Специфика социально-экономического строя Черногории в XIX веке 196

Д. Ф. Поплыко (СССР). Социальная структура боснийско-герцеговинского общества в XIX в. 207

В. Я. Гросул (СССР). Классы и сословия Дунайских княжеств в первой половине XIX в. 220

С. А. Мадиевский (СССР). Социальная структура Румынии во второй половине XIX в. 235

И. Константинеску (СРР). Города и буржуазия Румынии в XIX в. 252

inslav

Ст. Димитров (НРБ). Сословия и классы болгарского общества в XVIII—XIX вв. 259
Н. Драгова (НРБ). Болгарская интеллигенция эпохи национального возрождения 283
К. И. Логачев (СССР). Греческое общество в 30—50-х годах XIX в. 289

IV. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В МАСШТАБАХ ВСЕГО АРЕАЛА

Л. А. Обушенкова (СССР). Капиталистическая эволюция крестьянства 298
А. С. Мыльников, В. А. Якубский (СССР). Процесс разложения дворянства и его социальные последствия 311
К. П. Гогина (СССР). Источники комплектования и генезис буржуазии 326
Р. Чепулис-Растенис (ПНР). Формирование интеллигенции 336
В. А. Дьяков, И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон (СССР). Общие закономерности и специфика социального развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы 346

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА В XIX в.
(страны Центральной и Юго-Восточной Европы)

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Г. В. Шелудько Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректоры Ф. А. Дебабов, Л. И. Левашова

ИБ № 25157

Сдано в набор 09.11.81 Подписано к печати 09.06.82
Т-09849. Формат 60×90¹/₁₆ Бумага книжно-журнальная Гарнитура обыкновенная
Печать высокая. Усл. печ. л. 23. Усл. кр. отт. 23. Уч.-изд. л. 27.6 Тираж 1850 экз.
Тип. зак. 1092. Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

inslav

2 р. 80 к.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА в XIX в.

inslav